Н. С. Гринбаум

ВЗГЛЯД В АНТИЧНОСТЬ

VARIA

Р О С С И Й С К А Я А К А Д Е М И Я Н А У К
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

Н. С. Гринбаум

ВЗГЛЯД В АНТИЧНОСТЬ

VARIA

Санкт-Петербург
Нестор-История
2010

УДК 83.3(0)3
ББК 875: 408.53:8-1
Г 85

Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН

Гринбаум Н. С.
Г 85 Взгляд в античность. Varia / Предисловие Н. Н. Казанского. СПб.: Нестор-История. – 2010. – 380 с.
ISBN 978-5-98187-485-7

Сборник статей профессора Натана Соломоновича Гринбаума объединяет исследования, посвященные изучению языка античной литературы во всем разнообразии ее жанров.

Книга рассчитана на широкий круг образованных читателей, интересующихся становлением античной культуры.

УДК 83.3(0)3
ББК 875: 408.53:8-1

Над подготовкой книги к печати работали сотрудники ИЛИ РАН
Ал.Вл. Андреев, Е.В. Белозёрова, А.В. Грошева, П.А. Кочаров, Е.Р. Крючкова, М.Л. Сергеев, Е.В. Шевцова

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 08-04-16137д

Издание подготовлено в рамках
«Школы индоевропейского сравнительно-исторического языкознания»
(гранты № НШ-1319.2008.6 и № НШ-5630.2010.6 Президента РФ)

ISBN 978-5-98187-485-7

© Н.С. Гринбаум, 2010
© Нестор-История, 2010

Азе Алибековне

Тахо-Годи

посвящаю

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге представлены статьи разных лет заслуженного деятеля науки Молдавии профессора Натана Соломоновича Гринбаума, посвященные общему взгляду на античную культуру, в исследовании которой Н. С. Гринбаум в первую очередь уделяет внимание древнегреческой лирике, и особенно – языку и творчеству Пиндара – вопросам, над которыми он работает на протяжении более полувека.

Н. С. Гринбаум широко известен в научном мире[1] как исследователь языка хоровой лирики, истории ее становления и развития. Многие труды автора посвящены теме возникновения древнегреческого литературного языка, греческому языку крито-микенской эпохи. После 1952 г., когда М. Вентрис и Дж. Чедвик дешифровали крито-микенскую линейную письменность, известную как линейное письмо B, и тем самым появилась возможность читать тексты, написанные на древнегреческом языке в последние века II тыс. до н. э. Натан Соломонович в своих исследованиях широко пропагандировал вновь открытые древнейшие материалы греческого языка. Сопоставляя разновременные лексические пласты, Натан Соломонович выдвинул теорию о наддиалектном характере греческих поэтических текстов, теорию, которая на материале других языков разраба-

---

[1] Основные монографии Н. С. Гринбаума: Проблемы классической филологии. Кишинев, 1972. 100 с. (совместно с С. Д. Мисько); Язык древнегреческой хоровой лирики (Пиндар). Кишинев, 1973. 282с.; Ранние формы литературного языка (древнегреческий). Л., 1984. 128с.; Язык древнегреческой хоровой лирики (Алкман, Стесихор, Симонид, Вакхилид). Тбилиси, 1986. 163с.; Художественный мир античной поэзии: Творческий поиск Пиндара. К 2500-летию со дня рождения поэта. М., 1990. 167 с.; Лексика древнегреческой ранней лирики (Опыт семантико-числового анализа). Ч. I. Именная лексика. 380с. Ч. II. Глагольная лексика. 378с. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007; Микенологические этюды / отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., «Алетейя», 2001. 245 с.; Пиндар: проблема языка. СПб.: Нестор-История, 2007, 428 с.

тывалась в 1960-е гг. акад. В. М. Жирмунским и чл.-корр. АН А. В. Десницкой.

Родившись в 1916 году, Натан Соломонович пережил всё, что ему уготовал «не календарный, настоящий двадцатый век». Получив основательное гимназическое, а затем – университетское образование в области классической филологии в Польше, куда переехали многие лучшие представители петербургской науки о классических древностях, в 1940-м году Натан Соломонович сумел со второй попытки уйти из зоны фашистской оккупации на восток. В годы войны, верный своему педагогическому призванию, Натан Соломонович был директором школы в городе Павловск-на-Оке, а по окончании войны поступил в аспирантуру ЛГУ к академику И. И. Толстому, выбрав тему по греческой лирике.

Вся последующая жизнь Натана Соломоновича была связана с преподаванием классических языков, в первую очередь – латинского. Он возглавлял кафедру классической филологии Кишеневского университета и при этом находил время помимо собственных научных исследований регулярно публиковать обзоры, посвященные положению дел в микенологии.

Разнообразные труды Натана Соломоновича Гринбаума в области классической филологии собраны в данной книге, где читатель найдет и исследовательские работы, и полезные методические размышления, основанные на долгом опыте педагогической деятельности.

Академик Н. Н. Казанский

I. ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК КАК КРИТЕРИЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ*

Отвечая на вопрос, что такое «греческий язык», А. А. Белецкий ссылается на сохранившиеся до наших дней письменные тексты разных эпох: «Греческим языком можно назвать язык глиняных табличек с короткими текстами линейного текста класса Б («протоахейский диалект»). Это также диалектологически дифференцированный язык наиболее древних известных нам эпиграфических памятников и язык древнейшего эпоса «Илиады» и «Одиссеи», «Теогонии» и прочих поэм Гесиода – язык всех видов древней лирики, гимнов и эпиникиев, язык драматических произведений Эсхила, Софокла, Еврипида, Аристофана, язык прозы Геродота, Фукидида, Ксенофонта. Это и эллинистический «общий диалект» (койне), своими фонологическими, морфологическими и синтаксическими особенностями постепенно превращающийся в новогреческий со всеми его разновидностями. Термин «древнегреческий язык», вероятно, ни у кого не вызывает сомнений[1].

Представляя собой объективную реальность и обладая многовековой историей, древнегреческий язык является, несомненно, одним из важных компонентов античной культуры, существенным звеном ее духовного потенциала. В этом своем качестве он может и должен быть использован и как критерий в решении проблемы периодизации античной культуры.

---

* Индоевропейское языкознание и классическая филология–X (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы конференции, проходившей 19–21 июня 2006 г. / отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Наука. 2006. С. 38–42.

[1] А. А. Белецкий. Проблема греческого языка византийской эпохи // Античная культура и современная наука, М., 1985. С. 189.

Следует вместе с тем учитывать, что понятие «древнегреческий язык» не однозначно, а включает в себя несколько разновидностей. Главными из них являются: народно-разговорный язык, язык художественной литературы и литературный язык. Эти разновидности отличаются одна от другой рядом особенностей и степень их значимости для рассматриваемого вопроса окажется, естественно, неодинаковой.

В народно-разговорном греческом языке в силу присущих ему свойств удается на основе лингвистических признаков выделить лишь ряд общих этапов развития, поскольку последнее определялось не столько социально-экономическими, сколько миграционно-демографическими условиями в сочетании с преобладающим значением внутренних закономерностей. Согласно имеющейся классификации древнегреческий язык представлял собой единый период вплоть до IV в. н. э., за ним следовал среднегреческий (до XIII–XV вв.) и новогреческий (до наших дней)[2]. За древнегреческим (вплоть до IV в. до н. э.) следовало еще эллинистическое койне (до X в. н. э.) и затем собственно ново греческий[3]. Однако эта общая периодизация народно-разговорного греческого языка мало что дает для исследуемой нами проблемы. Более интересной в этом плане является периодизация, предложенная О. С. Широковым. История древнегреческого языка делится им на три периода: архаический (с XIV в. до н. э.), классический (с VIII–VII вв.) и эллинистическо-римский (с III в.)[4]. Хотя в основу классификации автором положены соображения не чисто лингвистического порядка, а характер письменности – сначала силлабической, затем буквенной, точка отсчета – XIV в. до н. э. как начало фиксированного греческого языка представляется вполне приемлемой. Менее подходящим для нашей цели является определение всего этого периода (вплоть до VIII в.) как архаического, но об этом – позже. Можно, конечно, предположить относительно высокое жизнесостояние греческих племен и до появления микенских письменных текстов, однако наличие последних является

---

[2] И. М. Тронский, А. А. Белецкий. Греческий язык // Краткая литературная энциклопедия. М., 1964. С. 361.
[3] Там же, с. 193
[4] О. С. Широков. История греческого языка, М., 1983. С. 26.

первым конкретным и осязаемым доказательством фактического существования в XIV в. до н.э. греческого раннерабовладельческого общества с широкой системой хозяйственных институтов, разветвленной сетью социальной иерархии и определенным уровнем культурного развития. Все это дает основание признать XIV век до н.э. начально документированным веком античной культуры.

Вторая разновидность древнегреческого языка – язык художественной литературы. Он неразрывно связан с возникновением и становлением самой литературы как художественного жанра. Его истоки восходят к древнейшим памятникам греческой поэзии – гомеровскому эпосу, а развитие обусловлено социально-экономической и духовной жизнью рабовладельческого общества. Этим объясняется то обстоятельство, что периодизация языка художественной литературы существенно отличается от периодизации народно-разговорного языка. И. М. Тронский выделяет в истории древнегреческой литературы периоды: архаический (до начала V в. до н.э.), аттический (классический, V–IV вв.), эллинистический (IV–I вв.), римский (с I в. до н. э)[5]. А. А. Тахо-Годи различает периоды: доклассический (или архаический, до VII в. до н. э.), классический (VII–IV вв.) и эллинистический (послеклассический, с III в. до н.э. по V в. н. э.)[6]. Предложенная нами периодизация языка древнегреческой художественной литературы почти полностью совпадает с периодизацией самой литературы: архаический (с VIII–VI вв. до н.э.), аттический (V–IVвв.), эллинистический (IV–I вв.)и римский (I–V вв.) периоды[7].

По сравнению с периодизацией народно-разговорного языка, представляется более целесообразным обозначение начала, архаического периода не XIV, а XI в. до н. э., что более соответствует, нам кажется, периодизации древнегреческой культуры.

Третья разновидность древнегреческого языка – литературный язык. Он выделяется широтой своего охвата, поскольку включает в себя кроме языка художественной литературы дело-

---

[5] И. М. Тронский. История античной литературы. М.,1983. С. 20–21.
[6] А. А. Тахо-Годи. Античная литература. М., 1976. С. 9–10.
[7] Н. С. Гринбаум. Ранние формы литературного языка (древнегреческий). Л., I984. С. 14.

вой язык и язык философии, исторической прозы и публицистики, науки, специальной и технической литературы. Литературный язык сочетает в себе черты, присущие как народно-разговорному языку, так и языку художественной и иной литературы, поэзии и прозы, письменной и, отчасти, устной речи. Его история самым тесным образом связана с возникновением, становлением и упадком древнегреческих полисов.

Все эти обстоятельства делают периодизацию литературного языка наиболее близкой и соприкасающейся с периодизацией античной, в частности – древнегреческой культуры. Они убеждают, что история литературного языка может послужить важным критерием при решении интересующей нас проблемы.

Прежде чем рассмотреть ее, проанализируем периодизации, относящиеся к таким областям духовной жизни как: история, философия и культура. В книге «Античная Греция» В. П. Яйленко предлагает следующую периодизацию греческой истории: миграционная (XIII–XI вв. до н. э.), архаическая (X–VI вв.), классическая (V–IV вв.) эпохи[8].

А. Ф. Лосев рассматривает следующие этапы истории греческой философии (эстетики): ранняя классика (VI–V вв. до н.э.), средняя классика (V в.), зрелая (высокая) классика (IV в., Платон), поздняя классика (IV в., Аристотель)[9]; эллинистически-римский период[10].

К. Куманецки различает ряд периодов античной культуры: эгейская культура (III тысяч. до н. э.); микенская Греция (II тыс.); архаическая Греция (VIII–VI вв.); аттический период – классическая Греция (V в.); классическая Греция (IV в.) ; эпоха эллинизма (с IV в.)[11].

Сопоставим с вышеперечисленными предложенную мною периодизацию древнегреческого литературного языка: микенский (XIV–XII вв.) и послемикенский (XI–IX вв.) периоды; ионийский (VIII–VI вв.); аттический (VI–IV вв.); эллинисти-

---

[8] Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 128.

[9] А. Ф. Лосев. История античной эстетики. Высшая классика. М., 1974. С. 6–8.

[10] А. Ф. Лосев. Эллинистически-римская эстетика. М.,1979. С. 5–6.

[11] K. Kumaniecki. Historja kultury starożytaej Greeji i Rzymu, Warszawa, 1964. С. 622–630.

ческий (ранний, I вв.; поздний, I–V вв.) период.

Остается выяснить, в какой степени приведенная периодизация может оказаться полезной или пригодной для создания периодизации античной культуры.

Представляется целесообразным, прежде всего, с учетом других рассмотренных вариантов, сохранить в основном деление на главные периоды истории древнегреческой культуры.

Желательно вместе с тем приблизить их наименования к самой проблематике вопроса. Следовало бы также продумать вопрос о выделении отдельных этапов в пределах главных периодов.

Целесообразно выделить отдельно «микенский период» (XIV–XII вв. до н. э.) и определить период с XI–IX вв. как «архаический или послемикенский»; с VIII–VI вв. – как «ионийский», с VI–V вв. как «аттический или классический» и с IV в. до н.э. – V в. н. э. – «эллинистический». «Классический» период может быть, в свою очередь, разделен на три отрезка: становления (VII–VI вв.), расцвета (V–IV вв.) и угасания (III–II вв.) культуры полиса, эллинистический период – на греко-восточный (ранне-эллинистический, IV–I вв.) и греко-римский (позднеэллинистический, I–V вв.).

Исходя из вышесказанного, предлагается следующая периодизация античной (древнегреческой части) культуры:

I. Раннегреческая культура материковой Эллады и эгейских островов (III–II тыс. до н. э.)[12];

II. Микенский (древнейший письменно зафиксированный период греческой дворцовой культуры (XIV–XII вв.);

III. Архаический (послемикенский, доэпосный) протоионийско-эолийский период (XI–IX вв.);

IV. Культура греческой периферии Малой Азии. Ионийский период (VIII–VI вв.);

V. Полисная культура. Аттический (классический) период:

а) этап становления (VII–VI вв.)

б) этап расцвета (VI–IV вв.)

в) этап угасания (III–II вв.);

VI. Культура «койне». Эллинистический период:

---

[12] См.: Т. В. Блаватская. Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1976.

а) ранний этап, греко-восточный (IV–I вв.)

б) поздний этап, греко-римский (I–V вв.).

Предложенная выше периодизация древнегреческой культуры с учетом двух дополнительных факторов – поэтапного становления литературного языка и очередной смены его диалектно-территориальной базы – могло бы, на мой взгляд, лечь в основу новой разработки и последующего чтения университетского курса античной культуры.

ЛЕКСИКА ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ РАННЕЙ ЛИРИКИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК*[1].

Изучение именной (1860 существительных) и глагольной (1972 глаголов)[2] раннелирической лексики VII–V вв. до н.э. позволило установить, что значительная ее часть представлена не только у лирических поэтов, в драме и художественной прозе, но и в греческом эпиграфическом материале. Особое внимание привлекли в этом плане лирические нововведения, т.е. слова поэтической лексики, отсутствующие у Гомера. Из 1613 нововведений (797 существительных и 816 глаголов) в надписях и папирусах были обнаружены 474 (соответственно – 232 и 242), т.е. четвертая их часть. Наличие столь многочисленной группы лирических нововведений в эпиграфических памятниках вызывает ряд вопросов. Во-первых, где они найдены и к какому времени относятся. Во-вторых, распределены ли они равномерно на греческой территории. В-третьих, с каким эпиграфическим материалом они связаны. В-четвертых, подтверждают ли новые данные полученные ранее результаты или опровергают их. В-пятых, как объяснить присутствие лирических нововведений в надписях.

Стремясь ответить на перечисленные вопросы, мною было произведено сличение лексики раннегреческой лирики с лексикой древнегреческих эпиграфических памятников. Сличение указанных источников производилось по этапам.

На первом этапе были охвачены надписи материковой Греции, найденные в северной, средней и южной ее частях. На втором этапе были учтены надписи греческой периферии:

---

* Классические языки и индоевропейское языкознание. Сборник статей по материалам чтений, посвященных 100-летию со дня рождения проф. И. М. Тронского. СПб., 1998. С. 167–174.

[1] См.: Гринбаум Н.С. Язык древнегреческой хоровой лирики как исторический источник. ВДИ, 1974, вып.4.

[2] Лексика в целом рассматривается автором в монографиях «Именная лексика древнегреческой ранней лирики» и «Глагольная лексика древнегреческой ранней лирики».

Малой Азии с островами (включая Крит), Египта и Великой Греции. Ввиду ограниченного объема статьи лексический материал приводится лишь в обобщенном виде.

Сличение нововведений ранней лирики с эпиграфическим материалом материковой Греции показало, что они расположены на ее территории неравномерно. Наиболее многочисленными оказались совпадения в Средней и Южной Греции, а именно в Аттике и Арголиде. В меньшей степени они представлены в Фокиде, Беотии и Аркадии.

Однако и на указанной территории они связаны с определенными местностями: Дельфы в Фокиде, Афины в Аттике, Эпидавр в Арголиде, Тегея и Мантинея в Аркадии. В отдельных случаях удается выделить наиболее характерные надписи: в Афинах – из Элевсина (IG 1/2/.7, 76.313; 22.1672) и храма Эрехтея (IG 1/2/.372–374), в Эпидавре – из святилища Аполлона и Эскулапа (таблицы исцелений: IG 4/2/.121–123), в Мантинее – из храма Афины Алейской (IG 5/2/.262). Надписи эти относятся в основном к V–IV вв. до н.э. Заслуживают внимания два обстоятельства. Во-первых, значительная часть надписей имеет отношение к древнейшим культовым центрам материковой Греции, к культу Деметры, Эрехтея, Афины и Аполлона. Во-вторых, упомянутые выше надписи – прозаические, не связанные непосредственно с поэтической лексикой.

Сличение нововведений раннегреческой лирики с эпиграфическим материалом греческой периферии показало, что они расположены в ее пределах неравномерно. Наиболее многочисленными оказались совпадения на юге и востоке региона – в Египте и Малой Азии с островами. В меньшей мере они представлены на Крите и в Великой Греции. Если на Крите нововведения сосредоточены в одной местности – Гортине, в Великой Греции они более характерны для надписей Рима и Гераклеи, а на эгейских островах наиболее четко они прослеживаются на Делосе, то в Малой Азии и Египте степень их распространения значительно шире и, как видно, не ограничена какой-то одной местностью или одним культовым центром. Преобладающее число нововведений встречается в Малой Азии и Египте в официальных прозаических документах и текстах частного характера. В этой связи обращают на себя внимание египетские декреты в честь Птолемея: канопская надпись III в. до н.э. (OGI 56) и декрет II в. до н.э. из Розетты в честь

Птолемея V (OGI 90). Однако основная часть лирических нововведений встречается в папирусном материале Верхнего и Нижнего Египта. Что касается эпиграфических памятников Великой Греции, то среди них выделяются гераклейские таблицы IV в. до н.э. (IG 14.645; Schwyzer 62–63), содержащие описание арендуемых участков священных земель Дионисия и Афины Полиады, а также отличающаяся своими древними фонетико-морфологическими и лексическими особенностями римская надпись IG 14.1389. В Малой Азии привлекают внимание надписи: из Теоса (GDI 5632, V в. до н.э.) – содержит закон об охране города; Эфеса (GDI n 49, VI в. до н.э.) – о пожертвованиях на строительство храма; Милета (GDI 5497, IV в. до н.э.) – о храмовых жертвоприношениях и из Галикарнаса (GDI 5727, IV в. до н.э.) – о покупке храмовой земли.

Изучение раннегреческих нововведений, встречающихся в греческом эпиграфическом материале, дает, таким образом, основание для заключения, что они представлены в основном в трех типах документов. С одной стороны, это надписи, связанные с отправлением культа богов (Афины, Аполлона, Деметры и др.) и храмовыми установлениями. С другой – это государственные и городские законы, регламентирующие права и обязанности граждан. Таковы надписи почти всех областей греческой ойкумены. В папирусах же Египта мы встречаемся со случаем широкого использования поэтических лирических нововведений и в близких к разговорной речи хозяйственных документах, административных актах и частной переписке.

Возникает, естественно, вопрос, отражают ли полученные мною цифровые данные результаты моих прежних разысканий и вписываются ли они в общую картину распространения поэтической лексики в греческих эпиграфических памятниках или, наоборот, не подтверждают и опровергают их.

Сведем эти данные в небольшую таблицу:

Регион	Всего	Существ.	Глаголы
Египет	258	111	147
Аттика	134	84	50
Эгейские острова	56	26	30
Малая Азия	52	24	28
Арголида	46	28	18
Фокида	26	15	11
Великая Греция	20	9	11
Аркадия	19	12	7
Беотия	18	6	12
Крит	18	5	13
Мессения	10	4	6
Фессалия	2	2	0

Наибольшее количество лирических нововведений, как явствует из таблицы, представлено в Аттике и Арголиде, с одной стороны, в Египте и Малой Азии с островами – с другой.

Приведем в качестве примеров по 25 не представленных у Гомера, но встречающихся у ранних лириков и в эпиграфическом материале Аттики, с одной стороны, и Египта – с другой, существительных и глаголов, указывая в каждом случае, у какого лирика употреблено данное нововведение.

АТТИКА.

а) Существительные: μόλυβδος ‘свинец’ (IG 1/2/.371.12; Феогнид); ζῷον ‘животное’ (IG 1/2/.372.42; Семонид); ἀλέκτωρ ‘петух’ (IG 3.77; Симонид); σκορπίος ‘скорпион’ (IG 2/2/.1627.333; Пратин); σύνοδος ‘собрание’ (IG 2/2/.1369.32; Солон); στρατηγός ‘полководец’ (IG 1/2/.302.46; Архилох); ἀρχαγέτας ‘предводитель’

(IG 2.1191; Пиндар); σύμμαχος ‘союзник’ (IG 1/2/.76.14; Сафо); τίασος ‘торжественное шествие’ (IG 2/2/.1177; Алкман); στάδιον ‘мера длины’ (IG 2/2/.677.3; Феогнид); πύκτας ‘кулачный боец’ (IG 1/2/.846.7; Ксенофан); μουσικά ‘музыка’ (IG 1/2/.84.16; Пиндар); χορηγός ’руководитель хора’ (IG 2/2/.141.34; Алкман); στέγα ‘стена’ (IG 2/2/.1046.13; Алкей); ἰσχάς ’якорь’ (IG 2/2/.1013.24; Гиппонакт); καρχάσιον ‘конец мачты’ (IG 1/2/.265; Сапфо); πλίνθος ‘кирпич’ (IG 1/2/.372.10; Алкей); κώθων ‘походная фляга’ (IG 1/2/.313.55; Архилох); ποδανιπτήρ ‘ножная ванночка’ (IG 1/2/.313.137; Стесихор); ὀξος

‘уксус’ (IG 1/2/.334.4; Солон); κτείς ‘гребень’ (IG 1/2/.386.8; Пиндар); ὑγίεια ’здоровье’ (IG 2/2/.4457; Анакреонт); κλίνα ‘ложе’ (IG 1/2/.330; Алкман); σχολά ‘досуг’ (IG 2/2/.1011; Пиндар); δικαιοσύνη ‘справедливость’ (IG 3.203; Феогнид).

б) Глаголы: ’Επαναφέρω ’переношу’ (IG 2/2/.1607a.7; Солон); τάσσω ‘кладу’ (IG 1/2/.57.47; Коринна); ὑπερτίθημι ‘приподнимаю’ (IG 2/2/.1043.65; Пиндар); ἀποφεύγω ‘убегаю’ (IG 2.786; Феогнид); ἐπιπέμπω ‘посылаю’ (IG 1/2/.2.94; Стесихор); προσδίδωμι ‘прибавляю’ (IG 2/2/.1304.34; Симонид); λυπέω ‘беспокою’ (IG 2.1868; Сапфо); σοφίζομαι ‘рассуждаю’ (IG 1/2/.768; Ивик); σωφρονέω ‘обладаю здравым смыслом’ (IG 1/2/.22.69; Симонид); μαρτυρέω ‘свидетельствую’ (IG 2/2/.657; Алкей); εὐκλείζω ‘прославляю’ (IG 1/2/.1085; Тиртей); ἐνυφαίνω ‘украшаю узором’ (IG 2.754.9; Вакхилид); χαράσσω ‘точу’ (IG 2/2/.1013.64; Архилох); πολεμέω ‘воюю’ (IG 2/2/.236.19; Стесихор); ἐξαλείφω ‘натираю’ (IG 1/2/.91.10; Сапфо); βοηθέω ‘помогаю’ (IG 2/2/.237; Пиндар); φρουρέω ‘охраняю’ (IG 1/2/.99.21; Симонид); συμφέρω ‘собираю’ (IG 2/2/.2114; Тиртей); ἄρδω ‘пою’ (IG 3.1354.5; Ивик); λευκόω ‘белю’ (IG 2/2/.1672.140; Пиндар); μετέχω ‘участвую’ (IG 3.1427; Феогнид); ἐπιδείκνυμι ‘показываю’ (IG 1/2/.76.60; Вакхилид); ταμιεύω ‘ведаю хозяйством’ (IG 1/2/.467; Пиндар); χορηγέω ‘руковожу хором’ (IG 2/2/.3079; Симонид); συντελέω ‘завершаю’ (IG 1/2/.372E.14; Пиндар).

ЕГИПЕТ

а) Существительные: ᾞΑνθραξ ’уголь’ (P.Holm. 2.33; Гиппонакт); βάσανος ‘пробный камень’ (P.Oxy. 58.25; Феогнид); χρῖμα ‘мазь’ (P.Oxy. 529.4; Ксенофан); περιτροπή ‘вращение’ (BGU 149.9; Семонид); πλάξ ‘поверхность’ (OGI 672.12; Арион); κήλων ‘журавль’ (P.Lond. 1.131.303; Архилох); κόραξ ‘ворон’ (Sammelb. 1.24; Феогнид); πορφύρα ‘улитка’ (BGU 1141.41; Алкман); γίγαρτον ‘косточка’ (PSI 4.430; Симонид); κάλαμος ‘тростник’ (P.Cair.Zen. 85; Алкей); κράμβη ‘капуста’ (P.Hib. 1121.30; Гиппонакт); μύκης ‘гриб’ (PSI 6.620.31; Симонид); σήσαμον ‘сезам’ (P.Cair.Zen. 787.21; Алкман); σίκυος ‘огурец’ (P.Cair.Zen. 176.4; Алкей); κόκκον ‘косточка’ (Sammelb. 6779.51; Солон); λίβάος ‘ладан’ (P.Cair.Zen. 69.13; Сапфо); μόναρχος ‘властитель’ (OGI 54.16; Феогнид); δραπέτας ‘беглый’ (BGU 1881.7; Пиндар); ἐλευθερία ‘свобода’ (BGU 326.11.11; Пиндар); χρεία ‘нужда’ (P.Cair.Zen. 25.2; Феогнид);

ἀρτόπωλις ‘булочник’ (P.Teb. 119.50; Анакреонт); θυρωρός ‘привратник’ (BGU 1061.10; Сапфо); οἰκία ‘жилище’ (P.Teb. 38.14; Семонид); στεφαναφορία ‘ношение венков’ (OGI 56.40; Пиндар); σχοινίον ‘веревка’ (P.Teb. 13.13; Пиндар).

б) Глаголы: ’Επαντέλλω ‘восстанавливаю’ (Sammelb. 2134.7; Пиндар); προσκύρω ‘прибываю’ (OGI 732; Феогнид); ἐκχωρέω ‘ухожу’ (P.Eleph. 15.2; Архилох); πατέω ‘ступаю’ (P.Flor. 388.5; Ананий); προσρίπτω ‘бросаю’ (P.Teb. 759.6; Стесихор); παράγω ‘передвигаю’ (P.Cair.Zen. 289.20; Сапфо); παρατείνω ‘растягиваю’ (P.Oxy. 237 VIII.10; Ксенофан); χαλάω ‘отпускаю’ (P.Mag.Par. 1.2886; Алкей); συναρμόζω ‘прилаживаю’ (BGU 1103.23; Солон); ὑπερκρεμάννυμι ‘вешаю сверху’ (P.Mag.Berol. 2.49; Мимнерм); περιπίπτω ‘падаю’ (OGI 56.15; Анакреонт); πλημύρω ‘разливаю’ (OGI 666.8; Архилох); ἀγρυπνέω ‘бодрствую’ (P.Grenf. 214a.3; Феогнид); κοιτάζω ‘сплю’ (BGU 1252.11; Пиндар); φροντίζω ‘размышляю’ (P.Hib. 1.82; Сапфо); καταρτύω ‘приготовляю’ (BGU 13.5; Симонид); ἀπαιτέω ‘требую’ (BGU 1058.33; Фокилид); ἐξερωτάω ‘расспрашиваю’ (BGU 1141.34; Пиндар); μηνύω ‘открываю’ (OGI 665.29; Вакхилид); μαρτυρέω ‘свидетельствую’ (Sammelb. 1070; Алкей); στέργω ‘люблю’ (P.Grenf. 1.58.21; Семонид); ὑμνέω ‘воспеваю’ (OGI 56.66; Алкман); καταμέμφομαι ‘порицаю’ (Sammelb. 5357; Анакреонт); προσκυνέω ‘приветствую’ (BGU 423.15; Гиппонакт); κατακλύζω ‘заливаю’ (OGI 90.24; Архилох).

Следует отметить, что проведенный мною анализ поэтической лексики виднейшего представителя древнегреческой хоровой лирики Пиндара привел меня к аналогичному заключению: «Среди областей греческого мира, в прозаических надписях которых в наибольшей степени отражены поэтические слова пиндаровской лексики, выделяются прежде всего: на греческом материке – Аттика (223 слова) и Арголида (61), на окраинах греческого мира – Египет (преимущественно – папирусы, 259) и Малая Азия (116), на островах – Крит (32)» (см.: [1], с.160).

Рассмотрение мною глагольной лексики раннегреческой лирики показало в свою очередь, что из 636 глаголов, обнаруженных в эпиграфическом материале, наибольшее их число представлено в Египте (395) и Аттике (166), а также в Малой Азии (105) и Арголиде (66).

То обстоятельство, что три вида показаний подтверждают полученные мной данные об ареале распространения в надписях раннегреческих нововведений, дает основание для заключения не только о том, что мы имеем дело с отнюдь не случайным явлением, но и о том, что мы столкнулись с исторической реальностью.

Возникает, естественно, вопрос, какая связь существует между лексикой древнегреческой лирики и лексикой эпиграфических памятников Древней Греции.

Проведенное исследование показало, что в поэтическом языке ранней лирики VII–V вв. до н. э. и греческих надписях V–II вв. до н. э. выявлен общий лексический пласт, включающий несколько сотен редких существительных и глаголов, не встречающихся в гомеровских поэмах и относящихся к самым различным областям общественной жизни и человеческой деятельности. Как известно, ранние лирики являются, в основном, выходцами из трех регионов: Средней Греции (Солон из Аттики, Феогнид и Пиндар – из Беотии), эгейских островов (Сапфо и Алкей – с Лесбоса, Симонид и Вакхилид – с Кеоса, Архилох – с из Пароса, Семонид – с Самоса) и Малой Азии (Алкман – из Сард, Анакреонт – из Теоса, Гиппонакт – из Эфеса, Ксенофан – из Колофона). В первом из этих регионов употреблены поэтами упомянутые выше 293 из 474 представленных в надписях лирических нововведений, во втором – 194 и в третьем – 98. Эти данные могут служить еще одним подтверждением наличия на указанной территории лексических связей между языком поэзии и соответствующей группой надписей. Вместе с тем обращает на себя внимание то обстоятельство, что среди представителей раннегреческой лирики не встречается ни один представитель из Египта.

Можно было бы предположить, что, поскольку надписи на несколько столетий моложе поэтических текстов, мы имеем дело с заимствованием. Однако следует учесть два момента: во-первых, все эти надписи – прозаические и не имеют отношения к поэзии, во-вторых – они связаны с отправлением культа или с храмовым хозяйством. Отпадает само собой и предположение об обратном процессе, влиянии лексики надписей на язык лирических поэтов.

Все вышесказанное приводит меня к выводу, что раннегреческие нововведения в поэтическом языке и их аналоги в языке

надписей следует возводить к общему – по всей видимости, еще догомеровскому – лексическому слою. К его сохранившимся ресурсам обращались как ранние лирики VII–V вв. до н.э., так и жрецы, фиксировавшие наставления и храмовые предписания в культовых центрах V–III вв. до н.э. В повседневном употреблении эти слова на греческом материале встречаются относительно редко. Несколько свободнее лирические нововведения употребляются в эпиграфическом материале эгейских островов и в Малой Азии, где они представлены как в культовых центрах (Делос, Милет), так и в хозяйственных записях и административных актах. В Египте они не связаны практически с культовой средой, а представляют собой органическую часть общеупотребительной лексики, близкую к разговорной, и отражены в многочисленных папирусах.

Итак, как нам представляется, во II тысячелетии до н.э. на территории материковой Греции, в ее средней и южной частях сложился язык, богатый лексическими ресурсами и отражавший высокий экономический и культурный уровень общества (см. характеристику эпохи в [2]). Когда в конце II тысячелетия до н.э. материковая Греция подверглась вторжению с Севера и значительная часть населения вынуждена была покинуть насиженные места, выходцы с материка унесли с собой на новые земли – эгейские острова, в Малую Азию, Великую Грецию и Египет слагавшуюся столетиями лексическую сокровищницу. Ее истоками питалась впоследствии вся греческая литература, из нее черпали живительные соки гомеровская поэзия, ранняя лирика и трагедия (ср.: [3], с.115). При этом каждый из сложившихся литературных жанров пользовался лексическим наследием по-своему, выбирая для себя наряду с общеунаследованным и свое собственное, особое. Так получилось, в частности, с раннегреческой лирикой, в которой наряду с традиционным «гомеровским» слоем (2161 слово) находятся 1613 слов, не встречающихся в нем. Часть лирических нововведений мне и удалось обнаружить в надписях культовых центров, главным образом Аттики и Арголиды, часть – в Малой Азии (с островами) и почти половину – в египетских папирусах.

В отличие от материковой Греции, где древнейшая лексика стала впоследствии более изысканной и «литературной», эта же лексика встречается в Египте в прозаических текстах всех

уровней и она тесно связана со всеми областями экономической, политической и культурной жизни греческого общества.

Что касается ее проникновения в Египет, то возможны три объяснения. Первое связано с сообщением Геродота (11.154, 178) о переселении в эту страну малоазийских ионийцев во времена Псамметиха и Амасиса (VII–VI вв. до н.э.). Второе – допускающее на основании мифологического предания о Данае, сыне Бела и основателе Аргоса, и его дочерях (см. трагедию Эсхила «Гикетиды») присутствие греков в Египте на несколько веков раньше; в египетских источниках упоминаются нашествия с суши и моря на рубеже XIII–XII вв. до н.э. в одном случае ахейцев, в другом – данайцев. Не исключено также, что мирное переселение греков в Египет происходило в догомеровскую эпоху и что они составляли уже тогда, как свидетельствует «Одиссея» (4.126, 228), одну из зажиточных групп египетского населения. Как бы там ни было, 258 обнаруженных в Египте лирических нововведений, тесно связанных со всеми сторонами греческого быта, указывают на сохранение здесь многовековой лексической традиции, зафиксированной впоследствии в папирусном материале эллинистического периода.

Лексика древнегреческой ранней лирики представляется мне, таким образом, еще одним важным источником по истории Древней Греции и Ближнего Востока.

Литература

1. Гринбаум Н. С. Художественный мир античной поэзии. Творческий поиск Пиндара. К 2500-летию со дня рождения поэта. М., 1990.
2. Блаватская Т. В. Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1976.
3. Гринбаум Н. С. Язык древнегреческой хоровой лирики (к итогам исследования). ВЯ, 1988, N2.

Сокращения

BGU – Berliner Griechische Urkunden. Berlin, 1895.

GDI – Sammlung der griechischen Dialekt-Inschiften. Gottinden. 1884–1915.

IG – Inscriptions Graecae. V.1(2). Berolini 1924; V. 2(2). Berolini 1913–1935; V. 4(2). Berolini 1929; V. 5(2). Berolini 1913; V. 14. Berolini 1890.
OGI – Orientics Graeci. Inscriptiones selectae. Leipzig, 1903–1905.
P.Cair.Zen. Zenon Papyri. Paris 1925–31.
P.Elelh. – Elephantine Papyr. Berlin 1907.
P.Flor. – Papiri Fiorentini. Milano 1906.
P.Grenf. – New Classical Fragments. Oxford 1897.
P.Hib. – Hibeh Papyri. London 1906.
P.Holm. – Papyrus Graecus Holmiensis. Uppsala 1913.
P.Lond. – Greek Papyri in the British Museum. London 1893–.
P.Mag. – Berol-Zwei griechische Zauberpapyri des Berliner Museum. Berlin1865.
P.Mag.Par. – Denkschriften der Akademie der Wissenschaften in Wien. V. 36. 2. Wien, 1888.
P.Oxy. – Oxyrhynchus Papyri. London, 1898–.
PSI – Papiri greci e latini. Firence, 1912.
P.Teb. – Tebtunis Papyri. London, 1902-1938.
Sammelb. – Sammelbuch griechischer Urkunden aus Agypten. Strassburg, 1913–22.
Schwyzer – Dialectorum Graecarum Exempla epigraphica potiora. Leipzig, 1923.

LE LEXIQUE DE LA POESIE LYRIQUE GRECQUE COMME SOURCE HISTORIQUE*[1]

L'étude lexicologique des substantifs (1960) et des verbes (1972) de la poésie lyrique grecque[2] a permis de constater qu'une partie considérable de ce lexique est présente non seulement chez les poètes lyriques, dans le drame et la prose artistique, mais aussi dans le matériel épigraphique grec. Les innovations lyriques, c'est à dire les mots poétiques non présents chez Homère, attirent à cette occasion un intérêt spécial. Dans les inscriptions et les papyrus on trouve 474 des 1613 innovations lyriques, plus d'un quart du total (232 substantifs de 797 et 242 verbes de 816). Toute une série de questions s'impose face à cette importante quantité d'innovations lyriques dans les documents épigraphiques. Comment sont réparties les innovations et à quelle époque se rapportent-elles? Sont-elles réparties régulièrement sur le territoire grec? Avec quel matériel épigraphique sont-elles liées? Est-ce que nos conclusions précédentes sont confirmées par les données plus récentes ou en sont-elles démenties? Et enfin, comment peut-on expliquer cette présence des innovations lyriques dans les inscriptions?

Pour répondre aux questions posées nous avons comparé le lexique de la poésie lyrique grecque avec le lexique corréspondant des documents épigraphiques.

L'étude des inscriptions de la Grèce continentale a constitué la première démarche de notre recherche, la deuxième a été celle des inscriptions de la Grèce périphérique.

1. Grèce continentale

Au Nord de la Grèce on peut constater la présence de deux innovations lyriques dans les inscriptions de la Thessalie: πολίαρχος

---

* Quaderni Urbinati di cultura classica. Vol. 59, 2. Roma, 1998. P. 35–55.

[1] N.S. Grinbaum, "La langue de la lyrique chorale grecque comme source historique". Vestnik drevnej istorii 4, 1974, pp. 24–43 (en russe).

[2] Le lexique nominal et verbal est examiné dans deux travaux de l'auteur: Le lexique de la lyrique grecque. 1ère Partie: Substantifs, 2e Partie: Verbes. (en russe).

(τ-; IG IX 2/1233, Phalanna, IIIe siècle av.n.è.; Pindare)[3] et ἰάτωρ (IG IX 2, 317, Trice: Alcman).

Les innovations lyriques du Centre de la Grèce sont plus nombreuses. On en rencontre 18 en Béotie (6 substantifs et 12 verbes): μεσημβρίη (IG VII 3073, 95, Lébadée, IIe siècle av.n.è.; Archiloque), χλόη (IG VII 3073, 162, Lébadée, IIe siècle av.n.è.; Archiloque), πολέμαρχος (IG VII 3175, 5, Orchomène; Bacchylide), δραχμή (IG VII 3171, 52, Orchomène; Simonide), παγκράτιον (IG VII 1IG5, Thcspies; Xénophane), αὐλητής (IG VII 3195, Orchomène; Théognis); les verbes de mouvement: προσέχω (IG VII 2225, 44, IIe siècle av.n.è.; Pindare), ἀντιτυγχάνω (IG VII 3080, Lébadée; Théognis), ἀφίστημι (IG VII 303, 19, IIIe siècle av.n.è., Orope; Pindare); les verbes d'activité psychique: συμβουλεύω (IG VII 413, 58, Ier siècle av.n.è.; Théognis), προσφητεύω (IG VII 4155, Ptoon; Pindare), αὐλέω (IG VII 32, 11, Orchomène; Alcman), ἰαχέω (IG VII 4240b, 2; Sappho); les verbes d'activité physique: ἐκποιέω (IG VII 3073, 101, Lébadée; Hipponax), πυρόω (IG VII 303, 15, Orope, IIIe siècle av.n.è.; Pindare), κατασκιάζω (IG VII 580, Tanagrc; Archiloque), ἐπιστεφανόω (DGE 491, Thespies; Pindare) et χορηγέω (IG VII 3210, Orchomène; Simonide).

Les coïncidences apparaissent en Béotie dans les centres suivants: Lébadée, Orchomène, Thespies et Orope.

Les inscriptions de la Phocide nous fournissent 26 innovations lyriques (15 substantifs et 11 verbes): λίβανος (SIG 247 col. II 19, Delphes, IVe siècle av.n.è.; Sappho), τόκος (SIG 672, 23, Delphes, IIe siècle av.n.è.; Sappho), μοισαγέτας (SIG 699, 1, Delphes, IIe siècle av.n.è.; Pindare), μάντευμα (SEG III 400, Delphes; Pindare), μονοπάλη (SIG 274, 4, 3, Delphes, IVe siècle av.n.è.; Bacchylide), ὅριον (SEG III 378B, 11, Delphes, IIe siècle av.n.è.; Bacchylide), πυρφόρος (SIG 711D, 22, Delphes, IIe siècle av.n.è.; Pindare), παστάς (IG II^2 1126, 22, Delphes; poète lyrique inconnu), πλίνθος (SIG 247 col. I 22, Delphes, IVe siècle av.n.è.; Alcée), ἴασις (SIG 244 col. I 53, Delphes, IVe siècle av.n.è.; Archiloque), στρῶμα (DGE 323C, 29, Delphes, IVe siècle av.n.è.; Théognis), πατραδελφεός (Michel 995C, 44, Delphes, Ve siècle av.n.è.; Pindare), θρέμμα (SGDI 2321, 14, Delphes; Arion), κόπος (SIG

[3] L'inscription est suivie chaque fois du nom du poète lyrique qui a été le premier à employer le mot.

IG1B, 6, Delphes, Ier siècle av.n.è.; Alcée); les verbes du mouvement: ἀντιτυγχάνω (SGDI 1918, Delphes; Théognis), προσμένω (SIG 615, 7, Delphes, IIe siècle av.n.è.; Pindare), συμπέμπω (SIG 697B, Delphes, IIe siècle av.n.è.; Pindare), συντιθήμι (OGIS 345, 11, Delphes, Ier siècle av.n.è.; Alcman); les verbes d'activité psychique: μηνύω (SIG 417, 7, Delphes, IIIe siècle av.n.è.; Bacchylide), ὑμνέω (SIG 711L, 12, Delphes, IIe siècle av.n.è.; Alcman); les verbes d'activité physique: χαράσσω (SIG 795B, 27, Delphes, Ier siècle de n.è.; Archiloque), ἀποπνίγω (SGDI 2171, 18, Delphes, Ier siècle av.n.è.; Hipponax), στέρομαι (BCH 50, 15, Delphes, IVe siècle av.n.è.; Bacchylide), μεταλαμβάνω (SIG 827B, 1, Delphes, IIe siècle de n.è.: Pindare) et τεκνόω (BCH 599, Delphes, IVe siècle av.n.è.; Pindare).

Ainsi, toutes les coïncidences sont concentrées en Phocide à Delphes.

En Attique les inscriptions contiennent 134 innovations lyriques (84 substantifs et 50 verbes). Les substantifs sont liés à des phénomènes de la nature: μόλυβδος (IG I^2 371. 12: Théognis), χρυσίον (IG II^2 1687, 16; poète lyrique inconnu), πηλός (IG II^2 463, 42: poète lyrique inconnu), σωλήν (IG II^2 1628, 512; Archiloque); à des animaux et à des plantes: δέλφαξ (IG III 77; poète lyrique inconnu), ἀλέκτωρ (IG III 77; Simonide), γλαύξ (IG III 678B, IG; Alcman), ζῷον (IG I^2, 372, 42: Sémonide), κάλχη (IG I^2 372, 90; Alcman), καρκίνος (IG II^2 47, 16; Hipponax), σκορπίος (IG II^2 1627, 333; Pratinas), μύκης (IG II 1055, 43; Archiloque), μυρσίνη (IG I^2 313, 150; Archiloque), τρίβολος (IG II^2 1629, 1154; Alcée), φακός (IG I^2 334, 7; Solon), κωλῆ (IG II^2 1361; Xénophane); à la société: ἀποικία (IG I 31; Anacréon), σύνοδος (IG II^2 1369, 32; Solon), φυλή (IG I^2 10, 44; Simonide), ἀρχαγέτας (IG II^2 1191; Pindare), πολέμαρχος (IG I^2 16, 10; Bacchylide), στρατηγός (IG I^2 302, 46; Archiloque), ἀκόλουθος (IG I 1; Bacchylide), δημότας (IG II^2 1172; Tyrtée), ἐπόπτας (IG I^2 6, 51; Pindare), πάρεδρος (IG I^2 302, 3; Simonide), πρόπολος (IG I^2 825; Xénophane), προάστιον (IG II^2 1191, 19; Pindare); à la vie économique: χρεία (IG II^2 654; Théognis), δραχμή (IG I^2 10, 4; Simonide), τόκος (IG I^2 324, 5; Pindare); à l'art militaire: ἀκινάκης (IG I^2 170, 17; Anacréon), παραστάτας (IG II^2 1606, 36; Pindare), στρατιά (IG I^2 296, 30; Pindare), συμμαχία (IG I^2 52, 16; Pindare), σύμμαχος (IG I^2 IG, 14; Sappho), τραυματίας (IG II^2 2323, 234; Pindare); au culte: θραγήλια (IG II^2 1138; Hipponax), θίασος (IG II^2 1177; Alcman),

ἱερομηνία (IG II^2 1126, 44; Pindare), παννυχίς (IG II^2 1199, 22 ; Simonide) ; à des compétitions sportives : ἅλμα (IG II^2 1028, 20 ; Pindare), δίαυλος (IG II^2 957 ; Pindare), ἱπποδρομία (IG II^2 784; Pindare), στάδιον (IG II^2 677, 3; Théognis), τόνος (IG II^2 846, 7; Xénophane), πυρφόρος (IG III 693; Pindare), κλητήρ (IG I^2 63, 39; Théognis); à l'art: μουσικά (IG I^2 84, 16; Pindare), ῥόμβος (IG II^2 1456, 49; Pindare), χορηγός (IG II^2 141, 34; Alcman); à des constructions: ἐπίκρανον (IG I^2 313, 89; Pindare), κρηπίς (IG I^2 372, 67; Pindare), οἰκία (IG I^2 94, 36; Sémonide), πρυτανεῖον (IG I^2 3, 29; Pindare), στέγα (IG II^2 1046, 13; Alcée), οἴκημα (IG I^2 4, 2; Pindare); aux moyens de transport: ἄκατος (IG I^2 225c; Théognis), ἰσχάς (IG II^2 1013, 24; Hipponax), καρχάσιον (IG I^2 265; Sappho), τριήρης (IG II^2 1623, 2IG; Hipponax); à des objets de la vie de tous les jours: κάνυστρον (IG I^2 330, 11; poète lyrique inconnu), κτείς (IG I^2 386, 8; Pindare), πλίνθος (IG I^2 372, 10; Alcée), σφραγίς (IG II^2 1388, 87; Théognis), σχοινίον (IG II^2 1611, 254; Pindare), κότυλος (IG II^2 1541, 14; Alcée), κώθων (IG I^2 313, 55; Archiloque), ποδανιπτήρ (IG I^2 313, 137: Stésichore), ποτήριον (IG I^2 232; Sémonide), ὄξος (IG I^2 334, 4; Solon); à des vêtements: ἱμάτιον (IG I^2 386, 18; Hipponax), ἄνδημα (IG II^2 758B; Alcman); à la santé et à la relaxation: στρῳμα (IG II^2 4457; Anaoréon), κλίνη (IG I^2 330; Alcman), στρῶμα (IG I^2 313, 71; Théognis), σχολά (IG II^2 1011, 22: Pindare); au droit: δικαιοσύνη (IG III 203; Théognis), αἵρεσις (IG II^2 591b; Pindare) et à la mentalité: πρόνοια (IG III 461; Pindare), φιλία (IG I^2 1037; Théognis).

Les innovations verbales suivantes de la poésie lyrique correspondent aux verbes attiques: rapporter: ἐπαναφέρω (IG II^2 1067a; Solon); arranger: τάσσω (IG I^2 57, 47; Corinne); soulever: ὑπερτίθημι (IG II^2 1043, 65; Pindare); saisir: συλλαμβάνω (IG I^2 39, 7; Pindare); échapper: ἀποφεύγω (IG II^2 786; Théognis); écarter: ἀφίστημι (IG I^2 91, 20; Pindare); envoyer: ἐπιπέμπω (IG I^2 94; Stésichore), συμπέμπω (IG II^2 1, 24; Pindare); communiquer: προσδίδωμι (IG II^2 1304, 34; Simonide); faire une expédition: στρατεύω (IG I^2 1, 3; Pindare); affliger: λυπέω (IG II^2 1868; Sappho); être injuste: ἀδικέω (IG II^2 811c, 154; Solon); être en bonne santé: ὑγιαίνω (SIG 1259; Théognis); être attaché: πρόσειμι (IG I^2 290; Sémonide); devenir savant: σοφίζομαι (IG I^2 678; Ibycus); être sage: σωφρονέω (IG I^2 22, 69; Sémonide); conseiller: παραινέω (IG I^2 90, 43; Pindare), συμβουλεύω (IG I^2 106, 19; Théognis); être bienveillant: εὐμενέω (IG I^2 362, 12; Pindare);

déclarer: κατερέω (IG I^2 39, 25; Pindare); témoigner: μαρτυρέω (IG II^2 657; Alcée); célébrer: εὐκλείζω (IG I^2 1085; Tyrtée); sacrifier: καλλιερέω (IG 45, 5; Simonide); argenter: ἀργυρόω (IG III 899, 4; Pindare); brocher: ἐνυφαίνω (IG II 754, 9; Bacchylide); filer: κλώθω (IG III 1337; poète lyrique inconnu); accomplir: διατελέω (IG II^2 223A, 5; Bacchylide), συντελέω (IG I^2 372E, 14; Pindare); tracer: χαράσσω (IG II^2 1013, 64; Archiloque); combattre: πολεμέω (IG II^2 236, 19; Stésichore); frotter: ἐξαλείφω (IG I^2 91, 10; Sappho); envelopper: καθελίσσω (IG II^2 204, 32: Sappho); secourir: βοηθέω (IG II^2 237: Pindare); être chef de: ἐπιστατέω (IG I^2 324, 2; Pindare); couvrir: στέγω (IG II^2 2498, 23; Pindare); défendre: φρουρέω (IG I^2 99, 21; Simonide); coller: κολλάω (IG II^2 1668, 46; Pindare); entasser: συμφέρω (IG II^2 2114; Tyrtée); partager: κατατέμνω (IG II^2 1668, 7; Pindare); arroser: ἄρδω (IG III 1354, 5; Ibycus); couronner: ἐπιστεφανόω (IG III 713, 7; Pindare); blanchir: λευκόω (IG II^2 1672, 140; Pindare); ménager: ταμιεύω (IG I^2 467; Pindare); conduire un choeur: χορηγέω (IG II^2 3079; Simonide); éprouver: δοκιμάζω (IG II^2 1126, 15: poète lyrique inconnu); participer: μετέχω (IG III 1427; Théognis); penser: νομίζω (IG I^2 19, 15; Pindare) et montrer: ἐπιδείκνυμι (IG I^2 IG, 60; Bacchylide).

Les substantifs et les verbes, présents dans les inscriptions attiques et correspondants aux innovations lyriques, datent en général des Ve-IIIe siècles av.n.è. et sont concentrés à Athènes.

Au Sud de la Grèce les innovations lyriques sont présentes dans les inscriptions d'Argolide, d'Arcadie et de Messénie.

En Argolide nous en avons trouvé 46 (28 substantifs et 18 verbes). Les substantifs sont liés à la nature: σωλήν (IG IV^2 1, 109; 116; Archiloque), πλάξ (IG IV^2 1, 109; III 154; Arion), κάλχη (IG IV 1484, 83; Alcman), στοιβή (IG IV^2 1, 102, 3; Hipponax), τράχηλος (IG IV^2 1, 122, 3; Hipponax); à la société: σύνοδος (IG IV^2 1, 68, 93; Solon), φυλή (IG IV 596; Simonide), διάκονος (IG IV 774, 12; poète lyrique inconnu), ὑπηρέτης (IG IV^2 1, 122, 40: Pratinas), ἀλλαλοφονία (IG IV 1153; Pindare), τόξευμα (IG IV^2 1, 122, 56; Pindare), τάγμα (IG IV^2 1, 81; Alcée); au culte: ἱκέτας (IG IV 951, 4; Alcman), θυμέλη (IG IV 1485B, 162; Pratinas), σύμβολος (IG IV^2 1, 123, 34; Archiloque); à des compétitions sportives: ἀεθλητάς (IG IV 1508B; Pindare), πεντάεθλος (IG IV^2 1, 99, 19; Pindare), πυρφόρος (IG IV 666, 9; Pindare); à la construction: κρηπτίς (IG IV^2 1, 102, 7; Pindare), παστάς (IG IV^2 1, 109 II, 122; poète lyrique inconnu), στέγα (IG IV^2 1, 102, 293; Alcée), πλίνθος (IG IV^2 1,

102, 73; Alcée), κώθων (IG IV^2 1, 121, 79; Archiloque); au vêtement: ταινία (IG IV^2 1, 121, 49; Bacchylide); au repos: κλίνη (SIG 1169, 31; Alcman); à des actions: αἵρεσις (IG IV 937; Pindare), φθίσις (IG IV^2 1, 122, 69; Pindare) et φορά (IG IV^2 1, 121, 10; Pindare).

Les verbes correspondent aux notions de: marcher: ἐφέρπω (IG IV 952, 15; Pindare); prendre: συλλαμβάνω (IG IV^2 1, 122, 40; Pindare); obtenir: ἀντιτυγχάνω (IG IV 554; Théognis); rassembler: συντίθημι (IG IV^2 1, 121, 82; Alcman); naître ensemble: συγγίγνομαι (IG IV^2 1, 121, 105; Théognis); convenir: συγγιγνώσκω (SIG 56, 33: Simonide); regarder: βλέπω (IG IV 951, 75; Solon); chercher: μαστεύω (IG IV^2 1, 122, 22; Pindare); offrir: αποθύω (IG IV 951, 45; Alcée); froisser: συντρίβω (IG IV^2 1, 121, 81; Hipponax); couper: διακόπτω (SIG 1170, 16; Anacréon); exercer: γυμνάζω (IG IV 955, 8; Théognis); combattre: πολεμέω (SIG 182, 12; Stésichore); arranger: ἐναρμόζω (IG IV 952, 68; Pindare); entasser: συμφέρω (IG IV^2 1, 68, 84; Tyrtée); fendre: ἀνασχίζω (IG IV 952, 32; Pindare); penser: νομίζω (IG IV^2 1, 76, 16; Pindare) et posséder: πάομαι (IG IV^2 1, 77, 18; Pindare).

Les innovations lyriques se rencontrent en Argolide dans les inscriptions des IVe-IIe siècles av.n.è. à Epidaure et en partie à Argos.

Les inscriptions d'Arcadie contiennent 19 innovations lyriques (12 substantifs et 7 verbes): a) substantifs: τομάς 'chose percée' (IG V 2, 343A, 6, Orchomène, IVe siècle av.n.è.; Simonidc), μύρτος 'myrte' (IG V 2, 514, 14, Lycosure, IIe siècle av.n.è.; Simonide), στοιβή 'plante' (IG V 2, 33, Tégée, IIIe siècle av.n.è.; Hipponax), οἰκονόμος 'intendant' (IG V 2, 389, 15, Lusses, IVe siècle av.n.è.; Phocylide), στρατηγός 'commandant' (IG V 2, 6, 9, Tégée, IVe siècle av.n.è.; Archiloque), σύνθεσις 'composition' (IG V 2, 343, 41, Orchomène, IVe siècle av.n.è.; Pindare), ἐμπολά 'marchandise' (ἰν-, IG V 2, 3, 27, Tégée, IVe siècle av.n.è.; Pindare), ναέτης 'habitant' (IG V 2, 474, Mégalopolis; Simonide), ὅριον 'limite' (DGE 664, 4, Orchomène, Ier siècle av.n.è.; Bacchylide), οἰκία 'maison' (SIG 306, 16, Tégée, IVe siècle av.n.è.; Sémonide), λάχος 'lot' (IG V 2, 262, 20, Mantinée, Ve siècle av.n.è.; Théognis), φραδά 'sagesse' (IG V 2, 261, 15, Mantinée, VIe siècle av.n.è.; Alcée); b) verbes: ἀναπλέκω 'couronner' (IG V 2, 514, 10, Lycosure; Pindare), συναρμόζω 'arranger' (IG V 2, 268, 30, Mantinée, Ier siècle av.n.è.; Solon), ἀντιτυγχάνω 'obtenir à son tour' (IG V 2, 266, Mantinée, Ier siècle av.n.è.; Théognis), πρόσειμι 'être attaché' (SIG 306, 12, Tégée, IVe

siècle av.n.è.; Sémonide), καταδέχομαι ‘recevoir’ (SIG 306, 58, Tégée, IVe siècle av.n.è.; poète lyrique inconnu), πάομαι ‘posséder’ (SIG 306, 7, Tégée; Pindare), κατακρίνω ‘juger’ (IG V 2, 262, 14, Mantinée, Ve siècle av.n.è.; Pindare).

Les innovations lyriques sont représentées en Arcadie dans les inscriptions des VIe-IIIe siècles av.n.è. à Tégée, Mantinée et Orchomène.

Nous avons trouvé encore 10 innovations lyriques (4 substantifs et 6 verbes) en Messénie: a) substantifs: πηλός ‘argile’ (IG V 1, 1447, 16, IIIe siècle av.n.è.; poète lyrique inconnu), δάμαλις ‘génisse’ (IG V 1, 1390, 34, Aridanie, Ier siècle av.n.è.; Bacchylide), πορφύρα ‘pourpre’ (IG V 1, 1390, 24; Alcman), ἱμάτιον ‘manteau’ (IG V 1, 1390, 16; Hipponax); b) verbes: θηράω ‘chasser’ (IG V 1, 1498, IIe siècle av.n.è.; Théognis), ἀναπλέκω ‘entrelacer’ (IG V 1, 1390, 22; Pindare), κλώθω ‘filer’ (IG V 1, 1355; poète lyrique inconnu), κλαρόω ‘désigner par le sort’ (IG V 1, 1390; Pindare), δαπανάω ‘consumer’ (IG V 1, 1390, 55; Théognis) et κατακρίνω ‘juger’ (IG V 1, 1390, 161; Pindare).

En Messénie les innovations lyriques se rencontrent presque toutes dans l’inscription du Ier siècle av.n.è. (nr. 1390) à Andanie.

La comparaison des innovations lyriques avec le matériel épigraphique de la Grèce Continentale a démontré que la répartition de celles-ci sur le territoire est irrégulière. Elles sont plus nombreuses en Attique et en Argolide, tandis qu’en Phocide, Béotie et Arcadie elles sont moins fréquentes. Néanmoins elles sont liées avec des centres déterminés: avec Delphes eu Phocide, Athènes en Attique, Epidaure en Argolide, Tégée et Mantinée en Arcadie. Parfois on peut aussi relever des inscriptions plus caractéristiques: celles d’Eleusis (IG I^2 7, 76, 313; II^2 1672) et du temple d’Erechthée (IG I^2 372-374) à Athènes, du temple d’Apollon et d’Esculape (tables des guérisons, IG IV^2 1, 121-123) à Epidaure, d’Athéna (IG V 2, 262) à Mantinée. Ces inscriptions datent en général du V et du IV siècles av.n.è. Deux circonstances méritent d’être soulignées ici. Premièrement, la plupart des inscriptions examinées appartient aux centres archaiques du culte de la Grèce Continentale, aux cultes de Déméter, Erechthée, Athéna et Apollon. Deuxièmement, les inscriptions sont toutes prosaïques et elles n’ont rien à voir avec le lexique poétique.

2. Grèce périphérique

Dans les inscriptions de l'Asie Mineure nous avons trouvé 52 innovations lyriques (24 substantifs et 28 verbes). Les substantifs sont liés à la nature: φάραγξ (DGE 289, 161, Priène, IIe siècle av.n.è.; Alcman); au mouvement: κίνησις (Inscr. Magn. 165; poète lyrique inconnu); à des animaux: νάκος (SIG 560, 41, Epidamne, IIIe siècle av.n.è.; Simonide); à l'organisme: κωλῆ (SIG 1015, 10, Halicarnasse, IIe siècle av.n.è.; Xénophane), ἀρχαγέτας (BMusInscr 481, 20, Ephèse, IIe siècle de n.è.; Pindare), ἀρχαγός (CIG 2882, Milet; Simonide); à l'économie: πρᾳγμα (SGDI 5598, 4, Ephèse; Théognis), χρήστης (SIG 364, 40, Ephèse, IIIe siècle av.n.è.; Phocylide); à l'agriculture: ἱπποτροφία (SIG 1003, 26, Priène, IIe siècle av.n.è.; Simonide), ἐπαύλιον (SIG 344, 98, Téos, IVe siècle av.n.è.; Simonide); à l'art militaire: ἐπικουρία (SIG 1015, 24, Halicarnasse, IIIe siècle av. n.è.: Bacchylide), συμμαχία (SIG 6763, 5, Cyzique, Ier siècle av.n.è.; Pindare); au culte: θραγήλια (SIG 57, 20, Milet, Ve siècle av.n.è.; Hipponax); à la construction: πρυτανεῖον (SIG 4, Cyzique, VIe siècle av.n.è.; Pindare); au transport: ὄχημα (SEG IV 520, 12, Ephèse; Pindare); au repas: πρόποσις (BMusInscr 1036, Carie; Simonide); à la cure: ἰατορία (IGRom IV 507a, 18, Pergame; Bacchylide); au repos: στρωμνά (SIG 589, 44, Magnésie du Méandre, IIe siècle av.n.è.; Sappho); à la famille: πάτρως (BCH 11, 471, Lydie; Stésichore), θρέμμα (CIG 3113, Téos; Arion), συγγένεια (BCH 46, 397, Mylases; Pindare), σύγκοιτος (MAMA I 301, Phrygie; Pindare); au port: φορά (SIG 57, 44, Milet, Ve siècle av.n.è.; Pindare).

Les verbes se rattachent aux notions suivantes: sortir: ἐκχωρέω (SIC 679, 53, Magnésie du Méandre; Archiloque); émigrer: μετοικέω (SIC 633, 60, Milet, IIe siècle av.n.è.; Pindare); rectifier: διορθόω (BCH 46, 420, Cane, Ier siècle av.n.è.; Pindare); soulever: ὑπερτίθημι (OGIS 339, 61, Sestos, IIe siècle av.n.è.; Pindare); restreindre: ὑποστέλλω (SIG 442, 10, Erythres, IIIe siècle av.n.è.; Pindare); résister: ὑπαντάω (SIG 798, 21, Cyzique, Ier siècle de n.è.; Pindare); distribuer: ἀναδίδωμι (OGIS 437, 78, Pergame, Ier siècle av.n.è.; Pindare); attribuer: ἀπονέμω (SIG 708, 33, Istropolis, IIe siècle av.n.è.; Simonide); se bien porter: ὑγιαίνω (CIG 3706, Cyzique; Théognis); retenir: ἐνέχω (SIG 38, 34, Téos, Ve siècle av.n.è.; Pindare); recevoir: ἐπιδέχομαι (InscrPriene 108, 255, IIe siècle av.n.è.; Bacchylide); évaluer: ἀξιόω (Iscr Priene 53, 58; Pindare); consentir: συναινέω (SIG 633, 83, Milet, IIe siècle av.n.è.;

Bacchylide); dire ensuite: ἐπιλέγω (SIG 577, 72, Milet, IIIe siècle av.n.è.; Bacchylide); témoigner: μαρτυρέω (SIG 799, 28, Cyziquc, Ier siècle de n.è.; Alcée); chanter un péan: παιανίζω (-ω-, SIG 57, 8, Milet, Ve siècle av.n.è.; Bacchylide); attirer: ἐπισπάω (SIG 685, 40, Magnésie du Méandre, IIe siècle av.n.è.; Solon); effleurer: ψάλλω (SIG 578, 18, Téos, IIe siècle av.n.è.; Anacréon); frapper: κατατύπτω (SEG IV 190, Halicarnasse, IVe siècle av.n.è.; Sappho); s'avancer: προκόπτω (SIG 708, 18, Istropolis, IIe siècle av.n.è.; Alcée); tracer: χαράσσω (BMusInscr 481, 430, Ephèse; Archiloque); combattre: πολεμέω (OGIS 748, 8, Cyzique, IIIe siècle av.n.è.; Stésichore); rompre: παραλύω (SIG 577, 56, Milet, IIIe siècle av.n.è.; Pindare); désigner par le sort: κλαρόω (SIG 364, 9, Ephèse, IIIe siècle av.n.è.; Pindare); toucher: μάσσω (InscrPriene 287; Archiloque); achever: συντελέω (SIG 1044, 27, Halicarnasse, IVe siècle av.n.è.; Pindare); montrer: ἀποδείκνυμι (SIG 134, 2, Milet, IVe siècle av.n.è.; Pindare) et ἐπιδείκνυμι (InscrPriene 113, 66, Ier siècle av.n.è.; Bacchylide).

Les innovations lyriques sont représentées en Asie Mineure au centre et au sud dans les inscritpions des Ve-IIe siècles av.n.è. à Milet, Priène, Magnésie du Méandre, Halirarnasse, Cyzique, Ephèse.

Dans les inscriptions insulaires de la Mer Egée on trouve 56 innovations lyriques (26 substantifs et 30 verbes). Les substantifs sont liés à la nature: σωλήν (IG XI 2, 203B, 97, Délos, IIIe siècle av.n.è.; Archiloque); à des animaux et à des plantes: ζῷον (IG XI 2, 161B, 76, Délos, IIIe siècle av.n.è.; Sémonide), κήλων (IG XI 2, 154A, 8, Délos, III siècle av.n.è.; Archiloque), τραγίσκος (InscrDélos 461Bb, 19, Délos; poète lyrique inconnu), κάλχη (IG XI 2, 161A, 73, Délos, IIIe siècle av.n.è.; Alcman), καρκίνος (IG XI 2, 165, 11, Délos, IIIe siècle av.n.è.; Hipponax), σκίλλα (SIG 968 VI, Lesbos, IIIe siècle av.n.è.; Hipponax), φύκιον (IG XI 2, 145, 23, Délos, IVe siècle av.n.è.; Archiloque), ὠόν (IG XI 2, 224A, 11, Délos, IIIe siècle av.n.è.; Sémonide); à la société: δεσπότας (IG XII 2, 216, Lesbos; Sappho, Tyrtée et Archiloque), μόναρχος (SIG 1012, 13, Cos; Théognis), λῃστής (IG XII 2, 526, Lesbos; Bacchylide), ὑπηρέτης (SIG 1000, 31, Cos, Ier siècle av.n.è.; Pratinas); à la vie économique: πρᾶγμα (DGE 688B, 16, Chios, Ve siècle av.n.è.; Théognis), χρῆσις (SIG 987, 33, Chios, IVe siècle av.n.è.; Pindare), τόκος (IG XI 2, 146B, 17, Délos, IVe siècle av.n.è.; Pindare); à des compétitions: στεφάνωμα (InscrDélos 1421Bb, II 3, Délos, IIe siècle av.n.è.; Alcée); à des constructions:

τύρσις (IG XII 7, 115, 4, Amorgos, IIe siècle av.n.è.; Pindare); au transport: ὁλκάς (IG XI 2, 199A, 79, Délos, IIIe siècle av.n.è.; Alcman); à des objets de la vie quotidienne: σκυτάλα (InscrDélos 442B, 170, Délos, IIe siècle av.n.è.; Archiloque), ἀρυστήρ (IG XI 2, 154A, 66, Délos, IIIe siècle av.n.è.; Sémonide), κυλίχνα (IG XI 2, 287B, 53, Délos; Alcée), ποδανιπτήρ (IG XI 2, 161B, 127, Délos, IIIe siècle av.n.è.; Stésichore); au repas: τρωγάλιον (IG XII, 5, 647, 12, Céos, IIIe siècle av.n.è.; Pindare); à des vêtements: αἰμιτύβιον (Michel 832, 23, Samos, IVe siècle av.n.è.; Sappho) et à la famille: πατροπάτωρ (IG XII 5, 303, Paros; Pindare).

Les innovations verbales ont la signification de: s'étendre: παρίκω (IG XII 5, 109, 13, Paros; Pindare); jeter: εἰσβάλλω (IG XII 1, 677, 31, Rhodes, IIIe siècle av.n.è.; Alcée); mettre: ἐμβιβάσκω (IG XII 7, 62, 36, Amorgos; Hipponax); toucher: θιγγάνω (IG XII 3, 451, Théra, Alcman); survenir: ἐπιπίπτω (SIG 953, 66, Cnidos, IIe siècle av.n.è.; Pindare); rendre étranger: ξενόω (IG XII 1, 383, Rhodes; Pindare); être riche: πλουτέω (IG XII 8, 442, 8, Thasos; Solon); avertir: παρηγορέω (IG IX 1, 883, Corcyre; Pindare); prédire: προθεσπίζω (IG XII 5, 891, 6, Ténos; Hipponax); glorifier: ἐπευκλείζω (IG XII 9, 1195, 1, Eubée; Simonide); frotter: περιψάω (IG XI 2, 287A, 84, Délos, IIIe siècle av.n.è.; Hipponax); tamiser: σήθω (InscrDélos 500A, 9, Délos, IIIe siècle av.n.è.; Théognis); éloigner: ἐκποιέω (IG XII 5, 252, Paros, VIe siècle av.n.è.; Hipponax); obscurcir: ἀμαυρόω (IG XII 7, 107, Amorgos; Solon); dépouiller: σκυλεύω (BCH 51, 148, Cypre; Hipponax); frotter: ἐξαλείφω (IG XI 2, 161A, 103, Délos, IIIe siècle av.n.è.; Sappho); présider: ἐπιστατέω (Michel 164, 10, Délos; Pindare); couvrir: στέγω (IG XII 5, 568, 12, Céos, Ve siècle av.n.è.; Pindare); coller: κολλάω (IG XI 2, 161A, 111, Délos, IIIe siècle av.n.è.; Pindare); approcher (une femme): οἰφέω (IG XII 3, 536, Théra, VIIe siècle av.n.è.; Mimnerme); brocanter: καπηλεύω (IG XI 2, 161A, 16, Délos, IIIe siècle av.n.è.; Hipponax); régner seul: μοναρχέω (SIG 805, 6, Cos; Bacchylide); ménager: ταμιεύω (InscrDélos 439A, 18, Délos, IIe siècle av.n.è.; Pindare); conduire un choeur: χορηγέω (IG XI 2, 106, 1, Délos, IIIe siècle av.n.è.; Simonide); éprouver: δοκιμάζω (CIG 2266, 15, Délos; poète lyrique inconnu); prendre: κατάργημι (IG XII 2, 6, 15, Lesbos; Alcée); arpenter: σταθμάω (SIG 963, 28, Amorgos, IVe siècle av.n.è.; Pindare) et montrer: ἀποδείκνυμι (SGDI 5653B, 14, Chios, Ve siècle av.n.è.; Pindare).

On rencontre les innovations lyriques des îles clé la Mer Egée dans les inscriptions des VIe-IIIe siècles av.n.è. Elles se situent surtout dans la partie Sud. Un intérêt particulier attirent les inscriptions de Délos (IIIe siècle av.n.è.).

En Crète 18 innovations lyriques (5 substantifs et 13 verbes) sont présentes: ἑταιρεία (Leg Gort 10, 38; Simonide), πρυτανεῖον (DGE 183, 15, IIIe siècle av.n.è.; Pindare), στέγα (LegGort 3, 46; Alcée), κάνυστρον (SGDI 5087; poète lyrique inconnu), πάτρως (LegGort 12, 29, Stésichore); les verbes de: rectifier: διορθόω (SIG 581, 85, IIe siècle av.n.è.; Pindare); donner: προσδίδωμι (SGDI 5181, 34; Simonide); changer: ἀμεύομαι (SGDI 4964, Gortyne; Alcinan); recevoir: ἐπιδέχομαι (LegGort 11, 25; Bacchylide); fonder: κατοικίζω (DGE 175, 2, Gortyne; Pindare); convenir: συγγιγνώσκω (LegGort 5, 46; Simonide); tromper: δολόω (LegGort 2, 36; Pindare); reprocher: μέμφομαι (SGDI 4998, Gortyne; Sappho); brocher: ἐνυφαίνω (LegGort 2, 51; Bacchylide); produire: τέλλω (LegGort 10, 42; Pindare); frapper: παίω (SEG II 509, 4, Ve siècle av.n.è., Gortyne; Pratinas) et posséder: πάομαι (Leg Gort 9, 43; Pindare).

Les innovations lyriques sont concentrées à Crète dans les inscriptions du V siècle de Gortyne.

En Italie on a trouvé 20 innovations lyriques (9 substantifs et 11 verbes): ὄρφνη (IG XIV 2012Ca, 4, Rome; Théognis), πνεῦμα (IG XIV 769; Archiloque), βάσανος (IG XIV 1320; Théognis), ἀηδονίς (IG XIV 1942: poète lyrique inconnu), βουθυσία (IG XIV 830, Puteoli; Pindare), πενταετηρίς (IG XIV 645, I 105; Pindare), ῥόμβος (IG XIV 1389, II 34, Rome; Pindare), ὄχημα (IG XIV 1072, Rome; Pindare), γενέτωρ (IG XIV 1565; Xénophane); les verbes de: soulever: ὑπερτίθημι (IG XIV 1020, Rome; Pindare); distribuer: ἀναδίδωμι (IG XIV 830, Puteoli; Pindare); affliger: λυπέω (IG XIV 1857; Sappho); pécher: ἀδικέω (IG XIV 138; Solon); guérir: ὑγιαίνω (IG XIV 2526, Lugdunum; Théognis); être couché: ἀνάκειμαι (IG XIV 1389, I 8, Rome; Pindare); louer: κλείζω (IG XIV 2258; Pindare); frapper: κολάπτω (IG XIV 952, Agrigente; Hipponax); couvrir: στέγω (IG XIV 645, 142; Pindare); partager: κατατέμνω (IG XIV 6451, 14; Pindare) et arroser: βρέχω (IG XIV 1422; Pindare).

Les innovations lyriques se rencontrent en Italie surtout dans les inscriptions de Rome et d'Héraclée.

En Egypte nous avons trouvé (principalment dans les papyrus) 258 innovations lyriques (111 substantifs et 147 verbes). Les sub-

stantifs sont liés au monde nonorganique: ἄνθραξ (P. Holm. II 33, IIIe siècle av.n.è.; Hipponax), βάσανος (P.Oxy. 58, 25, IIe siècle av.n.è.; Théognis), μόλυβδος (P.Cair.Zen. 386, IIe siècle av.n.è.; Théognis), χρῖμα (P.Oxy. 529, 4, IIe siècle av.n.è.; Xénophane), περιτροπή (BGU 149, 9, IIe siècle av.n.è.; Sémonide), πλάξ (OGIS 672, 12, Ier siècle av.n.è.; Arion), μυριάς (P.Oxy. 1259, 4, IIIe siècle av.n.è.; Simonide), κίνησις (P.Lond. I, 663, 13, VIe siècle de n.è.; poète lyrique inconnu); à des animaux et à des plantes: κήλων (P.Lond. I, 131, 303, Ier siècle de n.è.; Archiloque), ἀλέκτωρ (P.Tebt. 140, Ier siècle av.n.è.; Simonide), κόραξ (SB 1, 24, IIIe siècle av.n.è.; Théognis), καρκίνος (P.Oxy. 521, 14, IIe siècle de n.è.; Hipponax), πορφύρα (BGU 1141, 41, Ier siècle av.n.è.; Alcman), σκορπίος (SB 1267, 7, Ier siècle de n.è.; Pratinas), γίγαρτον (PSI IV 430, 1, IIIe siècle av.n.è.; Simonide), κάλαμος (P.Cair.Zen. 85, IIIe siècle av.n.è.: Simonide), κολοκύνθα (P. Cair. Zen. 292, 132, IIIe siècle av.n.è.; Alcée), κράμβη (P.Hib. 1121, 30, IIIe siècle av.n.è.; Hipponax), κύπρος (P.Petr. II p. 114, IIIe siècle av.n.è.; Alcée), μύκης (PSI VI 620, 31; Archiloque), σήσαμον (P.Cair.Zen. 787, 21, IIIe siècle av.n.è.; Alcman), σίκυος (P.Cair.Zen. 176, 4, IIIe siècle av.n.è.; Alcée), τρίβολος (P.Cair.Zen. 782a, 9, IIIe siècle av.n.è.; Alcée), φακός (P.Petr. III p. 2, IIIe siècle av.n.è.; Solon), κόκκων (SB 6779, 51, IIIe siècle av.n.è.; Solon), λίβανος (P.Cair.Zen. 69, 13, IIIe siècle av.n.è.; Sappho), γνόφαλλον (P.Magd. 8, 7, III siècle av.n.è.; Alcée), ὑποζύγιον (P.Cair.Zen. 158, IIIe siècle av.n.è.; Théognis), τράχηλος (P.Tebt. 758, 2, IIe siècle av.n.è.; Hipponax); à la société: σύνοδος (BGU 1648, 6, IIe siècle av.n.è.; Solon), φυλή (OGIS 56, 24, Canope, IIIe siècle av.n.è.; (Simonide), μόναρχος (OGIS 54, 16, IIIe siècle av.n.è.; Théognis), οἰκονόμος (P. Cair. Zen. 48, 2, IIIe siècle av.n.è.; Phocylide), ἀκόλουθος (P.Tebt. 44, 34, IIe siècle av.n.è.: Bacchylide), διάκονος (P.Flor. 121, 3, IIIe siècle av.n.è.; poète lyrique inconnu), δραπέτας (BGU 1881, 7, Ier siècle av.n.è.; Pindare), ἐπέτας (P.Ryl. IV 627, 146, IVe siècle de n.è.; Pindare), ἐπόπτας (OGIS 660, 25, Ier siècle de n.è.; Pindare), πάρεδρος (P.Mag.Berol. 1, 54; Sirnonide), ἐλευθερία (BGU 326 II, 11, Ier siècle de n.è.; Pindare), εὐδία (OGIS 90, 11, Rosette, IIe siècle av.n.è.; Pindare), τυραννία (UPZ 11, 12, IIe siècle de n.è.; Xénophane); à la vie économique: ἀσχολία (BGU 1202, 3, Ier siècle av.n.è.; Pindare), χρεία (P.Cair.Zen. 25, 2, IIIe siècle av.n.è.; Théognis), καταβολά (P.Eleph. 23, 17, IIIe siècle av.n.è.; Pindare); à la vie urbaine: ματρόπολις (P.Rev.Laws 48, 16,

IIIe siècle av.n.è.; Simonide), προάστιον (P. Grenf. II, 70, 3; Pindare), ἀρτόπωλις (P.Tebt. 119, 50, IIe siècle av.n.è.; Anacréon), θυρωρός (BGU 1061, 10, 1er siècle av.n.è.; Sappho), καυτήρ (BGU 469, 7, IIe siècle de n.è.; Pindare); à l'art militaire: στολή (P.Cair.Zen. 54, 32, IIIe siècle av.n.è.; Sappho), τάγμα (P. Frankf. 7, 5, IIIe siècle av.n.è.; Alcée); au culte: ἔμπυρα (P.Mag.Osl. 1, 69; Pindare), θῦμα (UPZ 1, 1569; Alcman); à des compétitions sportives: ὅριον (P.Cair.Zen. 251, 3, IIIe siècle av.n.è.; Bacchylide), τελετά (P. Mag. Par. 1, 1569; Alcman), πενταετηρίς (P.Mich.Zen. 46, 8, IIIe siècle av.n.è.; Pindare), στεφαναφορία (OGIS 56, 40, Canope, IIIe siècle av.n.è.; Pindare), νικαφόρος (OGIS 89, 3; Pindare), πύκτας (P.Lond. III, 1158; Xénophane); à l'art: ῥόμβος (P.Lond. 1821, 164; Pindare), τρόπος (P.Cair.Zen. 309, 5, IIIe siècle av.n.è.; Sappho); à des constructions: κρηπίς (P.Tebt. 382, Ier siècle av.n.è.; Pindare), οἰκία (P.Tebt. 38, 14, IIe siècle av.n.è.; Sémonide), οἴκημα (P.Cair.Zen. 529, 5, IIIe siècle av.n.è.; Pindare), πλάσμα (P.Mag.Par. 1, 212, Ier siècle av.n.è.; Xénophane); au transport: ἰσχάς (P.Cair.Zen. 110, IIIe siècle av.n.è.; Hipponax), σκάφος (BGU 1755, 4, Ier siècle av.n.è.; Simonide); à des objets de la vie quotidienne: γρύτα (P.Petr. III. p. 78; Sappho), ἔσοπτρον (CPR 21, 20; Pindare), κάνυστρον (P.Lond. V, 1657, 9; poète lyrique inconnu), λύχνον (BGU 338, 1; Hipponax), σίφων (P.EIeph. 5, 4, IIIe siècle av.n.è.; Hipponax), σκυτάλα (P.Tebt. 823, 15; Archiloque), σφραγίς (P.Hib. I, 72, 19, IIIe siècle av.n.è.; Théognis), σχοινίον (P. Tebt. 13, 13, IIe siècle av.n.è.; Pindare), ἀπαρτία (P.Slrassb. 59, 3, Ier siècle av.n.è.; Hipponax), κύαθος (P.Eleph. 5, 3, IIIe siècle av.n.è.; Anacréon), ποτήριον (P.Tebt. 6, 27, IIe siècle av.n.è.; Sémonide), μύρον (P.Cair.Zen. 89, 3, IIIe siècle av.n.è.; Alcman), νίτρον (P.Cair.Zen. 304, 7, IIIe siècle av.n.è.; Sappho); au repas: ἀμιθάς (P.Hamb. 90, 18; Anacréon), συμπόσιον (BGU 1793, 11, Ier siècle av.n.è.; Alcée), τροφά (OGIS 56, 70, Canope, IIIe siècle av.n.è.; poète lyrique inconnu), τρύξ (P.Tebt. 555, IIe siècle av.n.è.; Sémonide), χῖδρον (P.Cair.Zen. 129, 13, IIIe siècle av.n.è.; Alcman), κενέωσις (BGU 904, 13, IIe siècle av.n.è.; Pindare), σύσσιτος (OGIS 712, IIe siècle de n.è.; Théognis); à des vêtements: ταινία (P.Cair.Zen. 696, IIIe siècle av.n.è.; Bacchylide), χλαμύς (P.Cair.Zen. 263, 2, IIIe siècle av.n.è.; Sappho); à la santé: ἴασις (P.Leid. X 21; Archiloque), ὑγίεια (P.Tebt. 413, 3, IIe siècle av.n.è.; Anacréon); au repos: ἀνάπαυσις (P.Flor. 57, 56 ; Mimnerme), στρῶμα (P.EIeph. 5, 5,

IIIe siècle av.n.è.; Théognis), τύλα (P.Tebt. 765, 2, IIe siècle av.n.è.; Sappho); à la famille: πατροπάτωρ (SB 5802, 4, Ier siècle de n.è.; Pindare); ματραδελφεός (BGU 1158; Pindare), πάτρως (P.Cair.Zen. 580, IIIe siècle av.n.è.; Stésichore), ἀδελφεά (OGIS 60, 3, IIIe siècle av.n.è.; Sappho); à l'être: αἵρεσις (P.Tebt. 22, 66, IIe siècle av.n.è.; Pindare), μεταβολή (PSI 595, 20, IIIe siècle av.n.è.; Pindare), à la faculté de penser: πρόνοια (P.Flor. 131, 7, IIIe siècle av.n.è.; Pindare), φροντίς (P.Flor. 148, 12; Théognis), γνώμων (BGU 1118, 45; Théognis), ἐπιστήμη (P.Fay. 106, 22; Bacchylide), μάθησις (BGU 1021, 8; Alcman), διδασκαλία (P.Lips. 64, 24; Simonide), ἐντολά (P.Tebt. 6, 10, IIe siècle av.n.è.; Pindare); à des sentiments: φιλία (P.Mich.Zen. 33, 3; Théognis), εὐλάβεια (UPZ 42, 21, IIe siècle av.n.è.; Théognis) et κόπος (P.Tebt. 21, 10, IIe siècle av.n.è.; Alcée).

Les innovations verbales, trouvées dans le matériel épigraphique égyptien, se rattachent: a) au mouvement, à savoir au procédé de: s'élever: ἐπαντέλλω (SB 2134, 7; Pindare); s'avancer: ἐποιχνέω (P.Bodl. 32471; Bacchylide); s'approcher: προσκύρω (OGIS 732, IIe siècle av.n.è.; Théognis); se retirer: ἐκχωρέω (P. Eleph. 15, 2, IIIe siècle av.n.è.; Archiloque); fréquenter la place publique: ἀγοράζω (P.Rev.Laws 4l, 22; Pindare); marcher: πατέω (P.Flor. 388, 5, IIe siècle av.n.è.; poète lyrique inconnu); jeter: προσρίπτω (P.Tebt. 759, 6, IIIe siècle av.n.è.; Stésichore); déplacer: ἐξίσταμι (SB 5246, 14, Ier siècle av.n.è.; Pindare); avancer: παράγω (P.Cair.Zen. 289, 20, IIIe siècle av.n.è.; Sappho); apporter: προσφέρω (P.Cair.Zen. 18, 8, IIIe siècle av.n.è.; Pindare); rectifier: διορθόω (P. Eleph. 14, 1, IIIe siècle av.n.è.; Pindare); étendre: παρατείνω (P.Oxy. 237, col. VIII 10, IIe siècle av.n.è.; Xénophane); ordonner: τάσσω (P.Mich.Zen. 56, 19, IIIe siècle av.n.è.; Corinne); enlever: ἀνασπάω (BGU 1041, 8, IIIe siècle av.n.è.; Pindare); placer dessus: ὑπερτίθημι (P.Eleph. 11, 5, IIIe siècle av.n.è.; Pindare), lâcher: χαλάω (P.Mag.Par. I, 2886; Alcée); entailler: σχάζω (SB 5629, 3, IIIe siècle av.n.è.; Pindare); restreindre: ὑποστέλλω (P.Cair.Zen. 532, 24, IIIe siècle av.n.è.; Pindare); saisir: συλλαμβάνω (P.Cair.Zen. 484, 21, IIIe siècle av.n.è.; Pindare); joindre: συνάπτω (P.Lille 1, 7, IIIe siècle av.n.è.; Pindare); arranger: συναρμόζω (BGU 1103, 23, Ier siècle av.n.è.; Solon); suspendre: ὑπερκρεμάννυμι (P.Mag.Berol. 2, 49; Mimnerme); suivre: ἀκολουθέω (P.Lille 1, 26; Hipponax); résister: ὑπαντάω (SB 6, 23, IIIe siècle av.n.è.; Pindare); séparer: ἀφίσταμι (UPZ 93, 2, IIe siècle av.n.è.; Pindare); tomber: ἐπιπίπτω (P. Petr.

II, p. 62, IIIe siècle av.n.è.: Pindare), περιπίπτω (OGIS 56, 15, Canope, IIIe siècle av.n.è.; Anacréon); chasser: ἐξανίσταμι (P.Hal. 9, 5, IIIe siècle av.n.è.; Pindare); communiquer: προσδίδωμι (P.Mich.Zen. 28, 12, IIIe siècle av.n.è.; Simonide); envoyer ensemble: συμπέμπω (P.Cair.Zen. 230, 4, IIIe siècle av.n.è.; Pindare); b) aux états de: rassurer: εὐθυμέω (P.Amh. II, 133, 4, IIe siècle av.n.è.; Simonide); risquer: κινδυνεύω (P.Tebt. 44, 21, IIe siècle av.n.è.; Pindare); rassembler: συντίθημι (P.Hib. 1, 48, 15, IIIe siècle av.n.è.; Alcman); déborder: πλημυρόω (OGIS 666, 8, Ier siècle av.n.è.; Archiloque); veiller: ἀγρυπνέω (P.Grenf. II, l4a, 3; Théognis); garder: ἐνέχω (P.Tebt. 5, 5, IIe siècle av.n.è.; Pindare); déborder: ἐξέχω (P.Oxy. 1027, 6, Ier siècle de n.è.; poète lyrique inconnu); recevoir: ἐπιδέχομαι (P.Amh. II, 31, 12, IIe siècle av.n.è.; Bacchylide); coucher: κοιτάζω (BGU 1252, 11, IIe siècle av.n.è.; Pindare); se trouver: πρόσειμι (P.Strassb. 87, 12, IIe siècle av.n.è.; Sémonide); fonder: κατοικίζω (P.Tebt. 105, 13, IIe siècle av.n.è.; Pindare); cohabiter: συνοικέω (P. Enteux. 91, 2, IIIe siècle av.n.è.; Hipponax); être établi: διάκειμαι (P.Oxy. 1204, 7, IIIe siècle av.n.è.; Sappho); rencontrer: ἐπιτυγχάνω (BGU 113, 3, IIe siècle av.n.è.; Théognis); réussir: εὐτυχέω (P.Masp. 23, 23, VIe siècle de n.è.; Sémonide); manquer: σπανίζω (P.Flor. 99, 7, Ier siècle av.n.è.; Pindare); c) à l'activité psychique: évaluer: ἀξιόω (P.Eleph. 19, 18; Pindare); réfléchir: ἐνθυμέομαι (PSI IV, 436, 9, IIIe siècle av.n.è.; Sémonide); examiner: ἐξετάζω (P.Rev.Laws 40, 19, IIIe siècle av.n.è.; Théognis), préjuger: προκρίνω (UPZ 27, 5, IIe siècle av.n.è.; Xénophane); convenir: συγγιγνώσκω (P.Gnom. 169, IIe siècle de n.è.; Simonide); penser: φροντίζω (P.Hib. 1, 82, IIIe siècle av.n.è.; Sappho); savoir: σύνοιδα (BGU 114l, 50, Ier siècle av.n.è.; Solon); arranger: καταρτύω (BGU 13, 5, IIIe siècle av.n.è.; Simonide); cultiver: τιθηνέω (BGU 859, 4, IIe siècle de n.è.; Simonide); demander: ἀπαιτέω (BGU 1058, 33, Ier siècle av.n.è.; Phocylide); commander: ἐντέλλω (P.Lips. 38, 5, IVe siècle de n.è.; Pindare); interroger: ἐξερωτάω (BGU 1141, 34, Ier siècle av.n.è.; Pindare); ajouter: ἐπιλέγω (UPZ 11A, 35, IIe siècle av.n.è.; Bacchylide); radoter: ληρέω (P.Fay. 114, 21, Ier siècle de n.è.; Archiloque); s'entretenir: προσομιλέω (P.Masp. 153, 25, VIe siècle de n.è.; Théognis); conseiller: συμβουλεύω (P.Mich.Zen. 37, 3, IIIe siècle av.n.è., Théognis); déclarer: φατίζω (P.Grenf. II, 78, 22, IVe siède de n.è.; Bacchylide); annoncer: μηνύω (OGIS 665, 29, Ier siècle de n.è.; Bacchylide); témoigner: μαρτυρέω (SB 10, 70, Abydos; Alcée),

déclarer: παραγγέλλω (P.Hamb. 25, 9, IIIe siècle av.n.è.; Théognis); prédire: προφητεύω (P.Gnom. 211, IIe siècle de n.è.; Pindare); attester: συμμαρτυρέω (BGU 86, 40, IIe siècle av.n.è.; Solon); regarder: βλέπω (BGU 1079, 24, Ier siècle de n.è.; Solon), ἐμβλέπω (P.Tebt. 28, 15, IIe siècle av.n.è.; Praxille); aimer: στέργω (P.Grenf. I, 53, 21, IVe siècle de n.è.; Sémonide); demander: προσαιτέω (P.Cair.Zen. 493, 6, IIIe siècle av.n.è.; Pindare); laisser: ἀπολιμπάνω (P.Oxy. 1426, 12, IVe siècle de n.è.; Sappho); quitter: ἐκλείπω (BGU 1120, 33, Ier siècle av.n.è.; Théognis); vanter: κομπάζω (P.Lond. 2327, IIIe siècle av.n.è.; Bacchylide); honorer: τιμαλφέω (SB 6692, 2; Pindare); chanter: ὑμνέω (OGIS 56, 66, Canope, IIIe siècle av.n.è.; Alcman); accuser: καταμέμφομαι (SB 5357, 11, Ve siècle de n.è.; Anacréon); injurier: λοιδορέω (BGU 1007, 6, IIIe siècle av.n.è.; Pindare); être estimé: εὐδοκιμέω (P.Tebt. 25, 16, IIe siècle av.n.è.; Théognis); être pieux: εὐσεβέω (P. Ryl. 112a, 4, IIIe siècle av.n.è.; Théognis); célébrer: κωμάζω (SB 421, IIIe siècle av.n.è.; Anacréon); supplier: παραιτέω (P.Cair.Zen. 482, 14, IIIe siècle av.n.è.; Pindare); adorer: προσκυνέω (BGU 423, 15, IIe siècle av.n.è.; Hipponax); d) à l'activité physique: tisser: ἐξυφαίνω (P.Cair.Zen. 44, 3, IIIe siècle av.n.è.; Pindare); traîner: καθέλκω (BGU 648, 12, IIe siècle av.n.è.: Alcée); filer: κλώθω (P.Oxy. 1414, 5, IIIe siècle av.n.è.; lyrique inconnu); suspendre: κρίμνημι (P.Holm. 8, 11; Pindare); préparer: φαρμακόω (P.Oxy. 1477, 29, IIIe siècle av.n.è.; Pindare); toucher: ψάλλω (P.Hib. I, 13, 24; Anacréon); racler: ψάω (BGU 530, 17, Ier siècle de n.è.; Hipponax); sillonner: αὐλακίζω (P.Flor. 326, 10, IIe siècle n.è.; Pratinas); déterrer: ἐξορύσσω (P. Hal. 1, 109, IIIe siècle av. n.è.; Théognis); effacer: ἀμαυρόω (P.Mag.Berol. 1, 102; Solon); condamner: δικαιόω (P.Ryl. 119, 14, Ier siècle de n.è.; Pindare); être tranquille: ἡσυχάζω (P.Fay. 117, 23, IIe siècle av.n.è.; Solon); frotter: ἐπιτρίβω (P.Oxy. 1252, 32, IIIe siècle av.n.è.; Solon); couper: διακόπτω (UPZ 11B, 6, IIe siècle av.n.è.; Anacréon); inonder: κατακλύζω (OGIS 90, 24, Rosette, IIe siècle av.n.è.; Archiloque); enflammer: πυρόω (SEG I 569; Pindare); graver: χαράσσω (BGU 100, 3, IIe siècle av.n.è.; Archiloque); exercer: γυμνάζω (P.Flor. 338, 4, IIIe siècle av.n.è.; Théognis); tenir: κατακρατέω (P.Cair.Zen. 225, 8, IIIe siècle av.n.è.; Hipponax); lutter: προσπαλαίω (PSI I, 76, 6, VIe siècle de n.è.; Pindare); chasser: ἐκδιώκω (P.Masp. 2, III, 4, VIe siècle de n.è.; Tiniocréon); dévaster: ἐρημόω (P.Osl. 1, 105; Pindare); laisser: καταλιμπάνω (P.Petr. III, p. 4, 12, IIIe siècle av.n.è.; Sappho);

rester: καταμένω (P. Hal. 1, 183, IIIe siècle av.n.è.; Théognis); être privé: στέρομαι (P.Hib. 1, 29, 20, IIIe siècle av.n.è.; Bacchylide); boire: προπίνω (P.Lond. III, 887, 5, IIIe siècle av.n.è.; Hipponax); absorber: συμπίνω (P. Holm. 5, 9; lyrique inconnu); laver: ἀποκλύζω (P.Holm. 27, 2; Anacréon); peigner: κτενίζω (PSI IV, 404, 4, IIIe siècle av.n.è.; Sémonide); endosser: περιτίθημι (OGIS 90, 44, Rosette, IIe siècle av.n.è.; Alcée); secourir: βοηθέω (BGU 1007, 12, IIIe siècle av.n.è.; Pindare); présider: ἐπιστατέω (P.Cair.Zen. 34, 7; Pindare); éviter: εὐλαβέομαι (BGU 665, 4, Ier siècle av.n.è.; lyrique inconnu); coller: κολλάω (P.Oxy. 1449, 15, IIIe siècle de n.è.; Pindare); apporter: συμφέρω (P.Cair.Zen. 21, 4l, IIIe siècle av.n.è.; Tyrtée); arracher: ἀποσπάω (P.Petr. III. p. 129, IIIe siècle av.n.è.; Pindare); séparer: σχίζω (BGU 928, 20, IIIe siècle de n.è.; Stésichore); habiter: συνδιαιτάομαι (P.Masp. 153, 14, IVe siècle de n.è.; Bacchylide); brocanter: καπηλεύω (BGU 1024 VII, 23, IVe siècle de n.è.; Hipponax); mouiller: βρέχω (P.Tebt. 106, 19, IIe siècle av.n.è.; Pindare); καταβρέχω (P.Petr. III, p. 108, IIIe siècle av.n.è.; Pindare); piquer: στίζω (P.Lille 29 II, 36, IIIe siècle av.n.è.; Simonide); ménager: ταμιεύω (P.Cair.Zen. 680, 14, IIIe siècle av.n.è.; Pindare); conduire le choeur: χορηγέω (BGU 1208, 18, Ier siècle av.n.è.; Simonide); éprouver: δοκιμάζω (P.Eleph. 1, 8, IVe siècle av.n.è.; lyrique inconnu); frotter: παρατρίβω (P.Oxy. 1668, 24, IIIe siècle de n.è.; Théognis); obtenir: μεταλαμβάνω (P.Tebt. 40, 7, IIe siècle av.n.è.; Pindare); participer: μετέχω (P.Rev.Leurs 14, 11, IIIe siècle av.n.è.; Théognis); arpenter: σταθμάω (P.Tebt. 5, 86, IIe siècle av.n.è.; Pindare); recevoir: ἀντιλαμβάνω (BGU 648, 10, IIe siècle de n.è.; Théognis); admettre: ἐνδέχομαι (P.Grenf. 2, 14, 4, IIIe siècle av.n.è.; Mimnerme); représenter: εἰκάζω (P.Gurob. 8, 14, IIIe siècle av.n.è.; Sappho); montrer: ἐπιδείκνυμι (P.Eleph. 1, 7, IVe siècle av.n.è.; Bacchylide); juger: κατακρίνω (OGIS 669, 27, Ier siècle de n.è.; Pindare); indiquer: ὑποδείκνυμι (P.Tebt. 27, 78, IIe siècle av.n.è.; Xénophane); voiler: ἐγκαλύπτω (P.Masp. 295, 12, Ve siècle de n.è.; Théognis); agrandir: μεγαλύνω (P.Oxy. 1592, 3, IIIe siècle de n.è.; poète lyrique inconnu) et parfumer: θυμιάω (P.Mag.Par. 1, 2970; Hipponax).

Les innovations lyriques sont représentées dans le matériel épigraphique égyptien des IIIe-IIe siècles av.n.è. Nous en avons trouvé à Canope, Rosette, Oxyrhynchus, Ptolémaïs, Abydos, Eléphantine et autres villes d'Egypte.

La comparaison des innovations lyriques avec le lexique des inscriptions de la périphérie grecque a demontré que celles-ci y sont disposées inégalement. La plupart est présente en Egypte et en Asie Mineure avec ses îles. Elles se rencontrent plus rarement en Crète et en Italie. En même temps, si en Crète les innovations lyriques sont concentrées à Gortyne, en Italie à Rome et Héraclée, sur les îles égéennes à Délos, ce sont l'Egypte et l'Asie Mineure où leur diffusion est plus large et n'est pas limitée à un cenlre quelconque. Presque toutes les innovations lyriques se trouvent ici dans les documents officiels el dans les textes privés. Elles sont plus nombreuses dans les inscriptions particulières: les Lois de Gortyne (SGDI 4991; Ve siècle av.n.è.), les Tables d'Héraclée (IG XIV 645; IVe siècle av.n.è.), les inscriptions de Délos (IG XI 2, 161; IIIe siècle av.n.è.), de Milet (SIG 57; Ve siècle av.n.è.) et de Canope (OGIS 56; IIIe siècle av.n.è.).

L'étude des innovations lyriques trouvées dans le matériel épigraphique nous permet de constater que celles-ci sont présentes dans trois types de documents. D'une part, ce sont les inscriptions liées au culte des dieux (Athéna, Apollon, Déméter, Dionysos) el à l'économie des temples. D'autre part, ce sont les lois de 1'état et de la ville qui déterminent les droits et les obligations dés citoyens. Telles sont les inscriptions dans presque toutes les régions de la Grèce continentale et périphérique. Seulement en Egypte dans les papyrus on trouve une large utilisation des innovations poétiques lyriques dans les documents économiques, les actes administratifs et dans la correspondance privée.

On peut poser naturellement la question: nos données en chiffres reçues confirment-elles les résultats de nos recherches précédentes ou, au contraire, les démentent elles?

Présentons ces données sur un tableau:

Les innovations lyriques			
Région	Total	Substantifs	Verbes
Egypte	258	111	147
Attique	134	84	50
Iles égéennes	56	26	30
Asie Mineure	52	24	28
Argolide	46	28	18
Phocide	26	15	11
Italie	20	9	11
Arcadie	19	12	7
Béotie	18	6	12
Crète	18	5	13

Messénie	10	4	6
Thessalie	2	2	-

Il en résulte que le plus grand nombre des innovations lyriques se rencontre en Attique et Argolide, d'un côté, en Egypte et Asie Mineure avec les îles égéennes, de l'autre.

Notre analyse du lexique poétique (substantifs) de Pindare nous a amenés à la conclusion suivante: ''Dans les régions du monde grec, dont les inscriptions prosaïques présentent au plus haut point le lexique de Pindare, se distinguent tout d'abord: en Grèce continentale l'Attique (233 mots) et l'Argolide (61), à la périphérie grecque l'Egypte (principalement papyrus; 259) et l'Asie Mineure (116), sur les îles et la Crète (32)"[4].

Notre étude du lexique verbal et de la poésie lyrique grecque a demontré, à son tour, que le plus grand nombre des 636 verbes, trouvés dans le matériel épigraphique grec, est présent en Egypte (395), en Attique (166), en Asie Mineure (105) et en Argolicle (66).

Ainsi, trois aspects du témoignage confirment nos données sur la diffusion des innovations lyriques dans les inscriptions grecques. Nous sommes prêts à supposer non seulement que nous avons affaire à un phénomène qui n'est pas fortuit, mais aussi que nous nous trouvons devant une réalité historique.

Or, une question se pose: quelle relation y a-t-il entre le lexique de la poésie lyrique grecque et le lexique des documents épigraphiques de la Grèce ancienne?

Dans la langue poétique de la lyrique des VIIe-Ve siècles av.n.è. et dans la langue prosaïque des inscriptions des Ve-IIe siècles av.n.è. on a relevé une couche lexicale commune, qui regroupe quelques centaines de substantifs et de verbes rarement employés et totalement absents chez Homère. Les poètes lyriques grecs, comme on sait, sont princi-palment originaires de ces trois régions: de la Grèce Centrale (Solon de l'Attique, Théognis et Pindare de la Béotie), des îles égéennes (Sappbo et Alcée de Lesbos; Simonide et Bacchylide de Céos; Archiloque de Paros; Sémonide de Samos) et de l'Asie Mineure (Alcman de Sardes, Anacréon de Téos, Hipponax d'Ephèse, Xénophane de Colophon). Dans les poètes de la première région on trouve 293 innovations lyriques (au total de 474 innova-

[4] N S. Grinbaum, Le monde artistique de la poésie antique. Innovation de Pindare. Moscou 1990 (en russe).

tions trouvées dans les inscriptions), de la deuxième 194 et de la troisième 98. Un phénomène attire notre attention: parmi les représentants de la poésie lyrique grecque aucun ne provient de l'Egypte.

On peut supposer qu'il s'agit d'un emprunt, puisque les textes poétiques sont plus récents que la plupart des inscriptions. Mais il faut prendre en considération que premièrement, toutes ces inscriptions sont prosaïques et n'ont aucun rapport avec la poésie; deuxièmement, la majorité est liée avec le culte et l'économie des temples. Il n'est plus question naturellement de l'influence du lexique épigraphique dans la langue des poètes lyriques.

Tout ce que nous venons de dire nous amène à la conclusion qu'il faut rapporter les innovations lyriques et leurs occurrences épigraphiques à une source unique – à la couche commune du lexique peut-être encore préhomérique. C'est à cette source que s'addressaient regulièrement les poètes lyriques des VIIe-Ve siècles av.n.è. ainsi que les prêtres qui rédigeaient, dans les centres du culte des Ve-IIIe siècles av.n.è., les instructions et les prescriptions sacrées. Dans la langue de tous les jours ces mots se rencontrent rarement en Grèce Continentale. Les innovations lyriques sont utilisées plus librement dans le matériel épigraphique des îles égéennes et de l'Asie Mineure, où elles sont présentes dans les centres du culte (Milet, Délos), dans les documents économiques et les actes administratifs. En Egypte elles ne sont pratiquement pas liées à la sphère du culte, elles représentent une partie organique du lexique de tous les jours proche de la langue parlée et sont concentrées dans les papyrus.

Ainsi nous supposons qu'au IIe millénaire av.n.è. sur le territoire de la Grèce Continentale – au centre et au sud – s'est formée une langue riche en ressources lexicales, une langue qui témoignait le haut niveau économique et culturel de la société[5]. Quand à la fin de cette époque la Grèce a subi l'agression du Nord et la plupart de sa population a été obligée de quitter ses terres, les peuples originaires du continent ont transporté avec eux dans les terres nouvelles – les îles égéennes, l'Asie Mineure, l'Italie ancienne et l'Egypte – leur vieux trésor lexical, qui par la suite constitua la source d'où se nourrissait toute la littérature grecque: les poèmes homériques, la

[5] T.W. Blavatskaja, La société grecque au IIe millénaire av.n.è. et sa culture. Moscou 1976 (en russe).

lyrique, le drame et la prose artistique[6]. Chacun de ces genres littéraires profitait de l'héritage lexical à sa manière en utilisant également des mots usuels et des mots spécifiques. Il en est allé ainsi de la poésie lyrique où l'on trouve, à côté de la couche traditionnelle (homérique) de 2161 mots, encore 1613 mots qui manquent chez Homère. Une partie considérable de ces innovations lyriques a été trouvée dans les inscriptions du culte de l'Attique et de l'Argolide, une autre partie en Asie Mineure (avec les îles égéennes) et presque une moitié dans les papyrus égyptiens.

A la différence de la Grèce Continentale, où le lexique ancien est devenu plus raffiné et «littéraire», le même lexique en Egypte se rencontre dans les textes prosaïques de tous les niveaux et semble être étroitement lié à tous les domaines de la vie économique, politique et culturelle de la société grecque.

Il peut y avoir trois explications à la présence d'un si grand nombre d'innovations lyriques en Egypte. La première version est liée au témoignage d'Hérodote (2, 154, 178) sur la migration des ioniens grecs de l'Asie Mineure aux temps des pharaons Psammitique et Amasis (VIIe-VIe siècles av.n.è.). D'après la deuxième version, basée sur le matériel mythologique – la légende du roi Danaos, fils de Bélus et fondateur d'Argos, et de ses filles (cfr. la tragédie Les Suppliantes d'Eschyle) – l'arrivée des Grecs en Egypte a pu avoir lieu quelques siècles plus tôt. Dans les documents égyptiens nous trouvons des renseignements sur les invasions des terres et de la nier aux XIIIe-XIIe siècles av.n.è. par les Achéens et par les Danaens. Quoiqu'il en soit, la présence de 258 innovations lyriques trouvées en Egypte est une preuve considérable de la conservation sur ce territoire du lexique grec ancien, fixé dans les papyrus de l'époque hellénistique. Il n'est pas impossibie aussi que la migration paisible des Grecs en Egypte aie eu lieu encore à l'époque préhomerique et qu'ils aient représenté déjà alors, comme le confirme l'Odyssée (4, 126, 228), un des groupes aisés de la population égyptienne.

En tout cas le lexique de la poésie lyrique grecque peut être considéré comme une source complémentaire de l'histoire de la Grèce archaïqtie et du Proche-Orient.

---

[6] N.S. Grinbaum. «La langue de la lyrique chorale grecque (résultats d'analyse)». Voprosy jazykoznanija 2, 1988, p. 115 (en russe).

Abbréviations

BCH – Bulletin de corréspondance héllènique. 1877–.
BDU – Berliner griechische Urkunden, Berlin 1895.
BGU – Ägyptische Urkunden aus den Spaatlichen Museen zu Berlin, Berlin 1895–
BMusInscr – Ancient Greek Inscriptions in the British Museum, Oxford 1874–1916.
CIG – Corpus inscriptionum Graecarum. Berlin 1828–77.
CPR – Corpus Papyrorum Haineri, Wien 1895–.
DGE – Dialectorum Graecarum exempta epigraphica potiora. Lipsiae 1923 (Hildesheim 1960).
IGRom – Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes. Paris 1906–27.
InscrDélos – Inscriptions de Délos, Paris 1926–72.
InscrMagn – Die Inschriften von Magnesia am Meander. Berlin 1900.
InscrPriene – Die Inschriften von Priene, Berlin 1906.
LegGort – E. Schwyzer, Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora, Lipsiae 1923 (nr. 179).
MAMA – Monumenta Asiae Minoris Antiqua, Manchester 1928–.
Michel – C. Michel, Recueil d'inscriptions grecques, Brussels 1900.
OGIS – Orientis Graecis Inscriptiones Selectae, Leipzig 1903–05.
Preisigke – F. Preisigke, Wörterbuch der griechischen Papyruskunde I–II, Heidelberg 1925–27.
SB – Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten, Strassburg 1915–.
SEC – Supplementum Epigraphicum Graecnm, Leiden 1923–71 (Amsterdam 1979).
SGDI – Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften, Göttingen 1884–1915.
SIG – Sylloge Inscriptionum Graecarum I–III^{3}, Leipzig 1915–24 (Hildesheim 1960).
UPZ – Urkunden der Ptolemäerzeit I–II, Leipzig 1927–57.

СТРУКТУРА И ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА*

Древнегреческий литературный язык охватывал, как уже отмечалось, две основные разновидности: письменную и устную.

К *письменной* разновидности относились: деловой язык; язык художественной литературы; философский язык; язык исторической прозы; публицистический язык; язык научной, специальной и технической литературы.

Устная разновидность включала: язык устных выступлений; разговорную речь образованной части населения.

Попытаемся вкратце охарактеризовать каждое из перечисленных подразделений литературного языка.

Деловой язык охватывал широкую сферу хозяйственных, административных и государственных связей, внешних дипломатических актов, религиозных и культовых установлений, а также частично сферу личных отношений в среде грамотных граждан греческих полисов. Деловой язык представлен двумя видами источников: надписями и папирусами.

Надписи засвидетельствованы в настоящее время с XIV–XII вв. до н. э. Крито-микенские тексты, древнейшие хозяйственные записи на греческом языке, опережают более чем на пятьсот лет первые памятники древнегреческой художественной литературы. Они содержат главным образом сугубо прозаическую лексику, связанную с конкретным кругом предметов, явлений и отношений микенского мира. В языковом плане они отражают диалектную ситуацию южных областей Греции II тыс. до н. э.

Следующий этап развития древнегреческого делового языка засвидетельствован (после длительного перерыва) в надписях рапного периода греческой истории (VIII–VI вв. до н, э.). Эти надписи обнаружены и различных областях Греции и представляют собой религиозные посвящения, тексты законов, межобщинные соглашения, списки должностных лиц и победителей

---

* Н. С. Гринбаум. Ранние формы литературного языка (др.-греч.). М., 1984. С. 91–125.

спортивных состязаний. Число надписей значительно возрастает в последующие столетия, начиная с V–IV вв. до н. э. Они становятся и более разнообразными по содержанию, разбиваясь на несколько категорий: государственные, хозяйственные, храмовые, общественные и частные. Их количество давно уже превысило сто тысяч.[1] Если крито-микенские тексты отличаются единством языка, откуда бы они ни происходили (из Пилоса или Кносса, Микен или Фив), то надписи более позднего времени отражают в значительно большей мере местную или региональную языковые среды. Они составлялись не только на ионийском, аттическом, эолийском и дорийском, но и на менее распространенных греческих диалектах: аркадском, беотийском, фессалийском и т. д. Однако, как отмечают исследователи, следует иметь в виду, что это был не разговорно-бытовой язык той или иной области Греции, а письменный язык, базировавшийся на определенной наднаречной или наддиалектной норме.[2] Нельзя не считаться и с тем обстоятельством, что степень «литературности» различных категорий надписей была неодинаковой и определялась как характером их содержания, так и уровнем грамотности составлявших их общественных и частных лиц. В то же время в надписях, в отличие от произведений художественной литературы, зачастую используются не совсем обычные лексические и фонетико-морфологические особенности локального масштаба.[3]

Второй источник наших сведений о древнегреческом деловом языке – папирусы. Их число в полтора-два раза превышает число греческих надписей. Основная масса папирусов стала нам известна на протяжении XIX-XX вв. н. э. Они были написаны главным образом в III в. до н. э. – V в. н. э. в условиях господства греков и македонян, а затем и римлян в эллинистическом Египте. Папирусы содержат материалы официального и частного порядка. В них сохранены деловая переписка, извлечения из законов, налоговые установления, судебные дела, донесения, отчеты, договоры и жалобы жителей различных округов

---

[1] История Древней Греции, с. 19.

[2] См.: *Schmid W., Stählin O.* Geschichte der griechischen Literatur. Bd. I, 1, S. 37.

[3] Ср.: *Schwyzer E.* Griechische Grammatik, Bd. I, 1, S. 100.

страны.[4] В папирусах встречается и частная переписка родственников, детские письма, бытовые сообщения. Это единственный в своем роде материал, дошедший до нас из древности и напоминающий архивные материалы нового времени. Значительная часть папирусов содержит отрывки из произведений древнегреческих писателей. Папирусы, как и надписи, отражают не только исторические изменения греческого языка на протяжении нескольких столетий, но и различную степень его «литературности». Вместе с тем папирусы, как более удобный писчий материал, предоставляли возможность подробно излагать мысли и взгляды, служить многоцелевым средством общения. Это обстоятельство позволяет нам проследить эволюцию делового языка, становление его стилевых особенностей. Значительно более отчетливо прослеживается в папирусах и влияние народно-разговорного языка, степень образовательного уровня авторов, проникновение в литературный язык разговорных и иноземных элементов. Папирусы являются неоценимым источником для изучения взаимоотношений литературного языка и койне в эллинистический период.

Рассматривая древнегреческий деловой язык, мы вынуждены были ограничиться его письменным аспектом и анализом материала, дошедшего до нас в сохранившихся источниках. Не следует, однако, забывать, что для населения Древней Греции он существовал и в устной форме, занимая значительное место в повседневной деятельности ее жителей. Это был язык сугубо прозаический, он обслуживал потребности греческого рабовладельческого общества, связанные главным образом с его экономической, социальной и общественно-политической жизнью.

Язык художественной литературы являлся одним из наиболее существенных подразделений древнегреческого литературного языка. Это определялось прежде всего той большой ролью, которую играла художественная литература в культурной жизни древней Греции начиная с VII–VI вв. до н. э. Язык художественной литературы охватывал две основные разновидности: по-

---

[4] Подробное описание одного из таких египетских центров содержится в книге И. Ф. Фихмана «Оксиринх – город папирусов» (М., 1976); ср. также: Griechische Papyri aus Ägypten als Zeugnisse des öffentlichen und privaten Lebens / Ed. J. Hengstl, G. Häge, H. Kühnert. München, 1978.

этическую и прозаическую. Рассмотрим сначала жанровые языки древнегреческой поэзии.

Самый ранний из них *эпический* (засвидетельствован с VIII – VII вв. до н. э.) считают обычно первым жанровым языком всей греческой литературы. Он восходит своими корнями к поэтическому языку микенской эпохи. Сложился на ахейско-эолийско-протоионийской диалектной базе, продолжал развиваться на ионийском наддиалекте. Пользовался стихотворным размером дактилического гексаметра.

В пределах в целом единого эпического жанрового языка различаются своими отдельными фонетическими, лексическими и стилистическими особенностями языки героического, генеалогического и наставительного эпоса. Язык героического эпоса представлен в гомеровских поэмах «Илиаде» и «Одиссее». Он свидетельствует о высоком художественном мастерстве и искусном владении их автором выразительными средствами поэтической речи.[5] В то же время остается для нас неясным, что в этом языке и стиле принадлежит многовековой традиции, а что является в них индивидуальным вкладом самого Гомера. Язык эпоса сохранился в качестве единого языкового типа на протяжении всей античности вплоть до Нонна из Панополиса (V в. н. э.) и продолжал культивироваться в византийское время (Цец из Византии, XII в. н. э.).

Весьма близким к гомеровскому был язык генеалогического и наставительного эпоса, которым пользовался в VII в. до н. э. Гесиод из Беотии. Его основные произведения «Теогония» и «Работы и дни» указывают на то, что автор, придерживаясь в основном эпической традиции, стремился дальше ее развить и обогатить. При всем сходстве с Гомером (83% общей лексики), в языке Гесиода, как отмечают исследователи,[6] проявляется склонность к сочинению собственных имен (не так-то легко было, по-видимому, собрать или изобрести имена для почти 50 Нереид и 41 Океаниды, а к тому же – поместить их в гексаметр),

---

[5] См.: *Тахо-Годи А. А.* Структура поэтических тропов в «Илиаде» Гомера. – В кн.: Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966, с. 45–59.

[6] См.: *Sinko T.* Literatura grecka, s. 215–216.

к совершенствованию стилистических средств, использованию звуковых эффектов и поэтических фигур.

Второй жанровый язык древнегреческой литературы (засвидетельствован с VII–VI вв. до н. э.) – *лирический*. Он охватывает два разных по своему характеру подразделения: хоровой и монодической лирики.

Язык хоровой лирики представлен поэтами, жившими в разных областях материковой Греции и ее периферии. Культовое назначение хоровых песен, их коллективное исполнение на всенародных празднествах, сочетание в них музыки, танца и песни указывают на архаичность самого жанра. Диалектную базу его языка составляет эолийско-протоионийский наддиалект, восходящий, как и эпический, к микенской или домикенской эпохе.[7] Хотя имеются некоторые различия у таких хоровых лириков, как Стесихор, Алкман, Пиндар, Симонид и Вакхилид, в целом их язык может быть признан единым по своим основным фонетико-морфологическим моделям. Однако в языке хоровой лирики ощущаются уже в большей степени, чем в эпическом, индивидуальные особенности ее представителей. Они проявляются, с одной стороны, в многообразии используемых поэтами стихотворных размеров, с другой – в значительном обновлении лексических средств и стилистических приемов. Наиболее отчетливо эти тенденции улавливаются у виднейшего из хоровых лириков Пиндара (VI – V вв. до н. э.), чье поэтическое наследие превосходит по своему объему сохранившиеся произведения остальных авторов. Его язык насыщен сложными именами (свыше 800), в их числе около 270 нет у других писателей. Пиндар, как и остальные поэты, вводит впервые в литературный обиход значительное число ранее не употреблявшихся глаголов и существительных, расширяет и разнообразит семантические возможности встречавшихся до него слов, использует многие из них в переносном значении.

Язык монодической лирики включал в свою очередь три основных жанровых подразделения: элегической, ямбической и

---

[7] См. подробнее об этом: *Гринбаум Н. С.* 1) О диалектной основе языка древнегреческой хоровой лирики. – ВЯ, 1977, № 1, с. 56–61. 2) Диалектная база языка Пиндара. – В кн.: Античное общество. М., 1967, с. 266–274.

мелической поэзии. Первые два базировались на ионийском, третье – на эолийском диалекте.

Язык элегической (и эпиграмматической[8]) поэзии тесно примыкал к эпическому. Жанр элегии пользовался стихотворным размером, получившим название элегического двустишия и состоящим из сочетания дактилического гексаметра с пентаметром. Элегия культивировалась в Ионии (здесь ее представляли Архилох, Каллин, Мимнерм), в Аттике (Солон), Спарте (Тиртей), Мегаре (Феогнид) и других областях. Она служила поэтам средством борьбы и изложения социальной позиции, политических взглядов и нравственных убеждений. В ее языке находила отражение порожденная жизнью новая общественная лексика и проявлялись, в определенной мере, местные диалектные особенности (например, у Солона).

Язык ямбической песни выделялся не только своей резко выраженной социально-политической и субъективной направленностью, но и необычной для ранней античной литературы вольностью лексики. Особенно показателен в этом отношении язык ионийского поэта Гиппонакта (VI в. до н. э.). В нем в еще большей степени, чем у Архилоха, предшественника Гиппонакта, встречаются явные вульгаризмы и иноязычные заимствования. Оба поэта пользуются близкими к разговорной речи ямбическим и трохаическим стихотворными размерами.

В языке лесбосской мелики, представленной Алкеем и Сапфо, нашли отражение политические события, имевшие место на острове Лесбос в VII–VI вв. до н. э., а также личные переживания каждого из поэтов. В песнях используются различные, в основном народные, стихотворные размеры. Язык Алкея и Сапфо отличается простотой, в нем мало сложных эпитетов, лексика состоит в основном из общеупотребительных греческих слов.[9]

Третий жанровый древнегреческий поэтический язык (засвидетельствован с VI–V вв. до н. э.) – *драматический*. Он охватывает два подразделения: трагедийное и комедийное.

Язык древнегреческой трагедии сформировался в Аттике. Виднейшие представители жанра, опираясь на древнюю культовую и фольклорную традицию, совершенствовали его много-

---

[8] См.: *Чистякова Н. А.* Греческая эпиграмма VIII–III вв. Л., 1983.
[9] Ср.: Meillet A. Aperçu . . ., p. 206.

образные выразительные средства. Язык Эсхила отличается, особенно в хоровых партиях, пафосом, смелостью образов и торжественностью, соответствующим его высокой трагедийной тематике. Поэтическая лексика включает свыше 1100 новых слов и в каждой из шести трагедий встречаются от 329 до 782 слов, не представленных в остальных пяти.[10] Широкое употребление украшающих эпитетов и образных выражений, персонификация и метафора, богатый набор других стилистических приемов придают языку великого поэта неповторимое своеобразие.[11] В языке Софокла нашла в большей мере отражение речь образованной части аттического и ионийского общества. Поэт ввел в литературный обиход около 1300 новых слов, свыше 400 из них встречаются у позднейших авторов. В отличие от эсхиловых, неологизмы Софокла заимствованы им из обыденной жизни. Они характерны главным образом для диалогических партий, доля которых в общем контексте трагедий значительно увеличилась по сравнению с драмами Эсхила.[12] Еврипид продолжил процесс сближения языка трагедии, особенно в диалогах, с обиходной речью просвещенных кругов Аттики. Около 60% употребляемых им слов, в том числе 41% в хоровых партиях, встречаются в аттической художественной прозе. Из 1623 слов, появившихся впервые у Еврипида, 585 больше не представлены в литературе. Поэт охотно пользуется риторическими фигурами и стилистическими украшениями. Еврипида признают основоположником драматической койне последующего времени.[13]

Жанровый язык греческой комедии включает, со своей стороны, два подразделения: сицилийское и аттическое.

Первое из них связано с островом Сицилия и представлено языком Эпихарма (VI–V вв. до н. э.). В его произведениях, представлявших собой краткие сценки или сценические зрелища, запечатлены комические картины сицилийской действи-

---

[10] См.: *Schmid W.*, *Stählin O.* Geschichte der griechischen Literatur, S. 290.

[11] Интересные наблюдения о языке и стиле поэта содержатся в кн.: *Ярхо В.* Эсхил. М., 1958.

[12] См.: *Schmid W.*, *Stählin O.* Geschichte der griechischen Literatur, I, 2, S. 458–488.

[13] См.: Ibid., Bd. I, 3, S. 792–812.

тельности. Их герои говорят на более или менее литературно обработанном дорийском диалекте города Сиракузы. Эпихарм пользовался ямбическим и трохеическим стихом. Его драмы, по мнению древних, оказали некоторое влияние на становление аттической драматургии.[14]

Аттическая комедия в лице своего виднейшего представителя Аристофана пользуется языком, который в фонетико-морфологическом, синтаксическом и фразеологическом плане напоминает повседневный язык образованной публики Афин V в. до н. э.[15] Вместе с тем у Аристофана встречаются использованные зачастую для комического эффекта эпические, лирические и трагедийные языковые элементы, инодиалектные и разговорные слова и выражения, равно как и собственные, нередко гротескные словообразования. В дальнейшем комедийный язык теряет свою контрастность и в творчестве представителя новой комедии Менандра (IV–III вв. до н. э.) становится более изысканным, отражая – особенно в области лексики – происшедшие в греческом обществе изменения. У Менандра встречается около 400 слов, ранее не употреблявшихся в Афинах. Язык поэта некоторые считают образцом чистейшей аттической речи.

Последний поэтический жанровый язык – язык *буколической поэзии* – засвидетельствован с IV–III вв. до н. э. и сложился в эллинистический период. Он связан с творчеством Феокрита и его последователей – Мосха и Биона. Свою юность Феокрит провел на Сицилии, и в своих идиллиях он пользуется литературно обработанным дорийским диалектом родного города – Сиракуз. Стихотворный размер эпической поэзии получает у Феокрита дальнейшее развитие: благодаря дополнительной, так называемой буколической цезуре (пауза после четвертой стопы) гексаметр стал более удобным для чтения.[16]

Одной из особенностей древнегреческой художественной литературы являлось относительно ограниченное (по сравнению с поэзией) число собственно художественных *прозаических жанров* и соответствующих им прозаических языков.

---

[14] Ср.: *Meillet A.* Aperçu . . . , p. 226.

[15] См.: *Schmid W., Stählin O.* Geschichte der griechischen Literatur, Bd. I, 4, S. 425–426.

К ним относился прежде всего язык новеллы, повествовательного жанра, зародившегося в VI в. до н. э. в Ионии и рассказывавшего о царях, политических деятелях, поэтах и философах Древней Греции. Новеллы писались на ионийском диалекте и нередко украшались различными мудрыми изречениями (так называемыми гномами).

Язык другого прозаического жанра – басенного был также связан с Ионией VI в. до н. э. – с именем Эзопа. «Эзоповы басни» представляли сборник рассказов, преимущественно о животных. В них применялся, как и в новеллах, ионийский диалект, но от последних басни отличались непритязательностью стиля, лаконичностью изложения и простотой лексики.

В Сицилии на основе фольклорной драмы развился еще один прозаический жанр, получивший наименование «мима». В нем изображались драматические сценки из жизни простых людей. Видный представитель этого жанра Софрон из Сиракуз (V в. до н. э.) составлял свои мимы на местном дорийском диалекте, близком к живой народной речи.

В эпоху эллинизма возродилась и нашла широкое распространение греческая новелла. Она приобрела и новые грани: комическая, любовная новелла (Аристид из Милета, II в. до н. э.). Написанные на литературной койне, эллинистические новеллы включали в свой язык много элементов разговорного и обиходного словаря.

Эллинизм принес новый вид повествовательной прозы – псевдопутешествие. Его представители Эвгемер и Ямбул рассказали в своих произведениях об утопических странах, где в идеальных условиях живут и трудятся люди. Язык этих сочинений – та же эллинистическая койне, но он рассчитан на образованного читателя и далек от разговорной речи.

Близок к нему и язык последнего прозаического жанра греческой литературы, возникшего в первые века новой эры, – так называемого романа. Представители любовного романа Харитон (I – II в. н. э.), Лонг (II – III в., автор романа «Дафнис и Хлоя») и Гелиодор (III в.) тяготеют к приподнятому стилю поэзии.[17]

---

[17] Ср.: *Полякова С. В.* К вопросу о стилевых особенностях греческого романа // Язык и стиль античных писателей. Л., 1966, с. 155–162.

Говоря о жанровых языках греческой художественной литературы, необходимо отметить наряду с преобладающей линией их параллельного и самостоятельного развития тенденцию к использованию уже накопленного опыта, его заимствованию и обогащению, столь ярко проявлявшую себя в нередком обращении более поздних поэтов к языку своих знаменитых предшественников. Вместе с тем следует обратить внимание и на случаи преемственности в истории языков отдельных литературных жанров. Известно, например, что некоторые языковые элементы трагедий Еврипида были унаследованы новой аттической комедией, александрийского эпоса – зародившимся романом, а философского диалога – так называемой диатрибой.[18]

Философский язык на первом этапе своего становления (VII–V вв. до н. э.) был связан с ионийским диалектом и испытал определенное влияние эпического языка. В Ионии появилась первая прозаическая книга на религиозно-мифологическую тему «Учение о богах» Ферекида из Сироса (VI в. до н. э.). В Ионии действовали и первые философы: Фалес из Милета (VII – VI вв.) и его ученик Анаксимандр, Анаксимен и Гераклит, один из основоположников диалектики. С югом Италии была связана деятельность философа Пифагора (VI в.), однако ни одно из его произведений не сохранилось. Хотя сам Пифагор был по происхождению ионийцем, ряд его последователей излагал свои философские теории на южноиталийском дорийском диалекте. Созданная также в Южной Италии школа «элеатов» первоначально избрала для изложения своих взглядов стихотворную форму: Ксенофан, Парменид и Эмпедокл (VI–V вв.) пользуются гексаметром и элегическим двустишием. В дальнейшем философские трактаты стали излагаться прозой, однако еще долго ощущалось в них влияние поэтического языка. Прозаические сочинения Демокрита из Абдеры (V–IV вв.) были написаны, как полагают, на ионийском диалекте. Философ обогатил греческий литературный язык многими существительными с исходом на -ίη и -σύνη, новыми абстрактными терминами и сложными именами[19].

---

[18] См.: *Sinko T.* Literatura grecka, s. 15.

[19] См.: *Мисько С. Д.* Проблематика языка Демокрита // Проблемы классической филологии. Кишинев, 1972, с. 95.

Второй этап развития философского языка (V–IV вв.) связан с Афинами и аттическим диалектом. Появилась и новая литературная форма изложения мыслителем своего учения: им стал философский прозаический диалог. Его создателями были Платон и Ксенофонт (V–IV вв. до н. э.).

Язык Платона отразил в целом речь образованных слоев афинского общества его времени и практику официальных документов. В нем сохранилось характерное и для надписей употребление форм двойственного числа. Лексика Платона свидетельствует о его хорошем знакомстве с эпической и драматической поэзией, в ней широко представлены новые философские термины. Платон сумел избежать ощутимого ионийского влияния и считается одним из создателей аттической литературной прозы. Характерной особенностью его языка было частое употребление частиц, дающих возможность выделять и выражать различные оттенки и тонкости философских рассуждений.[20]

Ксенофонт был уже, как полагают, ближе к начинавшей складываться эллинистической койне. Его язык обнаруживает некоторое влияние афинской обиходной речи.[21]

К концу аттического периода и началу эллинизма относится творчество Аристотеля (IV в. до н. э.). В его язык, представлявший собой в целом аттическую литературную прозу, проникли и отдельные элементы койне. Энциклопедическая одаренность и многосторонние научные интересы Аристотеля способствовали использованию им большого числа новых слов, относившихся к самым разным областям человеческих знаний и значительно обогативших литературную лексику древнегреческого языка.

Третий, эллинистический этап становления греческого философского языка (IV в. до н. э. – V в. н. э.) оказался наиболее продолжительным и не был связан с каким-то определенным центром или областью Греции. Философы этого времени пользовались в своих трудах кто более, кто менее чистой наддиалектной койне. На рубеже IV–III вв. до н. э. возникли материалистическая философская система Эпикура, колеблющаяся

---

[20] Глубокий анализ эстетической терминологии Платона см. в кн.: *Лосев А.* История античной эстетики. М., 1969, т. II; 1974, т. III.

[21] Ср.: *Meillet A.* Aperçu . . ., p. 241–242.

между материализмом и идеализмом система стоиков и учение ярых противников религии – скептиков. Они способствовали дальнейшей разработке греческой этической и эстетической терминологии. В популярной в низовых слоях греческого общества философской школе киников был создан еще один литературный жанр – диатрибы, беседы на моральные темы.[22] Ее язык был близок к разговорной речи, но не избегал применения риторических приемов. Жанр диатрибы лег со временем в основу христианской проповеди.

Римский период развития греческого философского языка представлен наиболее ярко в моральных трактатах Плутарха (I–II вв. н. э.), с одной, сатирических диалогах и памфлетах Лукиана (II в. н. э.) – с другой стороны. Язык Плутарха испытал на себе некоторое влияние аттикизма, однако продолжил в целом тенденции литературной прозы эллинизма. В лексике заметное место занимает этическая и религиозная терминология. Плутарх охотно пользуется сравнениями, метафорами, пословицами и сентенциями, его стиль характеризует наличие большого количества прозаических и поэтических цитат.[23]

Лукиан, несмотря на критическое отношение к аттикизму, придерживался в основном традиционного языка греческой философской прозы. Вместе с тем Лукиан использовал более свободно, особенно в памфлетах, отдельные элементы разговорной речи. Греческая риторическая, философская, религиозная и бытовая лексика широко отражена в его произведениях.

Язык греческой *исторической прозы* сформировался в VI в. до н. э. в Ионии на базе местных хроник и родословных, с одной, описаний чужих земель и народов – с другой стороны. Наиболее полно и основательно он представлен в знаменитом труде Геродота (V в. до н. э.) «История». Последняя написана на ионийском литературном наддиалекте, сложившемся на побережье Малой Азии в VII–VI вв. на базе местных греческих говоров. Язык Геродота несколько архаизован, в нем встречаются явления, характерные также для Гомера и не представленные в ионийских надписях (нестяженные формы, частотные формы на -σκον и др.). Геродот ввел в канву повествования басенный и

[22] См. подробнее: Нахов И. М. Киническая литература. М., 1981.

новеллический материал, пользовался нередко стилем фольклорных рассказов.

Свое продолжение язык исторической прозы получил на аттической почве в трудах прежде всего Фукидида (V в. до н. э.) и упоминавшегося выше Ксенофонта. Фукидид писал на аттическом диалекте, хотя и воздал определенную дань ионийскому диалекту своего знаменитого предшественника. В языке Фукидида встречаются некоторые староаттические элементы (предлог ξύν, наречие αἰεί и т. д.), глагольные формы на -ται / -το, подчинительные союзы μέχρι и ὅπως, многие абстрактные имена на -μα и -σις и др. Его стиль отличается значительным разнообразием приемов повествования: экскурсами, рассуждениями, речами исторических деятелей и др. Фукидид охотно пользуется субстантивизированными прилагательными, образует новые абстрактные имена, отдает предпочтение сложным глаголам и т. д.

Язык исторических произведений Ксенофонта в своих основных чертах продолжил традиции Геродота и Фукидида. Ксенофонт ввел в греческий литературный язык большое количество новых терминов, относящихся к государственной, политической, экономической и особенно военной области. Хотя его стиль испытал на себе некоторое влияние риторического искусства, Ксенофонт был признан в древности одним из наиболее непритязательных и легких для понимания писателей. Он обогатил греческую историографию новым элементом – литературным портретом, т. е. индивидуальной характеристикой исторических деятелей.[24]

Из историков эллинистической эпохи заслуживает упоминания Полибий (II в. до н. э.). Его считают одним из наиболее ярких представителей литературной койне. В труде Полибия «История» широко отражены изменения, происшедшие в греческом языке на протяжении IV–II вв. до н. э., в нем много лексических новообразований. Стиль Полибия не вызывал восхищения в древности, его считали тяжеловатым и однообразным отчасти из-за того, что Полибий писал просто и без украшений, стремясь лишь изложить известный ему фактический материал.

Историческая проза эпохи римского владычества представ-

---

[24] См.: *Тронский И. М.* История античной литературы, с. 172.

лена именами: Иосифа Флавия (I в. н. э.), автора «Иудейской войны»; Флавия Арриана (II в.), написавшего «Поход Александра»; Аппиана (II в.) и Диона Кассия (II–III вв.), создателей «Римской истории»; Геродиана (II–III вв.), автора «Истории царствования после Марка Аврелия». Все эти историки пользовались в своих сочинениях греческой литературной койне. Иосиф Флавий питал особое пристрастие к длинным речам, стиль Арриана отличался ясностью и простотой, в языке Аппиана попадаются даже латинизмы, Дион – убежденный аттикист.[25]

Язык древнегреческой *публицистики* складывался в Греции на протяжении длительного времени. Первое представление о нем дают нам поэмы Гомера. Речи его героев были одним из важных средств характеристики, а техника их построения отличалась довольно высоким уровнем. Практика публичных выступлений отразилась в дальнейшем у греческих поэтов и прозаиков в приеме вставлять в повествование речи государственных и общественных деятелей. В V в. до н. э. возникли первые греческие центры красноречия на Сицилии и в Аттике. Особенно значительных успехов достигло ораторское искусство в Афинах. Оно развивалось здесь на базе аттического диалекта и стало одной из составных частей греческой духовной культуры. В рамках языка формирующейся публицистики выделялись стили: политической речи перед демосом (такими речами прославились прежде всего вожди афинской демократии V в. Фемистокл и Перикл), судебной речи и эпидиктической (т. е. торжественной) речи на публичных собраниях.

Благодаря деятельности философской школы софистов красноречие стало в V – IV вв. до н. э. самостоятельным литературным жанром. Видную роль в выработке ораторского стиля сыграл сицилийский софист Горгий. Он писал по-аттически и умело использовал в своих выступлениях различные словесные украшения и так называемые «горгиевы» фигуры. Современник Горгия Фрасимах придавал большое значение ритмизации и звучности ораторской речи.

В отличие от «торжественного» судебное красноречие не увлекалось эффектами стиля. Афинский судебный оратор Лисий

[25] Ср.: История греческой литературы, т. III, с. 200.

(V–IV вв.), выступавший в судах в качестве профессионального логографа (т. е. сочинителя защитительных речей), стремился главным образом убедить судей в правоте своих клиентов. Он добивался этого также благодаря простоте и четкости стиля, соответствовавшего по мере возможностей социальному и культурному уровню его подопечных.

Новый вклад в теорию и практику красноречия внес Исократ, основатель риторической школы в Афинах (390 г. до н. э.). Продолжая традицию Горгия, он пользовался в своих речах украшавшими стиль фигурами и ввел в художественную прозу ритмизованный период с ритмической концовкой, противопоставив таким образом прозаическое изложение поэтическому.[26]

Величайшим политическим оратором IV в. до н. э. древние считали Демосфена, страстно выступавшего в защиту независимости Афин и их политического устройства. Язык Демосфена признавался в определенной мере образцом литературной аттической речи конца классического периода. Оратор редко употреблял архаизмы, не увлекался поэтическими словами, охотно вводил в свою речь по примеру Фукидида субстантивизированные прилагательные и инфинитивы с артиклем.[27] Демосфен пользовался сжатым и насыщенным стилем, применяя широкий диапазон риторических приемов, который в соединении с убежденностью и пафосом борца производил сильное впечатление на слушателей. Он был последним представителем аттического красноречия периода греческой независимости. Современник Демосфена оратор Гиперид более свободно пользовался в своих политических речах элементами разговорной речи и не увлекался риторическими фигурами. В языковом плане Гиперид является предвестником эллинистической койне.

В эпоху эллинизма красноречие, особенно политическое, утратило былое значение. Продолжало культивироваться главным образом эпидиктическое красноречие, увлекавшееся формальными эффектами. Оно получило наибольшее распространение в Малой Азии и было названо азианским. Речи составлялись ораторами на литературной койне с большим или меньшим уклоном в сторону аттикизма. Этот язык сохраняется гре-

---

[26] См.: *Тронский И. М.* История античной литературы, с. 177.
[27] Ср.: История греческой литературы, т. II, с. 286–289.

ческим красноречием и в период римского владычества в речах знаменитых представителей жанра: Диона Хрисостома (I в. н. э,) и Герода Аттика (II в.), Элия Аристида (II в.) и Гермогена из Тарса (II – III вв.). После некоторого застоя красноречие вступило в IV в. в новый период своего развития: оно было использовано в борьбе язычества и христианства. С языческой стороны выступали Либаний, Фемистий и Гимерий, с христианской – Афанасий Александрийский, Григорий Назианзин и Иоанн Златоуст. Их речи в ряде случаев представляют собой попытку восстановления «добрых» традиций классической греческой прозы аттического времени. Однако влияние эллинистической койне и ее закономерностей проявлялось в них все более заметно, нередко вопреки пожеланиям и устремлениям самих авторов.

Язык *научной*, *специальной* и *технической* литературы охватывался первоначально языком древнегреческой художественной прозы и ее главных подразделений: историографии, философии и красноречия. Первые географические и этнографические описания в прозе содержатся у ионийских историков (Гекатей из Мидета, VI в. до н. э., затем Геродот). Математические и астрономические сведения нередко встречаются в учениях ранних ионийских философов. Одним из первых представителей специально научной литературы был знаменитый врач V в. до н. э. Гиппократ из Коса. Его медицинские трактаты, известные как «гиппократовский корпус», были написаны на ионийском литературном диалекте и испытали влияние ионийской философской прозы. Вместе с тем они уже выделялись своим особым, отличным от стиля ионийской художественной прозы литературным, стилем: он отличался точностью, простотой и непритязательностью.[28] Ионийский диалект и впоследствии применялся в медицинских сочинениях, в том числе и за пределами Ионии (Алкмайон и Демокед из италийского Кротона и др.). О научных трактатах на аттическом диалекте у нас имеются лишь скупые сведения: упоминаются некие Эуктемон и Метон, первый – автор географического, второй – астрологического сочинения (V в. до н. э.).

---

[28] См.: *Тронский И. М.* История античной литературы, с. 167.

В эллинистический период получают развитие филологические исследования александрийских ученых III–II вв. Аристофана Византийского и Аристарха Самофракийского, а позднее Дионисия Галикарнасского (I в. до н. э.) и Аполлония Дискола (II в. н. э.). Географическая наука была представлена трудами Эратосфена из Кирены (III–II в.), Страбона (I в. до н. э.) и Павсания (II в. н. э.). Их язык, особенно Павсания, был лишен риторических украшений и отражал литературную койне образованных слоев греческого общества.

Среди крупных александрийских математиков следует отметить Эвклида, автора «Элементов», и уроженца Сиракуз – знаменитого Архимеда (III в. до н. э.). В языке Архимеда, который определялся как литературная койне, заметны дорийские особенности родного диалекта. Виднейшими из астрономов были: Аристарх Самосский (III в. до н. э.), утверждавший, что земля вращается вокруг солнца, и Клавдий Птолемей (I в. н. э.), отстаивавший геоцентрическую систему мироздания.

Известны имена Филона Византийского и Герона Александрийского (II в. до н. э.), занимавшихся механикой, естествоиспытателей – Сотака, Судина и Зенофемида, различные авторы писали о сельском хозяйстве, фармакологии, косметике, кулинарии. К III в. до н. э. относится деятельность видных врачей Гиерокла н Гсрофила (анатомические исследования), Эрасистрата (кровообращение), ко II в. до н. э. – труды знаменитого Галена. Придерживаясь кто в большей, кто в меньшей степени норм эллинистической прозы, эти авторы ввели в литературный оборот целые пласты новой лексики, обогащая язык большим количеством специальных терминов по самым разнообразным областям античной науки и техники.

Выше нами были вкратце рассмотрены основные письменные разновидности древнегреческого литературного языка.

Что касается его *устных* разновидностей, то следует отметить, что они нам доступны лишь косвенно через призму античных письменных источников.[29] О широком их применении и важном значении в древнегреческих городах-государствах

[29] Э. Швицер обращает внимание на ценность в этом отношении таких литературных жанров, как: ямб, комедия и литературный диалог (см.: *Schwyzer E.*, Op. cit., S. 99).

сомневаться не приходится. Устные выступления в узком кругу друзей или учеников, па народном собрании или в суде, перед воинами или гражданами были весьма существенным элементом общественной и государственной жизни древних греков. Они отличались, естественно, от второй устной разновидности литературного языка – разговорной речи образованной части греческого населения – некоторой приподнятостью, поскольку разговорная речь ближе примыкала к деловой и отчасти бытовой сферам общения. Вместе с тем, их объединяли определенная регламентация и нормированность, свойственные литературной речи, а также стремление избегать в лексике и построении фраз явно простонародных элементов. Говоря об устных разновидностях литературного языка, необходимо вновь напомнить, что вплоть до V в. до н. э. в Древней Греции не было читающей публики и любое литературное произведение предназначалось главным образом для восприятия на слух. К тому же эти произведения были обращены за небольшим исключением целиком к мужской аудитории.[30]

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что обозначения разновидностей литературного языка, такие как «деловой язык», «философский язык» и другие, используются нами чисто условно, поскольку в действительности каждая из этих разновидностей является лишь ответвлением или подразделением в рамках единого литературного языка и не является, само собой разумеется, каким-то отдельным, самостоятельным языком. Возможно, было бы более правильным обозначать их как-то иначе: «деловое подразделение» или «философское ответвление» литературного языка, или еще как-то по-другому.

Сделанный нами обзор дает основание для некоторых заключений. Каждое подразделение играло определенную роль в литературном языке, их значение в жизни древнегреческого общества не было одинаковым. Наиболее существенными были деловой язык и язык художественной литературы. Одни подразделения возникли на более ранней, другие на более поздней ступени развития литературного языка. К первым относятся тот же деловой и поэтический язык, ко вторым – остальные. Более

[30] См.: *Schmid W., Stählin O.* Geschichte der griechischen Literatur, Bd. I, S. 20.

поздние подразделения первоначально входили в состав ранних в качестве их органических компонентов. Выделение более поздних подразделений в самостоятельные определялось в первую очередь развитием общественно-экономических условий жизни греческих полисов. Появление эпического поэтического языка намного опередило возникновение языка художественной прозы в истории греческого литературного языка.[31] Вместе с тем зарождение жанра литературной прозы стало отправным пунктом для становления таких подразделений литературного языка, как философский, научный, исторический и публицистический. Возникнув в различное время и в разных областях Греции, отдельные подразделения литературного языка оказались неоднородными в диалектном отношении: наиболее многодиалектным был язык художественной литературы, и прежде всего поэтический, почти монодиалектным – язык публицистики. Большинство подразделений литературного языка прошло несколько этапов развития, на каждом из которых менялась их диалектная база. Диалектный колорит является вместе с тем всего лишь одним из внешних признаков становления литературного языка. Не менее важны и другие особенности языка каждого из его подразделений, равно как и развитие последних во времени. Однако комплексное и детальное изучение подразделений древнегреческого литературного языка в историческом аспекте – пока задача будущего.

Заключение

Образование древнегреческого литературного языка произошло лишь на определенном уровне общественно-экономического развития Древней Греции.[32] Этот уровень был обеспечен возникновением рабовладельческого строя. С тех пор и до конца античности древнегреческий литературный язык успешно развивался в условиях рабовладельческой формации при разных типах государственного устройства: аристократическом и демо-

---

[31] А. Мейе отмечает, что только высокая цивилизация создает литературную прозу (см.: *Meillet A.* Aperçu . . ., p. 229).

[32] «Условия существования литературного языка и его стилистическая стратификация, – отмечает В. Н. Ярцева, – определяются уровнем развития общества, пользующегося данным языком» (см. в кн.: Типология германских литературных языков. М., 1976, с, 46).

кратическом, монархическом и республиканском. Более благоприятными для его становления оказались при этом мирные периоды, связанные с экономическим процветанием городов-государств и с подъемом греческой общественной жизни.

Определенное влияние на развитие литературного языка оказали внешнеполитические факторы. Покорение персами ионийских городов к концу VI в. до н. э. лишило последние политической самостоятельности, что привело к ослаблению позиций ионийской разновидности литературного языка. Выдвижение на политическую арену Древней Греции в VI – V вв. Афин как главного организатора сопротивления персидской угрозе способствовало возникновению его следующей – аттической разновидности. После подчинения Аттики в IV в. македонскими правителями и покорения ими Ближнего Востока возникла последняя – эллинистическая его разновидность.

Существенной была в ряде случаев и роль внутриполитических факторов. Заслуживает внимания, в частности, языковая политика правящих кругов рабовладельческого общества, направленная на поощрение или, наоборот, сдерживание новых, выдвигавшихся жизнью тенденций. Поддержка ими архаистического течения, так называемого аттикизма (он достиг своей кульминационной точки во II в. н. э.), привела к углублению разрыва между письменным прозаическим языком и народно-разговорным, разрыва, не преодоленного греческим литературным языком вплоть до наших дней.

В периоды подъема греческой культуры наблюдается ускоренное развитие и отдельных подразделений древнегреческого литературного языка. В ионийский период возникли жанровые языки эпоса и лирики, развился деловой язык, началось складывание языка литературной прозы. В аттический период произошло образование новых жанровых языков литературы (трагедии и комедии), расширилась сфера делового языка (надписи), языка философии, истории и риторики. В эпоху эллинизма продолжалось развитие языка деловой прозы (надписи, папирусы), языка художественной литературы, науки, техники и религиозной прозы.

Некоторые особенности формирования литературного языка были связаны с географическими условиями Древней Греции. С одной стороны, сама материковая Греция была разделена горами на множество небольших и относительно самостоятельных

районов, что затрудняло установление прочных и постоянных сношений между ними. С другой, значительная часть греков проживала в ее периферийных областях, зачастую значительно удаленных и отделенных морем одна от другой. Вследствие этого отдельные регионы Греции оставались в течение многих столетий вне активного языкотворческого и литературного процесса (северо-запад материка, часть Пелопоннеса и т. д.). Наиболее благоприятными в этом плане оказались прибрежные и равнинные полосы материка, Восточного и Западного Средиземноморья, как например Аттика, Иония, восточная Сицилия.

Характерной для греческой действительности особенностью литературного языка была и ярко выраженная его многодиалектность. Она была обусловлена активным участием различных диалектных групп в становлении литературного языка. Вместе с тем отчетливо прослеживается и устойчивая тенденция к постепенному ограничению числа входивших в его состав диалектных компонентов. Сначала, в ионийский период, выбывает из участвовавших в литературном процессе аркадско-кипрская диалектная группа, ее следы заметны еще в гомеровских поэмах. Затем в аттический период идет на убыль эолийский диалект, сыгравший в предыдущие столетия существенную роль в формировании ряда жанровых языков греческой литературы. К концу эллинистического периода сходит со сцены и дорийский диалект. Последним его проявлением в литературе были сочинения поздних пифагорейцев. На исторической арене удержалась лишь аттико-ионийская диалектная группа. В результате этих процессов произошло заметное выравнивание диалектной базы прозаического языка древнегреческой художественной литературы и остальных подразделений литературного языка, для которых (если не считать диалектных надписей) ионийский и аттический диалекты были основными с момента их возникновения.

В развитии древнегреческого литературного языка можно выделить изменения, происходившие под влиянием внешних факторов.

Происходило непрерывное обновление лексики. В аттической разновидности литературного языка из почти 7000 проана-

лизированных гомеровских слов оказалась представленной только половина. Из этой гомеровско-аттической половины до новогреческого дошла примерно 1000 слов.[33] Показателем серьезных сдвигов, происходивших в развитии греческой лексики эллинистического периода, может служить язык Нового Завета. В нем нередко слова литературного обихода заменяются народно-разговорными. Наречие καλῶς ‘красиво’ употреблено в значении εὖ ‘хорошо’; глагол ἀφιέναι ‘пускать’ – в значении ἐᾶν ‘позволять’, βρέχειν ‘мочить (дождем)’ – в значении ὕειν ‘посылать дождь’; существительное πρόβατον ‘мелкий скот’ – в значении οἶς ‘овца’, χοῖρος ‘молодая свинья’ – в значении ὗς ‘кабан’. Глагол τρώγειν ‘грызть’ приобретает значение глагола ἐσθίειν ‘есть’, глагол χορτάζειν ‘кормить’ – значение κορεννύναι ‘насыщать’, глагол ὑπάγειν ‘подвозить’ – значение πορεύεσθαι ‘переходить’ и т. д.[34] Значительные изменения, особенно в эллинистическую эпоху, заметны в греческом словообразовании. Усилилось производство существительных с суффиксами: -μός, -μα, -εία, -σύνη, прилагательных на -ιος, -ικός, -ινός. Появились многие уменьшительные имена, особенно на -ιον, -άριον. Были введены в употребление новые глаголы на -εῖν, -ίζειν, -εύειν. Усилилась тенденция к замене простых глаголов более экспрессивными сложными. Имел место отбор лексико-грамматических и диалектных вариантов.

Греческое числительное «четыре» было представлено дорийским τέτορες, эолийским πίσυρες, беотийским πέτταρες, аттическим τέτταρες и ионийским τέσσαρεσ (-σερ-). Лишь последний вариант остался в литературном употреблении к концу эллинизма. Окончание родительного падежа ед. ч. ο-основ было различным в разных диалектах: -οιο (крито-микенский), -οι (фессалийский), -ω (дорийский, эолийский) и -ου (ионийско-аттический). Постепенно все они вышли из употребления, кроме ионийско-аттического -ου.[35] Третье лицо мн. ч. наст. времени оканчивалось на -οντι (дорийский), -ονσι (аркадский), -οισι

[33] См.: *Schwyzer E.* Op. cit., S. 40.
[34] См.: *Blass F., Debrunner A.* A Greek grammar of the New Testament and other early Christian literature. Chicago; London, 1975, p. 69.
[35] См., в частности: *Mayser E.* Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit. Berlin; Leipzig, 1938, Bd. I, S. 74.

(эолийский) и -ουσι (ионийско-аттический). Окончание -ουσι вытеснило все остальные и стало общеупотребительным к концу античности в литературном языке.

Стало ощутимо влияние других языков.

Как уже отмечалось, наиболее существенное, хотя и ограниченное влияние оказал на греческий латинский язык. Были переведены на греческий язык отдельные латинские слова и обороты: ἑκατόναρχος ‘сотник, центурион’, σπεῖρα ‘шар’, ‘отряд’, σεβαστός ‘чтимый, август’; συμβούλιον λαμβάνειν (= лат. consilium capere) ‘принять решение’, ἐργασίαν διδόναι (= лат. operam dare) ‘приложить усилие’, τὸ ἱκανὸν διδόναι (= лат. satis facere) ‘удовлетворить’ и т. д.[36] В переводных документах появляются некоторые латинские фразеологизмы: γεγραμμένῳ παρῆσαν (= лат. scribendo adfuerunt) ‘при подписании присутствовали’, ἐμοῖς αἰσίοις οἰωνοῖς (= лат. meis auspiciis) ‘при благоприятствующих мне предзнаменованиях’ и т. д.

Другие изменения были вызваны внутренними закономерностями образования древнегреческого литературного языка.

Во-первых, действием нормализационного процесса. Расширяется использование суффикса -κ- в аористе атематических глаголов: в парадигме ἔθηκα, ἔθηκας, ἔθηκε появляются во мн. ч. вместо ἔθεμεν, ἔθετε, ἔθεσαν новые формы – ἐθήκαμεν, ἐθήκατε, ἔθηκαν. Глаголы класса -μι проявляют тенденцию к переходу в категорию тематических глаголов на -ω; вместо δείκνυμι, например, появляется в эллинистическое время δεικνύω, δεικνύεις и т. д.[37] Сокращается постепенно число именных н глагольных отклонений.

Во-вторых, тенденцией к упрощению парадигматических рядов. Выходит из употребления так называемое второе аттическое склонение. В эллинистический период имеет место устранение форм аттического будущего времени на -ιῶ от глаголов на -εῖν, -άζειν и их замена обычными σ-формами. Происходит выравнивание именной флексии. Существительные и прилагательные III склонения все чаще пополняют состав имен I–II склонений.

---

[36] См. более подробно: *Debrunner A.*, *Scherer A.* A Greek grammar of the New Testament and other early Christian literature, p. 84.

[37] См.: *Jannaris A. N.* An historical Greek grammar. London, 1897, p. 198.

В-третьих, сдвигом во временной, модальной и залоговой подсистемах. Окончание 3-го л. мн. ч. аориста -σαν распространяется на императив, имперфект и второй аорист. Рядом с формами ἔλιπον, ἔδυν от глаголов λείπειν ‘оставлять’, δύειν ‘погружать’ образуются σ-аористы: ἔλειψα, ἔδυσα. Средний залог все чаще смешивается с пассивом. Исчезают так называемые отложительные глаголы. Развивается пассивный аорист на -θην: рядом с ἐγενόμην появляется ἐγενήθην.[38] Оптатив, завоевавший сильные позиции в классическое время, теряет их в койне.

В-четвертых, синтаксическими изменениями. Происходит сокращение ряда союзов, вводящих придаточные предложения. Из пяти, например, целевых союзов, встречающихся у Гомера, сначала вышли из употребления ἕως и ὄφρα, затем ὡς и ὅπως. Если у Фукидида ὅπως употребляется 114 раз, а ἵνα – 52, то у Платона, чей язык ближе к обиходному, ἵνα представлено в 368, ὅπως – в 23 случаях.[39] Расширяются функции инфинитива с артиклем. Только у эллинистических писателей и в папирусах встречаются предлоги πλήν ‘кроме’, χάριν ‘благодаря’, χωρίς ‘без’ с артикулированным инфинитивом. В первые века новой эры сокращается образование и употребление отглагольных прилагательных на -τέος и -τός. Формы на -τέος становятся признаком литературности текста.[40]

В-пятых, семантическими процессами. Включение древнегреческого перфекта в систему спряжения произошло в результате семантического сдвига, вызванного возникновением, по мнению одних исследователей, его объективно-результативного значения, по мнению других, новой функции обозначения актуального прошедшего.[41] Утрата перфектом первоначальной семантической и функциональной специфики привела в конечном итоге к его превращению в особого рода прошедшее время, мало чем отличавшееся от аориста. Имевшее место в древне-

---

[38] См.: *Blass F., Debrunner A.* A Greek Grammar of the New Testament and other early Christian literature, p. 25-42.

[39] См.: *Humbert J.* Syntaxe greque. Paris, 1954, p. 231.

[40] См., в частности: *Palm J.* Über Sprache und Stil des Diodoros von Sizilien. Lund, 1955, S. 91.

[41] Такой точки зрения придерживается, в частности, И. А. Перельмутер (Общеиндоевропейский и греческий глагол. Л., 1977, с. 204).

греческой залоговой подсистеме постепенное сокращение функций медия и утрата им, в частности, косвенно-возвратной функции было тесным образом связано, как полагают, с усилением лексико-семантической дифференциации греческих залоговых форм. Семантические процессы, происходившие в отдельных группах греческих глаголов, привели к все усиливавшейся в литературном языке эллинизма тенденции к замене объектной связи предложной. Так, вместо родительного падежа стали чаще употребляться κατά или περί с винительным падежом, вместо простого дательного ἐν или ἐπί с дативом.

Внешние и внутренние факторы оказывали в разные периоды неодинаковое влияние на развитие древнегреческого литературного языка. Менялось значение отдельных факторов. Различными были продолжительность и степень их воздействия на литературный язык.

В результате покорения Греции и стран Востока в IV в. до н. э. Македонией возникла очередная – эллинистическая разновидность древнегреческого литературного языка и произошли определенные изменения в его структуре, в то время как завоевание Греции и других стран могущественным Римом два столетия спустя не только не привело к образованию новой его разновидности, но и не сказалось существенным образом на его основных параметрах. Двойственное число, составлявшее в аттический период один из характерных признаков литературного языка, теряет в период эллинизма свое былое значение. Описательные формы плюсквамперфекта и особенно будущего второго, равно как описательные причастные конструкции (типа ἦν διδάσκων ‘я был учителем, я учил’), относительно реже встречавшиеся в классическое время, стали, наоборот, более употребительными в эллинистической койне.[42] Соотношение внешних и внутренних факторов в развитии древнегреческого литературного языка несколько отличалось от их соотношения в истории народно-разговорного языка.

Влияние внешних факторов сказывалось на первом из них более непосредственно и более ощутимо. Благодаря этому, в частности, удается относительно легко выделить основные эта-

---

[42] См. подробнее: *Björck G.* ΗΝ ΔΙΔΑΣΚΩΝ. Die periphrastischen Konstruktionen im Griechischen. Uppsala; Leipzig, 1940, S. 96.

пы его развития, в то время как в отношении народно-разговорного древнегреческого языка исходя лишь из лингвистических критериев установить такую периодизацию весьма затруднительно. Неблагоприятные внешние факторы приостановили формирование древнегреческого литературного языка в конце микенского периода, в то время как территориальные греческие диалекты продолжали дальше развиваться. Выдвижение или упадок того или другого региона Древней Греции приводил каждый раз к изменению диалектной основы литературного языка, в то время как диалектная база народно-разговорного языка оставалась прежней, ее изменения происходили главным образом в результате миграционных и демографических процессов.

Для литературного языка была характерна некоторая приподнятость, проявлявшаяся в отборе языкового материала и в стремлении к выработке языковой нормы. Эта тенденция была свойственна всему литературному языку, однако она проявлялась в неодинаковой степени в его различных подразделениях. Регламентация языкового материала отличала прежде всего язык художественной литературы, особенно поэтический и в большей мере такие высокие его сферы, как эпос, хоровая лирика, лирические партии трагедии. Несколько меньше подлежал регламентации, например, язык деловой прозы, представленный надписями, однако и он отличался от народно-разговорного лексическим составом, и в частности неприятием простонародных слов, набором установившихся формул и грамматических конструкций. Следует также иметь в виду, что степень регламентации могла быть различной и в пределах одного и того же подразделения древнегреческого литературного языка. Примером этому может служить относящийся к деловой прозе язык папирусов, черты которого в одних случаях заметно приближались к народно-разговорной речи, в других существенно от нее удалялись.

Литературный язык с некоторым отставанием отражал новые тенденции народно-разговорного языка, проявляя определенный, не свойственный последнему консерватизм. Начиная с III в. до н. э. в разговорной речи ослабевает способность различать долгие и краткие гласные, смешиваются ϵ с η, ο с ω. Однако язык художественной литературы продолжал строго соблюдать традиционную орфографию. Несмотря на то что дв.

число полностью вышло из разговорного обихода в III–II вв. до н. э. и, например, ни в папирусах, ни в Новом Завете уже не встречается,[43] писатели-аттикисты пытались искусственно возродить его в своих произведениях. В первые столетия н. э. в народно-разговорном языке происходило постепенное ограничение функций дательного падежа, сначала локативной, затем инструментальной.[44] Литературный язык отражал эту тенденцию весьма сдержанно и с большим отставанием.

В отличие от народно-разговорного древнегреческий литературный язык существовал на всем протяжении своей истории лишь на наддиалектном уровне. Для древнегреческой языковой действительности характерно при этом не только то, что каждая из разновидностей литературного языка возникала на достигшей соответствующего относительно высокого развития наднаречной или наддиалектной основе, но что и все его подразделения создавались на диалектной основе, не совпадавшей с отдельным территориальным диалектом. Это относилось как к жанровым языкам художественной литературы, так и к деловому, философскому, историческому, научному и публицистическому подразделениям древнегреческого литературного языка.

Итак, совокупность внешних и внутренних факторов, их постоянное взаимодействие обеспечили образование и функционирование древнегреческого литературного языка.

Нельзя вместе с тем упускать из виду некоторых обстоятельств.

Хотя процесс внутренних преобразований происходил на протяжении всей истории древнегреческого литературного языка, он стал особенно интенсивным в эллинистический период. К этому времени относятся наиболее существенные изменения, охватившие все уровни его сложной структуры. Среди причин, приведших к такому положению, следует упомянуть наряду с ранее отмеченными и такие, как: значительное расширение в эпоху эллинизма диалектно-территориальной основы

---

[43] См. подробнее об этом: *Mayser E.* Grammatik der griechischen Papyri, Bd. I, S. 1; *Blass F.*, *Debrunner A.* A Greek Grammar of the New Testament and other early Christian literature, p. 79.

[44] Этот процесс подробно освещен в кн.: *Humbert J.* La disparition du datif en grec. Paris, 1930, p. 199.

литературного языка; усилившееся влияние народно-разговорной речи на его развитие; приобщение к греческому языку начиная с IV–III вв. до н. э. негреческого населения в ряде стран Востока и Запада, и др.

Ни внешние, ни внутренние факторы не привели к разрушению исторически сложившихся именной и глагольной подсистем древнегреческого, в том числе литературного языка. Одна из основных причин этого явления заключалась в том, что имевшие в нем место флексионные преобразования внесли лишь незначительные изменения во флективную часть греческих слов, не нарушили их структурной целостности.[45]

В то время как изначально единый литературный латинский язык, пройдя свой исторический путь становления, прекратил с концом античности естественное развитие, а народно-разговорный латинский язык растворился в сформировавшихся на его основе разных романских языках, древнегреческий и литературный, и народно-разговорный язык, начав свой путь с диалектного многообразия, завершил его созданием единого и устойчивого образования, продолжавшего на протяжении многих столетий действовать в сложнейших условиях, с одной стороны, как средство общения, с другой, как средство сохранения великих культурных ценностей, созданных греческим народом.

Основное направление линии диалектного развития в раннегреческом обществе, отмечает И. М. Тронский, шло по пути дифференциации, все большего нагнетания диалектных различий.[46] Вместе с тем изучение языковых отношений микенского периода позволяет сделать вывод, что и на раннем этапе развития Греции при благоприятных внешних условиях могли возникать конвергентные процессы более пли менее широкого диапазона и различной продолжительности. Противоборство этих двух тенденций – дифференциации диалектов и их концентрации – становится с тех пор постоянной чертой греческих диалектных отношений. Возникновение и развитие древнегреческого литературного языка и его разновидностей было связано главным образом с преобладанием второй тенденции.

---

[45] См. об этом: *Meillet A.* Aperçu . . ., p. 304.

[46] *Тронский И. М.* Вопросы языкового развития в античном обществе, с. 37.

Микенский – первый обозримый период греческой истории, позволяющий предположить формирование наддиалектов: делового, в том числе документального, с одной, поэтического – с другой стороны. Эти наддиалекты образовались, насколько удается установить, на базе трех древнейших диалектных групп: ахейской (включая аркадско-кипрскую), протоэолийской и протоионийской. Формирование древнегреческого литературного языка произошло на базе ионийского наддиалекта, возвысившегося в VIII–VII вв. до н. э. над многочисленными местными говорами греков на территории Малой Азии. Аттическая разновидность возникла на основе аттического диалекта, представлявшего собой наднаречное образование, сложившееся в Аттике в VII–VI вв. до н. э.[47] Эллинистическая разновидность базировалась на последнем наддиалектном образовании Древней Греции – общем языке (койне), в основе которого лежали аттический и ионийский диалекты.

Три основные разновидности литературного языка отличались, таким образом, характером диалектной базы: ионийской в первом, аттической во втором и аттико-ионийской в третьем случае. При этом лишь аттическая разновидность была непосредственно связана с материковой Грецией, остальные образовались в основном за ее пределами, первая – на малоазийском побережье, третья – в восточном ареале средиземноморского бассейна.[48]

Разновидности различались и по длительности формирования. Первой потребовалось для этого около пяти столетий, второй оказалось достаточно трех, третьей – и того меньше.

Аттическая разновидность стала наиболее значимой для истории греческого литературного языка. Она впитала в себя за короткий срок лучшие черты предыдущей разновидности, раз-

---

[47] Это могла быть первоначально обобщенная наддиалектная норма, оьслуживавшая более высокие сферы общения; ср.: *Десницкая А. В.* Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970, с. 9-10.

[48] Привлекает в этой связи внимание сделанное А. Мейе наблюдение, что за исключением трагедии все остальные жанры греческой литературы были созданы в колониях с VII – V вв. до н. э. (см.: *Meillet A.* Op. cit., p. 143).

вила их и обогатила. Пятый век до н. э. стал в Афинах временем наивысшей грамотности населения и его причастности к достижениям греческой культуры. Эллинистический этап литературного языка явился самым продолжительным, охватив период в 800 – 900 лет, т. е. столько же, сколько предшествовавшие ему разновидности вместе взятые.

Число общих языков в Греции было намного больше, чем представленных в литературном языке в качестве его диалектной базы. Во-первых, к ним относились общие языки, легшие в основу жанровых языков художественной литературы. Во-вторых, это были общие языки, сложившиеся в той или иной области Греции, не поднявшиеся выше уровня делового письменного языка (например, северо-западная, ахейско-этолийская и другие койне). В-третьих, к ним принадлежали общие языки местного значения, служившие средством общения внутри небольших районов и не получившие письменной фиксации. Итак, далеко не все общие языки вошли в сферу древнегреческого литературного языка и лишь немногие стали его основой. Этой роли удостоились те из них, которые обладали наибольшей степенью обобщенности на территории, где вследствие определенных исторических условий происходил значительный подъем экономической, политической и общественной жизни. В Древней Греции общими языками, ставшими базой основных разновидностей литературного языка, оказались наднаречные и наддиалектные образования городского (Аттика), регионального (Иония) и межрегионального (эллинизм) масштаба.

Рассматривая ход развития древнегреческого литературного языка, нельзя забывать, что, хотя формирование его основных разновидностей определялось регионами и диалектами, сыгравшими наиболее активную роль в историческом процессе, оно проходило не без участия остальных греческих областей и диалектов. Вклад последних в историю литературного языка был в целом несомненно менее существенным, однако и он должен учитываться при воссоздании общей картины сложного языкового творчества на греческом ареале. В этом плане привлекают внимание: Аркадия и ее диалект; эолийский диалект и о. Лесбос; Беотия, Спарта и Южная Италия. Наибольший интерес представляет колонизованный греками в VIII в. до н. э. остров Сицилия. Здесь на базе местного дорийского наречия сложился в VI–V вв. сицилийский вариант литературного языка.

Он поднялся до определенного уровня развития главным образом благодаря политическому и культурному расцвету города Сиракузы. Литературный язык Сицилии – еще одна, четвертая разновидность древнегреческого литературного языка.

Тенденция литературного языка к выравниванию диалектной базы за счет основного компонента не смогла полностью проявить себя вплоть до конца эллинистического периода, так как этому препятствовали, с одной стороны, многовековая поэтическая традиция, с другой – движение аттикистов. Древнегреческому литературному языку не удалось достичь диалектной однородности, хотя в качественном отношении оба его основных компонента – аттико-ионийская основа койне и аттическая основа художественной прозы – были весьма близки один к другому.

В то время как литературный язык переходил на протяжении своей истории от одной разновидности к другой, меняя каждый раз диалектную (точнее, наддиалектную) основу, язык художественной литературы, особенно язык поэтических жанров, выделялся своим консерватизмом, сохраняя в течение столетий первоначальный диалектный колорит.

Древнегреческий литературный язык представлял собой на всех этапах развития в основном один и тот же языковый тип, существовавший в устной и письменной форме. Он охватывал своим влиянием ряд сфер общения образованного и грамотного населения Древней Греции в раннем, развитом и шедшем на убыль рабовладельческом государстве.

Ионийская, аттическая и тем более сицилийская (дорийская) разновидности литературного языка имели лишь ограниченное и неодинаковое значение. Ионийская охватывала главным образом малоазийский ареал, аттическая – Аттику и близкие к ней районы материка, дорийская – Сицилию и Южную Италию. Хотя эллинистическая разновидность достигла наибольшего распространения, проникая постепенно в большинство областей материковой Греции и стран Восточного Средиземноморья, прошло немало времени, пока она смогла обосноваться и на западной периферии греческого мира.

Развитие функциональных подразделений древнегреческого литературного языка сопровождалось расширением диапазона его стилевого разнообразия. Стилевые особенности характерны прежде всего для языка художественной литературы. В поэзии

они связаны с различием основных литературных жанров – эпического, лирического и драматического. При этом внутри лирического четко выделяются стили хоровой и сольной лирики, внутри драматического – стили трагедии и комедии. Литературные стили художественной прозы связаны со становлением философской мысли, исторического повествования, риторической практики и научных разысканий. Они более однообразны в диалектном плане. Стилевые различия имеются и в деловом языке, обслуживавшем административные, политические, хозяйственные, культовые и другие запросы населения. Выделялись, в частности, стили законодательных актов, межгосударственных сношений, храмовых предписаний, деловых документов и частной переписки. В отличие от литературной художественной прозы, некоторые из них были ближе к народно-разговорной речи (например, частная переписка) и отражали многообразные виды деятельности администрации и местных органов власти в различных областях Греции. Примечательно, что уже первые надписи на греческом языке – крито-микенские тексты II тыс. до н. э. – дают нам представление о стиле документальной прозы,[49] с которым мы встречаемся позднее в папирусных документах эллинистического периода.

Древнегреческий литературный язык был языком обработанным, обладал своими нормами и правилами. Эта обработанность и регламентация различались, естественно, в эпической поэме и в сольной песне. Стиль высокой поэзии существенно отличался в свою очередь от стиля делового соглашения. Регламентация проявлялась в фонетико-орфографическом оформлении, в морфологии и синтаксисе. Весьма важным был лексический отбор. Вместе с диалектной характеристикой это был решающий показатель того или другого литературного стиля.

Общая тенденция развития литературного языка состояла как в стремлении к устранению диалектных различий, так и в обновлении его лексических ресурсов.

---

[49] Документальный стиль крито-микенских текстов письменно засвидетельствован в Греции, отмечает И. М. Тронский, на несколько столетий раньше, чем эпический (см.: *Тронский И. М.* Гомер. – ВЯ 1971, №5, с. 109).

Античность не достигла и не могла достичь единства и всеобщности нормы литературного языка. Этому мешали не только большое социальное неравенство и глубокая пропасть между господствовавшим и угнетенным классами рабовладельческого государства, но и существенные противоречия внутри самого правящего класса, оказывавшего постоянное влияние на развитие культуры, литературы, искусства и образования, а следовательно, и на функционирование литературного языка в греческом обществе.

Попытаемся выделить общие и специфические черты древнегреческого литературного языка.

К его важнейшим общим чертам следует, по-видимому, отнести тесную связь с процессом исторического развития греческого общества, подъемом или спадом экономического, политического и культурного потенциала греческого государства; определяющее значение социально-политических условий для расширения или сужения его функциональных возможностей; существенную роль в создании основных ценностей древнегреческой культуры; преемственность в сохранении и приумножении языкового богатства, созданного на протяжении многих веков греческим народом; наличие развитой письменности, равно как и письменного и устного вариантов литературного языка; обработанность и нормированность языкового материала; наддиалектный или наднаречный характер языкоовой базы; известную степень поливалентности, и др.

Среди специфических черт древнегреческого литературного языка можно выделить следующие: его возникновение и развитие в недрах греческого рабовладельческого государства;[50] его системное единство и структурную целостность на протяжении многовековой истории; наличие в его единой системе четырех разновидностей; смену диалектной базы на каждом из основных этапов его формирования; многодиалектность, особенно языка художественной литературы; создание на каждом этапе

---

[50] «Едва ли можно, – указывает В. В. Виноградов, – исключить из истории литературных языков и их периодизации своеобразие социально-исторических и культурно-общественных условий развития соответствующих народов» (*Виноградов В. В.* Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития, с. 36-37).

исторического развития новых жанровых языков художественной литературы; своеобразие дифференциационного и концентрационного процессов в условиях Древней Греции; возникновение аттикизма и его роль в последовавшем резком отрыве литературного языка от устной прозаической речи; относительно большое для раннего этапа общественного развития разнообразие литературных стилей, и др.

Нельзя также забывать, что древнегреческий литературный язык был достоянием в основном класса рабовладельцев – граждан государства; был недоступен в самой Греции целым социальным слоям: неимущему городскому населению, негражданам, сельским жителям, женщинам и, конечно, рабам; ни на одном этапе своего развития он не охватывал народно-разговорную речь населения, обслуживал лишь его привилегированную часть, не исключал параллельного функционирования региональных койне и местных диалектов; был чужд народным массам покоренных греко-македонскими завоевателями стран за пределами Греции в эпоху эллинизма; ни в один из периодов своего существования не распространял своего влияния на весь ареал Греции, оставаясь в конечном итоге всегда ограниченным территориально и демографически.

Древнегреческий литературный язык: а) представлял собой несомненную историческую реальность; б) обладал совокупностью общих черт, необходимых для признания его литературным; в) отличался определенным своеобразием, связанным с историческими условиями своего формирования и существования, выполняемыми функциями, структурными и диалектными особенностями. Несмотря на кажущееся обособление, он был на всем протяжении своей истории неразрывно связан с греческим народным языком, питался его неисчерпаемыми истоками и постоянно обогащал себя его многообразными выразительными средствами.

Древнегреческий литературный язык является первым литературным языком Европы. Он достиг самостоятельно значительного уровня развития без сколько-нибудь ощутимого влияния других языков.[51] Подобно тому как греческая культура знаме-

[51] Вопрос о самостоятельности самой греческой литературы продолжает до сих пор оставаться дискуссионным. В отличие от О. М. Фрей-

новала собой важный этап в становлении европейской культуры, греческий литературный язык стал знаменательным явлением в истории формирования языков мировой цивилизации. Он позволяет проследить и проанализировать предпосылки и условия становления и исторического развития одного из важнейших атрибутов античной культуры на протяжении двух тысячелетий. Изучение древнегреческого литературного языка внесет определенную лепту в разработку общей теории формирования литературных языков, а также будет способствовать уточнению его специфических, во многом уникальных и неповторимых черт.[52]

денберг, признававшей органическую связь греческой культуры с культурой малоазийских и африканских народов и с Передним Востоком, но убежденной в том, что в античности «до греческой литературы нет никакой литературы» (см.: *Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности. М., 1978, с. 18, 176), Вяч. Вс. Иванов защищает тезис о теснейшей связи греческой литературы с Востоком, называя ее последним этапом древнеближневосточной (см.: Историчность и актуальность античной культуры. Научная конференция. Тезисы докладов. Тбилиси, 1980, с. 14-16).

[52] Ценность такого изучения отмечал Ф. П. Филин: «...кроме современных языков сохранилось много мертвых литературных языков, не менее оригинальных и неповторимых, которые непременно надо учитывать при построении общей теории литературного языка» (ВЯ, 1979, № 3, с. 7).

ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛАТИНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ТРУДАХ И. М. ТРОНСКОГО*

1. Исследование латинского литературного языка – актуальная и почетная обязанность филологов-классиков.

2. И. М. Тронский сам изучал вопросы, связанные с этой проблемой на протяжении многих лет.

3. Образование латинского литературного языка представляет собой длительный исторический процесс, начало которого восходит к VI–V вв. до н. э.

4. Становление основных элементов литературного языка относится к III–II вв, а его расцвет происходит в I в. до н. э. («золотая» латынь).

5. Окончательная стабилизация фонетико-морфологической системы литературного языка и приостановление его дальнейшего развития имеет место в I в. н. э.

6. Латинский литературный язык включает в себя не только язык римской художественной, но и научной, философской, публицистической и технической литературы.

7. Развитие литературного языка связано с более высокой ступенью общественного развития Рима в эпоху социальных, территориальных и идеологических сдвигов в римском государстве в II–I вв. до н. э.

8. Литературный язык ориентировался прежде всего не на широкие слои римского населения, а на возрастающие потребности образованной верхушки общества.

9. Значительная роль в становлении литературного языка принадлежит видным представителям римской художественной литературы.

10. Латинский литературный язык поздней Империи продолжил свое существование в средние века в качестве языка науки, философии и, отчасти, литературы.

---

* Индоевропейское языкознание и классическая филология – VIII (Чтения памяти И. М. Тронского) / Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Наука. 2004. С. 48

II. РАННЯЯ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ ЛИРИКА

НОВЫЕ ПАПИРУСНЫЕ ТЕКСТЫ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ЛИРИКИ (1962–1987 гг.)*

Задача настоящей работы – рассмотреть наследие раннегреческой лирики, ставшее достоянием науки за последнюю четверть нашего столетия.

Точкой отсчета является изданное в 1962 году Д. Пейджем собрание фрагментов лирической поэзии «Poetae melici Graeci»[1], пришедшее на смену не потерявшей тем не менее своего значения знаменитой антологии Э. Диля[2].

Основную часть появившихся после этой даты отрывков, увидевших свет в основном в очередных томах «Оксиринхских папирусов», содержит подготовленное Д. Пейджем «Supplementum Lyricis Graecis» (1974)[3]. Частично новый материал еще раньше нашел свое место в изданном в 1968 году сборнике избранных лирических фрагментов[4]. Ряд новых отрывков древнегреческой лирики, опубликованных после 1974 года, будет рассмотрен нами в ходе дальнейшего изложения.

В «Дополнение» Пейджа включены вновь найденные фрагменты представителей главным образом раннего периода греческой лирики VII–VI веков до Р. Х.: Алкмана, Стесихора,

---

* Ранняя греческая лирика. СПб., 1999. С. 7–79.

[1] Poetae Melici Graeci / Ed. D. L. Page. Oxford, 1962 (сокращенно PMG; при номерах фрагментов – Page).

[2] Anthologia Lyrica Graeca / Ed. E. Diehl. I–II. Lipsiae, 1925–1942 (сокращенно ALG; при номерах фрагментов – D).

[3] Supplementum Lyricis Graecis / Ed. D. L. Page. Oxford, 1974 (сокращенно SLG; при номерах фрагментов – S).

[4] Lyrica Graeca Selecta / Ed. D. L. Page, W. S. Barrett. Oxford, 1968 (сокращенно LGS).

Ивика, Сапфо, Алкея, Симонида, а также отдельных неизвестных авторов. Всего добавилось 478 новых отрывков. Наиболее существенно расширилось наследие Стесихора (143 новых фрагмента), Ивика (107) и Симонида (123).

Наряду с фрагментами самих поэтов публикуются комментарии к ним, обнаруженные в папирусах. Они также представляют определенный интерес, поскольку помогают уточнить или дополнить наши сведения о греческих лириках.

АЛКМАН

Творчество Алкмана, древнейшего из наиболее известных нам представителей греческой хоровой лирики, принято относить ко второй половине VII века до Р. Х. Согласно «Суде», его расцвет совпал с XXVII Олимпиадой (672); Евсевий указывает то на четвертый год XXX Олимпиады (675), то на XLII Олимпиаду (612–609)[5]. Впрочем, возможно, что все эти даты отражают разные периоды жизни поэта, поскольку известно, что Алкман дожил до глубокой старости (ALG p. 38).

Поэт прибыл в Спарту из лидийского города Сарды[6], что в Малой Азии. Здесь он встретился с песенной традицией своих предшественников – Терпандра из лесбосской Антиссы и Фалета из критской Гортины[7], познакомился с творчеством местных поэтов (Paus. III, 17, 1; Plut. Lyc. 28). Со Спартой и связан расцвет поэтической деятельности Алкмана. Его песни отличались большим богатством и разнообразием метрических размеров. Греки считали Алкмана видным законодателем хоровой лирики, отводили ему первое место в каноне лириков (Antip. Thess. Anth. Pal. VII 18, 4). Наследие поэта высоко ценилось в античности. Его песни были широко распространены, в его честь был воздвигнут памятник (Paus. III, 15, 2).

---

[5] *Sinko T.* Literatura grecka. Kraków, 1931. I, 1. Str. 257.

[6] ALG 13.5. Комментарии к Алкману, опубликованные в XXIV и XXIX (1957, 1963) томах оксиринхских папирусов, содержат сообщение, что он был лакедемонянином.

[7] Athen. XV, 678c. Авторы и надписи цитируются по Лидделлу – Скотту: *Liddell H. G., Scott R.* A Greek-English Lexicon. Oxford, 1966.

Подготовленное александрийскими филологами издание Алкмана в шести книгах до нас не дошло[8]. Вплоть до середины XIX века творчество поэта было известно по небольшим фрагментам, представляющим собой отдельные цитаты, найденные у различных античных авторов.

Существенным пополнением наследия Алкмана явился обнаруженный в 1855 г. в Египте французским ученым Мариэттом папирус I в. до Р. Х., содержавший его парфений, т. е. девичью хоровую песню. Парфений состоял из ста стихов и оказался самым крупным из дошедших до нас отрывков поэта. В нем не хватало начальных двух строф, а три следующие испорчены в первых половинах. Папирус был издан в 1863 г.[9] и не только дал возможность расширить наши представления о творчестве Алкмана, но и стал важным дополнительным источником для характеристики его языка. Ценная находка, содержавшая к тому же схолии Аристарха, Кратета, Памфила и Стасикла[10], привлекла сразу же внимание исследователей. Попытки дополнить и восстановить испорченные места в тексте поэта были предприняты Фр. Блассом[11], Г. Дильсом[12], У. фон Виламовицем-Мёллендорфом[13], Г. Юренкой[14], Р. Кукулей[15] и другими.

Еще одно пополнение текста Алкмана принес спустя сто лет XXIV том «Оксиринхских папирусов», в котором был опубликован ряд новых фрагментов поэта[16]. Э. Лобель, издавший этот том, определил возраст папируса концом I века до Р. Х. – началом I века по Р. Х. Папирус представляет собой два листа с отрывками парфения поэта. Предполагается, что вся песня состояла из 14 строф (не менее 126 стихов) и превосходила по

---

[8] *Davison J. A.* From Archilochos to Pindar. New York, 1968. P. 179.
[9] *Egger E.* Mémoires d'histoire ancienne et de philologie. Paris, 1863. P. 159–175.
[10] Cf. *Sinko T.* Op. cit. P. 259.
[11] Rheinisches Museum, 40 (1885). S. 1–24.
[12] Hermes 31 (1896). S. 340.
[13] Hermes 32 (1897). S. 251.
[14] Wiener Studien, 17 (1895). S. 309.
[15] Philologus, 66 (1907). S. 202.
[16] The Oxyrhynchus Papyri. Pt. XXIV / Ed. by E. Lobel. London, 1957 (№ 2387–2393).

объему известный нам уже парфений на папирусе Мариэтта[17]. К сожалению, лишь два фрагмента поддаются прочтению: первый состоит из 10, второй из 25 стихов.

Сохранившиеся до нас произведения поэта представляют собой отрывки из уже упоминавшихся парфениев и других хоровых (культовых) песен – гимнов, пеанов, гипорхем. В них содержатся обращения к Зевсу и Гере (ALG 16, 24; PMG 81, 60), Аполлону (ALG 29–34, 71; PMG 46, 49), Артемиде (ALG 1.87, 60-65; PMG 1.87, 54, 64), Афине (ALG 25-28; PMG 43, 87), Афродите (ALG 35, 66; PMG 55, 58) и другим богам. Среди песен Алкмана встречаются также застольные (ALG 49, 55, 89; PMG 17, 19) и эротические (ALG 101–105; PMG 59, 91).

Всеобщую известность приобрело стихотворение поэта, называемое «ноктюрном» (ALG 58; PMG 89) и содержащее описание ночного покоя природы[18].

Поэтическая деятельность Алкмана подверглась обстоятельному анализу в книге С. Боура[19]. Д. Пейдж рассмотрел в своей работе алкмановский Парфений[20]. А. Гарсиа издал отдельной публикацией фрагменты Алкмана[21]. «Гимн Диоскурам» привлек внимание А. И. Зайцева[22]. Изучению языка Алкмана посвящены специальные работы Г. Шписса[23], Х. Кодзу[24] и – с учетом появившегося папирусного материала – автора этих строк[25].

«Дополнение» Пейджа 1974 года принесло нам пять новых алкмановских отрывков (SLG 1–5) (в PMG их насчитывается всего 17).

---

[17] *Peck W.* Das neue Alkman-Parthenion // Philologus, 104 (1960).

[18] Ср.: Толстой И. И. Фрагмент Алкмана «Спят вершины гор» // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 15. Л., 1938. С. 47-56.

[19] *Bowra C. M.* Greek lyric poetry from Alcman to Simonides. Oxford, 1936.

[20] *Page D. L.* Alcman. The Partheneion. Oxford, 1951.

[21] Alcmane. I Frammenti / A cura di A. Garzya. Napoli, 1954.

[22] *Зайцев А. И.* «Гимн Диоскурам» Алкмана и его эпические источники. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1969.

[23] *Spiess H.* De Alcmanis poetae dialecto // Curtius Studia. V. 10. 1878.

[24] *Kodzu H.* Greek Studies I. On the dialekt of Alcman. Tokyo, 1937.

[25] *Гринбаум Н. С.* Язык древнегреческой хоровой лирики (Алкман, Стесихор, Симонид, Вакхилид). Тбилиси, 1986. С. 10–33.

Из комментария к Аристофану, найденного среди оксиринхских папирусов[26], мы узнали начало неизвестного ранее произведения Алкмана, представляющего собой, как видно, обращение к божеству: χρυσοκόμα φιλόμολπε ‘о златокудрый, любящий пение’. Кто имеется в виду, неизвестно. Композит «златокудрый» относится к Дионису у Гесиода (Th. 947), к Аполлону у Тиртея (3, 41) и Пиндара (Ol. 6, 41; 7, 32), к Эроту у Анакреонта (14). Эпитет «любящий пение» встречается однажды у Пиндара (Nem. 7, 9), но применительно к городу. Можно предположить, что мы имеем дело с первой строкой пеана Алкмана в честь Аполлона, тем более что поэт неоднократно обращался к этому богу. В этом же папирусе[27] упоминаются слова: κύκνος ὑπὸ πτερύγων ‘лебедь под крыльями’ или ‘из-под крыльев’, смысл которых понять трудно (S 2). Комментатор указывает, что их автором некоторые считают не Алкмана, а Терпандра или Иона, и ссылается на один из гомеровских гимнов (XXI, 1).

Следующий отрывок (S 3) был опубликован впервые три года спустя[28]. Он состоит из шести стихов. В ст. 3 читается слово ἐπακουσομε[‘услышим, выслушаем’, а в ст. 5 – слово ὑμνίομες ‘прославляем’ с характерным для Алкмана и дорийского диалекта окончанием 1 л. мн. ч. -μες (вместо -μεν), ср. ὑμνέομες ‘давайте воспевать’ (F 68 D; F 3 Page, v. 5).

Из комментария к трагедии почерпнут, как полагает Пейдж[29], небольшой фрагмент (S 4), в котором упоминается имя Алкмана и встречается глагольная форма ἦνθεν ‘он пришел’ (от ἔρχομαι, аттич. ἦλθεν, ср. ἔνθοισα = ἔλθουσα ‘прибывшая’ у Алкмана, F 1, 73 Page). Форма ἦνθον ‘я пришел’ встречается также у сицилийских поэтов – Эпихарма (180), Софрона (144) и Феокрита (II, 118), в надписях Аркадии (Schwyzer 657.4, IV век до Р. Х.) и Ливии (SB Berl., 1927. 164, Кирена). Скорее всего, ее следует отнести не к доризмам, как это делают обычно, а к глагольным архаизмам.

---

[26] The Oxyrhynchus Papyri. Pt. XXXV / Ed. by E. Lobel. London, 1968 (№ 2737, F 1, 2.18).
[27] Ibidem, F 1, 1.19.
[28] The Oxyrhynchus Papyri. Pt. XXXVII / Ed. by E. Lobel. London, 1971 (№ 2801).
[29] Ibidem, № 2812, F 1(a), 1.6–11.

Самый большой из новых фрагментов (S 5) содержит ок. 30 строк из биографии Алкмана или комментария к нему[30]. Сохранился он лишь частично, читаются отдельные слова. В ст. 4–5 упоминаются имя Алкмана, третья и вторая книга его песен. В ст. 13 речь идет о πατρίδος αὐτοῦ ‘его родине’ и далее (с дополнением Лобеля) – ο χρόν]ων καθ’οὓς ἐγένε[το ‘времени, в котором он жил’. Затем вновь упоминается Алкман (ст. 17), о чьем, как кажется, детстве или юности – παιδεία (ст. 15) – сообщает какой-то автор. В неполном слове αξαπαντ в ст. 20 В. Луппе видит ἁπ]αξάπαντ[ας ‘всех целиком’ и, указывая на употребление этого слова у Аристофана (Pl. III, 206), делает предположение, что мы имеем дело с комментарием к его сочинениям[31]. Нам представляется это мнение малоубедительным. Пейдж читает это место как ἀπάξαν της и признает его непонятным (SLG p. 3). По нашему мнению, правильнее было бы выделить здесь два слова: ἅπαξ ‘однажды’ и ἅπαντα ‘все’ и, учитывая следующие за ними слова μέτρα ‘размеры’ и еще далее (ст. 21) ἐποίησεν ‘сделал, сочинил’, предположив в начале отрицание οὐχ ‘не’, перевести весь отрывок: ‘[не] однажды он [Алкман] сочинял всякие размеры’, т. е. сочинял произведения в разных метрических схемах. С сочетанием οὐχ ἅπαξ ‘не однажды’ мы встречаемся у Эсхила (Pr. 211), Софокла (Oed. R. 1275), Геродота (VII, 46) и других авторов.

В 1977 году достоянием гласности стали новые небольшие отрывки из Алкмана[32]. Особый интерес представляет упоминание (№ 3209) о шестой книге песен поэта, что подтверждает наши сведения об александрийском издании. М. Вест обратил внимание на связь нового фрагмента № 3213 с ранее опубликованным № 2443 (F 1)[33], а А. Браун поддержал его[34].

В ст. 7 читается: οὐδείς ‘никто’, в ст. 9: Ποσειδᾶνος ‘Посейдона’. Затем следуют слова, смысл которых Вест восстанавливает следующим образом:

---

[30] Ibidem, № 2802.
[31] Gnomon, 45 (1973). S. 322.
[32] The Oxyrhynchus Papyri. Pt. XLV / Ed. by A. K. Bowman. London, 1977.
[33] ZPE 26 (1977). S. 38.
[34] *Brown A. L.* Alcman. P. Oxy. 2443+3213 // ZPE 32 (1978). S. 36–38.

μα [Λ]ευκοθεᾶ[ν ἐρατὸ]ν τέμενος
ἐκ Τρυ[γε]ᾶν ἀνιώ[ν ἔχο]ν
δὲ σίδας δύω γλυκήας.
τὰ δ ὅτ[ε δὴ ποταμῶ[ι] καλλιρόω[ι
ἀράσαντ' ἐρατὸν τελέσαι γάμων
...
καὶ τὰ πα[θ]ῆν ἃ γυναιξὶ καὶ ἀνδράσιν
ἔσχατα κωριδίας τ' εὐνᾶ[ς τυχ]ῆν

«[11]*...придя из Тригей в любимый участок Левкотей;* [12]*у них было два сладких гранатовых плода:* [13-14]*а когда они помолились у красиво текущей реки,* [15]*чтобы свершился милый брак...* [17]*и испытав долю, положенную женщинам,* [18]*изведать супружеского ложа..*»

В этом месте текст прерывается. О ком идет речь и откуда взят отрывок, сказать трудно.

Подводя итог рассмотрению новых фрагментов Алкмана, следует признать, что они не внесли сколько-нибудь существенного вклада в изучение творчества поэта.

Стесихор

Жизнь и творчество Стесихора, видного представителя ранней греческой хоровой лирики, античная традиция относит к VII-VI векам до Р. Х. (около 632-556 гг.) и связывает с сицилийским городом Гимерой (Plato, Phaedr. 244a). Стесихор был автором значительного числа произведений лирического и мифологического характера. Александрийское издание его сочинений насчитывало 26 книг. До нас дошли некоторые названия поэм: «Герионида», «Тризна по Пелию», «Орестея», «Разрушение Илиона», «Эрифила», «Возвращения» и другие. Поэт сочинял также гимны (в частности пеаны) и эпиталамии, застольные и любовные стихи[35]. Общий объем произведений Стесихора достигал, по предположению Дэвисона, 15000 стихов[36].

---

[35] См. более подробно: *Чистякова Н. А.* Древняя поэзия греческого Запада (Возвращение Стесихора) // ВДИ, 1980, 4. С. 36–52; *Казанский Н. Н.* Стесихор. Фрагменты // ВДИ, 1985, 2. С. 217–237.

[36] *Davison J. A.* From Archilochus to Pindar. New York, 1968. P. 196.

Однако вплоть до середины XX века дошедшее до нас наследие поэта сводилось к 26 небольшим фрагментам, сохранившимся в виде цитат у античных авторов, а самый большой отрывок песни Стесихора состоял из шести стихов. Еще в 1931 году Т. Синко называл Стесихора «неуловимой тенью»[37]. В PMG у Пейджа представлено уже 104 его фрагмента.

Положение стало резко меняться в последние десятилетия. Благодаря раскопкам в Оксиринхе были найдены и затем опубликованы многочисленные папирусные фрагменты произведений Стесихора, ранее не известные науке[38]. Они значительно обогатили наши сведения о тематике и содержании его творчества[39]. Появилась возможность на базе нового материала вернуться к изучению языка сицилийского поэта[40].

В изданном Э. Лобелем в 1967 году XXXII томе «Оксиринхских папирусов»[41] содержатся под номером 2617 отрывки из поэмы Стесихора «Герионида» (всего 78 фрагментов). В ней изображен десятый подвиг Геракла: похищение коров великана Гериона, сына Хрисаора и Океаниды Каллирои. Издатель указывает, что два обстоятельства склоняют его считать Стесихора автором произведения: язык и стихотворный размер отрывков, во-первых, и упоминание имени Гериона (F 11), во-вторых. Все отрывки написаны одной рукой. Рукопись может быть датирована первым веком по Р. Х. Имеются спорадические надстрочные знаки: ударения, долготы, апострофы и др. Что касается замечаний на полях, то они сделаны двумя различными почерками и, как видно, появились несколько позже, чем основной текст[42].

---

[37] *Sinko T.* Op. cit. P. 260.

[38] *Гринбаум Н. С.* Новые папирусные отрывки произведений Стесихора // Труды Тбилисского гос. университета, 183, 1978. С. 51-63.

[39] *West M. L.* Stesichorus // CQ, XXI (1971). P. 302-314; *Cataudella Qu.* Intorno ai Lirici greci. Roma, 1972. P. 83-102; *Treu M.* Stesichoros // RE Supplbd. XI. Stuttgart, 1968. Sp. 1253-1256.

[40] *Nötiger M.* Die Sprache des Stesichorus und des Ibycus. Zürich, 1971.

[41] The Oxyrhynchus Papyri. Pt. XXXII / Ed. by E. Lobel. London, 1967.

[42] The Oxyrhynchus Papyri. Pt. XXXII / Ed. by E. Lobel. London, 1967. P. 1–2.

В «Дополнении» Пейджа отрывки расположены по сюжетному принципу.

а) Герионида (Γηρυονηίς).

Пейдж (S 7) начинает изложение мифа по Стесихору с известного из Страбона (III, 2, 22) отрывка об Евритионе, пастухе коров Гериона (F 184 Page). Отрывок приобрел больше четкости благодаря предложенному Барреттом дополнению τίκτεν.

σχεδὸν ἀν-
τιπέρας κλεινᾶς Ἐρυθείας
Ταρτησσοῦ ποταμοῦ παρὰ παγὰς
<τίκτεν> ἀπείρονας ἀργυρορίζους
ἐν κευθμῶνι πέτρας

4 suppl. Barrett e Strabone 5 κευθμῳνι Hermann: – ωνων codd. πέτραι codd. BCI

напротив Эрифии славной,
где с гор среброносных струятся
токи Тартесской реки
многоструйной, в расселине скал
родила его матерь (Перевод Н. Н. Казанского).

Речь идет о том, как одна из Гесперид родила будущего пастуха на берегу реки Тартесс в Испании, около острова Эрифия.

Следующий фрагмент (S 8) уже папирусный (№ 2617, F 6). В нем читаются первые четыре строки:

διὰ κύμαθ' ἁλὸς βαθέας ἀφίκον-
το θεῶν περικαλλέα νᾶσον
τόθι Ἐσπερίδες παγχρύσεα δώ-
μα]τ ἔχοντι.

1 διὰ Page; ἐπὶ Barrett. Reliqua vv. 1-4 Lobel suppl.

...они по волнам бездонного моря приплыли
на остров прекрасный. Там боги
насельники, там Геспериды в чертогах златых
обитают...[43]

[43] Перевод Н. Н. Казанского. Переводчик полагает, что эти слова относятся к прибытию на остров Эрифию самого Геракла и переводит «он... приплыл», не заметив, видимо, формы ἀφίκοντο, т.е. 3-го лица множественного числа (*Казанский Н. Н.* Цит. соч. С. 226).

По-видимому, этот отрывок является продолжением предыдущего[44] и повествует о дальнейшей судьбе Геспериды и ее новорожденного сына. По предположению Робертсона[45], мать привезла Евритиона на остров Гесперид, и мальчик, повзрослев, отправился на Эрифию стеречь коров Гериона.

В состоящем из шести стихов фрагменте 42 (S 9) читаются лишь отдельные слова: κεφαλάν ‘голову’ (ст. 1), ἀνήρ ‘муж’ (ст. 4) и ἦτορ ‘сердце’ (ст. 5). Пейдж напоминает в этой связи о предположении Барретта, что речь идет о разговоре пастуха Менета с Герионом, в котором Менет описывает Геракла.

Продолжение этого разговора Барретт находит во фрагменте 25 (S 10), где читаются слова: ἀλγιόεντος ‘мучительного’ (ст. 2)[46], ἀλλ’ ὦ φίλε ‘но, друг’ (ст. 3), ἀρηίφιλον ‘милого Аресу’ (ст. 4). Дополняя текст именами Каллирои (ст. 3) и Хрисаора (ст. 5), он видит здесь совет Менета Гериону не забывать о своих родителях (SLG p. 7).

Более обстоятельное изложение их беседы содержит следующий фрагмент (S 11), составленный Барреттом из трех папирусных отрывков (13+14+15). С дополнениями Лобеля, Пейджа, Диггла[47] и Барретта он переводится:

χηρσὶν δ[τὸν
δ’ἀπαμ[ειβόμενος
ποτέφα [κρατερὸς Χρυσάορος ἀ-
θανάτοιο [γόνος καὶ Καλλιρόας
“μή μοι [θάνατον προσφέρων κρυόεν-
τα δεδίσκ[ε’ ἀγάνορα θυμόν,
μηδέ με λ[ίσσεο
αἰ μὲν γὰ[ρ γένος ἀθάνατός πέλο-
μαι καὶ ἀγή[ραος ὥστε βίου πεδέχειν
ἐν’Ολύμπ[ωι,
κρέσσον[

[44] Этого мнения мы придерживаемся вслед за Пейджем (SLG p. 6).
[45] *Robertson C. M.* // CQ XIX (1969). P. 207.
[46] Издатель папируса № 2617, Лобель, предпочитает это прилагательное, встречающееся у Гесиода (Th. 214, 226), столь же возможному ἀρ]γινόεντος «ослепительно белого», представленному у Гомера (Il. II, 647) и Пиндара (Pyth. 4, 8).
[47] *Diggle Y.* Notes on Greek Lyric Poets // CR XX, 1 (1970). P. 5-6.

λέγχεα δ[
καὶ τ[ά
κερα[
μετέρω[
αἰ δ’ ὦ φί[λε χρὴ στυγερόν μ’ἐπὶ γῆ-
ρας [ἱκ]έσθαι,
ζώ[ει]ν ἐν ἐ[φαμερίοις ἀπάνευ-
θε θ[ε]ῶν μακάρω[ν
νῦν μοι πολὺ κά[λλιόν ἐστι παθῆν
ὅ τι μόρσιμ[ον
καὶ ὀνείδε[
καὶ παντὶ γέ[νει
ὀπίσω Χρυσ[άο]ρος[υ]ἱόν
μ]ὴ τοῦτο φ[ί]λον μακά[ρε]σσι θε[ο]ῖ-
σι γ]ένοιτο

1 χερσίν scribendum videtur 2 suppl. Lobel; 3 ἀ – Lobel, rell. Page 5 Janat – Lobel; προσφέρων Page suppl. 7-10 suppl. Page e.g.; 11 ἐ – Lobel; πέπον ἀθάνατός τ’ἔσομαι καὶ ἀγήρως πὰρ

μακάρεσσι θεοῖς ἐν’Ολύμπωι Barrett e.g. 11 ἐ – suppl. Lobel 14 ἀ – suppl. Lobel 16 φίλε suppl. Lobel 20 κάλλιον suppl. Lobel; ἐσσι παθῆν Page 23 γένει Diggle 25-26 suppl. Lobel.

...в ответ же ему (Менету. — Н. Г.)
произнес многомощный потомок
Хрисаора бессмертного и Каллирои:
«Не смущай мне отважную душу слова-
ми о хладе смертельном Аида, и не ...
Ибо если бессмертен мой род, вовек не ста-
рея, пребуду всегда сопричастником жиз-
ни Олимпа
...
Если же я обречен доступиться до ста-
рости страшной, –
мимолетным жильцом, не причастным к уде-
лу блаженных богов, – то не лучше ли
ныне и сразу мне
все претерпеть,
что судьбою дано...» (Перевод Н. Н. Казанского)

Если первые две части фрагмента легко согласуются по смыслу, то этого нельзя сказать о третьей, где читаются отдельные слова: ὀνείδεα ‘позор’ (ст. 22), καὶ παντὶ γένει ‘и

всему роду’ (ст. 23), ὀπίσω Χρυσάορος υἱός ‘потом сын Хрисаора’ (ст. 24).

Н. Н. Казанский усматривает здесь слова Менета и переводит «возразил Хрисаорову сыну»[48]. Предпочтительнее видеть здесь продолжение ранее сказанного Герионом: «*<чтобы> в будущем не навлек позора <на себя> и весь род сын Хрисаора*». Следует пожелание: «*Но блаженным богам да не будет / любезно такое*», затем лакуна и четко читаются слова: περὶ βουσὶν ἐμαῖς ‘о моих коровах’ (ст. 27), подтверждающие их принадлежность Гериону. В заключительном стихе (29) можно различить слово κλέος ‘слава’.

В следующем фрагменте папируса № 19 (S 12) содержится упоминание о женщине, которая ἰδοῖσά τε νισόμενον (ст. 3) ‘увидев уходящего’, как видно, Гериона, уговаривает его: πείθευ τέκνον ‘повинуйся, дитя’ (ст. 7). Нетрудно узнать в женщине мать Гериона Каллирою и предположить, что она удерживает сына от сражения с Гераклом.

Этот мотив находит продолжение в следующем отрывке №11 (S 13). Каллироя жалуется:

.....]ἐγὼν [μελέ]α καὶ ἀλασ-
τοτόκο̣ κ]αὶ ἄλ[ασ]τα παθο̣ισα
.....Γ]αρυόνα γωνάζομα[ι
αἴ ποκ’ ἐμ]όν τιν μαζ[ὸν] ἐ[πέσχεθον
]ωμον ν[

2 rest. Barrett 3 init. suppl. Barrett, ἄλαστα Lobel 4 suppl. Lobel; init. νῦν δέ σε vel ἀλλά σε restituendum putat Page.

Несказанно страдав, несказанно терпев,
родила я тебя ...
Герион, я твои обнимаю коле-
на. Моею грудью ты вскормлен...

(Перевод Н. Н. Казанского)

В стихе 8 читаются слова φίλαι γανυθ[; Барретт и Лобель предлагают дополнения: παρὰ ματρὶ φίλαι ‘у милой матери’ и γανυθείς ‘обрадовавшись’, а в ст. 9 εὐφροσύναις ‘радостью’. Не исключено, что Каллироя вспоминает о детских годах Гериона. Во фрагменте № 3 (S 14) изображен совет богов:

---

[48] *Казанский Н. Н.* Цит. соч. С. 227. Cf. *Bormann F.* Zur Heryoneis des Stesichoros und Pindars Herakles-Dithyrambos // ZPE 31 (1978). S. 33-35.

μ]ίμνε παραὶ Δία παμ-
βασιλῆα·]
τόκα δὴ γλαυκ]ῶπις ’Αθάνα
φάτ’ εὐφραδέω]ς ποτὶ ὅν κρατερό-
φρονα πάτρω’ ἱ]ππο κέλευθον
“ἄγ’ ὑποσχέσιο]ς μεμναμένος ἄ[ν-
περ ὑπέστας
..... Γαρυ]όναν θ[αν]άτου

1 suppl. Lobel δία 2 suppl. Page 3 init. suppl. Page γλαυκ Lobel 4 φάτ’ Page εὐφρ. Barrett 5 πάτρω’ suppl. Page -φρονα et ἱ]ππο- Lobel 6-7 suppl. Page 8 suppl. Lobel init. μιὴ βούλεο Barrett

... у Зевса, всегоцаря:
тогда светлоокая Афина
рекла ... мощному духом дяде, укротителю коней:
... вспомнив, что обещал ...
... Гериона смерти...

Светлоокая Афина напоминает своему могучему дяде Посейдону об обещании не противиться смерти своего внука Гериона.

Дальнейший ход событий изложен во фрагменте № 4, состоящем из двух колонок по 17 стихов каждая (S 15). В первой колонке сохранилось несколько целых слов: νόωι διέλεν ‘он прикинул умом’ (ст. 5), πολὺ κέρδιον εἶν ‘быть весьма полезным’ (ст. 7), λάθραι πολεμεῖν ‘скрытно воевать’ (ст. 8). Можно предположить, что Геракл обдумывает здесь свой план борьбы с Герионом и предрекает ему (κατεφράζετό οἱ) прискорбную гибель (πικρὸν ὄλεθρον, ст. 10–11). Далее упоминаются: щит (ἀσπίδα) и шлем с султаном конских волос (ἱππόκομος τρυφάλει’, ст. 16). Вторая колонка сохранилась лучше:

]ων στυγε[ρ]οῦ
θανάτοι]ο τέ[λος
κ]εφ[αλ]ᾶι πέρι [πότμον] ἔχων πεφορυ-
γ]μένος αἵματ[ι...] . . [. .]ι τε χολᾶι
ὀλεσάνορος αἰολοδε[ίρ]ου
ὀδύναισι Ὕδρας· σιγᾶι δ’ ὅ γ’ ἐπι-
κλοπάδαν [ἐ]νέρεισε μετώπωι·
διὰ δ’ ἔσχισε σάρκα [καὶ] ὀ[στ]έα δαί-
μονος αἴσαι·
διὰ δ’ ἀντικρὺ σχέθεν οἰ[στ]ὸς ἐπ’ ἀ-
κροτάταν κορυφάν,

ἐμίαινε δ’ ἄρ’ αἵματι πορφ[υρέωι
θώρακά τε καὶ βροτόεντ[α μέλεα
ἀπέκλινε δ’ ἄρ’ αὐχένα Γαρ[υόνας
ἐπικάρσιον ὡς ὅκα μ[ά]κω[ν
ἅτε καταισχύνοισ’ ἁπαλόν [δέμας
αἶψ’ ἀπὸ φύλλα βαλοῖσα ν[

2 τέλος coni. Barrett 3 πότμον coni. Barrett 8, 12-14, 16 suppl. Page. Reliqua Lobel suppl.

...плачевной
смерти предел
вокруг головы имея, обрыз-
ганный кровью... и желчью
мужегубивой, пестрошкурой
...Гидры. В молчании он
из укрытия поразил его между глаз,
и рассекла плоть и кости
по воле демона
и проникла, плачевная, до са-
мого темени,
запятнала кровью багряной
панцирь и окровавленные члены,
и склонил выю Герион
долу, так, будто маков
отцветающая нежная краса,
вдруг потеряв лепестки...

Аполлодор (II, 5, 10) рассказывает, что Геракл, убив Гериона, загнал коров в золотую ладью-кубок, одолженную ему Гелиосом, и, переплыв с ними в Тартесс, вернул кубок богу. С этим эпизодом связан фрагмент (S 17), сохраненный нам Афинеем (6D, 185 Page; Athen. XI 469e):

ἅμος δ’ Ὑπεριονίδα ἷς
δέπας ἐσκατέβαινεν χρύσεον ὄ-
φρα δι’ Ὠκεανοῖο περάσαις
ἀφίκοιθ’ ἱαρᾶς ποτὶ βένθεα νυ-
κτὸς ἐρεμνᾶς
ποτὶ ματέρα κουριδίαν τ’ ἄλοχον
παίδας τε φίλους,
ὁ δ’ ἐς ἄλσος ἔβα δάφναισι κατα-
σκιόεν ποσὶν παι’ Διὸς ....

1 ἅλιος Athen., ἅμος Kaibel 2 Ὑπεριονίδας Athen., -α ἷς West 3 περάσα Athen., corr. Page 4 -κηθ’ Athen., corr. Barrett.

Уже сын Гипериона сильный
собирался взойти во златую ладью,
чтобы в ней, низойдя Океаном,
побывать бы в пустынности черной ночи
заповедной
подле матери, подле супруги честной,
подле милых детей.
А сын Зевса направился в рощу священную,
в кущи лавровые... (Перевод Н. Н. Казанского)

Следующий отрывок № 21 (S 18) состоит из 11 стихов. Читаются слова: κράτος ‘сила’ (ст. 2), τιμάν ‘честь’ (ст. 3), ἄκουσον ‘послушай’ (ст. 8), ἀδίκοισιν ‘несправедливым’ (ст. 10). Барретт полагает, что эти слова принадлежат Гериону, возмущенному кражей коров. Если это верно, фрагмент следовало бы поместить между № 10 и 11, заключает Пейдж (SLG p. 13).

Пейдж склоняется также к мнению, что фрагмент № 19 (181 Page), сохраненный у Афинея (XI 499a), относится к событиям не до, а после похищения коров Гериона. В нем идет речь о встрече с кентавром Фолом:

σκύφιον δὲ λαβῳν δέπας ἔμμετρον ὡς
τριλάγυνον
πί’ ἐπισχόμενος, τό ῥά οἱ παρέθη-
κε Φόλος κεράσας
...кубок взяв — преогромную чашу в три
меры, он выпил
поднесенное Фолом с водою вино

(Перевод Н. Н. Казанского).

Вполне вероятно, что сюда же следует отнести и фрагмент 20 (папирус, № 46), где во второй колонке читаются слова: δῶκε ‘он дал’ (ст. 5) и οἶνον ‘вино’ (ст. 7).

Остальные фрагменты «Герониды», сохранившие лишь отдельные слова, рассмотрим в порядке очередности по Пейджу.

Фрагмент S 21 (папирус, № 1) содержит 5 стихов. Упоминаются птицы или лошади ὠκυπέται ‘стремительные’ (ст. 1), ср. ἵππω ὠκυπέτα у Гомера (Il. VIII, 42), ἴρηξ ‘ястреб’ – ср. у Гесиода (Opp. 212). Читаются слова: ἔχοισαι ‘имеющие’ (ст. 2), ἐπὶ χθόνα ‘на землю’ (ст. 3), κεφαλά ‘голова’ (ст. 4).

Фрагмент S 22 (папирус, № 17) состоит из 8 стихов. Читаются слова: ἀκάματος καί ‘неутомимый и’ (ст. 2), φύλοπις ἀργαλέα ‘тяжелое сражение’ (ст. 4), μάχαι τ’ ἀνδρο[κτασίαι ‘битвы и мужеубийства’ (ст. 6), δι]απρυσίοι ‘громкие’ (ст. 7) и ἵππων ‘лошадей’ (ст. 8).

Фрагмент S 23 (папирус, № 24) содержит 2 стиха. Читаются слова: ἀθανάτοις ‘бессмертным’ (ст. 1) и μετ- или πεδ]αμώνιον ‘напрасное’ (ст. 2).

Фрагмент S 24 (папирус, № 18) состоит из 5 стихов. Читаются слова: ἐν κονίαισι ‘в пыли’ (ст. 1), φύλοπιν ‘сражение’ (ст. 3) и ἀπ]ολωλότες ‘погибшие’ (ст. 4). Заметна связь с фрагментом № 22.

Фрагмент S 25 (папирус, № 70) содержит 2 стиха. Читаются слова: ὣς ἤνεπε ‘так сказал’ (ст. 1) и ἀπαμειβ ‘отвеча...’ (ст. 2).

Фрагмент S 26 (папирус, № 2) состоит из 5 стихов. Читаются слова: μέγ’ ἀρίστοι ‘наилучшие’ (ст. 2) и ἐρεικόμενο[ι ‘пробитые’ (ст. 3), ср. у Гомера: ἐρεικόμενος περὶ δουρί ‘пробитый копьем’ (Il. XIII, 441).

Фрагмент S 27 (папирус, № 7) состоит из 10 стихов. Читается слово]φυγην (ст. 2). Возможно, что это отглагольная форма φυγῆν ‘бежать’. Привлекает внимание пометка на полях (рядом с шестым стихом), обозначающая 1300.

Остальные фрагменты поэмы (S 28 – S 84), состоящие из отдельных букв (начало или конец стиха), в лучшем случае из изолированных слов, не представляют для ее понимания особого значения.

Заключая первую часть своего «Дополнения», Пейдж напоминает (S 85, S 86, S 87) об известных из древних источников других сведениях, касающихся «Герониды»: об упоминании Стесихором города Паллантия и острова Сарпедония (в найденных текстах они не встречаются) и об описании внешности Гериона, у которого было шесть рук, шесть ног и крылья (F 186 Page). Как известно, Аполлодор (II, 5, 10) сообщает, что Герион «обладал телом, сросшимся из трех человеческих тел, соединенных между собой до пояса, но разделявшихся от подреберья и бедер».

Итак, публикация новых папирусных фрагментов «Герониды» значительно обогатила наши сведения об этом произведении Стесихора. Существенно увеличился его текстовой объем: с 5 фрагментов в антологии Диля до 77 у Пейджа. Удалось

установить предполагаемый объем всего произведения – около 2000 стихов[49]. Стало очевидным, что мы имеем дело не просто с развернутым рассказом, а с целой поэмой, близкой по типу изложения к эпической. Вместе с тем структурно она предстала перед нами в виде известных произведений хоровой лирики, основанных на триадической метрической схеме: строфа, антистрофа и эпод. Мы получили возможность проследить развитие сюжета «Герониды»[50]: прибытие Геракла на остров Гесперид; разговор Менета с Герионом; обращение Каллирои к Гериону; совет богов и беседа Афины с Посейдоном, дедом Гериона; посещение Гераклом кентавра Фола. Привлекает внимание, что изображение отдельных событий совпадает у Стесихора и историка Ферекида[51] (VI век до Р. Х.), а их порядок и изложение детально воспроизведены у упоминавшегося уже Аполлодора (II век до Р. Х.).

б) Разрушение Илиона (Ἰλίου πέρσις).

В XXXII томе «Оксиринхских папирусов» Э. Лобель опубликовал папирус № 2619, содержащий 47 фрагментов и относящийся ко II или III в. по Р. Х. Издатель полагает, что он содержит отрывки из произведения Стесихора «Разрушение Илиона». Об этой поэме известно из сообщения Павсания (X, 27, 2).

В «Дополнении» Пейджа фрагменты числятся под номерами S 88 – S 132. Папирусный фрагмент № 1 соединен по предложению Барретта с № 47 (S 88). Он состоит из двух колонок по 28 строк каждая. В первой колонке удается прочесть следующие слова: ὅμως ‘однако’ или ὁμῶς ‘одинаково’ (ст. 4); βίαι τε καὶ αἰχμᾶι ‘силой и копьем’ (ст. 6); πεποιθότες ‘увещевая (увещевающие)’ (ст. 7); ἀγκυλοτόξοι ‘криволукие’ (ст. 9) ср. у Гомера: ἀγκυλότοξοι (Il. X, 428); διάσταν ‘разделили’ (ст. 11); ἅπασιν ‘всем’ (ст. 13);’Αχαιῶν ‘ахейцев’ (ст. 15); πολέμου ‘войны’ (ст. 18); ῥηξήνορα ‘сокрушающая мужей’ (ст. 21), у Гомера этот

[49] West M. L. Op. cit. P. 302.
[50] *Page D. L.* Stesichorus. The Geryoneis (P. Oxy. 2617) // JHS 93 (1973). P. 138–144.
[51] FGrH I, 18 Jac. (= Athen. XI, 469).

эпитет связан с Ахиллом (Il. VII, 228); ὥτρ[υνε μέγαν φρασίν ‘торопил великого духом’ (ст. 22); ἔργον ‘дело’ (ст. 26).

Связь этих разрозненных слов с боевыми действиями и, в частности, с Троянской войной, не вызывает сомнений. Это подтверждает и анализ второй колонки. Кто-то призывает троянцев поспешить на акрополь к храму и не поддаваться призыву (словам), чтобы... (ст. 6-6). Следуют отдельные слова: ἁγνὸν ἄγαλμα ‘священное изваяние’ (ст. 10); ὡς φάτο ‘так он сказал’ (ст. 15); ἵππον ‘лошадь’ (ст. 17); πυκινα[ῖ]ς πτερ[ύγεσσι ‘крепкими крыльями’ (ст. 19); κίρκον τανυσίπ[τερον ‘ястреба длиннокрылого’ (ст. 20); ἀνέκραγον ‘вскрикнули’ (ст. 21). О каком этапе войны идет речь, определить трудно. Приходит на память эпизод с «троянским конем», однако он связан с другим божественным знамением: там Аполлоном были посланы змеи (Apollod. Ep. 4, 18), здесь упоминаются ястреб и птицы.

Следующий фрагмент (S 89) составлен, по предложению Барретта, из трех папирусных отрывков: 15(b), 30 и 31. Вначале читаются отдельные слова: θεά ‘богиня’ (ст. 2), παρθεν[‘девушка’ или ‘девичий’ (ст. 3), ἱμειρε[‘желает’ или ‘пожелай’ (ст. 4). И далее:

νῦν δ’ ἆ[σ]εν [χα]λεπῶς πα[ρὰ καλλιρόους
δίνα[] Σιμόεντος ἀνὴρ [
θ]εᾶς ἰ[ό]τατι δαεὶς σεμν[ᾶς ’Αθάνας
μέτ[ρα] τε καὶ σοφίαν του
]ος ἀντὶ μάχα[
καὶ] φυ[λόπ]ιδος κλέο[]. [
εὐρυ]χόρ[ο]υ Τρο<ῖ>ας ἁλώσι[μον ἆμαρ
]ν ἔθηκεν
]εσσι πόνοι[

5 ἆσεν vel ἄ<α>σεν veri sim. Barrett χαλεπῶς Lobel, rell. Barrett 6 δίνας West, δίναι Barrett 7–11 suppl. Barrett 11 τρωας Π, corr. West

а теперь... с напряжением у красиво-
текущей пучины Симоэнта муж ... наученный
волей почтенной богини Афины,
...меру и мастерство... вместо битвы...
и слава сражения...

Муж этот (?) предопределил (ἔθηκεν, ст. 12) день захвата широко расположенной Трои (ст. 11)[52].

Имеется в виду, надо полагать, Эпей, построивший по наущению Одиссея деревянного коня. Новым является упоминание, что он действовал по прямому указанию богини Афины.

В очередных отрывках (S 90 – S 102) удается прочесть лишь отдельные слова. Папирусный фрагмент № 2 (S 91) состоит из 16 стихов. Читаются слова: μέγα χωσάμ[ενος ‘сильно разгневанный’ (ст. 3), μεγάλ[αν ‘большую’ (ст. 9).

Фрагмент № 3 (S 92) состоит из 6 стихов. Читаются два слова: ἀ]ργαλέα ‘трудная’ (ст. 2) и κ]ούφως ‘легко’ (ст. 3).

Фрагмент № 5 (S 94) состоит из 7 стихов. Читаются слова: ἀγορά ‘собрание’ (ст. 1), ἀγέρθη ‘был собран’ (ст. 5), λόγον ‘речь’ (ст. 6).

Фрагмент № 10 (S 99) состоит из 6 стихов. Читается слово ᾽Αχαιοί ‘ахейцы’ (ст. 4).

Фрагмент № 13 (S 102) насчитывает 11 стихов. Читаются слова: ἐπώμοσε ‘поклялся’ (ст. 1), ἐγὼν δ’ ‘а я’ (ст. 3), εἶμειν ‘быть’ (ст. 5), φάο̣ ἀελίου ‘свет солнца’ (ст. 8), κατ’ αἶσαν ‘согласно судьбе’ (ст. 10).

Хотя эти разрозненные слова дают нам некоторое представление об изображаемой ими ситуации: чей-то гнев, сбор на площади, чье-то выступление и клятва, трудно сказать, о чем и о ком конкретно идет речь.

В несколько лучшем состоянии находятся следующие фрагменты.

Фрагмент № 14 (S 103) состоит из 11 стихов. Читаются слова: λόχο[ν ‘засаду’ (ст. 2), ἔχοντ[ες ‘имеющие’ (ст. 4), ξ]ανθὰ δ’ ᾽Ελένα ‘белокурая Елена’ (ст. 5), βα]σιλῆος ἀοιδίμ[ου ‘прославленного царя’ (ст. 6), ἐκέλευσε ‘он приказал’ (ст. 7), δ]αΐωι πυρὶ καιομεν[‘сжигаемый вражеским огнем’ (ст. 8).

Фрагмент № 16 (S 104). Читаются слова: αἶψα ‘тотчас же’ (ст. 1), ἐ]ναργές ’ясное’ (ст. 2), ἐτύμως ‘истинно’ (ст. 3), Κ]υπρογενής ‘рожденная на Кипре’ (ст. 6), как видно, Афродита, ср. Κυπρογενεῖ у Пиндара (Ol. X, 105); ἁλιπόρφυρον ‘окрашенное

---

[52] Ср. интерпретацию этого отрывка: *Казанский Н. Н.* Начало поэмы Стесихора «Разрушение Трои» // Вестник ЛГУ, 1976, № 2. С. 100–107.

морским пурпуром’ (ст. 7), ἐγών ‘я’ (ст. 8), ἀθάνατοι ‘бессмертные’ (ст. 9), ’Ερμιόναν ‘Гермиону’ (ст. 10) – по-видимому, речь идет о дочери Менелая и Елены; ποθέω ‘я желаю’ (ст. 11), αἰ]γλοπόδαν ‘светлоногую’ (ст. 12), ὑφαρπάγιμον ‘похищенную’ (ст. 13), κνακά[ν ‘рыжую’ (ст. 14), κ]ορυφαῖσιν ‘вершинами’ (ст. 16), στυγερόν ‘ужасного’ (ст. 17), παῖδα φίλον ‘милое дитя’ (ст. 18).

Фрагмент № 18 (S 105a) состоит из 15 стихов. Читаются слова: ἐπίκουροι ‘защитники’ (ст. 1), λιποῖσα ‘покинувшая’ (ст. 3), γαιάοχος ‘земледержец’ (ст. 9), обычно имеется в виду Посейдон; ἁγνος ‘праведный’ (ст. 9); ”Αρταμις οὐδ Αφροδίτα ‘Артемида, не Афродита’ (ст. 11), Ζεύς ‘Зевс’ (ст. 13)[53].

Перечисленные отрывки подтверждают, что мы имеем дело с событиями Троянской войны; однако они не дают основания для конкретных выводов об изображаемых поэтом действиях.

Остающиеся фрагменты (S 106 – S 132) плохо поддаются чтению и интерпретации. В папирусном отрывке № 19 (S 107) читаются слова: ἱμερτόν ‘очаровательного’ (ст. 1), ὧδε ‘так’ и νιν ‘его’ (ст. 2), ὡς ἀγαπάζ[ει ‘как ласково встречает’ (ст. 3), δυσώνυμος ‘роковой’ (ст. 4). В № 21 (S 109) читается ’Αθάνα ‘Афина’ (ст. 1) и πεδὰ Μυρμιδ[όνεσσι ‘среди мирмидонцев’ (ст. 3). В № 23 (S 111) удается прочесть περσάντες ‘разрушившие’ (ст. 2), δαπά[να ‘трата’ (ст. 3), αὐτοί ‘сами’ (ст. 4). В № 25 (S 113) читаем: πον]τοπόρου ‘плывущего по морю’ (ст. 2) и κῦμα ‘волна’ (ст. 5). В № 27 (S 115) упомянута река Скамандр (ст. 4). В № 28 (S 116) – потомок Эакидов и город (ст. 1-2). В № 32 (S 118) читаются слова: βαρέα ‘тяжелого’ (ст. 4), Τροίας ‘Трои’ (ст. 6), ἐκπέρσαντες εὐκτιμέ[ναν ‘разрушив благоустроенный (возможно, город)’ (ст. 7), ἀνθρώπους ‘людей’ и κλέος ‘слава’ (ст. 9). В № 37 (S 123) – ἄλλοις ‘другим’ (ст. 2) и ἑκάστωι ‘каждому’ (ст. 4).

Если фрагменты «Герониды» удается расположить в определенной логической последовательности, то фрагменты «Разрушения Илиона» представляют собой до сих пор конгломерат отдельных слов и их сочетаний. Они только

---

[53] Предложенное рядом исследователей объединение папирусного фргмента № 2619.18 с фрагментом № 2803.11 (= S 105) представляется мне, вслед за Пейджем, недостаточно убедиткльным (SLG p. 32).

подсказывают нам время событий (Троянская война), состав участников (ахейцы, троянцы, мирмидонцы), отдельные имена (Елена, Гермиона), места сражений (речки Симоэнт и Скамандр). Глухо говорится о каком-то собрании, выступлениях и распоряжениях, о сожженном врагами храме или дворце. Упоминаются имена богов: Зевса, Посейдона, Афины, Артемиды и Афродиты. Дважды встречается причастие [ἐκ]πέρσαντες ‘разрушив’, свидетельствующее о наносимом врагами уроне городу. Единственный более или менее связный текст – это фрагмент № 89, касающийся создания Эпеем (это имя в тексте не сохранилось) троянского коня. И вместе с тем, если учесть, что до папирусных находок мы располагали лишь одним фрагментом (F 9D) из «Разрушения Илиона», 47 новых папирусных отрывков следует считать существенной прибавкой в наследии поэта.

в) Деревянный конь (Ἵππος δούρειος).

В изданном Э. Лобелем в 1971 г. XXXVII томе «Оксиринхских папирусов» опубликованы под номером 2803 новые отрывки Стесихора (всего 15 фрагментов)[54]. Папирус датируется I в. до Р. Х. и содержит примечания на полях I–II в. по Р. Х. Можно предположить, что содержание отрывков связано с Троей[55]. Лобель считает, что обнаруженные на обратной стороне папирусного листа буквы ΣΤΗ[и ΙΠΠ[обозначают автора (Στησιχόρου) и заглавие его произведения (Ἵππος δούρειος).

Пейдж в своем «Дополнении» приводит фрагменты папируса 2803 под номерами 133—147.

Фрагмент № 1 (S 133) состоит из двух колонок, в каждой по 12 стихов. Удается прочесть лишь аббревиатуры на полях: θ^{ϵ} (=θεῶν) и $A^{\rho}N^{\iota}$ (= Ἀριστόνικος), обозначающие имена комментаторов текста. Различается также пометка на полях, обозначающая 100-й стих произведения. В самом тексте нельзя прочесть ни одного слова.

Фрагмент № 3 (S 135) состоит из 14 стихов. Читаются слова: θαλέας ‘цветущий’ (ст. 3) – Лобель предполагает, что это второй компонент сложного прилагательного, сравнивая с εὐθαλής у Пиндара (пеан 6, 181) и πανθαλής у Вакхилида (XIII, 69);

[54] См. рецензию В. Луппе: Gnomon, 45 (1973). S. 321-330.
[55] The Oxyrhynchus Papyri. Pt. XXXVII. P. 4.

πολυξε[ν ‘гостеприимный’ или ‘посещаемый’ (ст. 5) – Лобель видит здесь имя одной из дочерей царя Приама Поликсены; δ]ρακοῖσα ‘посмотрев’ (ст. 9).

Фрагмент № 5 (S 137) включает 12 стихов. Читаются слова: ἥ]ρως᾽Αχιλλεύ[ς ‘герой Ахилл’ (ст. 3), ἀφελέστε[ρ ‘более простой’ (ст. 4), πόλιν ‘город’ (ст. 6), τείχεος ‘стены’ (ст. 7), θρασύν ‘храброго’ (ст. 9) и θαῦμα ‘диво’ (ст. 11).

Фрагмент № 7 (S 139) насчитывает 10 стихов. Читаются слова: ὅτε ‘когда’ (ст. 3, на полях), οὐδέ[ν ‘ничто’ (ст. 5), το[ξόται ‘лучники’ (ст. 5-6), ἐπασσύτεροι ‘плотно сомкнутые’ (ст. 8), χάριν ‘ради’ (ст. 9).

Фрагмент № 11 (S 143) состоит из 12 стихов. Читаются слова: πίτνα ‘распускал’ (от гл. πίτνημι; ст. 1), Δαναοί ‘данайцы’ (ст. 3);᾽Εννοσίδας ‘землеколебатель’ (ст. 4) – этот эпитет Посейдона встречается у Пиндара (Pyth., IV, 33);᾽Απόλλων ‘Аполлон’ (ст. 5), Τρῶας ‘троянцев’ (ст. 10). В остальных фрагментах (№ 12–15, S 144 – S 147) читаются лишь отдельные буквы.

Анализ отрывков из папируса 2803 значительно затруднен из-за их фрагментарности[56]. Фрагмент пятый содержит упоминание об Ахилле и его храбрости, в седьмом говорится о сомкнутых рядах идущих в бой лучников, одиннадцатый рассказывает о данайцах и троянцах и об их покровителях Посейдоне и Аполлоне.

По своему содержанию отрывки из «Деревянного коня» близки к «Разрушению Илиона». Н. А. Чистякова высказывает предположение, что᾽Ιλίου πέρσις является названием, а Ἵππος δούρειος – заглавием произведения, не исключая также, что разные песни одного и того же произведения могли иметь свои заглавия[57]. Ею же отвергается мнение Пейджа[58] о наличии у Стесихора двух произведений на один сюжет. Принимая во внимание, что античная традиция не упоминает нигде о «Деревянном коне», представляется предпочтительным предположить, что это название одной из частей сочинения «Разрушение

[56] *Führer R.* Zu P. Oxy. 2803 (Stesichorus) // ZPE 8 (1971). S. 265.
[57] *Чистякова Н. А.* Цит. соч. С. 49.
[58] *Page D. L.* The Sack of Troy and the Wooden Horse // Proceedings of the Cambridge Philological Society, XIX (1973). P. 47–65.

Илиона» подобно тому, как по-разному назывались части гомеровских поэм.

г) Эрифила (Ἐριφύλη)

В XXXII томе «Оксиринхских папирусов»[59] Э. Лобелем опубликован папирус 2618, содержащий три фрагмента еще одного произведения Стесихора под названием «Эрифила». Папирус датируется издателем I веком по Р. Х.

Фрагмент № 1 (S 148) состоит из двух колонок по 9 стихов каждая. В первой колонке читаются слова:

] . . μελα…[
]ὧδε ποτήνεπε κ[
Ἄδρασ]τος ἥρως· Ἄλκμαον, πόσε δαι-
τυμόν]ας τε λιπὼν καὶ ἄριστον ἀοιδὸν
]. ἀνέστας;
ὥς ἔφα· τ]ὸν δ’ ὧδ’ ἀμειβόμενος ποτέει-
πεν Ἄρηι] φ[ίλ]ος’ Αμφιαρητείδας·
σὺ μέν φ]ίλε πῖνέ τε καὶ θαλίαις
εὔφραιν]ε θυμόν· αὐτὰρ ἐγὼν ἐπὶ πρᾶ[ξιν

3 suppl. Lobel; πόσε Page, πόσει 4 suppl. Page 6 ὡς Barrett, rell. Page suppl. 7 suppl. Page 8 suppl. Barrett; σὺ μὲν ὦ φίλε Lobel mavult 9 suppl. Lobel.

так сказал...
Адраст герой:
«Алкмеон, почему ты застолье оставил,
прекрасную песню, встав, зачем прервал ты?»
Так сказал он. Тут, ему отвечая, промол-
вил сын Амфиарая, Арею любезный:
«Милый, ты пей, дух свой услади
пированием» (Перевод Н. Н. Казанского)[60]

К ἐπὶ πρᾶξιν (ст. 9) Лобель усматривает параллель в выражении ἐπὶ πρῆξιν ἔπλεον ‘поплыли на дело’ из гомеровского гимна к Аполлону (397).

Во второй колонке читаем: ὅπως ἀπήναν ζευ[‘чтобы повозку запрячь’ ст. 5, ср. ἔζευξαν ἅρμα у Пиндара (Pyth. 10,65). И далее:

---

[59] The Oxyrhynchus Papyri. Pt. XXXII / Ed. by E. Lobel. London, 1971.
[60] В конце фрагмента читается *я же на дело*....

ναδ’ ἔβα παράκοιτι[ν
μναστεύσοισα μάτη[ρ
παῖδ’ ’Αναξάνδροιο [ὑπερ-
φιάλου γαμὲν ἔκγο[νον
Suppl. Lobel.

...прибыла мать, чтобы сосватать
супругу, на дочери дерзкого Анаксандра...
женить сына своего...

Фрагмент № 2 (S 149) состоит из 5 стихов. Читается слово ταύταν ‘эту’ (ст. 4).

Фрагмент № 3 (S 150) состоит из 12 стихов. Читаются слова: ἐσθλὰ κακ[οῖς ‘честное с нечестным’ (ст. 4), ср. у Гесиода: μεμίξεται ἐσθλὰ κακοῖσι ‘смешалось честное с нечестным’ (Op. 197); ἄμφω ‘оба’ (ст. 11).

«Эрифила» Стесихора ранее была представлена двумя фрагментами в антологии Диля (F 8-8a D, F 228 Page). Как известно, Эрифила, сестра Адраста и мать Алкмеона, была супругой аргосского царя Амфиарая. Получив от Полиника в качестве дара ожерелье Гармонии, она уговорила мужа принять участие в походе Семерых против Фив, хотя ей было известно, что Амфиарай погибнет. Новые отрывки, несмотря на их фрагментарность, дают возможность несколько расширить сведения о поэме. Первый фрагмент содержит вопрос Адраста к своему племяннику Алкмеону, почему он прервал пиршество, и ответ Алкмеона, предлагающего дяде продолжить пир, в то время как он, Алкмеон, отправится на какое-то дело. Идет ли речь о предстоящем убийстве Алкмеоном своей матери или о каком-то другом «деле» – сказать пока трудно. О том, что Алкмеон отомстил матери, узнав, что она приняла от Ферсандра, сына Полиника, пеплос Гармонии, чтобы и самого Алкмеона склонить возглавить поход Эпигонов, сообщает Аполлодор (III, 7, 5).

Несколько смущает содержание второго отрывка в первом фрагменте. В нем говорится о матери, отправившейся в путь, чтобы женить сына на дочери некоего Анаксандра. Создается впечатление, что мы имеем дело с отрывком или относящимся к другому произведению Стесихора (так полагает Лобель), или представляющим отклонение от основной линии повествования.

д) Фиваида[61] (Θηβαίς).

В 1974 году в г. Лилле (Франция) был обнаружен во время декартирования мумии папирус, содержащий отрывки древнегреческой лирики. Они были опубликованы три года спустя Г. Анше, Б. Боявалом и К. Мейе, признавшими их автором Стесихора[62]. В «Дополнение» Пейджа этот текст не попал. Папирус отнесен издателями к III-II векам до Р. Х. Он начинается со 176-го и охватывает не менее 364 стихов. Читаются отдельные слова: Κρονίδας μὲν ‘а сын Крона’ (ст. 176), υἱός ‘сын’ (ст. 178), μέ]γα νεῖκος ‘большая ссора’ (ст. 188), παίδας ‘детей’ (ст. 192), ἔγειρεν ‘собрал’ (ст. 198). Лучше читается отрывок из 34 стихов, представляющий собой стихи 201-233.

Действие, изображенное в найденном папирусе, происходит в городе Фивы и связано с сыновьями Эдипа Этеоклом и Полиником. Между братьями разгорелась ссора из-за наследия отца, отрекшегося от престола. Какая-то женщина (δῖα γυνά, ст. 232), надо полагать, фиванская царица, обращается к предсказателю (μάντις, ст. 212) со словами:

ἐπ’ ἄλγεσι μὴ χαλεπὰς ποίει μερίμνας
μηδέ μοι ἐξοπίσω
πρόφαινε ἐλπίδας βαρείας

страданья не множь сраженной горем,
не угрожай мне бедой,
грядущую скорбь предрекая... (Перевод Н. Н. Казанского)

Следует рассуждение о благосклонном отношении богов к людям:

---

[61] Название поэмы условное, поскольку античные авторы не упоминают ее в числе произведений Стесихора. Так называлась одна из поэм эпического цикла (Apollod. I, 8, 4). Не исключено, что фрагменты предполагаемой «Фиваиды» следует отнести к уже известной Эрифиле.

[62] См. обширную литературу о лилльском тексте: *Рыжкина З. А.* Новый вариант фиванского мифа: «Фиваида» Стесихора // ВДИ, 1984, № 3. С. 112–113. Основная публикация: *Ancher G., Boyaval B., Meillier Cl.* Stesichore (?) (P. L. 76 abc) // Cahiers de recherché de l’Institut de Papyrologie et d’Égyptologie de l’Université de Lille, t. IV (1977). P. 287–360.

οὔτε γὰρ αἰὲν ὅμως
θεοὶ θέσαν ἀθάνατοι κατ' αἶαν ἱρὰν
νεῖκος ἔμπεδον βροτοῖσιν
οὐδέ γα μὰν φιλότατ' ἐπὶ δ' ἁμέρα[ι
θεοὶ τιθεῖσι.
μαντοσύνας

нет, не навеки вражду
бессмертные смертным дают; на земле священной
нет ни распри неизбывной,
ни неизменной любви; переменчивый ум человеку
даруют боги... (Перевод Н. Н. Казанского)

Привлекает здесь внимание противопоставление: νεῖκος 'вражда, ссора' и φιλότης 'дружба, согласие', ниспосланные богами человеческому роду[63]. Далее царица продолжает:

μαντοσύνας δὲ τεάς ἄναξ ἑκάεργος Ἀπόλλων
μὴ πάσας τελέσσαι

А твои пророчества пусть не все исполнит
далекоразящий владыка Аполлон... (ст. 209-210)[64].

Она предпочитает умереть, чем быть свидетельницей братоубийства сыновей:

αἰ δέ με παίδας ἰδέσθαι ὑπ' ἀλλάλοισ<ι>
δαμέντας
μόρσιμόν ἐστι ἐπεκλώσαν δέ Μοίρα[ι
αὐτίκα μοι θανάτου τέλος στυγερο[ῖο] γέν[οιτο
πρὶν τόκα ταῦτ' ἐσιδεῖν
ἄλγεσ<σ>ι πολύστονα δακρυόεντα[
παίδας ἐνὶ μεγάροις
θανόντας ἢ πόλιν ἁλοῖσαν
211 suppl. Parsons, Haslam. – Rell. suppl. e. p.

Если судьба мне узреть, как сына сын убивает,
если судьбы моей нити так спряли Мойры,
лучше бы сразу кончиною страшною жизнь завершилась,

---

[63] В этом рассуждении слышатся позднейшие идеи философа Эмпедокла. См.: *Лурье С. Я.* Очерки по истории античной науки. М.; Л., 1947. С. 71-85.

[64] Перевод этого места З. А. Рыжкиной, отнесшей эпитет к прорицателю, и перевод Н. Н. Казанского, отнесшего местоимение τεάς к Аполлону, представляются неточными.

прежде чем здесь, во дворце,
мне, стонущей тяжко от боли, плача, видеть
мертвыми милых детей
иль град в полоне вражьей рати...

(Перевод Н. Н. Казанского)

Затем царица обращается к сыновьям:

ἄλλ’ ἄγε παίδες ἐμοῖς μύθοις, φίλα [τέκνα,
πίθεσθε·
τᾶι δὲ γὰρ ὔμ<μ>ιν ἐγὼν τέλος προφαίνω,
τὸμ μὲν ἔχοντα δόμοις ναίειν παρὰ γάμαισι
τὸν δ’ ἀπίμεν κτεάνη Δίρκας
καὶ χρυσὸν ἔχοντα φίλου σύμπαντα [πατρὸς
κλαροπαληδὸν ὃς ἂν
πρᾶτος λάχηι ἕκατι Μοιρᾶν.
τοῦτο γὰρ ἂν δοκέω
λυτέριον ὔμμι κακοῦ γένοιτο πότμο[υ
μάντιος φραδαῖσι θείου
αἴ τε νέον Κρονίδας γένος τὲ καὶ ἄστυ [σαώσει
Κάδμου ἄνακτος
ἀμβάλλων κακότατα πολὺν χρόνον [ἃ βασιλείαι
πέπρωται γενέ[θ]λαι

218 suppl. West; φιλα[κέσσι πίθεσθε Luppe 220 suppl. Barrett ap. Parsons 228 αἰ γε legit Haslam; fine suppl. Barrett ap. Parsons 230 suppl. Lloyd-Jones, Barrett ap. Parsons 230-231 αἴτε πάλαι δὴ πέπρωται γενέθλαι Slings

«Но, милые дети, послушайтесь моих слов, ибо вам я указываю благополучный исход, чтобы один жил, владея домом, а другой ушел, имея все добро и отцовское золото, кто бы первым ни вытянул свою долю по воле Мойр. Я думаю, пусть это станет для вас средством избавления от злой судьбы по указаниям божественного прорицателя; если же Кронид новое поколение и город владыки Кадма, откладывая беду на долгое время... суждено... (ст. 218-231)[65].

Заканчивается изображаемая сцена словами:

ὥς φάτ[ο] δῖα γυνά, μύθοις ἀγ[αν]οῖς ἐνεποίσα

[65] Перевод З. А. Рыжкиной. Комментарий к ст. 220 см.: *Maltomini F.* Stesicoro, P. Lille 76, 220 // ZPE 58 (1985). S. 9–11; к ст. 228–231: *Slings S. R.* Stesichorus. “Thebaid”, 228–231 // ZPE 30 (1978). S. 37.

νείκεος ἐμ μεγάροις π[αύο]ισα παίδας
σύν δ' ἅμα Τειρ[ε]σίας [τερασπόλ]ος οἱ δ' [ἐ]πίθο[ντο
233 προύοισα Barrett ap. Parsons 234 τερασπόλος idem – Rell. suppl. e. p.

Так говорила божественная женщина, прося детей кроткими словами,
во дворце детей вражду прерывая,
и вместе с нею Тиресий ... и они повиновались...

(ст. 232-234, Перевод З. А. Рыжкиной).

Дальнейший ход событий восстановил П. Парсонс на основании анализа встречающихся в тексте разрозненных слов[66].

После того как был брошен жребий, Полинику пришлось покинуть Фивы и отправиться в Аргос (ἵκοντο' Ισθμόν 'прибыли на Истм', ст. 299), где ему предстояло жениться на царской дочери. Обо всем этом стало известно из речи прорицателя Тиресия (ὡς φάτο Τειρεσίας, ст. 291).

Таким образом, перед нами эпизод из фиванского цикла мифов. Мать-царица, вопреки первоначальным предположениям, не Иокаста, а вторая жена Эдипа – Эвриганея[67].

Значение лилльского фрагмента Стесихора большое. Он не только представляет собой наиболее крупный связный текст из найденных за последние десятилетия. Он позволяет также по-новому взглянуть на ряд вопросов. Во-первых, появляется новая для нас версия о жеребьевке, предшествовавшей удалению Полиника из Фив. Эту трактовку следует отнести к древнейшей. Во-вторых, находит подтверждение предположение о том, что не Иокаста была матерью Этеокла и Полиника. Это обстоятельство противоречит представленной в аттической трагедии версии о тяготевшем над потомством Эдипа проклятии из-за нечестивого брака. В-третьих, появилась возможность проследить литературные параллели (или истоки?) философского учения Эмпедокла о «ненависти» и «любви», как движуших силах природы. И наконец, к Стесихору, как выяснилось, восходит своими истоками альтернатива между благополучием родного города и личной выгодой индивида, нашедшая отражение в эсхиловских трагедиях (См.: *Рыжкина З. А.* Цит. соч. С. 118).

---

[66] *Parsons P. J.* The Lille Stesichorus // ZPE 26 (1977). S. 28.
[67] Apollod. III, 5, 8. Ср. *Чистякова Н. А.* Цит. соч. С. 45.

Ивик

Творчество Ивика, уроженца южноиталийского города Регия, младшего последователя Стесихора, относится к VI веку до Р. Х.[68] Ивик был автором ряда мифологических поэм эпического характера и произведений эротического содержания. Они входили в александрийское издание из 7 книг. До нас сохранилось незначительное число отрывков: в антологии Диля их насчитывалось всего 30[69]. Сюда входят наряду с античными свидетельствами и отрывки, изданные в XV томе «Оксиринхских папирусов» (F 3-5)[70]. В PMG имеется уже 64 фрагмента.

В «Дополнение» Пейджа включены все папирусные фрагменты произведений Ивика, опубликованные в нашем столетии (S 151 – S 258). Пейдж разбивает их на три группы, поскольку они были обнаружены в разных папирусах (S 151 – S 165; S 166 – S 219; S 220 – S 257).

К первой группе Пейдж относит уже упомянутый папирус 1790, соединенный с папирусом 2081 (f) и переизданный Барреттом в 1969 году (SLG p. 44). Фрагмент № 1 (S 151) состоит из 48 относительно неплохо сохранившихся стихов. Его смысл определяют последние две строки:

καὶ σύ, Πολύκρατες, κλέος ἄφθιτον ἕξεις
ὡς κὰτ' ἀοιδὰν καὶ ἐμὸν κλέος.

«*Ты, Поликрат, получишь вечную славу, как и я, за мою песню*» (ст. 47-48). Слава Поликрата, как вытекает из ст. 46, основана на воспеваемой поэтом его красоте, а предшествующая часть поэмы служит мифологической иллюстрацией этого заключения. Поскольку подробный анализ фрагмента не входит в нашу задачу, отметим только, что перед читателем проходит целая галерея героев Троянской войны. Согласно мнению как ахейцев, так и троянцев, наиболее красивым из участников оказался сын царя Приама (или бога Аполлона) – Троил (Apollod. III, 12, 5; Ep. 3, 32). В остальных фрагментах папируса

---

[68] См. литературу об Ивике: *Ярхо В. Н., Полонская К. П.* Античная лирика. М., 1967. С. 53–55; *Schmid W., Stählin O.* Geschichte der griechischen Literatur. I, 1, München, 1929. S. 495.

[69] Ср.: *Bowra C.* Greek Lyric Poetry. Oxford, 1936. P. 248.

[70] The Oxyrhynchus Papyri. Pt. XV / Ed. by B. Grennfell and A. Hunt. London, 1922 (№ 1790).

1790 (№ 4–5, S 152 – S 162) читаются лишь отдельные слова: ἀσπίδα ‘щита’ (F 4, 11.5), ἴχνια ‘следы’ (F 5.3), τάμνω ‘я разрезаю’ (F 7.6). В четырех фрагментах папируса 2081 (S 163 – S 165) удается прочесть лишь одно слово: ἀγήτορι ‘полководцу’ (F 4.5).

Вторую группу составляют фрагменты папируса 2735, отнесенные к Ивику Пейджем[71]. Папирус датируется II веком по Р. Х. и содержит 54 фрагмента. Фрагмент № 1 (S 166) состоит из 41 стиха. Читаются слова и их сочетания: α]ὐλητῆρος ἀείδο[ντος ‘поющего флейтиста, под звуки флейты’ (ст. 5), ἁβρὰ π[α]ντῶς ‘совсем нежная’ (ст. 6), ἔρωτος ‘Эрота’ (ст. 7), κάτ’ αἶσαν ‘законно’ (ст. 8), τέλος ‘исход’ (ст. 9), δύναμις ‘сила’ (ст. 10), πολύν ὄλβον ἐδώκαν ‘дали большое счастье’ (ст. 12) – возможно, δαί[μονες ‘боги’ (ст. 11), ἔχεν (=ἔχειν) ‘иметь’ (ст. 13), Μοιρᾶν ‘Мойр’ (ст. 14), Τυνδαρίδ[αι]σι ‘Тиндаридам’, т. е. ‘потомкам Тиндарея’ (ст. 15), σάλπιγγος ‘трубы’ (ст. 16), ἱπποδάμωι ‘укрощающему коней’ (ст. 17), ἀντιθέοι ‘богоподобные’ (ст. 18), ὀπάονες ‘спутники’ (ст. 19), μεγάλα χρύσαιγις ‘большая с золотом эгида’ (ст. 20), οὐ φατόν ἐστιν ‘невыразимо’ (ст. 22), τεκέεσσι ‘потомкам’ (ст. 23), σὲ δ’ αὖ καταδέρκεται ‘на тебя снова... взирает’ (ст. 23–24), κάλλιστον ἐπιχθ[ονίων ‘красивейшего из землян’ (ст. 25), ἐναλ[ί]γκιον εἶδο[ς ‘похожего видом’ (ст. 26), ἄλλος οὑτῶς ‘другой так’ (ст. 27),’Ιάονας ‘ионийцев’ (ст. 28), κ]υδιάνειραν ‘славную мужами’ (ст. 29), Λακ]εδαίμονα ναίο[ντες ‘населяющие Лакедемон’ (ст. 30), χοροῖς ‘хорами’ (ст. 31), ἵπποις ‘конями’ (ст. 31), βαθύν ‘глубокий’ (ст. 32), ἀμφί τε θαυμα[‘и вокруг изумил’ (ст. 33), ἄλσεα λαχνάεντ’ ‘рощи, покрытые кустарником’ (ст. 34), ἐς ἀγῶνα ‘к состязанию’ (ст. 37), πατέρων ‘отцов’ (ст. 38), θέμις ‘установление’ (ст. 41).

Фрагмент № 2 (S 167) состоит из 10 стихов. Читаются слова: φοινίοισι ‘алыми, губительными’ (ст. 6), ἀδινοῖς βελέεσσ[ι ‘крепкими стрелами’ (ст. 8), ἀργυροπέζου ‘среброногой’ (ст. 9) – эпитет Фетиды у Гомера (Il. I, 38) и Афродиты у Пиндара (Ol. I, 97).

---

[71] Издавший в 1968 году XXXV том «Оксиринхских папирусов» Э. Лобель был склонен назвать автором сохранившихся фрагментов скорее Стесихора (P.Oxy., 35,9). К его мнению присоединился *West M.* Stesichorus at Lille // ZPE 29 (1978), 1–4.

Фрагмент № 4 (S 169) состоит из 2 стихов. Читаются слова: δακέθυμ[ος ‘жестокий’ (ст. 1) и παιδῶ[ν ‘детей’ (ст. 2).

Фрагмент № 6 (S 171) охватывает 5 стихов. Читаются слова: ἐπὶ φρένας ‘в душе’ (ст. 2), ἀείδεν ‘петь’ (ст. 3), λέγεν ‘говорить’ (ст. 4).

Фрагмент № 8 (S 173) состоит из 7 стихов. Читаются слова: περὶ ἀνδρί ‘около мужа’ (ст. 3), ὅρκον ‘клятву’ (ст. 4), ἕλιγμα ‘локон’ (ст. 5), παιδῶν ‘мальчиков’ (ст. 7).

Фрагмент № 9 (S 174) состоит из 13 стихов. Читаются слова: εὐπ]ατέρεια ‘происходящая от славного отца’ (ст. 2), κελαδῆι ‘звучал бы’ (ст. 6), τέκνα ‘дети’ (ст. 7).

Фрагмент № 11 (S 176) охватывает 21 стих. Читаются слова: ἡ]μιθέων ‘полубогов’ (ст. 1), σ]τάδιον ‘стадий’ (ст. 2), χαλεπὰ δέ τις ‘какая-то тяжелая’ (ст. 4), σιδάρεος ‘железный’ (ст. 5), Ἡ]ρακλέος ‘Геракла’ (ст. 6), γαμέν ‘жениться’ (ст. 6), ὑφ’ ἅρμασι ‘под упряжкой’ (ст. 7), ν]ικάσαν τρέχο[ντες ‘победили в беге’ (ст. 8), Ἰόλαος ’Иолай’ (ст. 9), Π]ηλεύς ‘Пелей’ (ст. 11), κ]ῦδος ὑπέρτερον ‘высшая слава’ (ст. 12), γ]αμὲν οὐ δύν[ατο ‘не смог жениться’ (ст. 13), ἀνίκαστο[ν ‘неодолимого’ (ст. 14), Χρυσάορ[ος ‘Хрисаора’ (ст. 17), Γαρύοναν ‘Герион’ (с. 18).

В ряде фрагментов читаются лишь отдельные слова (S 178 – S 191): фрагмент № 13 – πόλιν ‘город’ (ст. 1), № 14 – οἰστός ‘стрела’ (ст. 2); № 15 – κλέος ‘слава’ (ст. 3); № 16 – ε]ὐχετάασθα[ι ‘молиться’ (ст. 3); № 17 – χ]ρύσεα ‘золотая’ (ст. 5); χθών ‘земля’ (ст. 7).

Фрагмент № 27 (S 192) состоит из двух отрывков. В первом читаются слова: μάχαι ‘битве’ и γίγαντες ‘мощные’ (ст. 2), ἀρήονες ἀλκάν ‘сильнейшие’ (ст. 3), νόον ‘ум’ (ст. 5), σ]υμφοραῖς ‘бедами’ (ст. 6). Во втором отрывке единственное цельное слово: ἀγερώχοι ‘неукротимые’ (ст. 14).

Фрагмент № 34 (S 199) состоит из 14 стихов. Читаются слова: μελέων ‘песен’ (ст. 5), ἐ]πικρατέως ‘стремительно’ (ст. 6), κορυφ[άς ‘вершины’ (ст. 10), αθανάτα[ν ‘бессмертную’ (ст. 12).

В остальных фрагментах (№ 35–54, S 200 – S 219) не сохранилось ни одного цельного слова.

Характер отрывков папируса 2735 существенно отличается от предыдущих. Чисто военный аспект отступает на второй план, а на первый выдвигаются какие-то празднества и пиршества. Появляются слова: ‘флейта’, ‘счастье’, ‘эрот’, ‘трубы’, ‘красота’, ‘хоры’, ‘состязания’, ‘женитьба’, ‘победа в беге’,

‘слава’, ‘песни’. Встречаются наименования Мойр, Тиндаридов, ионийцев, Лакедемона, а также имена Геракла, Пелея, Иолая, Хрисаора, Гериона. При сохранении военного фона поэтом выделяется в основном мирная тематика, насколько можно судить об этом по разрозненным словам. Эта тематика в определенной мере соответствует тому представлению о творчестве Ивика, которое создают другие, ранее известные отрывки его произведений. Вместе с тем заслуживает внимания, что Ивик обращается не столько к богам и героям, сколько к людям, как это показывает его адресат – Поликрат (F 1). Несмотря на эротическую тенденцию, эта песня построена также на триадической основе, включая традиционные строфу, антистрофу и эпод. Новые папирусные отрывки оказались составленными по этой же метрической схеме, подтвердив ее распространенность в поэтической практике греческого Запада.

В третью группу включены фрагменты папируса 2637, содержащего комментарий к лирикам. Ряд отрывков, по мнению Пейджа (№ 220–257), относится к Ивику. Папирус датируется серединой II века по Р. Х.[72]

Фрагмент № 1(а), строки 1–31 (S 220). Читаются слова: ν]ύμφα· οἷον ‘нимфа, так как’ (ст. 1), ταῖς νύ[μ]φαις ‘нимфам’ (ст. 2), Κρονίου πτυχαί ‘ущелия Крона’ (ст. 3), Κ]ρόνιον ἐν Λεοντίνοις ‘храм Крона в Леонтинах’ (ст. 4), ἔρχεσθαι ‘приходить’ (ст. 5), ποτέ μὲν κυνηγέ[ται ‘а когда-то охотники’ (ст. 6), ἐπιδείξαντα τοῖς ‘показавшего им’ (ст. 7), χῶρα ‘места’ (ст. 8), χαλεπόν ‘опасного’ (ст. 9), ε]ὔκολόν φησιν ‘называет кротким’ (ст. 10). Насколько можно судить, комментируются слова: ‘нимфа’, ‘ущелье Крона’, сцена охоты, причем автор называет кого-то (скорее всего, опасного зверя) ‘кротким’.

Следуют слова: πλεῖον ‘большая часть’ (ст. 11), αὔχα γλυκερά ‘сладостное высокомерие’ (ст. 13), ἰδίως ‘особенно’ (ст. 14), ἐλπίς ‘надежда’ (ст. 15), γλυκερά αὔ[χ]ει καυχ[ᾶται ... ἐ]λπίς ‘сладостная хвастается, хвалится... надежда’ (ст. 17–18), ἢ οὕτως ‘или так’ (ст. 18), γλυκερά γίν[εται ἡ καύχη]σις ἐὰν ἐπιτύχηι ‘сладостным становится хвастовство, если бы преуспело’ (ст. 18), ποδῶν· ὥσπερ καί ‘ног; если как’ (ст. 19–20).

[72] M. Treu // Kokalos, 1968–69. T. XIV/XV. S. 429.

Идет обсуждение сочетаний ‘сладостное хвастовство’, ‘сладкая надежда’, и комментатор объясняет, что имеется в виду ‘успешное, преуспевающее’ состояние, а в качестве подтверждения ссылается на состояние в беге. Дальнейшее рассуждение, вследствие фрагментарности текста, не удается восстановить.

Фрагмент № 1(a), стихи 32-42 (S 221). Трой приписывает Симониду, а Пейдж – Ивику[73]. Само название отрывка не совсем обычное: Καλλ[ί]ας «Каллий». Во фрагменте говорится:

αἰὲν ἐμοὶ πόνος οὗτος εἴη αἰ δέ τις
βροτῶν μ’ἐνίπτει νόσφιν· οἶον χω-
ρ[ὶ]ς καὶ λάθρα· [εἴ τ]ις ἐπιπλήσσει μοι
πάντα καλῶ[ς οἶ]δα· ἐγὼν δ’ ἔτι μ[είζο-
ν’ αὔχαν τίθεμαι περί τούτων [οἶον εἴ
με αἰτιῶνται μείζονα [καυ-
χ]ησιν τίθεμ[αι.]. ειρ. μαν[
ἰόεντα μέ[λανα ...ν]ρου[
4 καλῶς οἶδα Treu et Page. Rell. Lobel suppl.

Пусть этот труд всегда будет со мной. А если кто-то
из смертных меня упрекнет тайно; то есть, без
меня и украдкой; если порицает меня,
я все хорошо знаю; я еще боль-
ше горжусь из-за этого; то есть,
если меня обвиняют, я еще больше
хвастаюсь...

Насколько можно судить, комментируется поэтический текст, в котором герой отстаивает свое право на гордыню или хвастовство. Комментатор разъясняет отдельные слова и смысл сказанного.

Фрагмент № 1(b) состоит из 20 стихов (S 222).

Дважды упоминается слово ῥόπαλο[ν ‘палица’ (ст. 2, 4), имя Эдипа (ст. 5), страшные страдания Ино, лишившейся ума (ст. 6-7). Затем говорится о проступке Эдипа (ст. 8), снова о страданиях Ино (ст. 9), читаются слова: ἔ[ρωτος ‘любви’ (ст. 11), πολεμίων λόχο[ν ‘вражеский отряд’ (ст. 16-17).

По-видимому, в тексте шла речь о том, как Эдип убил палицей своего отца Лайя и о безумии Ино, вызванном смертью

[73] Proceedings of the Cambridge Philological Society, XVI (1970). P. 93.

сына Леарха. Связь между этими двумя событиями проследить трудно.

Фрагмент № 5 (S 223a) состоит из трех колонок, вторая охватывает 32 строки.

Читаются слова: Ἴβυκος ἑτέρω[θι 'Ивик с другой стороны' (ст. 5), ἀ]πὸ χθονός 'от земли' (ст. 6), βαθ[ὺν ἀ]έρα τάμνων 'разрезая глубокий эфир' (ст. 7), Ἀ[κέ]σανδρος ... περὶ Κυρήνης 'Акесандр... о Кирене' (ст. 8), τὸν μῦθον 'слово, рассказ' (ст. 9), περὶ τοῦ τρικεφάλου 'о трехголовом' (ст. 9). Две строки читаются полностью:

ἀναιρῶ[ν] φησιν [α]ὐτὸν ἐπὶ τεθρίπ-
που ὀχ[ε]ῖσθαι μ[ετ]ὰ δύο παραβα-
τῶν

«*Взяв, говорит, его отправляет на колеснице с двумя воинами*» (ст. 10-11).

Следуют имена: Τίμαιος 'Тимей' (ст. 12) и Θεόδω[ρος 'Теодор' (ст. 13), затем отдельные слова: ἀλλήλοις 'друг другу' (ст. 14), ἐς χθόνα 'на землю' (ст. 18), ἀελ]λοπόδαν 'стремительную' (ст. 21), τὸν Πήγασον 'Пегаса' (ст. 23). Ст. 24 читается полностью: Δο]ῦρις ἐν γ΄ περί Ἀγαθ[οκλέα 'Дурис в третьей книге об Агафокле'. Затем упоминается Пиндар и его Олимпийские песни.

Какая песня Ивика и какой эпизод комментируется, сказать трудно. На осведомленность комментатора могут указывать имена перечисленных авторов: Акесандра, Тимея, Теодора и Дуриса. Что касается 'трехголового', то приходит на память чудовище, сторожившее Аид, пес Кербер, которого Геракл доставил во дворец Еврисфея. Упоминание о чудо-коне Пегасе связано с мифом о Беллерофонте (Apollod. II, 5, 12). Не исключено, что в этой связи комментатор вспомнил об Олимпийских песнях Пиндара, где Пегас назван «крылатым конем» (Ol. XIII, 84).

Фрагмент № 12 (S 224) состоит из 19 стихов. В начальной части читаются слова: Τρ]ωίλου 'Троила' (ст. 4), τὸν φόνον 'убийство' (ст. 5). Следующие стихи содержат связный текст:

]. αι ἐπιτηρήσας
παίδα] θεοῖς ἵκ[ελον τῶ]ν περγάμων
ἔκτοσθεν Ἰλίο[υ κτάνε·] ἀνεῖλεν τὸν
Τρωίλον ἐκτ[ὸς τῆς πό]λεως ἐν τῶι
τοῦ Θυμβραίου ἱ[ερῶι· οὕτ]ω οὖν παῖδα

θεοῖς ὅμοιον θε[οὶ οἱ ἐκτὸς ᾽Ιλίου ἱ-
δρυμένοι το[ ]. νω διατα[

Suppl. Lobel exceptis vv. 7 τῶν 8 κτάνε 10 οὕτω 11 οἱ (Page)

Выследив мальчика богоподобного
вне стен Илиона, убил: умертвил
Троила вне города
в Фимбрейском храме,
мальчика, подобного богам; боги,
храмы которых вне Илиона...

Дальше текст обрывается и читаются лишь имена: Ἕκτορος ‘Гектора’ (ст. 15) и Τρωίλ ‘Троил’ (ст. 16).

Как известно, убийцей троянского царевича Троила, сына Приама и Гекубы, был Ахилл. Он подстерег юношу из засады и набросился на него. В отличие от версии Аполлодора, утверждающего, что убийство произошло в храме Аполлона Фимбрейского (Apollod. Ep. 3, 33), Ивик, как можно судить по вышеприведенному комментарию, изобразил это происшествие несколько иначе: Троил был убит Ахиллом вблизи Илиона, а затем перенесен для погребения в Фимбрейское святилище. Какова роль брата Троила Гектора, чье имя встречается в 15-м стихе, сказать трудно. Имя Троила упоминается Ивиком еще в одном фрагменте (S 151, S 41).

В фрагменте № 14 (S 225) читаются слова: Ἴβυκο[ς ‘Ивик’ (ст. 2) и λέγειν ‘говорить’ (ст. 4), в № 32 (Пейдж, № 226) – слово Γόργια[ς ‘Горгий’.

Фрагмент № 7 (S 227) состоит из 13 строк. Удается прочесть слова: Χαλκιδέων ‘Жителей Халкиды’ (ст. 2), ἀποικίας ‘колонии’ (ст. 5), κῦμ[α ‘волна’ (ст. 7), ἐ]πὶ τοῖς ὄμμασι ‘на глазах’ (ст. 7), κορύσσεται ‘вздымается’ (ст. 8), ὁ πόθος ‘влечение’ (ст. 10), φησὶν ‘говорит’ (ст. 11).

Создается впечатление, что речь идет о какой-то колонии города Халкиды (на Эвбее), о плавании по морю. Как видно, слово κορύσσεται ‘вздымается’ комментатор поясняет синонимами κορθύεται, μετεωρίζεται. К авторским могут быть отнесены слова: ‘волна’, ‘на глазах’, ‘вздымается’ и ‘влечение’.

Фрагмент № 8 (S 228) охватывает 11 стихов. Поддаются чтению: γαλήνοις ‘спокойным’ (ст. 2), κ]αλύμμασιν ‘покрывалами’ (ст. 5), σὺν γενικῶ[ι ‘с родовым’ (ст. 7), ν]έκυς ‘труп’ (ст. 8), χαλκοῦ ‘меди’ (ст. 9).

Возникает картина чьих-то похорон, описанных поэтом. Авторскими могут быть признаны слова: ‘спокойным’, ‘покрывалами’ и ‘труп’. Слово ‘медь’ указывает, видимо, на погибшего воина.

Фрагмент № 13 (S 230) включает 8 строк. Читаются слова: ν]οήση<ι> ‘воспринимал бы’ (ст. 2), νέκταρ ‘нектар’ (ст. 2); те же слова повторяются в 3 стихе; τοιο[ῦ]τον εὐπειθῆ ‘его же послушного’ (ст. 4), ἰοῦσιν ‘идущим’ (ст. 5), καὶ γὰρ [ἐναίσ]ιον ‘ибо и предвещающий’ (ст. 5-6); καὶ γάρ повторяется (ст. 6).

Очевидно, комментируются отдельные сочетания текста; отсюда их повторения, сопровождаемые пояснениями. Однако смысл отрывка в целом неясен.

От ряда фрагментов остались лишь отдельные слова. В № 11, 3 (S 229) читаются ποσὶ τύπτω ‘ударяю ногами’ (ст. 3) с повторением ποσίν ‘ногами’ (ст. 5), ἁβρά ‘нежная’ (ст. 6). № 30 (S 232) – читается μναμοσ[ύνα ‘память’ (ст. 10). № 33 (S 233) – дважды встречается слово ’Ωκεαν[οῦ ‘океана’ (ст. 4, 6), ἐν γ΄ Τονικῶν ‘в третьей книге об ударениях’ (ст. 5). № 10 (S 240) – читаются слова πο]ταμῶν ‘рек’ (ст. 4), πυθμένα ‘дно’ (ст. 6) и собственные имена: Φιλοστ[έφανος ‘Филостефан’ (ст. 3) и ‘Ερενίου ‘Герения’ (ст. 5). Первое, возможно, – имя автора сочинения о реках (так думает Лобель), второе – название города. № 15 (S 241) читаются слова: Σι]κελικὰ ‘сицилийские’ (ст. 2) и Σι]κελία ‘Сицилия’ (ст. 3). № 34 (S 255) читается слово μουσική ‘музыка’ (ст. 4). В остальных фрагментах (S 234 – S 239, S 242 – S 257) сохранились лишь буквенные сочетания, цельные слова не представлены.

Рассмотрение третьей группы фрагментов папируса 2637 показало, что, хотя они содержат отрывки не самих произведений, а лишь комментарий к ним, этот дополнительный материал представляет определенную ценность для восприятия творчества Ивика в целом.

Опубликованный в 1983 году папирус № 3538 содержит 46 небольших отрывков, отнесенных Э. Лобелем к разряду «Мелических стихов»[74]. Более тщательное рассмотрение, проведенное

[74] The Oxyrhynchus Papyri. Pt. L / Ed. by E. Lobel. London, 1983.

М. Вестом, позволило отнести фрагменты к Ивику[75]. Заслуживают внимания три более крупных фрагмента с дополнениями Веста.

Фрагмент № 1. Охватывает 13 стихов. Читаются стихи 5-16:

] δὲ σ’ ὕμνοι
συμποτᾶν.] ἐπηράτοισιν, ὦ Χά-
ρις, ῥόδων ἔ]θρεψας αὐτὸν ἐν κάλυξιν
’Αφροδίτας] ἀμφί ναόν
στέφαν]ον εὐωδῆ με δεῖ
λέγην, ὅσω]ν ἔχρισε θωπά-
ζοισα παιδ]ίσκον· τέρεν δὲ
κάλλος ὥ]πασαν θεαί.
ἀλλ’ ἔφευγε] μὰν Δίκα θε-
ᾶν χορὸν· β]αρύνομαι δὲ γυῖα
πολλὰ δ’ ἀ]γρύπνους ἰαύων
νύκτας ὁρμ]αίνω φρε[νί

... тебя гимны
сотрапезников. Ты вскормила его, Ха-
рита, в прелестных бутонах роз
у храма Афродиты.
Мне следует сплести благовонный венок,
ведь она умасти-
ла, лаская, мальчика. А нежную
красоту подарили богини.
Однако Лика бежала из хоровода богинь.
Я же томлюсь членами,
часто проводя бессонные
ночи, думаю о...

Фрагмент № 27. Состоит из 14 стихов. Читаются стихи 2-13:

αὐλὸς ἐσφ[
ποικίλος ὕ[μνος ὑπὸ φρένας ἀμάς
Μοῖσαν Πιε[ριδῶν ἀπολείβεται,
ἐν τῶι παίδ[α ἴων ααλώτερον
ὑμνήσω, τ[ακέρ’ ὃς μ’ ὑποδέρκεται
ὀ]φθαλμο[ῖς
...

[75] *West M. L.* New Fragments of Ibycus’ Love Songs // ZPE 57 (1984). P. 23–32.

ἀμὸς λευ[κοπάραος ἐπήρατος
Ἀώς εἰσαν[ίηι μέγαν ὠρανὸν
ἠριγένεια [φέροισα βροτοῖσι τε
καὶ θεοῖς ἀ[γνὸν φάος
...флейта...
искусный гимн по душе моей
Муз Пиерид растекается,
в нем я мальчика, что нежнее фиалок,
воспою, который нежно ласкает меня
глазами...
...когда бледная ланитами, любезная
Эос взойдет на великое небо,
рано рожденная, неся смертным и
богам священный свет...

Фрагменты № 29 и № 31. Состоят из 6 стихов. Читаются стихи 1–6:

]καπαρθ[ενικὰν
αἰ]μή τι κόρα[ς θάλ]αμον κα[ταβάς ποκα
πά]μπαν ἀνεχ[ρίσθ]η τακεραῖ φρεν[ί
ματ]ρὸς ἐπισταμένας παρά δῶρο]ν ἐ-
φίμ]ερον ἀσπάσιος δ' ὁ φέρων χά[ριν

Смысл стихов, даже с учетом смелых дополнений Веста, не очень ясен. Однако, нельзя не согласиться с Вестом, что содержание отрывков связано не с мифологической тематикой, характерной для Стесихора, а с сюжетами личного и эротического плана, свойственного в большей степени творчеству Ивика.

САПФО

Жизнь и деятельность Сапфо, знаменитой греческой поэтессы VII–VI веков до Р. Х., была связана с городом Митиленой на острове Лесбос[76]. Собрав вокруг себя молодых девушек, которых она воспитывала и обучала, Сапфо воспевала в своем творчестве дружбу и любовь. Собрание ее произведений состояло из 9 книг. В него входили гимны, свадебные, девичьи,

[76] Основные пособия: *Page D. L.* Sappho and Alcaeus. Oxford, 1955; Poetarum Lesbiorum Fragmenta / Ed. E. Lobel, D Page. Oxford, 1963 (сокращенно PLF, при номерах фрагментов L.-P.); *Voigt E.-M.* Sappho et Alcaeus. Amsterdam, 1971.

эротические и другие песни. Предполагаемый объем поэтического наследия Сапфо составлял от шести до девяти тысяч стихов. Одна первая книга включала в себя их почти две тысячи[77]. Дошедшая до нас традиция произведений Сапфо, как и других авторов, восходит к двум источникам: авторским свидетельствам и папирусным находкам. Первых относительно немного, вторые за последние десятилетия значительно обогатили наши представления о творчестве поэтессы. Достаточно сказать, что если в антологии Диля насчитывалось 156 фрагментов Сапфо, то у Лобеля и Пейджа (1963) их было уже 213, и число их продолжает расти. В «Дополнение» Пейджа включено несколько отрывков папируса 2637, содержащего и комментарий к Сапфо.

Фрагмент № 27 (S 259) состоит из 5 строк. В нем упоминается собственное имя Σαφ[‘Сапфо’ (ст. 1–2).

Фрагмент № 35 (S 260) состоит из 13 строк. Читаются слова π[ερὶ] γήρ[ως ‘о старости’ (ст. 1), περὶ Γογγ[ύλης ‘о Гонгиле’ (ст. 5), μήλωι ‘яблоком’ (ст. 6), καὶ ἡ Σαφφώ ‘и Сапфо’ (ст. 7), φρένας ‘дух’ (ст. 9), Καλ]λιόπης ‘Каллиопы’ (ст. 11).

Имя одной из учениц Сапфо, Гонгилы из малоазийского города Колофона, неоднократно упоминается поэтессой[78]. Называет она несколько раз и имя Каллиопы (F 124 L.-P).

Фрагмент № 38 (S 261) содержит слова: ἀπὸ Μυτ[ιλήνης ‘от Митилены’.

Следующий фрагмент (S 261A) извлечен из Кёльнского папируса (P. Colon. 5860 a,b). Он состоит из 17 строк. Читаются слова: ἐφ’ ἡσυχία[ς ‘спокойно’ (ст. 7) и далее:

παιδεύουσα τὰς ἀρί-
στας οὐ μόνον τῶν
ἐγχωρίων ἀλλὰ καὶ
τῶν ἀπ’’Ιωνίας· καὶ
ἐν τοσαύτηι παρὰ
τοῖς πολίταις ἀποδο-
χῆι ὥστ’ ἔφη Καλλίας
ὁ Μυτιληναῖος ἐν

[77] *Sinko T.* Op. cit. P. 280.
[78] Ср., в частности, P. Oxy. 2292.6.

«*воспитывая лучших не только из близживущих, но и из Ионии; и в столь же большом одобрении у граждан, как сказал Каллий из Митилены в...*» (ст. 8-15).

Речь идет, как видно, о Сапфо, принимавшей на воспитание как лучших местных девушек, так и приезжих. Эта ее деятельность пользовалась поддержкой и одобрением граждан Митилены, о чем свидетельствует некий Каллий, автор неназванного произведения.

Вторая часть этого фрагмента сохранилась хуже. Читаются отдельные слова: μόῤῥαν ‘долю’ (ст. 8), Μοισάων ‘муз’ (ст. 10). Далее:

]φαίνει τὰς ἐπὶ
]ικὸν οἶκον φοι-
τώσ]ας καὶ περὶ πολ-
λοῦ π]οιουμένας
διεν]εχθῆναι καὶ

В ст. 15 предлагаем дополнить стих и читать Σαπ]φικὸν. Получается перевод:

«*...что приходящие в дом Сапфо и высоко ценимые девушки(?) различались между собой*» (ст. 14-18).

Упоминается во второй колонке какая-то девушка из рода Клеанактидов (ст. 3-4). Этот род неоднократно встречается в песнях поэтессы. Из других слов заслуживает внимания εὐγένεια ‘благородное происхождение’ (ст. 8).

К рассмотренным выше добавлен в 1974 году еще один отрывок Кельнского папируса (P. Colon. inv. 8), включенный Пейджем в «Дополнение» (S 476) с согласия Р. Меркельбаха. О его принадлежности Сапфо свидетельствует совпадение двух стихов с известными ранее стихами поэтессы. Читаются слова: ἀ]γέρωχος ‘непреклонный, славный’ (ст. 3), χαρίεσσαν ‘милую’ (ст. 4), ἔχοισα θῦμο[ν ‘имеющая душу’ (ст. 5), θαλάμω ‘спальни’ (ст. 6), κ[ρ]οτάλων ‘трещоток’ (ст. 7), δυσωνύμο[ισι ‘злополучным’ (ст. 8). Стих 5 совпадает с фрагментом 86.4 у Сапфо, стих 7 – с ее же фрагментом 44.25.

АЛКЕЙ

Творчество Алкея, лирического поэта с острова Лесбос, современника Сапфо, относится к VII–VI векам до Р. Х. В отличие от своей знаменитой соотечественницы, поэт принимает активное участие в политической жизни родного города Митилены и

защищает интересы местной аристократии. Поэтическое наследие Алкея состояло в александрийском издании из 10 книг[79]. В них входили гимны, а также военные и политические, застольные и эротические песни. Они дошли до нас частично в цитатах у древних писателей, в основном же в папирусных фрагментах. В антологии Диля их насчитывается около 150, в издании Лобеля – Пейджа уже 448.

В «Дополнение» Пейджа включен ряд новых отрывков Алкея и комментариев к нему.

Под номером 262 Пейдж объединил три фрагмента.

(a) Кельнский папирус № 2021, датированный I веком по Р. Х.[80], состоит из двух колонок: в первой насчитывается 24, во второй – 25 стихов. В нескольких местах текст сопровождается схолиями.

Первая колонка. Наверху на полях значатся: πόλεμος ‘война’ и три буквы].υτι, которые по Пейджу могли быть частью слова Μυτιλήν[α ‘Митилена’. Затем следует трудно поддающийся чтению текст.

(b) Оксиринхский папирус № 2303, F 1 a+b (PLG, Alc. 289). Датируется I веком по Р. Х. Представляет более четкий текст стихов 16-17 Кельнского папируса № 2021 (1 колонка, ст. 15 и следующие)[81].

(c) Оксиринхский папирус № 2506, F 84+108. Состоит из 15 стихов и содержит комментарий к песне. Читаются слова: ἀ]λλὰ καὶ ‘но и’ (ст. 5), Αἴ]αντα ‘Эанта’ и κατηιτιάμενο[ν ‘обвиняемого’ (ст. 6), ἐ]πί τῆι Κασσανδρα[ι ‘при Кассандре’ (ст. 7), καὶ γὰ[ρ] αὐτ[ήν ‘ибо и ее’ и τῶι ἀ]γάλματι ‘изображению’ (ст. 8), τ]ῆς ’Αθην[ᾶς ‘Афины’ (ст. 12), ποίηται ‘делается’ (ст. 14).

Объединение Кельнского (№ 2021) и Оксиринхского (№ 2303) папирусов дает следующий текст:

---

[79] Ср. *Гринбаум Н. С.* К оценке творчества Алкея // Уч. зап. КГПИ, IV. Кишинев, 1955. С. 227–232.

[80] Впервые опубликован Р. Меркельбахом в: ZPE 1 (1967). S. 81; 2 (1968). S. 154; Cf. *Gallavotti* // QUCC 8 (1969). P. 83; *Treu M.* Antike Lyrik. München, 1970. S. 51.

[81] Cf. Fowler R. L. Reconstructing the Cologne Alcaeus // ZPE 33 (1979). S. 17-28.

δρά]σαντας αἰσχύν[θεν]τα τὰ μῆνδικα
]ην δὲ περβάλοντ' [ἀν]ὰγκα
αὔ]χενι λα[β]ολίωι π.[..]αν·
καὶ γὰρ κ] 'Αχαιοῖς ἦς πολὺ βέλτερον
αἰ τόν.....].. ηντα κατέκτανον·
ἴσως κε π]αρπλέοντες Αἴγαις
ῥαϊτέρα]ς ἔτυχον θαλάσσας·
ἀλλ' ἀ μὲ]ν ἐν ναύωι Πριάμω παίς
ἄγαλμ'] <'Αθ>ανάας πολυλάιδος
ἀμπῆχ'] ἐπαππένα γενήω,
δυσμε]νέες δὲ πόλιν ἔπηπον
]...[. .]. ας Δαΐφοβόν τ' ἄμα
κάτεκτ]αν, οἰμώγα δ' [ἀπ]ὺ τείχεος
ὄρωρε, κα]ὶ παίδων ἀύτα
Δαρδάνι]ον πέδιον κατῆχε·
Αἴας δὲ λ]ύσσαν ἦλθ ὀλόαν ἔχων
ἐς ναῦο]ν ἄγνας Πάλλαδος, ἀ θέων
θνάτοι]σι θεοσύλαισι πάντων
αἰνο]τάτα μακάρων πέφυκε·
χέῤῥεσ]σι δ' ἄμφοιν παρθενίκαν ἔλων
σέμνωι] παρεστάκοισαν ἀγάλματι
ὕβρισσ'] ὁ Λ[ό]κρος οὐδ' ἔδεισε
παῖδα Δ]ίος πολέμω δότε[ρ]ραν
]ν· ἀ δὲ δεῖνον ὑπ' ὄφρυσιν
]π[ε]λ[ι]δνώεισα κατ' οἴνοπα
ἔβασκε πόν]τ[ο]ν, ἐκ δ' ἀφάντοι[ς
παννυχίοις] ἐκύκα θυέλλαις

1 δράσαντας Merkelbach, αἰσχύνθεντα vel αἰσχύνναντα vel αἰσχύννοντα Page 2. 3 λαβ- Lobel 4 suppl. Treu; καί κ' ὡς Page 9, 10 suppl. Treu; ἐναππένα Lobel, απ Π 11 suppl. Merkelbach; πόλιν <δ'> Lobel, πόλιν <τ'> Page, πόλη Lloyd-Jones 13 suppl. Lobel 16 suppl. Merkelbach 23 suppl. Lobel 24–27 ordo versuum sec. P. Oxy. restauratur 25 πελιδνώθεισα P. Oxy., π[ε]λ[ι]δνώεισα Π 26 ἔβασκε P. Oxy. 27 παννυχίο- P. Oxy. Reliqua Page supplevit.

Ведь и Ахейцам стало б за лучшее,
Коль < ..... > убили бы, 5
Иль если б, подплывая к Эгам,
В менее бурном случились море.
Но вот во храме дочерь Приамова,
Кумир Афины многодобычныя

Обняв, подбрадия коснулась, 10
Те же, несчастные, град<...
..... > и Деифоба с ним
Они уби<ли, вопль же от стен градских
Раздался, и> детей рыданья
В доме Дардановом зазвучали. 15
Эант, лелея гибельный гнев, вступил
Во храм Паллады чистой, – из всех богов
Блаженных мужам святотатным
Злейшую участь она готовит –
Двумя <руками> деву сию схватив, 20
Святому предстоящую идолу,
В гордыне Локр не устрашился
Дочери Зевса, войну дарящей
< ..... > из-под бровей
Темнея <зраком>, на виноцветное 25
Ступила море и смесила
С бурей ночною, лишившей зренья... (Пер. Р. А. Гимадеева)

Начало не совсем понятно. Говорится о каком-то бесчестии, убийстве и плавании по морю (ст. 1–8). Не исключено, что эта часть должна быть помещена в конце текста и что в ней рассказывалось о позднейшей судьбе Эанта, сраженного Посейдоном за нечестие. Дальнейшее относится ко взятию Илиона. В то время как эллины разрушают город и убивают Деифоба, а над троянской равниной слышатся вопли, Кассандра ищет спасения у кумира Паллады. Однако ворвавшийся в храм Эант, сын Оилея (локриец), святотатствует и подвергает девушку насилию. Гневная Афина шествует к морю...

Сообщение Аполлодора об изнасиловании Эантом Кассандры (Apollod. Ep. 5, 22) свидетельствует о том, что этот вариант мифа был известен в эллинистическую эпоху. Исходя из того, что в эксцерпте Прокла этот вариант не сохранен, В. Г. Борухович высказывает предположение, что он был еще неизвестен киклическим поэтам и распространился лишь в более позднее время[82]. Рассмотренный нами фрагмент Алкея указывает, одна-

[82] *Аполлодор*. Мифологическая библиотека / Изд. В. Г. Борухович. Л., 1972. С. 183.

ко, что миф об изнасиловании Кассандры был известен по меньшей мере уже в VI веке до Р. Х.

Папирусы № 2733 и 2734 (S 263 – S 272) датируются II веком по Р. Х. и содержат комментарий к Алкею.

Папирус № 2733 (S 263) состоит из 14 стихов. Читаются слова: δειλοὺς ὅτι ‘робких что’ (ст. 3), τῶν κύβων ‘игральных костей’ (ст. 4), σημειωτέον ‘следует обозначить’ (ст. 5), τὰ κακὰ ‘бедствия’ (ст. 5), ἐκτρεπόμε[νοι ‘обращенные’ (ст. 5), καὶ τἀγαθά ‘и блага’ (ст. 6), οὐ τλᾶτον ‘невыносимо’ (ст. 8), τὸ ἑξῆς ἐστιν ‘следует’ (ст. 9), υἱὸς Κλεάνορος ὅτι ‘что сын Клеанора’ (ст. 11), τὸν Μύρσιλον ‘Мирсила’ (ст. 12), ἐνεχθήσεται ‘будет принесен’ (ст. 13), ἔνιοι ‘некоторые’ (ст. 13), φεύγ[οι]σιν ‘бегут’ (ст. 14), οὕτως ‘так’ (ст. 14).

Смысл отрывка понять трудно. Упоминается игра в кости, превращение бед в блага, называется сын Клеанора, как видно, Мирсил, политический противник Алкея. С его именем связан известный фрагмент поэта (F 39D), призывающего поднять кубки после смерти Мирсила.

Папирус № 2734 охватывает 13 фрагментов. Фрагмент № 1 (S 264) состоит из 23 стихов. Читаются слова: ἀνὰξ Ἄ]πολλον πα[ῖ μεγάλω Δίος ‘владыка Аполлон, сын великого Зевса’ (ст. 5), ἀ]ρχή· χαῖρε [Κυλλάνας ὁ μέδεις ‘начало: здравствуй ты, что правишь Килланой’ (ст. 11), σὲ γάρ μοι θῦμο]ς ὕμνην ‘ибо тебя (желает) воспеть моя душа’ (ст. 12), γ]ενέθλια ‘кровные’ (ст. 14), Ἀπόλλω[ν ‘Аполлон’ (ст. 15), αὐτῶι ἀπειλή[σας ‘угрожая ему’ (ст. 16), κλ]οπήν ‘кражу’ (ст. 19), ἡ δὲ τρίτη ‘а третья’ (ст. 20), ἀ]ρχὴν δέ ‘а начало’ (ст. 21), [Νύμφαις ταῖς Δίος ἐξ αἰγιόχω] φαῖσι τετυχ[μέναις ‘Нимф, происходящих, говорит, от щитодержавного Зевса’ (ст. 21).

Настоящий фрагмент интересен тем, что в нем приводятся отдельные стихи знакомых нам песен Алкея. Стих 5 представляет собой начало (F 307 L.-P.), стихи 11-12 являются началом второй песни первой книги (F 308 L.-P.), стихи 21-22 известны из F 343 L.-P. Теперь мы узнали, что они составляют третью песню той же первой книги (ἡ δὲ τρίτη).

Фрагмент № 4 (S 265) состоит из 10 строк. Читаются слова: Ἀ[ρισ]τοτέλης ‘Аристотель’ (ст. 3), πρ[αγ]ματικῶν ‘законоведов’ (ст. 4), ὁ χρόνος ‘время’ (ст. 5), παροξυνόμεν[ος ‘с ударением на предпоследнем слоге’ (ст. 6).

Фрагмент № 6–7 (S 267) состоит из 9 строк. Читаются Μυρσίλωι ‘Мирсилу’ (ст. 3), μοι εἴη καί ‘пусть мне будет и’ (ст. 5), αὐτῶι ‘самому’ (ст. 6), διανοεῖτ[αι ‘думает’ (ст. 6), ἀσυννέ-τημι τῶν ἀνέμ]ων στάσιν ‘не понимаю бушевания ветров’ (ст. 6-7), τὸ μὲν γ[ὰρ ἔνθεν κῦμα κυλίνδετ]αι [τ]ὸ δ’ ἔνθεν ‘то сюда кидается волна, то туда’ (ст. 7-8), πάλιν ‘снова’ (ст. 9).

И на этот раз обращает внимание совпадение стихов 6-8 со стихами 1–3 известного нам фрагмента Алкея (F 326 L.-P.). Если учесть, что мы имеем дело с совпадением двух традиций – рукописной и папирусной, отделенных одна от другой промежутком в 13–14 столетий, то нельзя не восхититься точностью передачи античного текста в средневековых рукописях. В остальных фрагментах (№ 9, 10, 11, 13) папируса 2734 (S 268 – S 270, S 272) практически нет цельных слов. Фрагмент № 12 (S 271) содержит сокращенные μοναρχ[- (ст. 5) и τυραν[(ст. 6), что может обозначать соответственно: монарх (или монархия) и тиран (или тирания). Оба слова представлены в известных нам песнях Алкея.

Комментарии к лесбосским поэтам

Папирус 2506, датируемый I–II веками по Р. Х., содержит ряд фрагментов комментария к обоим лесбосским поэтам[83].

Фрагмент № 42а (S 273) состоит из 11 строк. Читаются слова: νέβροι ‘оленята’ (ст. 2), χρύσωι ‘золоту’ (ст. 4), Χάραξ ‘Харакс’ (ст. 7), ἔσλος ‘честный’ (ст. 10), σχέθε ‘держал’ (ст. 11). Речь идет, по-видимому, о брате Сапфо Хараксе.

Фрагмент № 44 (S 275) состоит из 8 строк. Читаются слова: Σαπφ[‘Сапфо’ (ст. 1), Χάρα]ξον ‘Харакса’ (ст. 2), ἔπεμπ[ε ‘послал’ (ст. 3), συμ]ποσίω ‘пира’ (ст. 5).

Фрагмент № 48 (S 276) состоит из трех колонок и примерно 50 строк. В отрывке (1) читаются: ὕστε[ρο]ν και ‘позже и это’ (ст. 6), λ[έγ]ει ‘говорит’ (ст. 7), ἄλλαι ‘другие’ (ст. 7), πλοῦ[τ]ο[ν] θεοί δίδουσιν ‘боги даруют богатство’ (ст. 10–11), и в заключение: Σ]απφῶι ‘Сапфо’ (ст. 21). В отрывке (2) сохранились три колонки. В первой читаются слова: μοῖραν ‘долю’ (ст. 45), μέλαινα ‘черная’ (ст. 46), μέλη ‘песни’ (ст. 48), ζώοισαν

[83] Cf. *Treu M.* // Quaderni Urbinati 2 (1966). P. 3; *Barnett W.* // Hermes 93 (1967). S. 1.

‘живущую’ (ст. 49). Третья колонка содержит слова: ᾽Ερίγυιος ‘Эригий’ (ст. 40-41), ταῦτα γάρ ‘ибо это’ (ст. 41-42), φίλεργος ‘трудолюбивый’ (ст. 43), Σαπφώ Сапфо’ (ст. 44), περὶ τῶν ἀδελφῶν ‘о братьях’ (ст. 44-45).

Можно предположить, что перед нами сообщение о братьях Сапфо (их было три); в частности, упоминается с положительной стороны Эригий (двух других звали Харакс и Ларих).

Фрагмент № 115 (S 279) состоит из 15 строк. Читаются слова: ὡ]σπερεί ‘как будто’ (ст. 3), πάμπα[ν ‘совсем’ (ст. 6), ἐπ’ εἰρήνη[ι ‘в спокойствии’ (ст. 8), γάμον ‘брак’ (ст. 10), ἐπιλέγει ‘добавляет’ (ст. 11), π]αρασχεῖν ‘содержать’ (ст. 12).

Содержание отрывка неясно.

Фрагмент № 77 (S 280) содержит 32 строки. Читаются слова: Φι]ττάκο[υ ‘Питгака’ (ст. 2), ᾽Αλκαῖο[ς ‘Алкей’ (ст. 4), ὑπόδικ[ος ‘виновный’ (ст. 5), ταῦτα δηλοῖ ‘такое сообщает’ (ст. 11), δάφν[αι ‘лавром’ (ст. 13), στεφανώμε[νος ‘увенчанный’ (ст. 14), θανών ‘погибнув’ (ст. 20), ἐπεὶ βέ[βα]κας ‘после того, как ты пошел’ (ст. 20, 21), α[ἴ]νως ‘страшно’ и πλάγαισιν ‘ударами’ (ст. 21), ὑπ᾽᾽Αλλιήνων ‘Аллиенами’ (ст. 22). Далее следует:

ὅτι δὲ τοῦ θα-
νάτου τὸν ᾽Αλκαῖον᾽Αμαρδις
ὑπενόησεν· κἄπειτ’ ἀπέθυ-
σας ὦ πόνηρε παίδων

«*что Амардис заподозрил Алкея в его смерти; и после того, как ты, подлый среди мальчиков...*»

Затем читаются слова: ᾽Αμάρδιος ‘Амардиса’ и μὲν χαίρω ‘а я здравствую’ (ст. 26), συμπόταις ‘сотрапезникам’ (ст. 27), αἵματός ἐμμι ‘я по происхождению’ (ст. 29), οὐδὲν ἐπαίτιος ‘совсем не виновен’ (ст. 30).

Создается впечатление, что в отрывке излагается рассказ об очернении Алкея и ложном обвинении его в убийстве кого-то. К этому приложили руку некий Амардис и какой-то мальчик. Поэт отвел от себя обвинение и проводит время среди сотрапезников, гордясь своим знатным происхождением и сознанием полной безвинности.

Фрагмент № 98 а (5 282) состоит из 17 строк.

μα[ ]ταύτην
ἀλλ[ὰ κατὰ τὴ]ν δευτέ-
ραν [εις...]. ας φυγὴν καὶ
τὴν π[ρὸς] τὴι γεφύρη<ι> παρά-

ταξιν ἔτι μέμνηται τοῦ ʼΑν-
τι]μενίδα· ἀλλὰ γὰρ οὐδ’ αὐ-
τὸ]ν ʼΑλκαῖον ἐν τῆι τ[ότε
παρα]τάξε[ι τ]ελευτ[ῆσαί τι-
νες ὁ[μολο[γ]οῦσι ἀλ[λὰ γενέ-
σθαι τ]ὸ τρίτον τοῖς [περὶ αὐ-
τὸ]ν κάθοδον ὑπο[λαμβάνου-
σιν] διὰ τὸ συνίστασθ[αι τὸν
πό]λεμον ἐν [.]ι στ[ρατεία ʼΑ-
στ]υάγηι τῶ[ι Μήδωι πρὸς ʼΑ-
λυά]ττην ω[

Suppl. Page, vv. 4, 5, 9 sq., contextum e. g. restituit idem. 4 var. lect. μετα Page 6 -ρηι pro -ραι NB 12-13 τοῖς φεύγουσιν Treu.

«...*но (...) второе (...) бегство и Антименидово сражение у моста еще упоминает. Но некоторые писатели согласны в том, что сам Алкей тогда не погиб в сражении, но полагают, что в третий раз вернулись его сторонники из-за начала войны. В войне мидийца Астиага (...) с Алиаттом...*»

В отрывке обсуждаются, как видно, разные версии гибели Алкея. Наиболее вероятной представляется третья из них, связывающая это событие с очередным возвращением беженцев, среди которых находился Алкей, и разразившейся войной между последним царем Мидии Астиагом (594-559) и лидийским царем Алиаттом (617–560), отцом Креза.

Фрагмент № 102 (S 283) состоит из 13 стихов. Читаются слова: τῶν Λυδ[ῶν βασιλε]ύς ‘лидийский царь’ (ст. 2–3), ʼΑντιμ[εν]ίδαν [ἀδελ]φὸν τοῦ ʼΑλ[κ]αίου ‘Антименида, брата Алкея’ (ст. 5-6), πα[ρ’] αὐτῶι ‘у него’ (ст. 7), πόλ]εμον ‘войну’ и κίνδυ[νον ‘опасность’ (ст. 9), ἐγένετο ‘стал’ (ст. 11), Φίττακος ‘Питтак’ (ст. 12), Κρ]οίσωι ‘Крезу’.

В отрывке упоминается брат Алкея Антименид, обозначена какая-то его связь с лидийским царем, говорится о войне и опасности, называются Питтак и Крез.

Последним приводится мичиганский папирус 3498, датируемый II веком до Р. Х. и опубликованный впервые Р. Меркельбахом (S 286) (ZPE 12 (1973). S. 86). Он состоит из трех колонок; читаются вторая и третья из них. Фрагмент содержит начала отдельных песен Сапфо, Алкея и, возможно, Анакреонта. В колонке II читаются сочетания:

δεῦτ[έ] μοι νᾶσον ‘вот мне остров’ (ст. 1), напоминает фрагмент 34 Алкея;

πότνι’ ὠράνω ‘владыка неба’ (ст. 6), можно отнести к Сапфо или Алкею;

χαῖρε [Κ]υλλάνας ‘здравствуй, Килланы [владыка]’ (ст. 11) слова из фрагмента 308b Алкея;

В колонке III читаем:

Κύπρι κα[ὶ Νηρηίδες ‘Киприда и Нереиды’ (ст. 2), начало фрагмента 5 Сапфо;

γουνο[ῦμαι ‘молюсь’ (ст. 10), напоминает фрагмент 348 Анакреонта.

Остальные сочетания не удается расшифровать.

Либо к Сапфо, либо к Алкею Пейдж относит фрагменты из папируса 2878, датируемого I–II веками по Р. Х. и содержащего, по его мнению, комментарий к эолийским поэтам[84]. Однако ни в одном из 27 отрывков (S 287 – S 312), за редким исключением, нельзя прочесть цельных слов. Естественно, что они не могут сами по себе помочь нам в углублении знаний об Алкее и Сапфо.

Заканчивая рассмотрение фрагментов, принадлежащих, по мнению Пейджа, к песням лесбосских поэтов и комментариям к ним, следует отметить, что они касаются в основном жизнеописаний Сапфо и Алкея и принесли нам ряд сведений, подтвердивших уже известные, и некоторые новые, бросающие дополнительный свет на их деятельность.

Симонид Кеосский

Видный представитель древнегреческой хоровой лирики, Симонид родился на острове Кеос (556-468 гг. до Р. Х.)[85]. Был старшим соперником Пиндара. Автор гимнов в честь богов, эпиникиев, застольных и похвальных песен, френов и дифирамбов, а также элегий и эпиграмм. Творчество Симонида было связано с его пребыванием при дворах тиранов, в частности, на

[84] CQ 23 (1973). P. 199.

[85] См. литературу о Симониде: *Семенов А. Ф.* Греческий лирик Симонид Кеосский и сохранившиеся отрывки его поэзии. Нежин, 1912; *Wilamowitz-Möllendorf U. von.* Sappho und Simonides. Berlin, 1913. S. 137–232.

Сицилии (у Гиерона), в Аттике (у Гиппарха), в Фессалии (у Скопадов). В александрийском издании его произведений насчитывалось 14 книг. Диль собрал в своей антологии 66 отрывков и 100 эпиграмм, т. е. всего 166 фрагментов. Первый папирусный отрывок Симонида был опубликован А. Волиано в 1932 году[86]. Он содержит два отрывка, видимо, френов; первый состоит из 37, второй – из 3 стихов. Папирус датируется II–III веками по Р. Х. Благодаря изданию в 1959 году Э. Лобелем и Э. Турнером XXV тома «Оксиринхских папирусов»[87], наследие Симонида обогатилось значительным числом новых отрывков из эпиникиев и пеанов (172 фрагмента) и небольшим комментарием к его стихам (7 фрагментов). Отрывки представляют собой извлечения из созданных поэтом эпиникиев и пеанов. Новый папирусный материал учтен Д. Пейджем в его издании греческих лириков. Количество отобранных им фрагментов Симонида составило 148.

Папирус № 2623 содержит 68 отрывков. Датируется издателем II веком по Р. Х.

Фрагмент № 1 (S 319) состоит из 15 стихов. Читаются слова: μάρ[ν]αντο ‘сражались’ (ст. 5), Ζευ[ξ]ίδαμος ‘Зевксидам’ (ст. 6), κατόπισθε ‘сзади’ (ст. 7), θρόνος ‘кресло’ (ст. 8), θεμίστων ‘установлений’ (ст. 10), τοὶ δ’ Ἱπποκρατίδ[αι ‘а Гиппократиды’ (ст. 11), σκᾶ]πτρον ‘жезл’ (ст. 11-12), στέφανος ‘венок’ (ст. 13), Содержание фрагмента неясно. Возможно, это эпиникий, в котором воспевается некий Зевксидам. Пейдж отмечает, что сын Леотихиды и отец Архелая Зевксидам был современником Симонида (SLG p. 107). Слово ‘венок’ дает основание думать о награждении победителя.

Фрагмент № 2 (S 320) состоит из 20 стихов. Читаются слова: κλυτά ‘прославленная’ (ст. 4), γεράνων ‘журавлей’ (ст. 11), Κηναίου ‘Кенея’ (ст. 12), πλόον ‘плавание’ (ст. 13), πόλιν ‘город’ и ἁλίας ‘морской’ (ст. 14), ἐ]νάντιον ‘встречного’ (ст. 15), καῖθι ‘там’ (ст. 16), γάρ ‘ибо’ (ст. 17), σκοποί ‘стражи’ (ст. 18). Известно, что Кеней – мыс на острове Эвбея, известно также выражение ‘Зевс Кенейский’. Неясно однако, каково его

---

[86] Papyri greci e latini. Vol. X. Firenze, 1932. P. 169.

[87] The Oxyrhynchus Papyri. Pt. XXV / Ed. E. Lobel and E. Turner. London, 1959 (№ 2430–2434). P. 45–101.

отношение к журавлям, о чьем плавании идет речь и о каком городе, кого охраняли стражи.

Фрагмент № 5 (S 323) содержит 18 стихов. Читаются отдельные слова в конце отрывка: χρόνος ‘время’ (ст. 14), μανύετα[ι]βίος ‘раскрывается жизнь’ (ст. 15), ὦ μάκαρες ‘о бессмертные’ (ст. 16), κατέμαρψεν ‘догнал’ (ст. 17), ἐ]λίσαντες ‘умоляя’ (ст. 18). Смысл фрагмента неясен. Упоминание о времени, жизни и обращение к богам позволяют думать, что перед нами гимн.

Фрагмент № 10 (S 328) состоит из 11 стихов. Читаются слова: ὕπν[ο]ν ‘сон’ (ст. 2), πίνωμεν ‘давайте пить’ (ст. 5), ἁζόμενοι ‘почитая’ (ст. 6). На этот раз перед нами, как видно, отрывок из застольной песни.

Фрагмент № 46 (S 364) охватывает 10 стихов. Читаются слова: ’Ακέστορος ‘Акестора’ (ст. 1), ταῦτα μάλ’ ἀμ[φοτ]έροις ‘это очень обоим’ (ст. 2), ἐκ μεγάρ[οιο ‘из дворца’ и θύραζε ‘прочь’ (ст. 5), μελάμ]πυγον ‘чернозадого’ (ст. 6), ’Αλκ[μάν]ας ‘Алкмены’ (ст. 6).

Действие происходит, как видно, во дворце. Кто-то из него уходит. Имя Алкмены наводит на мысль о Геракле, а упоминание ‘обоим’ – о двух ее сыновьях. Однако это лишь догадки. Ничего точного об этом отрывке сказать нельзя.

Фрагмент № 48 (S 366) состоит из 17 стихов. Читаются слова: πάλ[ι]ν ‘снова’ (ст. 2), ἀκηδέας ‘беззаботных’ (ст. 3), ἐ]ν φρασίν ‘в душе’ (ст. 4), μηδαμ’ Ἕλλανε[ς ‘никак эллины’ (ст. 5), ἀίδιον ‘вечное’ (ст. 6), σὺν θεοῖς ‘с богами’ (ст. 9), παραδεγμέν[ων ‘полученных’ (ст. 10), πεῖθον ‘убедили’ (ст. 12), αἶψα ‘тотчас же’ (ст. 14).

Единственное опорное слово здесь – ‘эллины’. Им что-то предстоит делать с помощью богов. Возможно, что полученные от них знамения убедили эллинов и заставили тотчас что-то предпринять.

Остальные отрывки папируса 2623 вообще не поддаются прочтению ввиду их плохой сохранности.

Папирус 2624 охватывает 56 фрагментов. Датируется издателем II веком по Р. Х.[88]

---

[88] В последнее время мнения Лобеля и Пейджа об авторстве Симонида оспариваются. М. ван дер Вейден полагает, что папирус следует

Фрагмент № 1 (S 387) состоит из 12 стихов. Читаются слова и сочетания: οὐραν[οῦ ‘неба’ и θα]λάσσας ‘моря’ (ст. 1), ῥιπάν ‘берег’ и μελαίνας ‘черной’ (ст. 2), ἐρήμα θνατῶν ‘покинутая смертными’ (ст. 3), δαῖμον α[ἰ]γίκναμε ‘о бог козлоногий’ (ст. 4), μέμυκεν ‘взревел’ (ст. 5), ἠδ’ ἄναυδος ‘и безмолвный’ (ст. 5), κε[ῖ]νος ‘тот’ (ст. 6), ἀεὶ δέ ‘и всегда’ (ст. 6), περίκλυτ[ος ‘славный’ (ст. 6), ἄμμι ‘нам’ (ст. 7), ἀλαθέω[‘правдивого’ (ст. 7), θεὸς αὐτικα σαμή[ια ‘бог тут же знаки’ (ст. 8), ἐνάργεα ‘отчетливые’ (ст. 9), θεσπεσίω[‘божественного’ (ст. 9), ὅ]ποτ’ ἐγὼ μέν ‘когда же я’ (ст. 10), θυσίας ‘жертвы’ и εὐ]αγέας ‘очищающие’ (ст. 11), σπένδων ‘делая возлияния’.

Рассказ ведется от первого лица. Герой оказался на безлюдном берегу моря и обратился к богу. Судя по эпитету ‘козлоногий’, это был Пан. Бог внял мольбам и откликнулся небесным знамением. В знак благодарности герой принес очищающую жертву и совершил возлияние.

Фрагмент № 9 (S 395) состоит из двух отрывков по 7 стихов. В первом читаются слова: κῦδος ‘слава’ (ст. 2), διαμπε[ρές ‘постоянно’ (ст. 4), ἀλόχω[‘супруги’ (ст. 5), φύτλαι ‘род, природа’ (ст. 6). Во втором: ἀμβ]ρόσιον ‘обширного’ (ст. 2), εὐ]ρευδοῦς ‘божественное’ (ст. 4). Смысл отрывков неясен.

Фрагмент № 28 (S 414) охватывает шесть отрывков, отдельные слова читаются во втором и четвертом. Второй: ὠκ]υάλων ‘быстроходных’ (ст. 1), ἀτρυγέτας ἁλός ‘бесплодного моря’ (ст. 3), ἀμαιμ[ακ]έταν ‘прочную’ (ст. 4), πόντοιο ‘моря’ (ст. 4), ῥιπάν ‘берег’ (ст. 5). Четвертый: δειν[ῶ]πας ‘страшно глядящих’ (ст. 2), ἀνέμω[ν ‘ветров’ (ст. 2), π]λωτῆρσι ‘мореходам’ (ст. 4), πείρατα, ‘рубеж’ (ст. 4), βίοτος ‘жизнь’ (ст. 5), ναύτα[ις ‘морякам’ (ст. 5), κ]υβερνατῆρε[ς ‘рулевые’ (ст. 7), γεωμορίαις ‘пашней’ (ст. 10), ἔμ[π]εδον ‘непоколебимо’ (ст. 11), οὐ πό[λ]ισμα ‘не город’ (ст. 12), οὐ] πύ[ργος ‘не башня’ (ст. 13), ο]ὐ δόμος εὔκτιτος ‘не благоустроенный дом’ (ст. 13). Изображена картина мореплавания. Желанный берег приносит спасение мореходам – морякам и рулевым.

отнести к Пиндару. *Weiden M. van der*, P. Oxy. 2624: A new Fragment of Pindar? // ZPE 64 (1986). S. 15–32. По ее мнению, это отрывок из фиванского гимна Пиндара к Зевсу.

Фрагмент № 29 (S 415) состоит из 22 стихов. Читаются слова: Παλλάδα ‘Палладу’ (ст. 2), μ]ητιόνεσσαν ‘искусно изготовленную’ (ст. 3), ἀρη[γόνα ‘защитника’ (ст. 3), βασιληίδ[α ‘царственную’ (ст. 4), πίσυνος ‘доверяющий’ (ст. 5), θρασύν ‘смелого’ (ст. 6), δαμάλιξε[‘покорил’ (ст. 7), κρατερᾶς ‘сильной’ (ст. 9), δεξιτέρα[ν ‘правую’ (ст. 11), πτόλεμ[ος ‘война’ (ст. 14), θνατοί ‘смертные’ (ст. 17), πάντ’ ‘всего’ (ст. 21). Возникает предположение, что речь идет об изготовленной Афиной статуе Паллады, о т. н. Палладии, сброшенном Зевсом на землю Илиона (Apollod. III, 12, 3).

Фрагмент № 56 (S 442) содержит два отрывка по 6 стихов каждый. Читаются слова: φόρμιγγι ‘форминге’ (ст. 2), Φοί]βωι ‘Фебу’ и Δάλου ‘Делоса’ (ст. 3), μεσόχθονο[ς ‘межземельного’ (ст. 4), ἁγνᾶς ‘священной’ (ст. 5), δαίμον[ι ‘богу’ (ст. 4), πόντου ‘моря’ (ст. 5), γ]αιήοχε ‘о земледержец’ (ст. 6). Воспевается, по-видимому, Аполлон и священный остров Делос, а также властелин моря Посейдон, к которому поэт обращается с подобающим почтением.

Возможно, что Симониду принадлежат фрагменты 319-386 P (P. Oxy. 2623) и 387-442 P (P. Oxy. 2624).

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

«Дополнение» Пейджа содержит, наряду с рассмотренными выше, около 30 фрагментов, авторство которых установить пока не удалось. Сюда относятся фрагменты:

S 443 – S 444 – из пап. № 2620 (I век до Р.Х.),
S 445 – S 448 – из пап. № 2626 (III век по Р.Х.),
S 450 – S 451 – из пап. № 2628 (I век до Р.Х.),
S 452 – из пап. № 2629 (II век по Р.Х.),
S 453 – из пап. № 2630 (III век по Р.Х.),
S 454 – из пап. № 2631 (II век по Р.Х.),
S 455 – S 456 – из пап. № 2632 (I век по Р.Х.),
S 457 – из пап. № 2633 (II век по Р.Х.),
S 458 – из пап. № 2879 (I-II век по Р.Х.),
S 459 – из пап. № 2880 (I век по Р.Х.),
S 460 – S 472 – из пап. № 2625 (II век по Р.Х.),
S 473 – из пап. № 2635 (III век по Р.Х.),
S 474 – из пап. № 2506, F 88.

Поскольку знакомство с отрывками неизвестных авторов не входит на этот раз в нашу задачу, их рассмотрение нами проводиться не будет.

Архилох

Равным образом не будет здесь рассматриваться помещенный в качестве приложения к «Дополнению» Пейджа Pap. Colon. 7511, II в. по Р. Х., содержащий эпод Архилоха (S 478). Впервые текст его опубликован Р. Меркельбахом и М. Вестом[89] в 1974 году. Этот папирус был описан и тщательно проанализирован В. Н. Ярхо[90].

Итак, в соответствии с намеченным планом работы, нами были подробно изучены новые (начиная с 1962 года) папирусные находки, включенные в «Дополнение» Пейджа. В этот обзор не вошли новые фрагменты еще двух древнегреческих авторов – Пиндара и Вакхилида, появившиеся на свет благодаря публикации оксиринхских и других папирусов.

Пиндар

Знакомство с поэтическим наследием видного представителя древнегреческой хоровой лирики Пиндара (514-446 гг. до Р. Х.)[91] значительно расширилось за последние десятилетия благодаря папирусным находкам. Особое значение сыграл в этом XXVI том «Оксиринхских папирусов»[92], полностью посвященный творчеству поэта. В течение последующих лет продолжалась, хоть и не столь стремительная, публикация новых отрывков из его песен. В издание фрагментов Т. Мэлера[93] включены три неизвестных ранее отрывка, обнаруженных в папирусных материалах.

---

[89] ZPE 10 (1974).

[90] *Ярхо В. Н.* Новый эпод Архилоха // ВДИ, 1982, 1. С. 64-80; *его же*, Noch einmal zur sozialen Position des Archilochos // Klio, 64 (1982). S. 313–327.

[91] См. подробнее о нем: *Гринбаум Н. С.* Язык древнегреческой хоровой лирики (Пиндар). Кишинев, 1973.

[92] The Oxyrhynchus Papyri. Pt. XXVI / Ed. by E. Lobel. London, 1961.

[93] Pindari carmina cum fragmentis / Ed. H. Mähler. Vol. II: Fragmenta, Indices. Lipsiae, 1975.

Два фрагмента были выявлены среди берлинских папирусов (Pap. Berol. 11677+2114) и опубликованы в 1968 году[94]. Это дополнения к XXII пеану, в состав которого были уже включены издателями девять отрывков из различных папирусов. Первый (из трех), обозначенный у Мэлера как отрывок (к), содержит стихи 1–10, второй, примыкающий к нему, – стихи 11–19. К сожалению, лишь отдельные слова поддаются прочтению, остальные представлены начальной, серединной или конечной их частью. Читаются слова: ὑπὸ θεσπεσι[(ст. 4), напоминающие сочетание из одной истмийской песни (VI, 44); εὐχαῖς ὑπὸ θεσπεσίαις ‘мольбами, обращенными к богам’; πέδον ‘почва, равнина’ (ст. 8), πόλιν ‘город’ (ст. 11). В стихе 15 издатель предполагает чтение Αἴγιναν, т. е. ‘Эгину’ (имя собственное или название острова), но в тексте удается четко прочесть лишь].ιναντ.[. В ст. 18 можно допустить понимание]ικτεν как ἔτ]ικτεν ‘родила’, если учесть, что в ст. 16 упоминается слово γόνον ‘потомство’.

Третий отрывок, изданный Э. Лобелем в XXXII томе «Оксиринхских папирусов»[95], является частью песни неизвестного автора, составляющей в издании Мэлера фрагмент 346; к ней относится сохранившийся частично в другом месте комментарий. Этот отрывок (F 169b) состоит из 13 строк. Читаются слова: Λατοίδ[α ‘сына Латоны’, т. е. Аполлона (ст. 3), εὗρε βιῶι ‘нашел луком’ (ст. 4), ἀέλιον ‘солнце’ (ст. 5), βαρυπέ[νθ ‘глубокоскорбящий’ (ст. 6), χρυσο[‘золот...’ (ст. 7), πασιφ[‘Пасифая(?)’ (ст. 8), παῖ ‘дитя’ (ст. 9). Смысл удается уловить лишь в первой части, где говорится об Аполлоне, стреляющем из лука.

Еще один фрагмент относит к Пиндару Пейдж (S 449). Это оксиринхский папирус 2627, датируемый II веком по Р. Х. Он состоит из 11 стихов. Читаются слова: θεῶν ‘богов’ (ст. 2), ἐλθών ‘прибыв’ (ст. 3), ἐν δαῖτι ‘на пиру’ (ст. 6), ε]ὐανθεῖ γάμωι ‘на пышной свадьбе’ (ст. 7), εἴρετο ‘он говорил’ (ст. 8), ἑκατόγχειρα ‘сторукого’ (ст. 9), μελαίνας ‘черной’ (ст. 10).

Содержание отрывка неясно. Какой-то бог является на свадьбу, что-то говорит во время пира. Эпитет ‘сторукий’ связан

---

[94] ZPE 3 (1968). S. 97–99.

[95] The Oxyrhynchus Papyri. Pt. XXXII / Ed. by E. Lobel. London, 1967 (№ 2622).

у Гомера с исполином Бриареем, но к кому он отнесен у Пиндара, труднее сказать. По-видимому, речь идет о Гекабе, жене Приама, которой приснилось, что она родит стоголовое огненосное чудовище (Pind. Paean 8A, 21). Согласно другой версии, Гекабе представилось во сне, что она родила пылающий факел (Apollod. III, 12, 5).

Отдельно следует рассмотреть вопрос об изданных Э. Лобелем в XXXV томе «Оксиринхских папирусов» фрагментах папируса 2736 (III век по Р. Х.), относимых издателем к произведениям Пнндара[96].

Фрагмент 1. Состоит из двух колонок. От первой ничего не сохранилось. Вторая колонка насчитывает 24 стиха. Читаются слова: ὄψιν ‘вид, явление’ (ст. 7), ὕστατον ‘последнего’ (ст. 8), εἰς ᾽Αίδα νε[‘в ...Аида’ (ст. 10), ἄφρων ‘безрассудный’ (ст. 11), εἰδώς ‘знающий’ (ст. 12), ἀ]γένητον ‘неродившегося’ (ст. 12), θάνατος ‘смерть’ (ст. 13), καθελών ‘взяв’ (ст. 13), μενοινᾶν ‘замышлять’ (ст. 14), πόλιν ‘город’ (ст. 16), ἀγκυλοτόξων ‘криволуких’ (ст. 16), ἆρξον ‘начни’ (ст. 17), ἀοιδᾶς ‘песни’ (ст. 17), ῾Ηρακλ[έα ‘Геракла’ (ст. 18), καὶ τὰν λιπαρά[ν ‘и великолепную’ (ст. 18), ξανθάν ‘золотистую’ (ст. 20), χρυσοπέδ[ιλον ‘в золотой обуви’ (ст. 20), ἵκετο ἐς Οἰχα[λίαν ‘прибыл в Эхалию’ (ст. 21), χαλκάσπι[δ ‘вооруженный медным щитом’ (ст. 22), ἐν]νέα ‘девять’ (ст. 23), νύκτας ‘ночи’ (ст. 24).

Фрагмент 2. Состоит из двух частей. Первая (a) насчитывает 13 стихов. Читаются слова: ἀντίμαχοι ‘противники’ (ст. 2), τόξων ‘луков’ (ст. 2), ἀμυνόμενοι ‘защищая’ (ст. 3), Διός ‘Зевса’ (ст. 3), ἐρι]σφαράγου ‘многошумного’ (ст. 4), υἱός ‘сын’ (ст. 4), μαρτυρίαις ‘показаниями’ (ст. 4), πόλεμον ‘войну’ (ст. 5), τερψίμβροτον ‘радующего смертных’ (ст. 5), ἔθηκεν ‘установил’ (ст. 6), Κλύτιον ‘Клития’ (ст. 7), ἀδείμαντον ‘безбоязненного’ (ст. 7), δαίξας ‘убив’ (ст. 8), μεγαθύμου ‘отважного’ (ст. 8), εὐπλόκαμον ‘с красиво уложенными волосами’ (ст. 9), κασι]γνήτων θανόντων ‘после смерти братьев’ (ст. 10), νεκύων ‘трупов’ (ст. 11), ἀρηιφάτων ‘павших на войне’ (ст. 11), ᾽Ιολ[εί]αν ‘Иолу’ (ст. 12). Вторая часть (b) насчитывает 21 стих. Читаются слова: ἀνάγκαι ‘по необходимости’ (ст. 4),

[96] The Oxyrhynchus Papyri. Pt. XXXV / Ed. by E. Lobel. London, 1968. P. 32–38.

᾽Αμ]φυτρυωνιά[δας ‘сын Амфитриона’ (ст. 5), νηλὴς αἶσα ‘безжалостная доля’ (ст. 7), ἐρασιπλόκαμοι ‘прелестнокудрые’ (ст. 10), Διὸς βούλη τε ‘и воля Зевса’ (ст. 10), ὠίσθη ‘полагал’ (ст. 11), κακόν ‘беда’ (ст. 11), ἐξ ἁλός ‘из моря’ (ст. 11), εὐρείας ‘широкой’ (ст. 11), ἀ]νοίσειν ‘появиться’ (ст. 12), κιπαρισσοκόμαν ‘увенчанный кипарисом’ (ст. 12), κάλχαν ‘пурпурный цветок’ (ст. 13), ἵνα ‘где’ (ст. 13), γυναῖκα ‘женщину’ (ст. 13), πάντεσσι ‘всем’ (ст. 14), ὦ τύραννε Ζεῦ ‘о, владыка Зевс’ (ст. 14), ἀνθρώποισι μοῖραν ‘участь людям’ (ст. 15), θοᾶι καρί ‘быстрой смерти’ (ст. 16), καταφθίμενος ‘уничтожая’ (ст. 16), σὺν γλεφάρωι ‘с глазом’ (ст. 17), ἁμετέραν ‘нашу’ (ст. 18).

Фрагмент 3. Состоит из 3 стихов. Читаются слова: διόσδοτος ὄλβος ‘Зевсом подаренное благополучие’ (ст. 2), ἀοιδίμαν ‘звучную’ (ст. 3).

Рассмотренные отрывки хоровых песен были отнесены Лобелем к произведениям Пиндара, главным образом, на основании встречающейся во фрагменте 2(b) формы γλεφάρωι. Как известно, другие представители хоровой лирики (Симонид, Вакхилид) пользуются лишь общепринятым вариантом βλέφαρον ‘глаз’, характерным также и для эпической поэзии, и трагедии. Что касается Пиндара, то форма γλέφαρον представлена у него в 6 случаях, вариант βλέφαρον наряду с γλέφαρον – дважды (Ol. III, 12, Nem. VIII, 2) и два раза употребляется сложное прилагательное ἑλικοβλέφαρος ‘с загнутыми ресницами’ (Pyth. IV, 172, F 123, 6).

Папирус дошел до нас, по свидетельству издателя, в очень плохом состоянии. Его правую сторону прочесть нельзя, сохранилась только левая (и та не полностью). Содержание может быть восстановлено лишь в самых общих чертах. Речь идет, очевидно, о событиях, связанных с Гераклом и царем Эхалии Эвритом. Узнав, что Эврит устраивает состязание в стрельбе из лука и обещает победителю в жены свою дочь Иолу, Геракл отправился в Эхалию и одержал победу. Однако Эврит отказался от данного им обещания, и Геракл удалился, затаив большую обиду в сердце. Через некоторое время Геракл решил отомстить Эвриту, собрал войско, захватил Эхалию, убил царя и его сыновей, а Иолу увел в плен. Так рассказывает Аполлодор (II, 7, 7).

В первом фрагменте рассказывается, по-видимому, о прибытии Геракла в Эхалию, славившуюся своими лучниками.

Можно предположить, что ряд встречающихся в этом отрывке эпитетов (‘великолепная’, ‘золотистая’, ‘в золотой обуви’) относится к Иоле, хотя и не исключено и другое толкование. Создается впечатление, что слова ἐννέα νύκτας следует отнести к продолжавшимся в течение девяти ночей пиршествам по случаю состязаний за Иолу.

Во втором фрагменте (a) изображены события более позднего времени. Геракл пошел на Эхалию войной, убил братьев Иолы, в том числе Клития, похоронил погибших товарищей и увел с собой дочь царя. Второй фрагмент (b) тоже связан с Гераклом (он выступает как сын Амфитриона), однако его содержание нам недоступно. Упоминается трудная доля женщин, ожидающих какой-то беды, связанной с морем. Герой рассказа обращается к Зевсу, именуя его владыкой, определяющим судьбы людей и карающим их смертью.

Заслуживает внимания, что в песнях Пиндара фигура Геракла встречается много раз, и поэт охотно излагает мифы, связанные с этим героем. Однако нигде раньше мы не находим у него упоминания ни об Эхалии, ни об Иоле. В то же время рассказу о действиях Геракла, связанных с этим городом, посвящен один из дифирамбов (XVI) младшего соперника Пиндара Вакхилида. Поэт описывает предание огню Эхалии Гераклом, его обращение к Зевсу Кенейскому и введение Иолы в дом в качестве новой невесты

Учитывая это обстоятельство и полагая, что наличие упоминавшейся формы γλεφάρωι нельзя считать решающим, поскольку она в принципе могла бы встретиться у любого из хоровых лириков, мы склонны думать, что Pap. Oxy. 2736 должен быть отнесен скорее к Вакхилиду. Отсутствие рассмотренных отрывков в последнем издании Мэлера (он даже не упоминает о них) может служить доказательством, что и Мэлер отвергает предположение об их принадлежности Пиндару.

Вакхилид

Вплоть до конца XIX века известное науке поэтическое наследие древнегреческого хорового лирика Вакхилида (515 – ок. 450 гг. до Р. Х.) было весьма скудным, охватывая около

сотни отдельных стихов; наибольший отрывок насчитывал двенадцать стихов[97]. Фрагменты Вакхилида (№ 41-73) были опубликованы Бергком в его издании греческих лирических поэтов[98]. В 1896 г. в Египте были найдены два папирусных свитка с произведениями Вакхилида[99] и через год изданы в Лондоне[100]. В первое издание были включены двадцать новых песен объемом почти 1600 стихов[101]. Значительное пополнение фрагментов поэта принес и XXIII том «Оксиринхских папирусов»[102]. Оно было учтено Бр. Снеллем в издании 1958 года (F 19, 20 d-e, 14 a-b, 65 и др.).[103] Текст Вакхилида охватывает в настоящее время 14 эпиннкиев, 29 дифирамбов, 66 фрагментов (гимны, пеаны, парфении, энкомии) и 2 эпиграммы. В издание Мэлера[104] 1970 года включены три новых папирусных фрагмента и впервые печатаются схолии к Вакхилиду.

Фрагмент 1 (F 28M) был опубликован впервые Лобелем в 1967 году и определен как дополнение к оксиринхскому папирусу № 2364[105]. Он состоит из двух частей. Во второй части читаются слова: γέρας ‘дар’ (ст. 5), καὶ δένδρα ‘и деревья’ (ст. 6), [ε]ὐαγὲς οἶδ[μα ‘резвый вал’ (морской, ст. 7), εὐαί]νετον Οἰαγρίδα[ν ‘восхваляемый сын Эагра’ (Орфей, ст. 8), Μούσας ἐρασι[πλοκάμου ‘прелестнокудрой Музы’ (ст. 9), τοξοδάμας ‘усмиряющий стрелами’ (ст. 10), ἑ]κάεργος ’Απόλλ[ων ‘далекоразящий Аполлон’ (ст. 11), κυρεῖ ‘наталкивается’ (ст. 12), θεῶν ‘богов’ (ст. 12), ὀψιγόνων ‘позднорожденных’ (ст. 13), μελιτεύχεα παγ[άν ‘доставляющий мед источник’ (ст. 14),

---

[97] Les poèmes de Bacchylide de Ceos / Par A. M. Desrousseaux. Paris, 1898. P. 7.
[98] Poetae Lyrici Graeci / Ed. Th. Bergk. V. III, Leipzig, 1882.
[99] *Bacchylides*. Carmina / Ed. F. Blass – W. Svess. Lipsiae, 1912. P. V.
[100] The Poems of Bacchylides from a papyrus in the British Museum / Ed. by F. G. Kenyon. London, 1897.
[101] *Schmid W., Stählin O.* Geschichte der griechischen Literatur. I, 1, München, 1929. S. 540.
[102] The Oxyrhynchus Papyri. Pt. XXXIII / Ed. by E. Lobel. London, 1956.
[103] Bacchylidis Carmina cum Fragmentis / Ed. Br. Snell. Lipsiae, 1958.
[104] Bacchylidis Carmina cum Fragmentis / Post Br. Snell ed H. Mähler. Lipsiae, 1970.
[105] The Oxyrhynchus Papyri. Pt. XXXII / Ed. by E. Lobel. London, 1956. P. 160 (Addendum to 2346).

πιθεῖν ‘повиноваться’ (ст. 15), καλύμμα[σι ‘покрывалами’ (ст. 19), ἰ]θύσας ‘устремив’ (ст. 20).

Речь идет, возможно, о чудесном даровании Орфея, способного увлекать своей игрой деревья и шумное море по вдохновению Муз. Затем упоминается имя Аполлона, сопровождаемое эпитетами ‘убивающий луком’ и ‘далекоразящий’. Он присутствует на пирах богов и людей. Однако дальнейший ход мысли поэта уловить трудно.

Фрагмент 2 (F 65M) был найден В. Бартолетти во флорентийском папирусном собрании (№ 2011) и идентифицирован с оксиринхским папирусом 2365[106]. Состоит из трех отрывков. В первом отрывке читаются слова: ἀθάν[ατον ‘бессмертное’ (ст. 1), κ]ῦδος ‘слава’ (ст. 2), ὀπάσσατ[ο ‘ниспослал’ (ст. 2), λειμῶ[νι ‘лугу’ (ст. 3), χρυσάνι[ον ‘с золотыми вожжами’ (ст. 4), ἀπένθεται[ν ‘беспечальную’ (ст. 5), Ἄρτεμιν ‘Артемиду’ (ст. 6), σύν τ’ ὄλβωι ‘с благополучием’ (ст. 7), σύν] τ’ ἐπιζήλωι τ[ύχαι ‘с завидной судьбой’ (ст. 8), Δᾶλον ‘Делос’ (ст. 9), ἀν]αξίχοροι ‘направляемые хором’ (ст. 11), κοῦραι ‘дочери’ (ст. 12), Δ]ιὸς ἀργικε[ραύνου ‘Зевса, мечущего яркие молнии’ (ст. 12), χρυσάμ[πυκες ‘с золотой повязкой’ (ст. 13), Ἐλι]κῶνα λιπ[οῦσαι ‘покинувшие Геликон’ (ст. 14). Во втором отрывке цельных слов мало: ἀγακλέι ‘прославленной’ (ст. 1), ἐπίμοιρο[ς ‘роковой’ (ст. 6), ἄγαλμα ‘изображение’ (ст. 9), βίου ‘жизни’ (ст. 12). В 3-м отрывке читается только слово φραδαῖς ‘советами’ (ст. 1).

Можно предположить, что фрагмент является частью гимна, посвященного Артемиде. Упоминаются остров Делос и покинувшие Геликон Музы.

Фрагмент 3 (F 24M) был обнаружен в берлинском папирусном собрании (№ 21209) и первоначально приписан Пиндару (F 336). Он состоит из 19 стихов. Читаются слова: γυναι[κ ‘женский(?)’ (ст. 5), φιλό]τεκνος ‘чадолюбивая’ (ст. 5), θυμόν ‘душу’ и αἱρείτω ‘пусть схватит’ (ст. 6), οὐ γάρ τις ἀνθρώπ[ωι ‘ибо никто человеку’ (ст. 7), εὐθύ]δικοι Μοῖραι ‘праведные Мойры’ (ст. 7–8), χρυσ[αλάκατοι ‘с золотым веретеном’ (ст. 8), στᾶσαι ‘встать’ (ст. 9), φατίξωσιν ‘называют’ (ст. 11), φύξις ‘бегство’ (ст. 10), χαλκέο[ις τείχε]σιν ‘медными стенами’ (ст.

[106] The Oxyrhynchus Papyri. Pt. XXIII / Ed. by E. Lobel. London, 1956.

11), βρο[τός ‘смертный’ (ст. 11), ὄλβος τε καὶ δόξα ‘благосостояние и слава’ (ст. 12), ταῦτ’ εἶ[]πε ‘так сказал’ (ст. 13), φιλάγλαο[ς ‘любящий великолепие’ (ст. 13).

Перед нами, как видно, один из дифирамбов. Основная его мысль – необратимость судьбы. Человеку не избежать того, что ему назначили Мойры даже за медными стенами. В их руках счастье и слава смертных. Как выясняется, эта истина была высказана кем-то. Однако о ком идет речь, нам неизвестно.

Выше уже отмечалось, что Мэлер включил в свое издание 1970 года схолии к произведениям Вакхилида, содержащиеся в папирусах 2367 и 2368, опубликованных в XXIII томе «Оксиринхских папирусов».

Папирус 2367, датируемый II веком по Р. Х., содержит схолии (33 отрывка) к эпиникиям Вакхилида. Заслуга Лобеля, их первого издателя, состоит не только в определении, к какому автору и виду произведений они относятся, но и в точном указании, какие конкретно стихи в них комментируются. В частности, перед нами оказались схолии к III (стихи 63–65, 67–68, 73–76, 83–87), IV (10, 15–16), V (26-36), VIII (80) и другим песням. К сожалению, они плохо поддаются чтению.

Папирус 2368 (II век по Р. Х.) охватывает схолии к XXIII дифирамбу Вакхилида. Их особенность и ценность состоит в том, что схолии охватывают 45 стихов и сохранились значительно лучше, чем сам дифирамб, включающий в себя 11 неполных и разрозненных стиховых обрывков.

Дифирамб XXIII был посвящен поэтом афинянам и, как оказалось, назывался «Кассандра». Комментируя его начало: ’Αθ[ανᾶν εὔαν]δρον ἱερᾶν ἄωτο[ν ‘изобилующую храбрыми мужами красу священных Афин», схолиаст счел нужным пояснить.

[τάτην τ]ὴν ὠιδὴν ’Αρίσταρχ<ος>
[μὲν διθ]υραμβικὴν εἶ-
[ναί φησι]ν διὰ τὸ παρειλῆ-
[φθαι ἐν α]ὐτῆι τὰ περὶ Κασ-
[σάνδρας]ἐπιγράφει δ’αὐτὴν
[Κάσσ]ανδραν πλανη-
[θέντα δ’ α]ὐτὴν κατατάξαι
[ἐν τοῖς π]αιᾶσι Καλλίμαχον
[διὰ τὸ ἰή] οὐ συνέντα ὅτι
[τὸ ἐπίφθ]εγγμα κοινόν ἐ-

[στι καὶ δ]ιθυράμβου· ὁμοί-
[ως δὲ ὁ Φ]ασηλίτης Διονύσιο<ς>

«*Аристарх считает эту песню дифирамбической, потому что рассказывается в ней о Кассандре, и озаглавливает ее "Кассандра", полагая, что Каллимах заблуждался, когда поместил ее среди пеанов из-за возгласа "иэ", не приняв во внимание, что это восклицание характерно и для дифирамба. Подобным же образом и Дионисий Фаселитский...*»

К сожалению, дальнейший комментарий сохранился хуже и с трудом удается его восстановить.

Рассмотрением последних находок наследия Вакхилида мы заканчиваем обзор новых папирусных текстов древнегреческой лирики.

Заключение

Папирусные находки, опубликованные за четверть века (1962–1987), представляют собой существенный вклад в науку об античности. Новоявленные тексты, впервые ставшие достоянием исследователей и дополнившие известные ранее цитаты древних авторов, значительно обогатили наши знания о раннем периоде древнегреческой словесности. Архаическая лирическая поэзия VII–VI веков до Р. Х. вновь предстала перед нашим взором в ее своеобразии и неповторимости. Папирусы заново открыли перед современным читателем творческое наследие Стесихора, Ивика и Вакхилида, заметно расширили сведения о Сапфо, Алкее и Симониде. И хотя в общем объеме дошедших до нас около 500 новых фрагментов значительная часть не поддается прочтению, и то, что сохранилось, дает обильную пищу для размышлений, представляя большой интерес для литературоведа, историка, искусствоведа и языковеда, для всякого, кому не безразличны проблемы античной культуры.

Заслуживают внимания три обстоятельства. Первое – расширение папирусного материала коснулось, главным образом, двух ветвей древнегреческой лирики: хоровой и мелической, в значительно более скромной мере – ямбической и элегической[107]. Второе – находки охватили представителей поэтического твор-

[107] Ср.: *Ярхо В. Н.* Новые папирусные тексты в области древнегреческого эпоса и элегии // ВДИ, 1983, 3. С. 136–139 (Тиртей).

чества ряда областей Древней Греции: греческого Запада (Стесихор, Ивик), материка (Пиндар) и островного Востока (Сапфо и Алкей; Симонид и Вакхилид). Третье – впервые появилась возможность (благодаря резкому увеличению объема текста) более полного сравнения структуры и особенностей языка как отдельных поэтов, так и ранней лирики в широком плане.

Особый интерес привлекают произведения Стесихора. Подтвердились сообщения древних источников, что он был автором эпических сочинений, в том числе и больших по объему. На это указывают теперь сохранившиеся отрывки «Гериониды», «Разрушения Трои», «Фиваиды» и другие. Еще более поразительным оказалось то, что эти поэмы составлены по триадической метрической схеме, состоящей из строфы, антистрофы и эпода. Выяснилось, таким образом, что триодическая система не является показателем чисто хоровых песен типа пиндаровских, а была связана и с произведениями эпического типа. Поскольку последние, начиная с гомеровских поэм, сочинялись, как правило, на базе дактилического гексаметра, стесихоровский феномен вызвал у исследователей удивление и определенную растерянность. Кое-кто перестал считать Стесихора представителем хоровой лирики[108]. Другие видят у него слияние двух традиций, «составивших основу его творчества»[109]: гомеровской, с одной стороны, и традиции хоровой лирики – с другой. Второй вызывающий интерес вопрос – это трактовка Стесихором мифологического материала. Она отличается рядом мотивов от гомеровской. Вместе с тем некоторые варианты мифов оказались у Стесихора архаичнее гомеровских и древнее трагических. «Во всех стесихоровских гимнах, – отмечает Н. А. Чистякова, – Великая Греция жила прошлым своих метрополий, мифическая история которых переосмыслялась, дополняясь новыми вариантами тем и мотивов, актуальных в послеколонизационную эпоху»[110].

---

[108] Cf. *Adrados F. R.* Origines de la lirica griega. Madrid, 1976.

[109] Стесихор. Фрагменты / Перевод с древнегреческого и комментарий Н. Н. Казанского // ВДИ, 1985, 2. С. 224.

[110] *Чистякова Н. А.* Древняя поэзия греческого Запала // ВДИ, 1980, 4. С. 48.

Предположение Н. Н. Казанского о гомеровской традиции у Стесихора, усматриваемой, в частности, в применении прямой речи в повествовании, не представляется убедительным, поскольку этот прием свойствен и широко распространен в народной поэзии вообще. К тому же нет достоверных данных о том, что гомеровские поэмы достигли греческого Запада ко времени Стесихора[111]. Есть основание думать, что произведения поэта отражают более древний, догомеровский период поэтического творчества Древней Греции. Оно могло быть занесено на Запад выходцами с материка и сохранить здесь ряд архаических черт микенского и послемикенского периода[112].

Что касается Ивика, то новые фрагменты подтвердили значительную роль в его творчестве мифологического материала и повышенное внимание поэта к этическим вопросам. Наблюдается отклонение от общепринятой трактовки мифологического сюжета (F 12). Получено доказательство, что произведения Ивика пристально изучались и неоднократно комментировались античными филологами.

Папирусные отрывки комментария к Сапфо позволили нам уточнить некоторые детали, связанные не столько с творчеством, сколько с личностью поэтессы. Выявилась, в частности, недооценивавшаяся до сих пор в литературе роль Сапфо как уважаемой ее соотечественниками наставницы девушек и педагога.

Новые фрагменты Алкея и комментарии к нему дали возможность еще раз убедиться, что в круг его песен входили не только политические события и застольные пиршества, но и выходящие за их пределы мифологические сюжеты, в их числе и относящиеся к Троянской войне. Особую ценность для жизнеописания Алкея представляет комментарий, из которого узнаем о его обвинении в чьем-то убийстве и о неизвестных ранее обстоятельствах смерти поэта.

Тематика вновь найденных отрывков Симонида отличается мирным характером. В них упоминаются морские путешествия, обращение к богам, награждение победителя венком. Наряду с мифическими сюжетами встречаются и застольные мотивы.

---

[111] *Wade-Gery H. T.* Essays in Greek History. Oxford, 1958. P. 31.
[112] Ср. *Чистякова Н. А.* Цит. соч. С. 51.

Вакхилид знакомит нас с новой версией о событиях, связанных с царем Эхалии Эвритом и его дочерью Иолой, обещанной в жены Гераклу, и о мести последнего, когда царь нарушил свое обещание. Сохранились отрывки неизвестного до сих пор пеана Вакхилида в честь Аполлона, гимна, посвященного Артемиде и геликонским Музам, а также одного из дифирамбов. Из схолия мы узнали и о названии другого дифирамба – «Кассандра».

Разнообразие и количество сведений, почерпнутых из вновь найденных фрагментов, подняли изучение древнегреческой лирики на новую, более высокую ступень. Оно позволило, что весьма существенно, поставить во весь рост вопрос и о языке, на котором написаны рассматриваемые нами произведения. С одной стороны, это язык лесбосских лириков – Сапфо и Алкея, который существенно пополнился новыми находками, но чья трактовка и понимание не подверглись каким-либо явным изменениям. Остается в силе определение диалектной основы этого языка как эолийской[113]. Однако в то время как второй его компонент относят обычно к эпическому (гомеровскому), мы продолжаем считать и называть этот компонент традиционным и догомеровским[114].

Более сложным является вопрос о языке хоровой лирики. Его рассмотрению в свете новых папирусных находок посвящено наше последнее исследование[115]. На основании тщательного анализа фонетико-морфологических и фонетико-лексических моделей структуры языка каждого из лириков удалось сделать три вывода. Первый – есть все основания полагать, что мы имеем дело, несмотря на определенные индивидуальные различия, с единым и общим языком хоровой лирики. Отсюда зачастую возникают затруднения в определении, принадлежит ли новый папирусный отрывок Стесихору, Ивику, Симониду, Пиндару или Вакхилиду[116]. Второй – базу поэтического языка

---

[113] См: *Hamm E.-M.* Grammatik zu Sappho und Alkaios. Berlin, 1958. S. 3.

[114] Ср.: *Гринбаум Н. С.* Язык Алкея (кандидатская диссертация). Л., 1948. С. 332–333.

[115] *Гринбаум Н. С.* Язык древнегреческой хоровой лирики (Алкман, Стесихор, Симонмд, Вакхилид). Тбилиси, 1986.

[116] На это обстоятельство обратил внимание еще Виламовиц: *Willamowitz-Möllendorff U. von*, Pindaros. Berlin, 1922. S. 98.

всех представителей хоровой лирики составляет некое эолийско-протоионийское койне, в котором основополагающим является протоионийский. Третий – становление этого койне относится к догомеровскому времени и произошло оно в северо-восточном ареале материковой Греции на грани II-I тысячелетий до Р. Х. Вследствие миграционных процессов носители названного поэтического койне оказались разбросанными по всей Греции: часть оказалась на Западе (здесь ее представляют впоследствии Стесихор и Ивик), часть на материке (Пиндар) и часть на островах Малой Азии (Симонид, Вакхилид). Вместе с тем факт, что Стесихор пользуется названным языком не только в строго хоровых песнях, но и в произведениях эпического типа, заставляет меня несколько изменить выдвинутую гипотезу. Представляется более вероятным признать, что эолийско-протоионийское койне было первоначально поэтическим языком додорийской эпохи греческого материка, включая эпическую повествовательную, хоровую и другие виды песен. Она существовала параллельно с эпическим гомеровским – эолийско-ионийским по своей диалектной основе – языком, восходя к общей, теряющейся в веках микенской эпохи, диалектно-территориальной базе.

Если совершенство гомеровской поэзии, отмечает Т. Синко, объясняется долговечностью традиции, которой в конечном плане воспользовался Гомер, то таким же образом мы должны объяснять совершенство лирических поэтов. Они продолжали пользоваться жившей в народе долговечной устной традицией, нередко связанной с культом и обрядом (*Sinko T.* Op. cit. P. 409).

Новые папирусные тексты последней четверти нашего века служат убедительным подтверждением справедливости этих слов.

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ РАННЯЯ ЛИРИКА (ЛЕКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ, ГЛАГОЛ)*

I.

Греческая лирика VII–V вв. до н.э. занимает особое место в развитии поэтического языка, являясь промежуточным звеном между гомеровским эпосом, с одной стороны, и аттической драмой, с другой. Она сохранила, естественно, традиционное наследие предшествующей эпохи, но и внесла в свою очередь собственный вклад в становление греческого литературного языка. Цель настоящего исследования – выявить в ее языке общий с гомеровским именной лексический слой (существительные) и вместе с тем слой собственных лирических нововведений, не упоминаемых у Гомера. Семантическое и числовое обследование этих двух лексических групп позволит определить их общий характер и частные особенности. Будет учтен, конечно, при этом отдельно взнос в эту лексику различных ответвлений лирики, а именно – хоровой, элегической, мелической и ямбической. Предполагается и привлечение к анализу, насколько это удастся, и лексика эпиграфического материала. Лексический материал распределен по пяти лексико-семантическим группам: «Природа», «Общество», «Культ, агонистика, искусство», «Быт» и «Духовная жизнь».

В раннегреческой лирике мною выявлены 1860 слов (имен существительных). Часть из них, а именно 981 слово, представлена впервые в гомеровских поэмах, 43 – в гимнах и 39 – у Гесиода. В лирике встречаются *впервые* 797 слов. Нововведения употреблены в хоровой лирике 376 раз, в ямбографии – 141, в мелике – 137 и в элегии – 96 раз. Из авторов следует выделить: по хоровой лирике – Пиндара (224 новых слов), Симонида (53), Алкмана (51), Стесихора и Вакхилида (по 17); по ямбографии: Гиппонакта (70), Архилоха (43) и Семонида (22); по мелике:

---

* Colloquia Classica et Indo-Europaeica–II. Классическая филология и индоевропейское языкознание. СПб., 2000. С. 28–37.

Алкея (57), Сапфо (50) и Анакреонта (29); по элегии: Феогнида (55), Солона (22) и Ксенофана (12).

Итак, раннегреческая лирическая лексика включает два основных пласта: гомеровский, т.е. слова, упоминающиеся впервые у Гомера, и послегомеровский, т.е. слова, встречающиеся впервые в гимнах, у Гесиода и у ранних лириков. Как показывают мои подсчеты, первый слой охватывает около тысячи, второй – около девятисот слов, из которых почти восемьсот – нововведения ранней лирики. Последние будут в дальнейшем в центре моего внимания.

Можно с определенностью сказать, что эпическая лексика, используемая ранней лирикой, сохраняет в себе наиболее употребительные и наиболее прочные общие представления об окружавшем поэтов мире и среде проживания со всеми их богатством и многообразием.

Однако, поскольку мир находится в постоянном движении и изменении, происходящие в нем новые процессы и явления не могли не найти своего отражения в пришедшем на смену гомеровскому эпосу поэтическом жанре древнегреческой лирики. Задача и состояла в том, чтобы выявить все то новое, что принесла она с собой в сферу литературной лексики и определить, насколько ее взнос оказался плодотворным для дальнейшего развития языка.

Пополнение ранней лирикой греческой эпической лексики (имена существительные) наиболее ощутимо в группах «Быт и семья» и «Природа» (183 и 182 новых слов). В остальных группах их несколько меньше: «Общественный строй» (158), «Духовный мир» (139) и «Культ. Агонистика. Искусство» (136).

Характерно, что большинство новых слов прочно вошло в литературный обиход и встречается в более позднее время у трагиков, в комедии, в исторической и философской прозе. Вместе с тем, определенное число нововведений можно отнести к гапаксам.

Наиболее употребительными словами ранней лирики являются: θεός (325 раз), παῖς (322), πόλις (168), πατήρ (162), χείρ (147), θυμός (147), πόντος (146), γη (141), ἀρετά (136), φρήν (132), μοῦσα (123), νόος (121) и ἔργον (118).

Можно предположить, исходя из этих данных, что круг интересов лирической поэзии был довольно широк. Это, прежде всего, культовая сфера и город как центр общественной жизни;

это, далее, род и семья; активная деятельность как физическая, так и умственная; добродетель как высшее благо и, наконец, земля и море как наиболее существенная среда мироздания.

Привлекает внимание группа «Быт и семья». В подгруппе «Предметы быта», при относительно небольшой частотности, насчитываются 125 слов, из них впервые в лирике встречаются 57 слов. Такая же примерно картина в подгруппе «Пища и одежда», где имеется 95 слов, из них впервые в лирике представлены 58 слов. Что касается подгруппы «Семья», то, при большом внимании к ней лириков, число нововведений здесь более ограничено: из 72 слов новых только 22.

Говоря о вкладе отдельных подразделений лирики в формирование греческой лексики, следует указать на решающую роль в этом процессе хоровой лирики (376 нововведений). Вклад ямбической поэзии относительно более ощутим в группах «Природа» (61 новое слово) и «Быт и семья» (35). Вклад мелической поэзии более заметен в группах «Быт и семья» (44 слова) и «Духовный мир» (25), а элегической – в группах «Общественный строй» (23 нововведения) и «Духовный мир» (30).

Значительное число нововведений (232 из 797) было мною обнаружено в греческих надписях и папирусах, т.е. за пределами художественной литературы.

Проведенный выше анализ числовых данных, связанных с раннелирической лексикой, необходимо пополнить их качественной характеристикой. Речь идет о том, чтобы не только рассмотреть картину отображенного лирическими поэтами мира в целом, но и выделить собственный вклад, внесенный ими в его описание.

В изображении *неорганического* мира основное внимание обращено на земную и морскую среду – колыбель человеческого рода, с одной стороны, и на небо – область богов, с другой. Доминирующее место в восприятии природы занимает категория времени, в которую они вписаны и на фоне которой проходит человеческая жизнь. Нововведения лириков относятся к атмосферным состояниям (δνόφος ‘мрак’, Симонид; ὄρφνη ‘темнота’, Феогнид; ἑσπέρα ‘вечер’, Гиппонакт) и природным явлениям (πνεύμα ‘дуновение’, Архилох; ζάλα ‘буря’, Пиндар; πέμφιξ ‘дождь’, Ивик), к рельефу местности (νάπος ‘долина’, Пиндар; λέπας ‘обрыв’, Симонид; φάραγξ ‘утес’, Алкман), камням (βάσανος ‘пробирный камень’, Феогнид; λιθακός

‘камень’, Стесихор; χερμάς ‘булыжник’, Пиндар) и полезным ископаемым (ἅλας ‘соль’, Архилох; ἄνθραξ ‘уголь’, Гиппонакт; μόλυβδος ‘свинец’, Симонид).

Довольно широко представлен у лириков мир *животных*, диких и домашних. Среди первых выделяется лев, среди вторых – конь, собака и корова. Нововведения обогатили их список значительным числом наименований. Они включают таких домашних животных, как δέλφαξ ‘поросенок’, Ананий; δάμαλις ‘телка’, Вакхилид; κήλων ‘осел’, Архилох; а также диких: γαλέη ‘куница’, Семонид; δόρκος ‘косуля’, Алкман; αλώπεξ ‘лисица’, Алкей. Привлекает внимание и новое слово ζωόν ‘животное’ (Семонид), равно как и πίθηκος ‘обезьяна’ (Архилох), ставшие впоследствии общеупотребительными. Пополнился нововведениями и мир *птиц*. Наряду с традиционными – орлом, соловьем, воробьем и ласточкой – появляются ранее не упоминавшиеся в литературе: ἀλέκτωρ ‘петух’, Симонид; γλαύξ ‘сова’, Алкман; ἴυγξ ‘вертишейка’, Пиндар; κόραξ ‘ворон’, Феогнид; πέρδιξ ‘куропатка’, Архилох; πηνέλοψ ‘чирок’, Стесихор. В позднейшей литературе они представлены наиболее полно в комедии Аристофана «Птицы» и у Аристотеля в «Истории животных».

В изображении человеческого *организма* основное место отведено голове. Упоминаются чаще язык, рот, волосы, глаза. Нововведений немного: βόστρυχος ‘локон’, Архилох; κομίσκα ‘прическа’, Алкман; φόβα ‘локон’, Сапфо; τράχηλος ‘шея’, Гиппонакт.

Значительный вклад внесли поэты в отображение греческого *общественного* строя. Новые слова появляются для обозначения общностей (ὄχλος ‘толпа’, Сапфо; δύνυδος ‘сходка’, Алкей; φυλά ‘фила’, Симонид), руководителей (δεσπότας ‘правитель’, Тиртей; μόναρχος ‘единоначальник’, Солон; οἰκονόμος ‘управляющий’, Вакхилид; στρατηγός ‘полководец’, Архилох), социальных прослоек (λάτρις ‘слуга’, Феогнид; πένης ‘бедняк’, Сапфо; ἐχέτας ‘богач’, Пиндар; διάκονος ‘служитель’, неизвестный лирик; εὔνουχος ‘евнух’, Гиппонакт; φίλων ‘бродяга’, Алкей) и состояний (δουλία ‘порабощение’, Солон; μοναρχία ‘единовластие’, Алкей; στάσις ‘раздор’, Солон; τυραννία ‘тирания’, Ксенофан).

Заметно пополнилась лирическими нововведениями *экономическая* лексика. Это касается слов, связанных с трудом и богатством (πράγμα ‘дело’, Феогнид; ἀφθονία ‘изобилие’, Пиндар; ὀρφανία ‘нехватка’, Пиндар; χρησις ‘нужда’, Пиндар), с

процессом обмена (καταβολά ‘залог’, Пиндар; τόκος ‘лихва’, Пиндар; ἐπίχειρον ‘расплата’, Пиндар; χρήστης ‘заимодавец’, Фокилид) и денежными единицами (δραχμά ‘драхма’, Симонид; στατήρ ‘статер’, Гиппонакт; λίτρα ‘литра (монета)’, Симонид).

В *культовой* сфере число нововведений небольшое.

Весьма ощутим вклад ранней лирики в *агонистическую* лексику. Сюда относятся новые наименования спортивных состязаний вообще (ἀγωνία, Пиндар; ἅμιλλα, Ивик) и отдельных видов состязаний, в частности: δίαυλος ‘двойной пробег’, Пиндар; μονοπάλα ‘борьба’, Вакхилид; παγκράτιον ‘многоборье’, Ксенофан; πεντάεθλον ‘пятиборье’, Пиндар. Впервые появляются столь употребительные впоследствии слова, как στάδιον ‘мера длины’ (Симонид) и γυμνάσιον ‘телесные упражнения’ (Анакреонт). По линии организации состязаний можно отметить впервые встречающиеся слова: κρίσις ‘судейское решение’ (Пиндар), πάλος ‘жребий’ (Алкман), πάλαιστρα ‘спортивная школа’ (Алкей), γραμμά ‘финишная черта’ (Пиндар), θέαμα ‘зрелище’ (Семонид). Впервые входит в обиход популярное в дальнейшем слово ἀεθλητάς ‘атлет’ (Пиндар).

Появляются новые слова: κιθάρα ‘кифара’ (Феогнид) и ὄργανον ‘музыкальный инструмент’ (Пиндар).

Большой склад внесен лирикой в бытовую лексику. Среди нововведений в области строительства отметим: κτίσις ‘возведение’, Пиндар; οἰκία ‘дом’, Семонид; πρυτανειον ‘городской зал’, Пиндар; строительные компоненты: βαθμίς ‘основание’, ἐπίκρανον ‘капитель’, βάθρον ‘фундамент’ (все у Пиндара), а также στέγα ‘крыша’ (Алкей) и τύρσις ‘башня’ (Пиндар).

Особый интерес из-за своей численности и разнообразия представляют новые слова, обозначающие предметы быта. Сюда относятся: детали туалета (ἀάνθα ‘серьга’, Алкман; δίοπτρον ‘зеркало’, Алкей; κτείς ‘гребень’, Пиндар; ξυρος ‘бритва’ и σφρηγίς ‘перстень’, Феогнид), домашняя утварь (ἄσιλλα ‘коромысло’, Симонид; ἡγανον ‘сковорода’, Анакреонт; κόσκινον ‘решето’, Симонид).

Привлекают внимание нововведения, относящиеся к сфере питания, тем более, что они вдвое превышают число соответствующих «гомеровских» слов.

Появляется столь популярное впоследствии слово συμπόσιον ‘пир’, Алкей.

Пополняется лириками *семейная* лексика. В числе нововведений находим обозначение родства различной степени, начиная с общих (‘родственник’ – ὁμόγονος и σύγγονος, Пиндар) и кончая частными: сестра (ἀδελφεά, Алкман; κάδις, Анакреонт), двоюродная сестра (ἀνεψιά, Алкман), племянник (ἀδελφιδεός, Алкман), дядя по матери (ματραδελφεός, Пиндар) и по отцу (πατραδελφεός, Пиндар) и дед по отцу (πατροπάτωρ, Пиндар).

Ранняя лирика внесла существенный взнос в обогащение *духовной* лексики. Среди нововведений, относящихся к правопорядку, находим такие, как: ἀληθοσύνη ‘правда’ (Феогнид), ἀδικία ‘несправедливость’ (Пиндар), διαβολίη ‘клевета’ (Феогнид) и ἀμπλακίη ‘грех’ (Феогнид). Ряд новых слов обозначает человеческие *действия*: αἵρεσις ‘выбор’ (Пиндар) и πεῖρα ‘испытание’ (Алкман), ἀσπασμός ‘приветствие’ (Феогнид) и ἔκλυσις ‘избавление’ (Феогнид), ὕμνησις ‘восхваление’ (Пиндар) и φθίσις ‘опустошение’ (Пиндар). Обращает на себя внимание столь привычное в дальнейшем слово μετάστασις ‘перемещение’ (Симонид).

К традиционным названиям периодов человеческой жизни (юность, старость) добавляется впервые термин παιδεία ‘детство’ (Феогнид). Значительно пополняется и перечень душевных качеств человека, как положительных: ἀνδρεία ‘отвага’ (Симонид), τόλμα ‘смелость’ (Сапфо),– так и отрицательных: ἀτροπίη ‘жестокость’ (Феогнид), δολοπλοκίη ‘лукавство’ (Феогнид), κακίη ‘порочность’ (Феогнид), καύχα ‘хвастовство’ (Пиндар), μαργοσύνη ‘жадность’ (Анакреонт), πονηρίη ‘испорченность’ (Гиппонакт), ὑπερηφανίη ‘высокомерие’ (Солон). Сюда же следует отнести наименования лиц, наделенных положительными (ἐπίτροπος ‘опекун’ и εὐεργέτας ‘благотворитель’, Пиндар) и особенно отрицательными свойствами: βάβαξ ‘болтун’ (Архилох), γαύρηξ ‘хвастун’ (Алкей), μοιχός ‘развратник’ (Гиппонакт), οἰνοπότης ‘пьяница’ (Анакреонт), πανδοσία ‘проститутка’ (Анакреонт), προδότας ‘предатель’ (Тимокреонт), ψιθυρός ‘ябедник’ (Пиндар).

Анализ именных нововведений раннегреческой лирики дает нам основания для некоторых выводов.

Во-первых, картина греческого мира, отраженного ранними лириками, значительно отличается от гомеровской.

Во-вторых, обогащение традиционной лексики касается – в большей или меньшей мере – всех сфер изображаемой лирическими поэтами античной жизни.

В-третьих, взнос поэтических жанров в пополнение эпической лексики неодинаков: наиболее существенным является вклад хоровой лирики, а из отдельных поэтов – Пиндара.

В-четвертых, большая часть лирических нововведений была унаследована как классической драмой, так и художественной – исторической и философской – прозой.

В-пятых, многие из встречающихся впервые у лириков слов послужили основой для образования общественных, философских, научных, технических и культурных терминов, а некоторые продолжают жить в современных европейских языках.

Значение раннегреческой лирики состоит, таким образом, не только в отражении целой исторической эпохи Древней Греции VII-V веков до н.э., но и в весьма ощутимом вкладе в развитие поэтической лексики, а следовательно – в становление древнегреческого литературного языка.

Остается высказать соображения относительно истоков и происхождения лексики древнегреческой лирики.

Первое соображение касается т.н. «гомеровской» лексики. В отличие от исследователей, полагающих, что послегомеровская поэзия восходит полностью к Гомеру и ведет от него начало[1], а, следовательно, общность в их лексике объясняется заимствованием у первоисточника, я считаю, что эта общность не столько следствие заимствования (его наличия я не исключаю), сколько восхождения гомеровской поэзии, с одной стороны, и лирической, с другой, к общему догомеровскому лексическому пласту[2]. Поэтому предпочтительно называть эту общую часть лексики не гомеровской или эпической, а *традиционной*.

Второе соображение относится к «негомеровской» лексике, т.е. к лирическим нововведениям. Откуда они взялись? Можно предположить, что отдельные из них – это касается, возможно, некоторых гапаксов – могли быть созданы самими авторами. Что касается преобладающего большинства, то они были, по-видимому, заимствованы лириками из окружающей лексической среды. Нам трудно сейчас судить об их происхождении. Они

---

[1] Ср.: Meister K. Die homerische Kunstsprache/ Leipzig, 1921. S. 244.; Sinko T. Literatura greca. T. I.1. Kraków, 1931. S. 343.

[2] Ср.: Гринбаум Н.С. Язык древнегреческой хоровой лирики (к итогам исследования). ВЯ, 1988, №2, с. 114.

могли возникнуть при жизни поэтов, но могли быть древнее их и восходить к той же догомеровской языковой среде, о которой шла речь выше. То обстоятельство, что около трети всех лирических нововведений мне удалось обнаружить в прозаических надписях и папирусах, свидетельствует о наличии этих слов в греческой разговорной речи как современной лирикам, так и несколько столетий спустя после их появления в ранней поэзии.

На возможную архаичность многих нововведений указывает и следующее обстоятельство. В крито-микенских текстах XIV-XII веков до н.э., древнейших известных в настоящее время греческих письменных памятниках, старше гомеровских поэм на 500-600 лет, мною был найден ряд слов, впервые употребленных в ранней лирике. Так, например, встречающееся впервые у Анакреонта (VI в. до н.э.) слово κορίαννον ‘кориандр’ (мн.ч. κορίαννα; 496) представлено в одной из пилосских надписей (PY An 616) в форме ko-ri-ja-da-na. Слово κύπαιρον ‘кипрей’, использовавшееся впервые Алкманом (VIII в. до н.э.; 60.3), представлено в кносской надписи (KN Ga 517) формой ku-pa-ro. Еще одно лирическое нововведение μίνθα ‘мята’ (Гиппонакт, 57; VI в. до н.э.) мною обнаружено в форме mi-ta в одной из микенских надписей (MY Ge 602)[3]. Мы не в состоянии, конечно, определить, какая часть лирических нововведений может быть отнесена к разряду архаических. Поскольку, однако, они охватывают в основном круг сугубо конкретных наименований природной и бытовой сферы, с которыми не могло быть незнакомо древнейшее население Греции, вероятность их принадлежности к этой категории весьма реальна.

К вышесказанному можно добавить еще одно доказательство. Ряд лексических инноваций ранней лирики относится к слою слов явно негреческого происхождения. Отметим некоторые из них. Строительную лексику представляют слова πέργαμον ‘питатель’ (Стесихор, 192.3) и τύρσις ‘башня’ (Пиндар, Ол. 2.70), общественно-политическую – πρυτανεῖον ‘городской зал’ (Пиндар, Нем. 11.1), музыкальную – κιθάρα ‘кифара’ (Феогнид, 778), ἴαμβος ‘ямб’ (Архилох, 20), διθύραμβος ‘дифирамб’ (Архилох, 77.2), металлургическую – μόλυβδος ‘свинец’ (Фео-

[3] Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, 1956.

гнид, 417)[4]. Появление этих слов впервые в ранней лирике подтверждает историческую архаичность ее лексики и независимость от гомеровской традиции.

Обращает на себя внимание, что наибольшее число нововведений мною обнаружено в надписях Аттики (84) и папирусах Египта (111). Случайно ли это? Мои разыскания, связанные с изучением лексики древнегреческой хоровой лирики, привели меня к аналогичному наблюдению: в этих двух областях греческой ойкумены наиболее сильны и устойчивы следы архаической догомеровской лексической традиции[5]. Объяснение этому феномену мы находим в предположении, что древнейшие носители этой додорийской языковой среды сначала заселяли Аттику[6], а затем были частично вытеснены из этой области и оказались в Египте[7]. Здесь на протяжении ряда веков они сохранили в разговорной речи лексику, которая на их бывшей родине ввиду своей архаичности стала в основном поэтической.

Итак, анализ нововведений ранней лирики утверждает меня в убеждении, что ее лексика в целом – как совпадающая с гомеровской, так и отличающаяся от последней – восходит своими глубокими корнями к архаической догомеровской среде микенской или послемикенской эпохи[8].

Конечно, итоги проведенного исследования могут подвергнуться корректировке по мере поступления нового фактического материала, связанного с нахождением неизвестных в насто-

---

[4] Georgiev V.I. Introduction to the History of the Indo-European Languages. Sofia, 1981. P. 98; Откупщиков Ю.В. Догреческий субстрат. Л., 1988. С. 3.

[5] См.: Grinbaum N.S. Pindars Lexic (die αω-εω-οω Verben). Aischyllos und Pindar. Berlin, 1981. S. 77.

[6] Ср. Фукидида о древнейшем населении Аттики: «Аттика, по причине скудости почвы, с самых древних времен не испытывала внутренних переворотов и всегда была занята одним и тем же населением» (1.2).

[7] Геродот (11.152–154) связывает появление первых греков в Египте с именем фараона Псамметиха I (665-611 гг. до н.э.). Я не исключаю их более раннего прибытия в эту страну.

[8] Ср.: Тронский И.М. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973, с. 133: «…гомеровский язык заставляет постулировать в качестве своего предшественника устно-поэтический язык микенского времени».

ящее время фрагментов лирической поэзии. Представляется, однако, маловероятным, что они смогут существенным образом поколебать выявленные в настоящей работе закономерности становления лексики древнегреческой лирики.

II.

Настоящий раздел представляет собой продолжение работы по созданию истории языка древнегреческой литературы и намечает дальнейшее изучение наследия ее виднейших представителей и целых литературных жанров. Особое внимание уделяется лексико-семантическому анализу языка писателей, недостаточно учитывавшемуся в прошлом. Первым шагом на этом пути стало рассмотрение поэтической лексики классика древнегреческой хоровой лирики Пиндара[9], вторым – анализ лексики ранней лирики VII–V вв. до н. э.[10] На этом этапе подверглись тщательному разбору имена существительные, отражающие с наибольшей полнотой миропонимание поэтов, их общественные взгляды и художественный вкус. Настоящее исследование посвящено рассмотрению встречающихся в ранней лирике глаголов как второго компонента ее поэтической лексики и выяснению роли глагола в мировоззренческой, этической и эстетической позиции раннегреческих писателей.

Анализ глагольной лексики проводится в сочетании лексико-семантического принципа с числовым, что позволяет более детально определить не только точное значение каждого глагола, но и точно очертить круг его применения. Объектом изучения являются сохранившиеся полностью или частично (фрагменты) произведения ранних древнегреческих лириков, представляющих жанр хоровой лирики (Алкман, Пиндар, Стесихор, Вакхилид), элегии (Феогнид, Солон, Тиртей), лесбосской (Сапфо, Алкей) и ямбической (Архилох, Гиппонакт) поэзии.

Первая из поставленных задач заключается в определении, какие сферы человеческой деятельности нашли отражение в

---

[9] Н. С. Гринбаум. Художественный мир античной поэзии. Творческий поиск Пиндара. К 2500-летию со дня рождения поэта. М., 1990.

[10] Н. С. Гринбаум. Лексика древнегреческой ранней лирики (VII–V вв. до н. э.). Опыт семантико-числового анализа. Т. I. Именная лексика. СПб.: Изд. СПбГУ, 2008.

глагольной лексике лириков, и в какой степени привлекли их внимание. Вторая задача состоит в выяснении вопроса, насколько ранние лирики продолжают сложившуюся до них поэтическую традицию и несколько от нее отступают. Третья задача – определить характер и особенности лирических нововведений, т.е. внесенного лириками вклада в становление древнегреческой поэтической лексики. И, наконец, четвертая – уточнить связи рассматриваемой глагольной лексики с лирикой других основных жанров художественной литературы – эпосом, драмой, исторической и философской прозой, а также, где это удается, с греческим эпиграфическим материалом.

Предпринимаемое исследование должно способствовать определению вклада ранних лириков в становление глагольной лексики художественной литературы и их роли в истории формирования древнегреческого литературного языка. Оно является также попыткой воссоздать увиденную лириками VII – V вв. до н. э. картину мира в его движении и изменении во времени и пространстве.

Анализируемая глагольная лексика распределена по четырем группам: «Движение» (I гл.), «Состояния» (II), «Психическая деятельность» (III) и «Физическая деятельность» (IV и V). В свою очередь, каждая группа делится на разделы, а разделы – на подгруппы одного и того же типа глаголов. Внутри подгруппы они расположены в алфавитном порядке.

Изучение глагольной лексики древнегреческой ранней лирики позволяет сделать определенные выводы.

1. Всего мною были рассмотрены 1972 глагола. Более половины из них – 1158 связаны с деятельностью, а именно: физической – 765 и психической – 403 глагола. Остальная часть относится к движению – 478 и состояниям – 336 глаголов. Наиболее употребительными оказались глаголы состояния: εἰμί ‘я есмь’ (611 раз), ἔχω ‘имею’ (432) и γίγνομαι ‘становлюсь’ (194). Далее следуют глаголы движения: ἔρχομαι ‘иду’ (172 раза), φέρω ‘несу’ (165), δίδωμι ‘даю’ (137) и ἄγω ‘веду’ (120). Среди глаголов, относящихся к психической деятельности выделяются глаголы: ὁράω ‘смотрю’ (129) и ἐθέλω ‘желаю’ (119), к физической деятельности – τίθημι ‘кладу’ (161) и λέγω ‘собираю, говорю’ (156). Второй ряд (100 – 50) составляют глаголы: φεύγω ‘бегу’ (72), λείπω ‘оставляю’ (67), βάλλω ‘бросаю’ (65), αἱρέω ‘беру’ (61), εὑρίσκω ‘ищу’ (57), βαίνω ‘иду’ (56), εἶμι ‘прихожу’

(53), λαμβάνω ‘хватаю’ (52) – глава «Движение»; χρή ‘нужно’ (78), θνήσκω ‘умираю’ (75), πάσχω ‘терплю’ (64), φαίνω ‘являю’ (58), χαίρω ‘радуюсь’ (53) – глава «Состояния»; φιλέω ‘люблю’ (75), πείθω ‘убеждаю’ (64) – глава «Психическая деятельность»; δέχομαι ‘принимаю’ (80), ἵστημι ‘ставлю’ (76), τελέω ‘совершаю’ (67), νικάω ‘побеждаю’ и πίνω ‘пью’ (по 63), τίκτω ‘рождаю’(58) и ἔρδω ‘совершаю’ (54) – главы «Физическая деятельность». К третьему ряду (49 – 30) относятся глаголы: πέμπω ‘посылаю’ (47 раз) и ἀγέομαι ‘веду’ (40) – глава «Движение»; ναίω ‘обитаю’ и δύναμαι ‘могу’ (по 44) – глава «Состояния»; εὔχομαι ‘молю’ (43), αἰνέω ‘хвалю’ и κελαδέω ‘воспеваю’ (по 33) – глава «Психическая деятельность»; ποιέω ‘делаю’ (45), ὄλλυμι ‘убиваю’ (45), ἄρχω ‘властвую’ (41), τρέφω ‘выращиваю’ (36), πράσσω ‘свершаю’ и φύω ‘создаю’ (по 32) – главы «Физическая деятельность».

Обращает на себя то обстоятельство, что – наряду с отмеченными выше частотными глаголами – значительная часть употребляемых лириками глаголов встречается редко: так 1098, т.е. половина от всего их количества, представлена лишь однажды-дважды.

По численности глаголов выделяются группы «Падение и отправление» (47 глаголов), «Поднятие и поворачивание» (46), «Прибытие и убытие» (37) – глава «Движение»; «Поведение и присутствие» (69) и «Страдание» (45) – глава «Состояния»; «Разговор» (76) и «Действие» (125) – глава «Психическая деятельность»; «Удар и разрушение» (77), «Ручной труд» (55) и «Питание» (48); «Показ и укрытие» (37), «Наливание» (34) и «Властвование и посвящение» (32) – главы «Физическая деятельность». По употребительности глаголов можно выделить группы: «Ведение и ношение» (488 случаев при 34 глаголах), «Ходьба» (387 при 27), «Отправление» (275 при 34) – глава «Движение»; «Владение и свечение» (604 при 26) – глава «Состояния»; «Ощущения» (451 при 45) и «Понимание» (269 при 26) – глава «Психическая деятельность»; «Свершение» (333 при 38), «Усмирение и убийство» (218 при 49), «Посвящение» (102 при 8) и «Укладывание» (316 при 23) – главы «Физическая деятельность». Таким образом, наиболее многочисленными являются группы: «Действие» (125 глаголов), «Удар и разрушение» (77) и «Разговор» (76); наиболее многочастотными – «Владение и свечение» (604 случая при 26 глаголах) и «Ведение и ношение»

(488 при 34).

2. Из 1972 рассмотренных глаголов наибольшее их число представлено в драме (главным образом, в трагедии) – 1425. У Гомера употребляются 1180, в исторической прозе – 1134, в философской – 931 и у Гесиода – 374. Это значит, что по разнообразию глагольной лексики ранняя лирика наиболее близка к жанру греческой трагедии и в меньшей степени к эпосу. Вместе с тем она тесно соприкасается с художественной прозой. Количество глаголов у отдельных лириков распределяется так: Пиндар – 1132, Феогнид – 503, Вакхилид – 357, Алкей – 259, Симонид – 215, Сапфо – 213, Архилох – 196, Анакреонт – 175, Солон – 170, Гиппонакт – 146, Семонид – 118, Тиртей – 102, Алкман – 96, Стесихор – 88, Ивик – 46, Мимнерм – 39 и Ксенофан – 33. Выделяются, таким образом, Пиндар, Феогнид и Вакхилид, что связано с относительно большим объемом их сохранившегося наследия, а также лесбосские поэты Сапфо и Алкей. В жанровом плане явно преобладает хоровая лирика и элегия.

3. Впервые в ранней лирике упоминаются 816 негомеровских глаголов, в том числе 198 гапаксов. Нововведения представлены: у Пиндара – 318, Феогнида – 65, Алкея – 44, Сапфо и Гиппонакта – по 41, Анакреонта – 38, Вакхилида – 32, Архилоха и Симонида – по 26, Алкмана – 21, Солона – 20, Семонида – 19 и Стесихора – 8. Лирические нововведения существенно обогатили традиционную глагольную лексику, пополнив ее 70% негомеровских глаголов. Наибольшее прибавление отмечается в группах: «Переход и скитание» и «Ходьба» (по 20 глаголов), «Поведение и присутствие» (24), «Действие» (49) и «Речь» (43), «Борьба и лишения» (32), «Питание» (25) и «Разделительные действия» (32). Выделяются по числу нововведений группы «Психическая деятельность» (214 глаголов), «Физическая деятельность» (181) и «Движение» (160). Относительно меньше (124) пополнений наблюдается в группе «Состояния». Заслуживает внимания, что большинство нововведений встречается у самих лириков не более 1–2 раз и лишь 93 из 816 употреблены от 3 до 15 раз. Исключение составляет глагол ‘увеличиваю’, встречающийся 24 раза. Часть лирических нововведений – это касается 198 гапаксов – не повлияла на дальнейшее развитие литературной лексики. Остальные 618 глаголов оказались в составе глагольной лексики других литературных жанров и, в частности, трагедий – 452 глагола, исторической прозы – 444,

философской прозы – 375 и комедии – 258. Только у лириков и в драме выявлены 76 глаголов, только у лириков и в художественной прозе – 67. Наличие столь значительного числа лирических нововведений в драме и прозе могло бы свидетельствовать об их заимствовании этими литературными жанрами у ранней лирики. Однако, не исключая такого влияния, мы склоняемся к предположению, что речь идет в основном о восхождении глагольной лексики к единому источнику – догомеровской и послегомеровской общей лексической среде. Одна ее часть сохранилась в гомеровской традиции (см. ниже), другая – нашла отражение, главным образом, в ранней лирике, трагедии и исторической прозе.

4. Большинство нововведений – сложные глаголы, образованные с помощью приставок, их оказалось 539. Среди приставок преобладают: κατα- – 46 глаголов, ἀνα- и ἐπι- – по 42, ἐκ- (εξ-) – 41, ἀπο- – 38 и συν- – 34. Несколько реже встречаются: δια- – 25, ἐν- – 22, προ- и προσ- – по 18, ἀντι- – 15, παρα- и ὑπο- – по 14, περι- и εὐ- – по 11, ἀμφι- – 9, μετα- – 7, δυσ-ποτι-πεδ- – по 4 и εἰσ- – 2. У ряда глаголов двойная приставка: εἰσ-καθ-οράω, ἐπ-εν-θρῳσκω, ἐξ-ανα-πάλλω, ἐπ-αν-τέλλω, ἐπ-ευ-κλείζω, ὑπ-αν-ίσταμαι, ἐγ-κατα-βαίνω, εἰσ-κατα-βαίνω, ἀντ-απ-αμείβω и ἐπ-αν-έρχομαι. Встречаются и составные глаголы: εὐθυ-πορέω ‘двигаюсь’ (Пиндар), ναυ-στολέω ‘везу’ (Пиндар), θυμ-ηδέω ‘радуюсь’ (Семонид), μελε-δαίνω ‘зобочусь’ (Архилох), φιλο-ψυχέω ‘трушу’ (Тиртей), ἀγρυ-πνέω ‘бодрствую’ (Феогнид), ὀλιγο-σθενέω ‘падаю в обморок’ (Вакхилид), παν-νυχίζω ‘бодрствую’ (Сапфо), τετρα-μαίνω ‘дрожу’ (Архилох), σω-φρονέω ‘благоразумею’ (Семонид), παμ-φαλάω ‘озираюсь’ (Анакреонт), παιδο-φιλέω ‘люблю мальчиков’ (Солон), τιμ-αλφέω ‘славлю’ (Пиндар), κακο-στομέω ‘оскорбляю’ (Архилох), καλλι-ερέω ‘жертвую’ (Симонид), παλαι-μονέω ‘борюсь’ (Пиндар), πεντ-αθλέω ‘состязаюсь’ (Ксенофан), οἰνο-βάρεω ‘пьянею’ (Феогнид), βοα-θέω ‘помогаю’ (Пиндар), φυλλο-φορέω ‘венчаю’ (Стесихор), αὐτ-αρχέω ‘властвую’ (Пиндар), μον-αρχέω ‘правлю’ (Пиндар), χορ-ηγέω ‘руковожу хором’ (Симонид) и ξενο-δοκέω ‘гостеприимно принимаю’ (Пиндар). Наиболее многочисленными среди сложных глаголов являются глаголы с исходом на -έω (87), -άω (32), -ύω (12), -όω (10) и исходом на -ζω (48), -νω (42), -χω (26), -τω (22) и -σσω (21). Малоупотребительными оказались сложные глаголы на -εύω (7), -αίω (6), -λω (7), -γω (6), -δω и -μω

(по 2). Особенно продуктивными являются глаголы: с гласной основой – ὁράω (δια-, εἰσ-, κατα-, προ-, προσ-), σπάω (ἀνα-, ἀπο-, ἐπι-, ὑπο-); οἰκέω (ἀπο-, μετα-, συν-), ἀρκέω (ἀπο-, δια-, ἐξ-); с согласной основой – στάζω (ἀπο-, ἐπι-, ποτι-), κύρω (ἀντι-, ποτι-, συν-), φέρω (ἀνα-, δια-, προσ-, συν-), πίνω (προ-, συν-, ὑπο-), ἀμείβω (ἀντι-, δια-, μετα-), νέμω (ἀπο-, δια-, προ-), τείνω (ἀνα-, ἀντι-, συν-), λαμβάνω (ἀντι-, μετα-, συν-), κρίνω (ἀνα-, κατα-, προ-), τυγχάνω (ἀντι-, ἐν-, προσ-).

В числе лирических нововведений насчитывается также и 277 простых глаголов. Это, в основном, глаголы с гласной основой на -όω (37), -άω (35), -έω (33), -εύω (24) и с согласной основой, прежде всего, на -ζω (76), меньше на -σσω (16) и на -νω (13).

Итак, есть основание заключить, что пополнение традиционной глагольной лексики ранней лирикой происходило главным образом за счет сложных глаголов с приставками κατα-, ἐπι-, ἀνα-, ἐκ- (130 глаголов) и охватывало, прежде всего, глаголы на -έω (87), -ζω (48) и -νω (42). Вместе с тем традиционная глагольная лексика значительно обогатилась за счет простых глаголов, прежде всего, на -όω (37) и -ζω (76). Всего же в составе лирических нововведений оказались 124 глагола на -ζω, 120 на -έω, 67 на -άω и 55 на -νω. Следует при этом заметить, что число простых глаголов на -όω, -εύω и на -ζω (37, 24 и 76 соответственно) оказалось больше, чем сложных (10, 7 и 48 соответственно), в то время как в остальных случаях численное превосходство последних над первыми является нормой.

5. Проведенный нами анализ раннегреческих нововведений позволяет дать не только их количественную характеристику, но и представить процесс дальнейшего развития послегомеровской глагольной лексики.

В сфере ***движения*** оно пополняется глаголами, относящимися: а) к <u>хождению</u>, а именно к <u>прыжкам</u> – ἀσκαρίζω ‘прыгаю’, ἐπενθρῴσκω ‘вскакиваю’ и φριμάσσομαι ‘подпрыгиваю’; <u>подъему</u> – ἐπανέρχομαι и ἐπαντέλλω ‘поднимаюсь’, ἐπιστείχω ‘вступаю’; <u>погоне</u> – θηράω ‘охочусь’, πεδαλεύομαι ‘преследую’ и συναγρέω ‘настигаю’; <u>поиску</u> – ζητεύω ‘ищу’, ἰχνεύω ‘слежу’, μεταμαίομαι ‘выслеживаю’; <u>выбытию</u> – ἀπονίσσομαι ‘ухожу’, ἐκχωρέω ‘уступаю’, μετοικέω ‘переселяюсь’; <u>переходу</u> – διανίσσομαι и διαστείχω ‘прохожу’, ὑπερέρχομαι ‘перехожу’; <u>обходу</u> – ἀμφιτρέχω ‘обегаю’, περιδινέω ’кружусь’ περινίσσομαι ‘обхожу’; <u>скитанию</u> – ἀλυκτάζω ‘странствую’, διαφοιτάω

‘путешествую’, περιπλανάω ‘странствую’; ходьбе – ἀγοράζω ‘хожу’, βαδίζω ‘иду’, βιβάω ‘шагаю’, εὐθυπορέω ‘двигаюсь’, πατέω ‘хожу’, συνομαρτέω ‘следую’ и ἐφέρπω ‘подползаю’; б) к двигательным действиям, а именно к бросанию – ἀμφικυλίνδω ‘бросаю’, ἀναπάσσω ‘разбрасываю’, ἀποσείω ‘сбрасываю’, ἀποσκίμπτω ‘бросаю’, ἐπιδικέω ‘подбрасываю’, προσριπτέω ‘бросаю’ и σφεδονάω ‘стреляю’; ведению – ἐμβιβάσκω ‘веду’, ἐξίσταμι ‘вывожу’, παράγω ‘привожу’, προβιβάζω ‘вывожу’; ношению – ἀνερέπτομαι ‘уношу’, διαφέρω ‘разношу’, ἐπαναφέρω ‘переношу’; ἐπιχρίμπτω ‘приношу’, πορεύω ‘достаю’, προσφέρω ‘приношу’, συγκανηφορέω ‘ношу’; колыханию – αἰθύσσω ‘колыхаюсь’, αἰωρέω ‘колеблю’, ἀμφιταράσσω ‘волную’, ἐκκινέω ‘трясу’, κυκλόω ‘кручу’ и τανταλίζω ‘колеблю’; поднятию – ἐκταίνω, ἐναίρω, ἀνακύπτω, ἀνατείνω, ἀνίσχω, ἀνσπάω и ἀρύω ‘поднимаю’; поворачиванию – ἀπεξαιρέω ‘отодвигаю’, ἀποδρέπω ‘срываю’, προσέλκω ‘притягиваю’, σχάζω ‘останавливаю’, ὑποστέλλω ‘свертываю’; хватанию – ἀμφελίσσω ‘схватываю’, ἁρπαλίζω ‘хватаю’, συλλαμβάνω ‘схватываю’, ἀναδέω и ἀναπλέκω ‘обвиваю’; связыванию – ἐπιζεύγνυμι ‘связываю’, περάπτω ‘привязываю’, προσμείγνυμι ‘присоединяю’, συνάπτω ‘связываю’, συναρμόζω ‘соединяю’, συντανύω ‘связываю’; в) к двигательным процессам, а именно к сближению – ἀκολουθέω ‘сопровождаю’, ἀντιάζω ‘встречаю’, ἀντικύρω ‘сталкиваю’, ἐμπελάζω ‘приближаю’, προσέχω ‘придвигаю’, προσοίχομαι ‘приближаю’, προστρέπω ‘обращаю’, ὑπαντάω ‘встречаю’, ὑποκρέκω и συναορέω ‘сопутствую’, συγκύρω ‘встречаю’; прикосновению – ἐγκαλίζω ‘обнимаю’, ἀντερείδω ‘подпираю’, ἐπισκήπτω ‘прикасаюсь’, θιγγάνωω ‘касаюсь’, ποτιψαύω ‘прикасаюсь’, συνεφάπτομαι ‘приобщаюсь’ и χροίζω ‘прикасаюсь’; противостоянию – ἀντιξοέω ‘противостою’, ἀντιτείνω ‘противлюсь’, ἀντιτυγχάνω ‘сталкиваюсь’, ἀπελαύνω ‘отгоняю’, ἀποκωλύω ‘препятствую’, ἀφίσταμι ‘отстраняюсь’ и προσμένω ‘противостою’; летанию – ἀναπέτομαι ‘взлетаю’, ἀπτερύσσομαι ‘подлетаю’, καταπέτομαι ‘слетаю’, παραιθύσσω ‘разлетаюсь’, παραπέτομαι ‘пролетаю’ и πτερυγόω ‘лечу’; плаванию – διαστείβω ‘проплываю’, ἐκνέω ‘выплываю’, ἐνορμίζω ‘причаливаю’, κολυμβάω ‘ныряю’ и ναυστολέω ‘везу на корабле’; падению – ἐπιπίπτω ‘падаю’, καταιθύσσω ‘спускаюсь’ и περιπίπτω ‘падаю’; отправлению – ἀναδίδωμι ‘направляю’, ἀναπέμπω ‘посылаю’, ἀντιδίδωμι ‘возвращаю’, ἀπονέμω ‘пере-

даю’, διόρνυμι ‘устремляю’, ἐξανίσταμι ‘отправляю’, ἐπιπέμπω ‘посылаю’, μεταδίδωμι ‘передаю’, πορθμεύω ‘переправляю’, προσδίδωμι ‘выдаю’, συμπέμπω ‘посылаю’ и συντείνω ‘направляю’.

Итак, в сфере движения пополнение лирическими нововведениями традиционной лексики происходит наиболее интенсивно на базе глаголов, связанных с ходьбой и бросанием, ношением и колыханием, поднятием и хватанием, связыванием и сближением, прикосновением и противостоянием, летанием и отправлением.

В сфере ***состояний*** глагольная лексика пополняется глаголами, относящимися: а) к психическим состояниям, а именно к радости – γανόω, εὐθυμέω, θυμηδέω ‘радуюсь’, πτοιάω ‘волнуюсь’ и συγκωμάζω ‘веселюсь’; заботе – μελεδαίνω, μελετάω и προμηθέομαι ‘забочусь’; страданию – ἀνασταλύζω ‘рыдаю’, ἀναστένω ‘оплакиваю’, ἀποκλαίω ‘оплакиваю’, ἀχνάζω ‘печалюсь’, δυσμογέω ‘страдаю’, δυσφορέω ‘переживаю’, ἐκμαίνω ‘неистовствую’, ἐποικτίρω ‘сожалею’, λυπέω ‘печалюсь’, μακκοάω ‘тупею’, μαργόομαι ‘неистовствую’, μαυρόω ‘мрачнею’, στενάζω ‘рыдаю’, χειμαίνω ‘обуреваю’ и ψίζομαι ‘плачу’; гневу – αἰκίζω ‘сержусь’, ἀσάω ‘негодую’, βασσαρέω ‘беснуюсь’, βριμάομαι ‘возмущаюсь’, ἐξερεθίζω ‘раздражаюсь’ и ἐπασχάλαμι ‘возмущаюсь’; страху – εἴλω ‘тревожу’, θράσσω ‘беспокою’ и φιλοψυχέω ‘трушу’; превосходству – ἀμεύομαι ‘превосхожу’, ἐμπρέπω ‘выделяюсь’, κρατιστεύω ‘превосхожу’ и παραμεύομαι ‘выделяюсь’; повиновению – ἀνταπαμείβομαι ‘подчиняюсь’, δουλεύω ‘повинуюсь’, ἐξαρκέω ‘довольствуюсь’ и καταπροίζομαι ‘избегаю кары’; б) к физическим состояниям, а именно к развитию – ἀναβλαστάνω ‘прорастаю’, ἀνηβάω ‘молодею’, ἀπογηράσκω ‘старею’, βιοτεύω ‘живу’, βλαστάνω ‘вырастаю’, ἐλινύω ‘застываю’, ἐπανθέω ‘расцветаю’, καταφθίνω ‘гибну’, καταφυλλορέω ‘увядаю’, λαχνόω ‘обрастаю’, πλημύρω ‘надуваюсь’, προθνῄσκω ‘умираю’, προστυγχάνω ‘случаюсь’, συγγίγνομαι ‘появляюсь’, συνηβάω ‘расцветаю’, σφυδόω ‘цвету’, ὑγιαίνω ‘здравствую’, ὑπερφθίνω ‘погибаю’ и χλιδάω ‘увеличиваюсь’; поведению – ἀγρυπνέω ‘бодрствую’, ἀμπλακίσκω ‘промахиваюсь’, ἀτρεμίζω ‘остаюсь в покое’, βαμβακύζω ‘дрожу’, δρυφέω ‘справляюсь’, διαντλέω ‘преодолеваю’, διασωπάω ‘молчу’, ἐντυγχάνω ‘случаюсь’, ἐξέχω ‘выступаю’, ἐπιδέχομαι ‘ожидаю’, καταυλίζομαι ‘отдыхаю’, καχλάζω ‘плескаюсь’,

κοιτάζω ‘сплю’, νυμφεύω ‘выдаю замуж’, ὀλιγοσθενέω ‘падаю в обморок’, παννυχίζω ‘бодрствую’, ταξιόομαι ‘выстраиваюсь’, τιλάω ‘испражняюсь’, τετραμαίνω ‘дрожу’; обитанию – ἀποικέω ‘выселяю’, καταναίω ‘поселяю’, κατοικίζω ‘заселяю’, ξενόω ‘гощу’, οἰκίζω ‘поселяю’ и συνοικέω ‘живу вместе’; расположению – ἀμφίκειμαι ‘располагаюсь’, ἀμφικρέμαμαι ‘обвисаю’, ἀνάκειμαι ‘возлежу’, ἀπόκειμαι ‘лежу’, διάκειμαι ‘нахожусь’, ἐγκαθίζω ‘восседаю’, ἐγκατάκειμαι ‘почиваю’, ἐπικρεμάννυμι ‘нависаю’, θακέω ‘восседаю’, θάσσω ‘сижу’ и προσιζάνω ‘присаживаюсь’; владению – ἀππάομαι ‘приобретаю’, γέμω ‘изобилую’, εὐμαρέω ‘владею’ и πλουτέω ‘богатею’; свечению – ἀντιλάμπω ‘свечу’, ἀντιφλέγω ‘сияю’, διαπρέπω ‘блещу’, ἐμφλέγω ‘свечу’ и μαρμορύζω ‘сверкаю’; отношению – ἀποδαμέω ‘сторонюсь’, εὐτυχέω ‘преуспеваю’, παόω ‘роднюсь’ и συμπρέπω ‘соответствую’.

Итак, в сфере состояний пополнение лирическими нововведениями традиционной лексики происходит наиболее интенсивно на базе глаголов, связанных с радостью и страданием, гневом и страхом, развитием и поведением, обитанием и расположением, владением и свечением.

В сфере ***психической деятельности*** глагольная лексика пополняется глаголами, относящимися: а) к умственному процессу, а именно к мышлению – ἀμπολέω ‘обдумываю’, ἀναφροντίζω ‘задумываюсь’, ἀξιόω ‘считаю’, δοξάζω ‘думаю’, ἐνθυμέομαι ‘размышляю’, ἐξετάζω ‘рассматриваю’, μυνάομαι ‘отвлекаюсь’, προκρίνω ‘предпочитаю’, προσαμαρτέω ‘ошибаюсь’, σοφίζομαι ‘размышляю’, συγγιγνώσκω и συναινέω ‘соглашаюсь’, σωφρωνέω ‘благоразумею’ и φροντίζω ‘думаю’; пониманию – ἀσυνετέω ‘не понимаю’, ἐκμανθάνω ‘узнаю’ и σύνοιδα ‘знаю’; учению – ἐκδιδάσκω ‘учу’, καταδάω ‘обучаю’, καταρτύω ‘приучаю’, παιδεύω ‘воспитываю’, παραινέω ‘завещаю’, προμανθάνω ‘изучаю’ и τιθηνέω ‘нянчу’; разговору – ἀνακαλέω ‘зову’, ἀνακρίνω ‘расспрашиваю’, ἀνταγορεύω и ἀντιφθέγγομαι ‘отвечаю’, ἀπαιτέω ‘требую’, ἀρειάω ‘обещаю’, ἐντέλλω ‘приказываю’, ἐξερωτάω ‘спрашиваю’, ἐπιλέγω ‘говорю’, ἐπονομάζω ‘называю’, εὐμενέω ‘привечаю’, καταινέω ‘соглашаюсь’, καταφημίζω ‘поручаю’, κατερέω ‘расскажу’; κωτίλλω, λαλαγέω, λεσχάζω, ληρέω ‘болтаю’; παραγορέω ‘увещеваю’, παραιθύσσω ‘произношу’, περιγογγύζω ‘ропщу’, προσεννέπω ‘призываю’, προσμιλέω ‘общаюсь’, προσφθέγγομαι ‘именую’, σκαπαρδεύω

‘бранюсь’, ὑποκουρίζομαι ‘нашептываю’, φατίζω ‘говорю’; сообщению – αἰνίσσομαι ‘предсказываю’, ἀνακοινόω ‘сообщаю’, ἀποφαίνω ‘объявляю’, δαμόομαι ‘извещаю’, διαγγέλλω ‘провозглашаю’, ἐξανέπω ‘сообщаю’, καταφράζω ‘объявляю’, μανύω ‘сообщаю’, μαρτυρέω ‘свидетельствую’, παραγγέλλω ‘побуждаю’, παρακοινάομαι ‘сообщаю’, προσθεσπίζω ‘предвещаю’, συμμαρτυρέω ‘подтверждаю’; звучанию – αὐλέω ‘играю’, βαρβατίζω и διακρέκω ‘бренчу’, ἐπικλάζω ‘гремлю’, ἐπιρρομβέω ‘шумлю’, περιβρέμω ‘звеню’, συρίζω ‘шиплю’, ὑπαυλέω ‘играю’, φθογγάζομαι ‘звучу’ и χλάδω ‘звеню’, αἰολίζω ‘воспеваю’, ἀλαλάζω ‘кричу’, ἀνολολύζω ‘восклицаю’, ἀχέω ‘кричу’, βαβράζω ‘стрекочу’, γλωσσάω ‘звучу’; θροέω, ἰαχέω, κρώζω ‘кричу’; λαλάζω ‘щебечу’, παιανίζω ‘пою’, σαλαίζω ‘воплю’ и ὠρύομαι ‘кричу’; б) к чувственному процессу, а именно к ощущениям – διοράω ‘вижу’, διοσκέω ‘всматриваюсь’, εἰσκαθοράω ‘взираю’, ἐμβλέπω ‘всматриваюсь’, ἐπαθρέω ‘взираю’, παμφαλάω ‘озираюсь’, πεδαυγάζω ‘наблюдаю’, προοράω ‘предвижу’, προσβλέπω ‘взираю’, προσοράω и σκοπέω ‘смотрю’, εἰσαίω ‘слушаю’ и κοέω ‘слышу’; побуждению – διαιθύσσω ‘будоражу’, κηλέω ‘заклинаю’, κνίζω ‘возбуждаю’, μαλάσσω ‘успокаиваю’, παρορίνω ‘возбуждаю’, ὑπνόω ‘усыпляю’; стремлению – δοιάζω ‘намереваюсь’, ἐπιθυμέω ‘желаю’ и μαστεύω ‘стремлюсь’, обману – ἀκκίζομαι ‘притворяюсь’, ἀλωπεκίζω ‘хитрю’; δολόω, ἀπατεύω, θήπω, τυφόω ‘обманываю’; хвалению – γαρύω ‘воспеваю’, διακομπέω ‘хвастаю’, ἐξεύχομαι ‘хвалюсь’, ἐπευκλείζω ‘прославляю’, εὐαγορέω ‘восхваляю’, εὐκλείζω ‘славлю’, καταγλαίζω ‘прославляю’, καυχάομαι ‘хвастаю’, κλείζω ‘славлю’, κομπάζω ‘хвастаю’, μελίζω ‘прославляю’, τιμαλφέω ‘славлю’ и ὑμνέω ‘воспеваю’; порицанию – ἀποφλαυρίζω ‘пренебрегаю’, ἀτίω ‘презираю’, δεννάζω ‘оскорбляю’, δυσφημέω ‘порицаю’, ἐλαφρίζω и ἐπιπτύω ‘презираю’, κακοστομέω ‘оскорбляю’, καταμέμφομαι ‘презираю’, κατελέγχω ‘позорю’, λοιδορέω и μέμφομαι ‘порицаю’, σαρονίζω ‘осмеиваю’, ψέγω ‘порицаю’; почитанию – ἀγάω ‘почитаю’, ἁγίζω ‘освящаю’, ἀναρύω и ἀποθύω ‘жертвую’, εὐδοκιμέω и εὐσεβέω ‘почитаю’, εὐωχέω ‘чту’, θέσσαμαι ‘молюсь’, καλλιερέω ‘жертвую’, κωμάζω ‘праздную’, παραιτέω ‘прошу’, προσκυνέω ‘поклоняюсь’, σεβίζω ‘почитаю’ и συναλέγω ‘чту’.

Итак, в сфере психической деятельности пополнение лирическими нововведениями традиционной лексики происходит

наиболее интенсивно на базе глаголов, связанных с мышлением, пониманием, разговором и звучанием, с одной стороны, с ощущениями, побуждениями, хвалением, почитанием и порицанием, с другой.

В сфере ***физической деятельности*** глагольная лексика пополняется глаголами, относящимися: а) к созидательному труду, а именно к ручному труду – ἀργυρόω ‘серебрю’, διαπλέκω ‘плету’, ἐνυφαίνω и ἐξυφαίνω ‘тку’, ἐπισπάω ‘тащу’, ἐπισπείρω ‘сыплю’, ἐπιτάσσω ‘расставляю’, ἕφω ‘плавлю’, καθέλκω ‘стаскиваю’, καπνόω ‘окуриваю’, κλώθω ‘пряду’, κνάμπτω ‘расчесываю’, κρέκω ‘тку’, κρίμνημι ‘привязываю’, περιψάω ‘чищу’, πλάσσω ‘леплю’, προκυκλέω ‘вращаю’, ὑποργάζω ‘массирую’, φαρμακόω ‘изготовляю лекарства’, ψάλλω ‘перебираю’, ψάω ‘натираю’, ψήχω ‘тру’ и χαλκόω ‘покрываю медью’; сельскому труду – ἀλέω ‘мелю’, ἀλφιτεύω ‘размалываю’, ἀναπολίζω ‘вспахиваю’, ἀρότρωμι ‘пашу’, αὐλακίζω ‘вспахиваю’, ἐξορύσσω ‘выкапываю’, θερίζω ‘кошу’, καταζεύγνυμι ‘запрягаю’, πτίσσω ‘просеиваю’, σήθω ‘отсеиваю’, σκάπτω ‘вскапываю’, σπείρω ‘сею’ и χαυνόω ‘взрыхляю’; свершению – ἀναγνέω ‘начинаю’, ἀνακομίζω ‘исполняю’, ἀντλέω ‘совершаю’, διατελέω ‘исполняю’, ἐκπίμπλημι ‘выполняю’, ἐκποιέω ‘делаю’, ἐκπονέω ‘отрабатываю’, ἐκτελευτάω ‘завершаю’, κατάρχω ‘начинаю’, μεταποιέω ‘переделываю’, παλαμάω ‘совершаю’, προεκπονέω ‘делаю’, προκάμνω ‘тружусь’, συμφυτεύω ‘создаю’, συντελέω ‘совершаю’, τέλλω ‘исполняю’, τερματίζω ‘кончаю’; б) к агрессивным действиям, а именно к усмирению – ἀμαυρόω ‘ослабляю’, ἀμερόω ‘усмиряю’, ἀπαμβλύνω ‘притупляю’, βιαιόω ‘принуждаю’, γελανόω ‘успокаиваю’, δαμαλίζω ‘укрощаю’, θεμίζω ‘творю суд’, δικαιόω ‘наказываю’, ἐκδομάζω ‘подавляю’, ἐπικουφίζω ‘ослабляю’, ἡσυχάζω ‘успокаиваю’, κοιμίζω ‘усыпляю’, κτιλεύω ‘приручаю’, πραύνω ‘успокаиваю’, σιγάζω ‘усмиряю’, συγκεραυνόω ‘поражаю’, συντρίβω ‘разбиваю’, τυφλόω ‘ослепляю’; убийству – αἱματάω ‘обагряю кровью’, καίνω ‘убиваю’, κεραυνόω ‘поражаю’, φοινίσσω ‘обагряю кровью’ и φοινεύω ‘убиваю’; удару – ἀράσσω ‘ударяю’, διακόπτω ‘разрубаю’, ἐκκωφέω ‘ошеломляю’, ἐπαράσσω ‘ударяю’, θωμίζω ‘хлестаю’, κατασκήπτω ‘ударяю’, καταστείβω ‘топчу’, κατατύπτω ‘бью’, κρούω ‘ударяю’, λεύω ‘пробиваю’, παίω ‘ударяю’, παταγέω ‘стучу’, προκόπτω ‘ударяю’, πταίω ‘бью’, ῥαπίζω ‘ударяю’ и σποδέω ‘бью’; разрушению – ἀποδέρω

‘обдираю’, ἐπιτρίβω ‘уничтожаю’, θραύω ‘разбиваю’, καταδηιόω ‘опустошаю’, κατακλύζω ‘затопляю’, καταράσσω ‘разбиваю’, κατατρίβω ‘протираю’, καταύω ‘разрушаю’, μεταρρίπτω ‘опрокидываю’, πυρόω ‘сжигаю’, συναλοάω ‘разбиваю’, τρυχόω ‘разоряю’, φλάω ‘сокрушаю’ и χαράσσω ‘рву’; борьбе – ἁμιλλάομαι ‘состязаюсь’, ἀμφιδηριάομαι ‘борюсь’, ἀμφιτείρω ‘терзаю’, ἀποπνίγω ‘душу’, γυμνάζω ‘упражняюсь’, ἐπιβρύκω ‘стискиваю’, κατακρατέω ‘одолеваю’, λῃστεύω ‘граблю’, παλαιμονέω ‘борюсь’, πενταθλέω ‘состязаюсь’, πολεμέω ‘воюю’, προμαχέω ‘сражаюсь’, προσπαλαίω ‘борюсь’, πυκταλίζω ‘дерусь’, πυκτεύω ‘борюсь’, σκυλεύω ‘набрасываюсь’ и ὑποθέω ‘нападаю’; лишению – ἀμείρω ‘лишаю’, ἀποβλάπτω ‘врежу’, ἀποσυλάω ‘граблю’, ἀφανίζω ‘прячу’, ἐκδιώκω ‘выгоняю’, ἐκκορέω ‘прогоняю’, ἐκτίλλω ‘вырываю’, ἐρημόω ‘лишаю’, καταλιμπάνω ‘покидаю’, καταμένω ‘останавливаю’, μοιχεύω ‘совращаю’, ὀρφανίζω ‘лишаю’, προσπταίω ‘повреждаю’, στέρομαι и τατάομαι ‘лишаю’; в) к домашним работам, а именно к питанию – ἀναζέω ‘кипячу’, ἀφεύω ‘жарю’, τυρέω ‘приготовляю сыр’, ἀνδέρω ‘обгрызаю’, ἀριστάω ‘завтракаю’, καταβρύκω ‘съедаю’, κολάπτω ‘клюю’, λαιμάω ‘голодаю’, μοιμύλλω ‘кушаю’, πιαίνω ‘вскармливаю’, ὑπερκορέννυμι ‘пресыщаю’, ὑποτρώγω ‘закусываю’, φέρβω ‘питаю’, γλάζω ‘сосу’, ἐκπωνω ‘выпиваю’, ἐμπίνω ‘напиваюсь’, ἐμπιπίσκω ‘напаиваю’, καταπίνω ‘проглатываю’, οἰνοβαρέω ‘пьянею’, πιπίσκω ‘спаиваю’, προπίνω ‘выпиваю’, πώνω ‘пью’, συμπίνω и συμπώνω ‘пьянствую’ и ὑποπίνω ‘выпиваю’; уходу – ἀποκλύζω ‘смываю’, ἐλαιόω ‘натираю’, ἐξαλείφω ‘намазываю’, κτενίζω ‘расчесываю’, παραχρίω ‘смазываю’, σμυρίζω ‘намащиваю’, σταλάσσω ‘намачиваю’ и ὑποξυρέω ‘брею’; одеванию – ἀνασύρω ‘обнажаю’, καθελίσσω ‘обвязываю’, κασπολέω ‘надеваю’ и τρύω ‘изнашиваю’; г) к охранительным действиям, а именно к помощи – βοαθοέω ‘помогаю’, ἐξελέγχω ‘проверяю’, ἐπιστατέω ‘способствую’, παραδίδωμι ‘передаю’, παραλύω ‘избавляю’ и ὠφελέω ‘помогаю’; защите – ἀμφιπολέω ‘охраняю’, ἀπολακτίζω ‘отвергаю’, εὐλαβέομαι ‘остерегаюсь’, κατασκιάζω ‘закрываю’, κωλύω ‘мешаю’, σοέω ‘спасаю’, στέγω ‘защищаю’, τηρέω ‘оберегаю’, ὑπασπίζω ‘защищаю’ и φρουρέω ‘охраняю’; собиранию – ἀθροίζω, ἀμέργω и συμφέρω ‘собираю’; к разделительным действиям, а именно к делению – ἀνασχίζω ‘разрезаю’, ἀποκλάω ‘ломаю’, ἀποσπάω и ἀφέλκω ‘отрываю’, διαδίδωμι ‘распре-

деляю’, διοίγω ‘раскалываю’, κατασχίζω ‘разрезаю’, κατατέμνω ‘рассекаю’, κατερείκω ‘рву’, κλαρόω ‘распределяю’, πεδέχω ‘разделяю’, περιπάγνυμι ‘ограждаю’ и σχίζω ‘рассекаю’; смешению – ἀναμείγνυμι ‘смешиваю’, ἀναταράσσω ‘взбалтываю’, ἐπιμείγνυμι ‘примешиваю’, θολόω ‘замутняю’, μάσσω ‘намешиваю’, συνευνάζω ‘сочетаюсь’, οἰφέω ‘вступаю в связь’, συνδιαιτάομαι и συνουσιάζω ‘сожительствую’; обмену – ἀλάσσω, ἀνταμείβω, διαλάσσω, διαμείβω, ἐναμείβω, ἐξαλάσσω, κιγκλίζω и μεταμείβω ‘меняю’; к направленным действиям, а именно к укладыванию – μακύνω ‘откладываю’ и σκίμπτομαι ‘устанавливаю’; наливанию – ἀναχέω ‘разливаю’, ἀπορρέω ‘вытекаю’, ἀποστάζω и ἀποφλύζω ‘изливаю’, ἄρδω ‘орошаю’, βρέχω ‘увлажняю’, διαρρέω ‘утекаю’, ἐπιστάζω ‘проливаю’, καταβρέχω ‘орошаю’, μυδάω ‘струюсь’, ὀμείχω ‘брызгаю’, πομφολύζω ‘брызжу’, ποτιστάζω ‘изливаю’, τέγγω ‘увлажняю’ и χραίνω ‘кроплю’; украшению – αἱμασσω ‘обагряю’, διαδαλόω ‘украшаю’, ἐπιστεφανόω ‘венчаю’, ἐρέπτω ‘венчаю’, λευκόω ‘украшаю’ и φυλλοφορέω ‘венчаю’; д) к прочим действиям, а именно к властвованию – ἀπάρχω ‘властвую’, αὐταρχέω ‘господствую’, διαιτάω ‘правлю’, διανέμω ‘управляю’, μοναρχέω ‘властвую’, συντελέθω ‘владею’, ταμιεύω ‘управляю’, τυραννεύω ‘властвую’ и χορηγέω ‘руковожу’; получению – ἀντιλαμβάνω ‘получаю’, ἐνδέχομαι и καταδέχομαι ‘принимаю’, κερδαίνω ‘извлекаю выгоду’, ξενοδοκέω ‘принимаю’; показу – ἀναπτύσσω ‘раскрываю’, ἀποδείκνυμι ‘показываю’, εἰκάζω ‘сравниваю’, ἐπιδείκνυμι ‘указываю’, κατακρίνω ‘определяю’, καταμηνύω ‘указываю’, καταφαίνω и ὑποδείκνυμι ‘показываю’, φραδάω ‘указываю’; укрытию – ἐγκαλύπτω ‘укрываю’, ἐμβάπτω ‘погружаю’, ἐπικαλύπτω ‘прикрываю’ и πακτόω ‘закрепляю’.

Итак, в сфере физической деятельности пополнение лирическими нововведениями традиционной лексики происходит наиболее интенсивно на базе глаголов, связанных с ручным и сельским трудом, свершением и усмирением, ударом и разрушением, борьбой и лишением, питанием и уходом, защитой и делением, смешением и наливанием, властвованием и показом.

Подводя итог рассмотрению лирического пополнения, мы должны констатировать, что наибольшее обогащение послегомеровской поэтической глагольной лексики осуществлялось за счет глаголов, относящихся к сфере психической деятельности – речь, звучание, мышление, и физической деятельности – ручной

труд, свершение, питание. Относительно менее заметные изменения произошли за счет глаголов сферы состояний и движения.

6. Анализирую лирические нововведения и выясняя их роль в становлении послегомеровской поэтической глагольной лексики, нельзя упускать из виду, что не они, а традиционная лексика является определяющей в языке ранних лириков как в количественном отношении (1180 «гомеровских» глаголов при 816 нововведениях), так и особенно в плане частотности (десятки и сотни раз в первом случае и одноразовое – двухразовое их употребление во втором). При этом традиционная лексика включает не только наиболее употребительные глаголы (см. выше, п.1), но и преобладающее большинство глаголов, встречавшихся более 10 раз. В сфере движения лирические поэты проявляют наибольший интерес к процессам ходьбы, несения и отправления, в сфере состояний – к радости и страданию, гневу и заботе, страху и удивлению, в сфере психической деятельности – к речи и мышлению, ощущениям и побуждениям, хвалению и почитанию, в сфере физической деятельности – к ручному труду и свершениям, борьбе и разрушению, делению и наливанию, властвованию и показу. Только у ранних лириков и у Гомера представлены 102 глагола, Общность глагольной лексики в раннелирической поэзии и у Гомера я склонен объяснять не столько заимствованием, хотя я и не отрицаю такой возможности, сколько их восхождением к единому источнику – догомеровской лирической среде, продолжавшей бытовать в греческом языке как на территории материка, так и на греческой окраине.

7. Существование такой среды подтверждает и анализ глагольной лексики греческих надписей. В эпиграфическом материале мне удалось обнаружить 636 глаголов, т.е. почти 1/3 всех, встречающихся в ранней лирике, Она распределилась следующим образом: в Египте – 395 глаголов (преимущественно папирусы), Аттике – 166, Малой Азии – 106, эгейских островах – 89, Арголиде – 66, Великой Греции – 56, на Крите – 38 и в Беотии – 33. В прозаических надписях найдена и значительная группа глаголов-лирических нововведений, не встречающихся у Гомера: их оказалось 242, в т.ч. в Египте – 125 и Аттике – 51. Из них 10 представляют собой литературные гапаксы, не употребляемые за пределами ранней лирики. Таким образом, вырисовывается основной ареал распространения как глагольной лексики в целом, так и лирических нововведений: Аттика и Арголида на

материке, Малая Азия с островами (включая Крит), Великая Греция и Египет – на греческой периферии.

8. Собранный мною и проанализированный материал позволяет с достаточной мерой вероятности предположить, что основная доля глагольной лексики, к которой восходит, с одной стороны, эпическая и, с другой, раннелирическая традиция образовались на протяжении длительного времени в догомеровский период и входила первоначально в состав общеупотребительного и лишь впоследствии – поэтического языка. Эта традиция сохранилась на материке и в Малой Азии в поэтических жанрах эпоса, ранней лирики и трагедии, отчасти художественной прозы, а также в прозаических надписях ряда областей Греции и, в первую очередь, в Аттике и Арголиде. Оттесненные вторгшимися в конце II тысячелетия до н. э. пришельцами, жители и носители этой языковой традиции были вынуждены переселиться на окраины греческого мира в Малую Азию, Великую Грецию и Египет. В этих регионах и, главным образом, в Египте эта языковая устная традиция культивировалась в течение многих столетий, пока не была зафиксирована в деловых папирусах, начиная с IV–III века до н. э. Нахождение в них значительного числа редких глаголов, встречающихся в поэтическом жанре раннегреческой лирики, указывает с очевидностью на их общее происхождение.

ЯЗЫК ПИНДАРА
(ИТОГОВОЕ ОБОЗРЕНИЕ)

Настоящая статья представляет собой сокращенный вариант сборника публикаций 1957-1990 годов под общим заглавием: «Пиндар: Проблема языка». В нем подводятся итоги проводившегося на протяжении нескольких десятилетий исследования языка Пиндара, виднейшего представителя древнегреческой хоровой лирики (518-446 гг. до н. э.)[1]. Речь идет об определении характера самого языка и его истоков, выяснении диалектно-территориальной базы, а также о фонетико-морфологических особенностях и лексическом составе, отношении поэта к устоявшейся традиции и его новаторстве. Вступая в полемику с моими многочисленными предшественниками, я высказываю ряд собственных суждений о происхождении и характере языка древнегреческой хоровой лирики, подкрепляя свои предположения широким привлечением в качестве доказательного эпиграфических материалов, новых папирологических находок и ранее неизвестных науке крито-микенских текстов XIV-XII вв. до н. э.

Работа состоит из вступления и пяти разделов. В первом рассматривается история пиндаровского текста с древних времен до наших дней и определяется степень его достоверности. Во втором разделе анализируются надписи ряда областей Древней Греции с целью выявления в них общих с Пиндаром языковых элементов. Третий раздел посвящен анализу поэтической лексики поэта, четвертый – выборочному лексическому материалу. Пятый раздел отведен проблеме диалектно-территориальной базы языка хоровой лирики, изучению мнений многочисленных исследователей, отстаиванию точки зрения и доказательствам автора.

---

[1] См.: Н. С. Гринбаум. Язык Пиндара (фонетико-грамматический анализ и проблема диалектно-территориальной базы. Докт. дис. Т. I–III. М., 1969. 1220 с. Его же: Язык древнегреческой хоровой лирики (Пиндар). Кишинев, 1973; Художественный мир античной поэзии. Творческий поиск Пиндара. К 2500-летию со дня рождения поэта. М., 1990.

Вступление

Творчество Пиндара представляет собой яркое явление в истории греческой литературы. Уроженец Беотии, одной из наиболее отсталых областей Греции того времени, Пиндар благодаря силе своего таланта вырос до общепризнанного классика торжественной хоровой лирики. В его песнях, исполнявшихся в честь победителей олимпийских, пифийских, истмийских и немейских состязаний, на всю Грецию прозвучала хвала человеческой силе, ловкости и красоте. И хотя Пиндар выступил как защитник гибнущего мира аристократии, добродетели, им воспетые, стали дорогими не только сердцу греческого народа, но со временем, получили признание всего человечества.

* * *

К числу проблем, связанных с жизнью и творчеством Пиндара, не решенных до сих пор в научной литературе, относится и вопрос о пиндаровском языке.

Высказывания древних и позднейших грамматиков позволяют сделать выводы, что уже в античности не было ясности в отношении оценки языка Пиндара. Поскольку он не совпадал ни с одним живым, известным грамматикам, греческим диалектом, отдельно взятым и не содержал в себе явно эпических черт.

Дискуссия вокруг вопроса о характере языка Пиндара разгорелась в начале XIX века, когда стала складываться современная классическая филология. Одни ученые считают, что в основе пиндаровского языка лежит эпический диалект, т. е. язык Гомера (Германн[2], Бек[3], Петер[4], Линд[5]). Другие утверждают, что Пиндар пользуется, прежде всего, дорийским диалектом (Аренс[6], Тумб[7], Гофман[8]). Третьи убеждены, что базой языка Пиндара является его родной диалект – беотийский или язык

---

[2] G. Hermannus. Opuscula. V. I, Lipsiae, 1827, p.217.
[3] A. Boeckhius. Pindari opera. Lipsiae, V. I, 2, 1811, p. 289.
[4] G.A. Peter. De dialecto Pindari, Halis Saxonum, 1866, p. 4.
[5] J. Lind. De dialecto Pindarica. Lundae, 1893, p. 1–2.
[6] H. L. Ahrens. De Graecae linguae dialectis. V. II. Gottingae, 1843, p. 410.
[7] A. Thumb. Handbuch der griechischen dialekte. Bd.I, 2. Heidelberg, 1932, S. 217.
[8] O. Hoffmann, A. Debrunner. Geschichte der griechischen Sprache. Bd. I, Berlin, 1953, S. 105.

города Фив (Фюрер[9]). Четвертая группа ученых полагает, что пиндаровский язык и не ионийский и не дорийский (Царнке[10], Бак[11]). И наконец, еще одна группа склонна видеть в языке поэта некую литературную койне (У. Виламовил-Меллендорф[12], Синко[13]). Однако, несмотря на имеющиеся различия, большинство исследователей согласно с тем, что язык Пиндара неоднороден, что в той или иной степени в нем имеются элементы трех основных греческих диалектов: ионийского (эпического), дорийского и эолийского. Согласны исследователи и в том, что Пиндар пользуется лишь главными чертами этих диалектов и старательно избегает местных особенностей. Общим является также мнение, что обращение к Гомеру, выбор Пиндаром той или иной диалектной формы определяется литературной традицией, с одной стороны, и художественным вкусом поэта, с другой. И, наконец, большинство ученых считает язык Пиндара искусственным образованием, а не живым диалектом современных поэту греческих племен.

Возникает вопрос, можно ли соглашаться с высказанными выше положениями. Бесспорно, что язык Пиндара неоднороден и состоит из различных диалектных элементов. Привлекает однако внимание, что до сих пор не удалось доказать, какой из диалектов лежит в его основе. Бесспорно, что ряд элементов гомеровского языка встречается и у Пиндара. Однако отсюда еще не следует, что базой пиндаровского языка является гомеровский. Неубедительным представляется и положение о том, что отсутствие местных особенностей в языке Пиндара следует объяснять блестящим умением поэта отбирать наиболее общие диалектные черты разных диалектов и отбрасывать мене характерные. Возникает вопрос, уместно ли приписывать поэту V века до н. э. Сознательное стремление к отбору наиболее

---

[9] A.Führer. Der böotische Dialekt Pindars. Philologus, V. 44, 1885, S. 49-60.

[10] E. Zarneke. Die Entstehung der griechischen Literatursprachen. Leipzig, 1890, S. 8.

[11] C. D. Buck. Introduction to the study of the Greek Dialects. Boston, 1910. p. 13.

[12] U. v. Wilamowitz-Moellendorff. Pindaros. Berlin. 1922. S. 98-101.

[13] T. Sinko. Literatura grecka. T. I, 1, Krakow. 1931, str. 343.

общих диалектных черт. Не следует ли искать здесь объективные, а не субъективные причины этого явления.

Некоторые ученые (Виламовиц) видят в пиндаровском языке материковую койне. Гипотеза, сама по себе, весьма интересная, но она не подкреплена им конкретными доказательствами ни в пространстве, ни во времени.

Таким образом, перед исследователем возникает ряд задач. Выяснить соотношение пиндаровского языка с языком остальных хоровых лириков. Определить диалектно-территориальную основу самого языка и с этой целью обратиться к не учтенному и не учитываемому учеными эпиграфическому материалу. Имеется при этом в виду языковые следы в надписях ряда областей Греции. Этой работе может оказать большую помощь и привлечение дешифрованных в 1953 году М. Вентрисом крито-микенских текстов – на греческом языке, на 500-600 лет старше гомеровских поэм. Следует, наконец, не ограничиваясь фонетическим, как это зачастую практиковалось до сих пор, проанализировать морфологические и лексические особенности пиндаровского языка с целью определения его места в истории греческого поэтического и – шире – литературного языка.

I. История Текста

а) Эллинистическая (с III в. до н. э.) и средневековая (с XII в. н. э.) традиции (опыт сличения).

Вплоть до конца XIX столетия единственным источником тестовой традиции Пиндара были средневековые рукописи. Изучение в начале XX века папирусного материала, который на более тысячи лет древнее рукописного, позволило впервые поставить вопрос о достоверности византийской традиции. Благодаря папирусным данным многое удалось уточнить или исправить. Однако все еще остается нерешенной задача широкого сопоставления эллинистического и средневекового рукописного предания, определения схождений и расхождений языковых норм, имеющихся в одном и другом источнике. А между тем значительно увеличившийся и постоянно растущий объем исследованного папирусного материала[14] дает возможность в

[14] Ср. The Oxyrhynchus Papyri. Part XXVI, by E. Lobel. London, 1961 (сокр. P. Oxy)

настоящее время наряду с изучением степени сохранности античного текста и выявлением лучших рукописей попытаться выявить языковые особенности отдельных видов произведений Пиндара.

Сличение совпадающих в папирусах и средневековых рукописях фрагментов пиндаровских эпиникиев дает возможность сделать некоторые наблюдения. Рукописная средневековая традиция сохранила в основном с большой точностью текст эпиникиев, представленный в папирусных отрывках[15]. Выявлены вместе с теми определенные расхождения между обеими традициями. Характер этих расхождений неодинаков. В ряде случаев папирусные чтения явно ошибочны, в то время как рукописные варианты правильны. Случается и обратное.

За исключением вышерассмотренных небольших отрывков, поэтический текст Пиндара, сохранившийся в папирусах, не совпадает со средневековыми рукописями. В рукописном предании до нас дошли в основном эпиникии, папирусы же содержат фрагменты прочих произведений поэта. Поэтому сличение традиций пиндаровского текста преследует две цели: во-первых, определить степень достоверности рукописного предания эпиникиев в целом, во-вторых, выяснить степень близости их языка к языку остальных произведений.

Рассматриваются некоторые общие дублеты, т.е. имеющиеся в папирусах и средневековых рукописях; рукописные дублеты, один элемент которых встречается в папирусном предании; папирусные дублеты, один элемент которых засвидетельствован в рукописной традиции; другие явления, совпадающие и несовпадающие в обоих преданиях.

Рукописное средневековое предание эпиникиев с большой степенью точности воспроизводит общий характер и основные языковые особенности поэтического текста, дошедшего до нас в папирусах, и, главным образом, текста пеанов.

Определенный круг явлений, встречающихся в средневековых рукописях, не найден тем не менее в папирусах, и наоборот.

Сличение средневековой традиции с эллинистической привело к выявлению некоторых языковых различий в тексте эпи-

[15] A. Turyn. De codicibus Pindaricis. Cracoviae, 1932, p. 69–70.

никиев, с одной стороны, и остальных произведений, с другой. Заслуживает, в частности, внимания отдельные фонетико-морфологические[16].

Встречаются только в средневековых рукописях:

а) род. п. ед. ч. на – αο, дат. п. мн.ч. на -εσσι от существительных φρήν, ἀνήρ, χεὶρ;

б) третье лицо мн. ч. глаголов на -οισι;

в) местоимения: ἄμμε, ὔμμε, ἁμός, ὑμος;

г) формы: υἱέες, ποδειδάων и др.

В свою очередь, только в папирусах употребляются:

а) род. п. ед. ч.: λατόος;

б) вин. п. ед. ч.: πολέα, νᾶα, ἀχιλλῆα;

в) дат. п. мн. ч.: γυνεῦσιν (τοκεῦσιν);

г) формы: ἰαπός, πτόλις, μέζον, παιήων;

Сопоставление перечисленных различий показывает, во-первых, что папирусный материал в фонетико-морфологическом отношении мало отличается от рукописного и лишь в незначительной степени обогатил наши данные о морфологической структуре пиндаровского языка. Во-вторых, сопоставление показывает, что рукописный средневековый материал содержит и определенные чуждые папирусу явления.

Очевидно, эпиникии несколько отличались в языковом плане от других произведений Пиндара. Не исключено в частности, что одна из особенностей их языка заключалась в более широком использовании в них автором эолийских элементов.

б) Печатные издания пиндаровского текста

На смену почти двухтысячелетней рукописной традиции текста Пиндара приходит в начале XVI века печатная. В течение почти 500 лет произведения поэта издаются и переиздаются учеными многих стран. Попытаюсь проследить процесс восхождения от первых скромных изданий эпиникиев начала XVI века до последних первоклассных научных изданий всего творчества Пиндара в середине XX столетия, выделяя из громадного числа издателей тех, которые внесли в этот процесс наиболее значительный вклад.

---

[16] Ср. J. Irigoin Histoire du texte de Pindare. Paris. 1952.

Первое печатное издание Пиндара (editio princes) было подготовлено Альдом Мануцием и вышло в свет в г. Венеции в 1513 году[17]. Оно охватывало наряду с произведениями других авторов четыре книги эпиникиев Пиндара без схолий и критического аппарата с краткой биографией поэта. Однако базой позднейших изданий послужило не венецианское, а римское издание 1515 года, подготовленное Захарией Каллерги и содержавшее, кроме текста эпиникиев, метрические схолии, старые текстовые схолии ко всем одам и новые (триклинианские) к олимпийским[18].

Новым шагом вперед по сравнению с editio princes явилось издание 1616 года[19]. Э. Шмид выявил и исправил в тексте победных песен большое количество разнообразных ошибок, использовал при подготовке издания дополнительные рукописи, снабдил оды метрическими схемами и подробным комментарием, дополнил эпиникии фрагментами.

В 1798–99 годах вышло в свет второе издание произведений Пиндара, подготовленное Х. Гейне[20]. Оно состояло из трех томов: один с критическим аппаратом и примечаниями (т.I), латинский перевод и схолии (т. II), фрагменты и словарь (т.III). Гейне исправил явно ошибочные чтения, восстановил некоторые особенности пиндаровского языка, поместил в III-м томе комментарий Г. Германна, посвященный метрике пиндаровских од[21]. Труд Х. Гейне, превосходящий как по объему собранного материала, так и по своей научной ценности прочие издания, сконцентрировал в себе успехи филологической мысли и издательского дела за период с XVI по XVIII век.

---

[17] Pindari Olympia, Pythia, Nemea, Isthmia. Callimachi hymni qui inveniuntur. Dionysii de situ orbis. Lycophronis Alexandra, obscurum poeme. Aldus Manutius: Venice, 1513.

[18] Pindari Olympia, Pythia, Nemea, Isthmia…Impressi Romae par Zachariam Callergi Cretensem [Romae, 1515].

[19] Pindari periodos…Olympionikai, Pythionikai, Nemeonikai, isthmionikai…erasmi schmidii Delitiani [Vitebergae], 1616.

[20] Pindari Carmina et fragmenta. V. I–III, ed. Ch. G Heyne. Gottingae, 1798–1799.

[21] Там же. V. III, p. 179–351.

Начало XIX века знаменуется выходом в свет двухтомного издания произведений Пиндара, подготовленного А. Беком[22]. Считая основным недостатком своих предшественников недостаточное внимание к показаниям рукописей, он привлекает много новых 937 из ста учтенных к тому времени). Различия между рукописями приводит его к выводу о первоначальном существовании нескольких рецензий пиндаровского текста. Бек отвергает александрийское деление текста на строфы и колоны, предлагая принять стих за основную метрическую единицу[23].

Среди прочих заслуживает внимания издание од Пиндара Т. Моммзеном[24]. Разыскивая в течение ряда лет рукописи Пиндара, он добился выдающихся успехов: в 1847 году в Риме натолкнулся на знаменитую рукопись B, в 1860 году – на паринскую C и лейденскую O и, наконец, в 1861 открыл один из лучших – кодекс A. Моммзену принадлежит заслуга первой классификации пиндаровских рукописей (им учтено их 154). Моммзен различает четыре группы кодексов: старые (vetusti), фоманские, мосхопуловы и триклинианские, и обозначает их соответственными заглавными латинскими, заглавными греческими, прописными латинскими и прописными греческими буквами.

В конце столетия появляется второе издание наследия Пиндара, подготовленное В. Христом[25]. Текст эпиникиев и фрагментов (их число составляет уже 328) сопровождается критическим аппаратом и комментарием; за его основу приняты четыре лучших рукописи: A B C D. И. Румпель издает в 1883 году словарь к Пиндару[26]. он охватывает основную лексику пиндаровских од и фрагментов. Слова приводятся в контексте, учитываются разночтения кодексов.

Накопление нового фактического материала в связи с дальнейшим изучением рукописей, опубликование папирусных от-

---

[22] Pindari Opera quae supersunt. Textum restituit…Augustus Boeckius. V. I–II, Lipsiae 1811–1821

[23] Там же. V. I. P. II, p. 308–332.

[24] Pindari Carmina ad fidem optimorum codicum recensuit…C. J. Tycho Mommsen. Berolini, 1864.

[25] Pindari Carmina prolegomenis et commentaries instructa. Ed. W. Christ, Lipsiae. 1896.

[26] J. Rumpel. Lexicon Pindaricum. Lipsiae. 1883.

рывков, переиздание схолий вызывают появление в XX столетии изданий Пиндара, оставивших по своему научному уровню далеко позади аналогичные труды предыдущего времени.

В 1900 году вышло в свет расширенное издание Пиндара (edition maior) под редакцией О. Шредера[27]. Издатель вновь сличил (после Т. Моммзена) лучшие кодексы (A B C D и другие), приложил много усилий для их систематизации (количество известных рукописей возросло уже до 186). Шредер признает существование двух рукописных традиций Пиндара: амброзианской (кодексы ACMNOV) и ватиканской (B S G E D J P Q U), восходящих к общему источнику-архетипу II в н. э. Составленный им критический аппарат к одам отличается аккуратностью и полнотой. Большую ценность представляют грамматические заметки. Старые схолии издаются А. Драхманном в трех томах[28]. Первый том содержит схолии к олимпийским одам (A B C D E F G), второй – к пифийским (B D E G Q), третий – к немейским и истмийским. Почти одновременно А. Пюэш издает Пиндара в Париже[29]. Его четырехтомник составлен таким образом, что каждой книге од отводится особый том, содержащий греческий текст и его параллельный французский перевод с небольшим комментарием. Текст базируется на 14 рукописях: кроме A B C D учитывается чтения E G I M N O. Рукописям Пиндара и их классификации посвящена работа А. Турына[30]. Автор выделяет две рецензии: амброзианская представлена рукописью Ф, ватиканская содержит ватикано-лавренцианский (B E) и геттингенский (G H) классы. Турын доказал, что кодекс K является копией F. Копиями других рукописей он считает также I, частично O R M[31].

---

[27] Pindari Carmina recensuit O. Schroeder. Lipsiae, 1900 (edd. min.: 1908, 1914, 1930).

[28] scholia vetera in Pindari Carmina, recensuit A. B. Drachmann. V. I–III. Lipsiae, 1903, 1910, 1927.

[29] Pindare, par A. Puech, T. I–IV. Paris, 1923 (см. также издание 1949–1952 гг.)

[30] A. Turyn. De codicibus Pindaricis. Cracoviae 1932.

[31] См. “Gnomon”, V. 9, 1933, p. 166–168.

В 1935 году К. Боура публикует сове издание Пиндара[32]. В предисловии (p. III–X) он подвергает критике шредеровскую классификационную схему, а также новую оценку рукописей, данную Турыном. В частности, он считает не вполне удачным деление старых рукописей на две группы (ватиканскую и амброзианскую), называет неавторитетными кодексы N O (вопреки Шредеру) и подчеркивает ценность рукописи C (вопреки Турыну). Боура базирует свой текст эпиникиев на семи старых кодексах A B C D E G V – основных по его мнению. В издании включены новые отрывки папирусов (P. Oxy. 2092 и P. Berol. 13411).

Истории пиндаровского текста посвящено исследование Ж. Иригуэна[33]. Автор подробно изучил и сопоставил известные науке рукописи (их число достигло 200), определил их отношение к древней традиции, установил взаимные связи и зависимость одних от других. Выяснилось, в частности, что к ватиканскому архетипу восходят две рецензии: полная и сокращенная, каждая из которых развивалась самостоятельно. Ж. Иригуэн является также автором книги о метрических схолиях Пиндара[34].

Новый период в издании произведений Пиндара открывает Бруно Снелль. Под его редакцией выходят в свет несколько изданий[35], а после его смерти очередные издания выпускает в свет Г. Мейлер[36]. третье и последующие издания Бр. Снелля состоят из двух частей: собственно эпиникиев и фрагментов. Свой текст он базирует на 14 лучших кодексах. Пользуется критическим аппаратом Т. Моммзена О. Шредера и А. Турына. По количеству (359) и объему привлекаемых фрагментов издание Снелля превосходит все предыдущие. Впервые в него включены более крупные отрывки опубликованных Э. Любелем в XXVI томе оксиринкских папирусов[37]. Критический аппарат составлен

---

[32] Pindari Carmina cum fragmentis recognovit…C. M. Bowra. Oxonii, 1935.
[33] J. Irigoin. Histoire du texte de Pindare. Paris. 1952.
[34] J. Irigoin. Les scholies métriques de Pindare. Paris. 1958.
[35] Pindari Carmina cum fragmentis. Ed. B. Snell. Lipsiae. 1953, 1955, 1959–1964.
[36] Pindari Carmina cum fragmentis. Pars II. Ed. H. Maehler. Lipsiae. 1975, 1989.
[37] The Oxyrhynchus Papyri. Part XXVI, by E. Lobel. London, 1961

с большой тщательнорстью. Перечень метрических размеров (р. 191-215) и список источников даны автором в конце второй части его труда.

Заметным вкладом в изучение Пиндара следует признать и словарь, изданный В. Слейтером[38]. Он призван заменить устарелый словарь Румпеля 1883 года. Базируясь на изданиях Снелля, Слейтер охватил весь лексический состав пиндаровских произведений, включая собственные имена. Каждое слово сопровождается английским переводом и приводится в контексте. Охвачен весь папирусный материал. По своей полноте (563 стр.) словарь Слейтера превосходит все, что было создано до него и представляет неоценимый инструмент в работе над Пиндаром.

* * *

Обзор печатных изданий Пиндара показывает, какого большого успеха добились издатели за период с XVI по XX век. Значительно увеличился объем пиндаровского текста (папирусные отрывки составляют сейчас 1/3 его часть). Резко возросло количество изученных рукописей Пиндара: от нескольких в XVI веке до двухсот в настоящее время. Благодаря работам А. Бека. Т. Моммзена, О. Шредера, А. Турына, И. Иригуэна, Бр. Снелля рукописная традиция была подвергнута тщательному изучению. Были исследованы отдельные рукописи, сличены их тексты. Созданы классификационные схемы. Опубликование папирусных фрагментов дало возможность убедиться в достоверности средневековой традиции. Был создан и усовершенствован критический аппарат. Изданы схолии, изучена метрическая система од. На базе папирусов и лучших кодексов с учетом схолий и метрических данных текст произведений Пинадара был в основном восстановлен. У нас есть основание в настоящее время полагать, что перед нами текст поэта максимально приближенный к авторскому оригиналу. Появилась реальная возможность для всестороннего лингво-диалектного анализа его наследия.

---

[38] Lexicon to Pindar. Ed. By W. J. Slater. Berlin. 1969.

II. Язык Пиндара и эпиграфический материал Древней Греции

Вопреки утверждениям о том, что язык Пиндара создан искусственно самим поэтом и не связан с греческой реальностью, я решил обратиться ко второму наряду с литературой письменному источнику – древнегреческим надписям и попытаться найти объективные следы существования языковой среды, напоминающей пиндаровскую.

Сличение обоих источников проводилось мною по областям. Были охвачены, в частности, четыре области греческого материка: Фессалия, Аттика, Аркадия и Арголида. В их надписях удалось выделить значительное число общих с Пиндаром языковых элементов.

В Фессалии[39] обращают на себя внимание с фонетической точки зрения прежде всего такие слова, как: ττολίαπχοι (IG IX, 2, 1233; ср. Pi. O. 8. 35, πτολι-[40]); ἱερός (IG IX, 2, 1229; ср. Pi. O. 3. 30) и ἕτερος (IG IX, 2, 1109; ср. Pi. P. 4. 248); μουσικα (IG IX, 2, 913; ср. Pi. O. 1. 15); Φερσεφόνα (IG IX, 2, 429, ср. Pi. O. 14. 21); ряд дублетов: γᾶ – γαῖα (IG IX, 2, 270, ср. Pi. P. 11. 10, IG IX, 2, 641, ср. Pi. N. 10. 8); κόρα – κοίρα (IG IX, 2, 638, ср. Pi. N. 7. 96; IG IX, 2, 638, ср. Pi. P. 9. 106); μόνος-μοῦνος (IG IX, 2, 521.15; ср. Pi. O. 9. 72; IG IX, 2, 641; ср. Pi. J. 5. 12); καρτερός – κρατερός (IG IX, 2, 1191, ср. Pi. O. 13. 84; IG IX, 2, 1228, ср. Pi. P. 4. 71); τέταρτος – τέτρατος (IG IX, 2, 544. 8, ср. Pi. O. 1. 60; IG IX, 2, 315, ср. Pi. P. 4. 47).

Среди общих морфологических особенностей выделяются: род. п. ед. ч. α-основ на: α, αο (IG IX, 2, 505, ср. Pi. P. 4. 263; IG IX, 2, 511. 11, ср. Pi. P. 4. 12); ο-снов на: -ου, -οιο (IG IX, 2, 512.26, ср. Pi. Pae. 9. 16; IG IX, 2, 511. 5, ср. Pi. Pae. 13a. 4); вин. п. мн. ч. на: -ους, -ος (IG IX, 2, 1135, ср. Pi. O. 1. 60; IG IX, 2, 517. 11, ср. Pi. O. 1. 53, codd.); дат. п. мн. ч. согласных основ на:

---

[39] Ссылки на фессалийские надписи даются по: Inscriptiones Graecae. V. IX, 2. Berolum, 1908 (=IG IX, 2); E. Scwyzer. Dialectorum Graecorum exempla epigraphica potiora. Lipsiae, 1923 (далее – Scwyzer).

[40] Pindari Carmina cum fragmentis. P. I-II, Ed. Br. Snell. Lipsiae. 1959-1964 (далее – Pi.). Сокращения: O. (олимпийские оды), P. (пифийские), N (немейские), J. (истмийские), Pae. (паэны). Последнее издание, подготовленное Г. Мейлером, вышло в 1989-1997 гг.

-σι, -εσσι (IG IX, 2, 257, ср. Pi. N. 19. 30; IG IX, 2, 513.6, ср. Pi. P. 8. 82); род. п. Διός – Ζηνός (IG IX, 2, 528. 3, ср. Pi. O. 2. 88; IG IX, 2, 528, ср. Pi. N. 11. 2); инфинитивы на: ειν (IG IX, 2, 234. 4, ср. Pi. O. 6. 66; -εμεν (IG IX, 2, 517.14, ср. Pi. P. 4. 166); -μεν (IG IX, 2, 458. 9, ср. Pi. O. 3. 38); окончания 3 л. мн. ч. -(ο)ντι (IG IX, 2, 461. 26, ср. Pi. P. 7. 13); местоименные формы: σύ – τύ (IG IX, 2, 1135.3, ср. Pi. N. 7. 98; IG IX, 2, 637, ср. Pi. P. 2. 57); νιν (IG IX, 2, 294, ср. Pi. O.1. 64); ἄμμε (IG IX, 2, 517.13, ср. Pi. N. 6); σός-τεός (IG IX, 2, 249. 7, ср. Pi. Pae. 6. 133; IG IX, 2, 265, ср. Pi. O. 9. 112); числительные: δοιοί (IG IX, 2, 970, ср. Pi. N. 1. 44); τεσσαπες (IG IX, 2, 276.8, ср. Pi. N. 3. 74); πέντε (IG IX, 2, 261.6, ср. Pi. P. 7.13); εἴκοσι (IG IX, 2, 367.5, ср. Pi. N. 6. 58); δισσός (IG IX, 2, 660.2, ср. Pi. N. 1. 44); τρισσός (IG IX, 2, 656.6, ср. Pi. P. 8. 80); частицы: ἄν (IG IX, 2, 517.37, ср. Pi. Parth. 1. 11); κε (IG IX, 2, 515.12, ср. Pi. J. 8. 45).

Можно указать на ряд редких композитов (нарицательных у Пиндара, собственных имен в надписях: δικαιόπολις (Pi. P. 8. 22; IG IX, 2, 94); ὀρθόπολις (Pi. O. 2. 7; ср. IG IX, 2, 1040. 6. 12); κπατήσιππος (Pi. N. 9. 4; ср. IG IX, 2, 532.22); λυσίπονος (Pi. P. 4. 41; ср. IG IX, 2, 703). Некоторые общие композиты нигде, кроме Фессалии, обнаружить не удалось: λεοντοσάμας (Pi. Fr. 74; ср. IG IX, 2, 558. 7); τηλέφαντος (Pi. Fr. 5. 2.; ср. CGC, Thessaly, 43. 6); ἀριστογόνος (Pi. P. 11. 3; ср. IG IX, 2, 1282. 126). Заслуживают также внимание слова: ταραγα (Pi. O. 7. 30; ср. IG IX, 2, 1230. 2); ἀστός (Pi. P. 3. 71; ср. IG IX, 2, 1226); ἄνπαλος (Pi. O. 7. 61; ср. IG IX, 2, 205. 15) и женский род существительного κίων (Pi. P. 1. 19; ср. IG IX, 2, 258. 12).

Рассматривая расположение общих Пиндару и надписям Фессалии языковых явлений, выясняем, что они сосредоточены главным образом в ее северо-восточной части: Пеласгиотиде (Ларисса, Краннон, Феры), Ахае Фтиотидской (Фарсал, Фивы), Перребии (Фаланна, Питий, Азорос) и Магнесии. Наибольшее число общих языковых элементов обнаружено в надписях центра Пеласгиотиды – города Лариссы. В этом плане выделяются надписи: IG IX, 2, 517 (III век до н.э.), содержащая письмо жителей города Филиппу Македонскому; IG IX, 2, 461 (II век до

н.э.) из г. Краннона, представляющая собой декрет в честь Леона из Матрополя[41].

В надписях **Аттики**[42] привлекают внимание с фонетической точки зрения такие слова, как: ἀνορέα (IG I^2, 1021.2, ср. Pi. O. 8. 67); μαστός (IG III, 238 6. 10, ср. Pi. P. 4. 8); εὐθύς (IG , I^2, 57. 54, ср. Pi. O. 6. 103); ἀκειρεκόμας (IG III, 171; III, 8; ср. Pi. P. 3. 14); Φερσεφόνα (IG II^2, 1774; ср. Pi. P. 12. 2), встречающиеся в основном в надгробиях и посвящениях. В морфологическом плане представляют интерес: форма двойственного числа: χε(ι)ροῖν (IG II^2, 1498.76; ср. Pi. O. 13. 95), дат. п. мн. ч. о-основ на – οισι (IG I^2, 6.77; ср. Pi. Fr. 42. 5); местоимение σφεῖς (IG I^2, 39.67; ср. Pi. Pae. 8.11), дат. п. мн. ч. φρασίν (IG I^2, 971; ср. Pi. P. Oxy. 1792. fr. 11). Однако наиболее многочисленными оказались у Пиндара и в аттических надписях лексические совпадения: мною обнаружено свыше 300 общих слов поэтического обихода (т.е. отсутствующих в прозе); около половины из них (43%) не представлены в гомеровских поэмах. Эта лексика оказалась сконцентрированной главным образом в двух группах надписей. В первую входят надписи, связанные с Элевсином (IG I^2, 7,76, 313; II^2, 1672) и афинским храмом Эрехтея (IG I^2, 372, 373, 374). Вторую группу составляют надписи, определяющие союзнические отношения Афин с другими городами (IG I^2, 10, 39, 57, 86). В надписях Элевсина мною обнаружены такие слова, как: ὀρόγυ(ι)α (IG II^2, 1693; ср. Pi. P. 4. 228); ἡγητηρ (IG III, 70.1; ср. Pi. P. 1. 69); ὅλος (IG II^2, 1666.17; ср. Pi. O. 3. 19); σμικρός (IG I^2, 313.111; ср. Pi. P. 3. 107). Формула ἑστία πατρῶα (IG II, 628.22) встречается в литературе кроме Пиндара (Pi. 11. 13/14) только у Еврипида (E. Hec. 22). У Гомера засвидетельствована: ἱστία (Od. 14. 159) и πατρῴος (IL. 2. 46). Элевсинские надписи сохранили также ряд общих с Пиндаром редких композитов: *παλιναίρε-τος[43] (IG I^2, 313.131; ср. Pi. Fr. 84), *χρυσόκερως (IG I^2, 76.37; ср. Pi. O. 3. 29).

---

[41] См. более подробно об этом. Н.С. Гринбаум. Язык Пиндара и надписи Фессалии в сб. «Классическая филология», Л. 1959. с. 93–102.

[42] Аттические надписи цитируются главным образом по: Inscriptiones Graecae, I^2, F. Hiller von Gaertringer, Berolini, 1924; II–III^2, ed J. Kirchner, Berolini, 1913–935 (далее – IG I^2 , II^2).

[43] Слова, обозначенные звездочкой, отсутствуют у Гомера.

В списках должностных лиц, выходцев из двух афинских фил – Эрехтеиды и Гиппотонтиды (в состав последней входил Элевсин) – многие имена совпадают со сложными нарицательными пиндаровскими прилагательными, крайне редко или совсем не встречающимися у греческих авторов (ни одного из них нет Гомера): Ἀδείμαντος (IG I^2, 325.28 [Гипп.];ср. Pi. N. 10.17), Ευαίνετος (IG I^2, 373.193 [Гипп., Эрех.]; ср. Pi. P. 4. 177), Εὐθύμαχος (IG I^2, 929.64 [Эрех.]; ср. Pi. O. 7. 15), Θεόφρων (IG II^2, 439.7 [Эрех.]; ср. Pi. O. 6. 41), Ἀρχέπολις (IG I^2, 929.143 [Эрех.]; ср. Pi. P. 9. 54), Δικαιόπολις (IG II, 803 e.126 [Эрех.]; ср. Pi. P. 8. 22).

Одной из особенностей пиндаровской лексики является отсутствие в ней глагола ποιέω. Для обозначения понятия «делать» Пиндар пользуется глаголами πράσσω (Pi. P. 4. 243) и ἐργάζομαι (Pi. N. 5. 1). Показательно, что глагол ἐργάζομαι засвидетельствован в ранних аттических надписях лишь в нескольких случаях: в элевсинской надписи (IG I^2, 313) и надписях из Эрехтейона (IG I^2, 372–4); в последних встречается и существительное ἐργάσία (IG I^2 , 6.30; ср. Pi. O. 8. 42). Глагол πράσσω представлен в Аттике впервые в ранней элевсинской надписи (IG I^2, 6), встречается несколько раз в афинских декретах (IG I^2, 7.11; 40.22; 116.16 (-ττ-)).

В эпиграфическом материале **Аркадии**[44] обращают на себя внимание в фонетическом плане такие общие с Пиндаром слова, как: ἄεθλος (IG V, 2, 183; ср. Pi. O. 9. 108); ἀέλιος-ἄλιος (IG V, 2, 4.12; ср. Pi. J. 5.1, 5.2.82; ср. Pae. 6.149); ἑστία (IG V, 2, 432.45; ср. Pi. Parth. 2.106); ἕτερος (IG V, 2, 357.4; ср. Pi. N. 6.25); ὄνυμα (IG V, 2, 41.11; ср. Pi. Dith. 1.6); γίνομαι (IG V, 2, 6.10; ср. Pi. N. 7.31); ἐκρινναν (IG V, 2, 343; ср. φαεννόν Pi. O. 7.67); αὖθις - αυτις (IG V, 2, 343.10; ср. Pi. N. 3.56, codd.; IG V, 2, 343.50; ср. Pi. N. 4.70). Особый интерес представляют: θεθμος (IG V, 2, 159; ср. Pi. O. 6.69: τ-); Φερσεφόνα (SEG XI, 1139.4; ср. Pi.O. 14.21); κοινάν (IG V, 2, 6.22; ср. Pi. P. 3.28).

В морфологическом аспекте заслуживают упоминания: род. п. ед. ч. α-основ на: -αυ, -αο (IG V, 2, 3.16; ср. Pi. P. 4.171); вин.

[44] Надписи Аркадии цитируются по: Inscriptiones graecae, V, 2, Berolini, 1913 (далее – IG V, 2); Supplementum Epigraphicum Gracum, ed. J. J. Hondius, Leyden, 1923 (далее – SEG).

п. мн. ч. на -ους, -ος (IG V, 2, 20.18; ср. Pi. O. 6.26; IG V, 2, 343; ср. Pi. N. 3.24, codd..); им. п. мн. ч. ι-основ на -ιες (IG V, 2, 357.17; ср. Pi.O. 8.2); двойственное число (IG V, 2, 357.95; ср. Pi. O. 13.95); дат. п. мн. ч. на -εσσι, -σι (IG V, 2, 357.37; ср. Pi. P. 5.64; IG V, 2, 3; ср. Pi. O. 6.10); вин. п. мн. ч. на -ισ, -ιασ (IG V, 2, 357.21; ср. Pi. O. 1.286; IG V, 2, 357.19; ср. Pi. P. 9.19); формы собственных имен: ʼΑρτέμιδι (IG V, 2, 84.5; ср. Pi.P. 2.7); ʼΑρτεμιν (IG V, 2, 81.50; ср. Pi. Pae. 4.1.); Ποσειδᾶνος (IG V, 2, 95; ср. Pi. P. 4.138); Ποσειδᾶνι (IG V, 2, 97.3; ср. Pi.O. 6.58, – α); местоимения: ἀμμε (IG V, 2, 25.71; ср. Pi.N. 6.66), σφιν (SEG 11, 1084.12, ср. Pi.O. 8.83); глагольные окончания 3 л. ед. ч.: -τι (IG V, 2, 345.6; ср. Pi.J. 2.9), -ντι (IG V, 2, 159; ср. Pi.O.1. 29); инфинитивы на: -εν (IG V, 2, 3.5; ср. Pi.P. 4.115), -μεν (IG V, 2, 357.177; ср. Pi.O. 6.63), -ναι (IG V, 2, 16.9; ср. Pi.Pae. 78.47), –σαι (IG V, 2, 6; ср. Pi.N. 5.26); аористы на: -σα (IG V, 2, 262.18; ср. Pi.N. 3.26), -σσα (IG V, 2, 262; ср. Pi.P. 8.80), -ξα (IG V, 2, 261.14; ср. Pi.O. 8.59).

Общим для аркадийских надписей и Пиндара является и значительный слой поэтической лексики: ἀπύω (IG V, 2, 6.3; ср. Pi.O. 5.19), ἕρπω (IG V, 2, 514.2; ср. Pi.O. 7.52), λεύσσω (IG V, 2, 16.9; ср. Pi.P. 4.145), αἴσα (IG V, 2, 40.43; ср. Pi.O. 9.42), *φρασά (IG V, 2, 261.15; ср. Pi.O. 12.9), *ῥῆσις (IG V, 2, 343.19; ср. Pi.A. 7.55), *ἔνδικος (ἰν-, IG V, 2, 6.33; ср. Pi.P. 5.103), τέσσαρες (IG V, 2, 274.6; ср. Pi.N. 3.74), δυώδεκα (IG V, 2, 3.8; ср. Pi.N. 4.28). Следует также отметить одинаковые имена и эпитеты богов:ʼΑθάνα ʽΙππία (IG V, 2, 85.11; ср. Pi.O. 13.82), ʼΑθαναία (IG V, 2, 280; ср. Pi.N. 10.84),ʼΑθάνα Πολιάς (IG V, 2, 110.45; ср. Pi.Pae. 6.89), ʽΕστία (IG V, 2, 46.10; ср. Pi.N. 11.1), ʼΗρα Παρθεκία (IG V, 2, 74.34; ср. Pi.O. 6.88).

Наибольшее количество общих языковых элементов мною обнаружено в таких центрах Аркадии, как Тегея, Мантинея, Орхомен, Стимфал, Мегалополь. Однако и в названных городах лишь определенная группа надписей содержит языковые черты, характерные для Пиндара[45].

---

[45] См. подробнее об этом: Н.С. Гринбаум и надписи Аркадии, «Питання класичноі філологіі», № 10, Львов, 1972, с. 22-27.

Значительное числообщих особенностей удалось мне обнаружить у Пиндара и в надписях **Арголиды**[46]. К фонетическим можно отнести: огласовку α в τάμνω (IG IV, 1, 102.41; ср. Pi.P. 3.68); неслитное αε в ἀεθλον (SEG 11, 328.2; ср. Pi.O. 9.108); дублеты ἕνεκα-ἕνεκεν (IG IV, 1, 27.5, 84.38; ср. Pi.O. 1. 65; Parth. 2. 62); ὅσος-ὅσσος (IG IV, 1, 76.33; 121.17; ср. Pi.Pae. 6.89, 6.87); усеченный префикс в ἐπάμερος (IG IV, 800; ср. Pi.P. 8.95). По линии морфологии заслуживают внимания: двойственное число – ἀμφοῖν (IG IV, 1, 121.78; ср. Pi.J. 5.18); род. п. ед. ч. ο-основ на: -ου, -οιο (Schulze[47], 211, SEG 11.305.2; ср. Peter[48] 34); дат. п. мн. ч. на: -οις, -οισι (SEG 11, 314.5; ср. Peter, 33); окончание им. п. мн. ч. -εες (Thumb[49], 1, 212; ср. Peter,39); дат. п. мн. ч. на: -σι, -εσσι (Schulze, 211-212; Peter, 36-37); местоименные формы: τοι (IG IV, 1, 121.12; ср. Pi..Fr. 140a.62), μιν (IG IV, 1, 121.7; ср. Pi.Pae. 2.73), νιν (IG IV, 1, 121.12; ср. Pi.P. 6.19), σφιν (Schwyzer, 83.28; ср. Pi.N. 6.50), σφε (IG IV, 499; Schulze, 211; ср. Pi.Pae. 6.89); род. п. Ποσειδᾶνος (IG IV, 499; Schulze, 211; ср. Pi.P. 4. 138); 3 л. ед. ч. на -σι (Schulze, 213; ср. Pi.P. 2.10), мн. ч. на -ντι (Schulze, 212; ср. Pi.N. 1.124); инфинитивы на -εν, -ειν, -μεν, -σαι, -ναι (Schulze, 212-213; Schwyzer, 103; ср. Pi.O. 1.3, 6.66, 9.37, Pae, 7 b. 47); перфектный инфинитив на -ειν (Schulze, 213; ср. Pi.O. 6.49); аористы на -σα (SEG 11, 379; ср. Pi.J. 2.46); -σσα (SEG 17, 146.5; ср. Pi.P. 8.80); -ξα (Schulze, 212; ср. Pi.P. 2.44, codd.); глагольные формы: ἐίπας (Schulze, 213; ср. Pi.O. 8.46); ἰᾶσθαι (Schulze, 213; ср. Pi.P. 3.46); ἑμολον (IG IV 952.14; ср. Pi.O. 14.18); ἐγεντο (IG IV 492; ср. Pi.P. 6.28).

Общий лексический слой включает много слов поэтического обихода, в том числе и ряд редко встречающихся: γεννάω (IG IV, 1, 687.14; ср. Pi.P. 5.74); ἐρευνάω (IG IV, 1, 123.19; ср. Pi.N. 3.24); *τηρέω (IG IV, 1, 65.12; ср. Pi.P. 2.88); ἴσχω (IG IV, 1, 122.40; ср. Pi.P. 11.29); πέλω (IG IV, 1, 130.23; ср. Pi.O. 6.100);

---

[46] Надписи Арголиды цитируются по: Inscriptiones Graecae. IV, ed. M. Fraenkel, Berolini, 1902 (далее – IG IV; IG IV, ed. Minor, fasc. I, ed. F. Hiller von Gaertringer, Berolini, 1929 (далее – IG IV, I).

[47] W. Schulze, Dialectus Epidauria. IG IV, 1, p. 211–213 (далее – Schulze).

[48] G.A. Peter, De dialecto Pindari. Halis Saxonum, 1866 (далее – Peter).

[49] A. Thumb, E. Kieckers. Handbuch der griecheschen Dialekte. Bd. 1^2 . Heidelberg, 1932 (далее – Thumb).

*δαπάνα (IG IV, 1, 65.105; ср. Pi.J. 5.57); *ἐμπολά (IG IV, 1, 123.33; ср. Pi.P. 2.67); *ἐργασία (IG IV, 1, 102.23; ср. Pi.O. 8.42); *ἑλλανοδικας (IG IV, 1, 66.59; ср. Pi.O. 3.12); *μαστός (IG IV, 1, 126.24; ср. Pi.P. 4.8); κλῖμαξ (IG IV, 1, 122.89; ср. Pi.Fr. 30.3); *χοιράς (IG IV, 1, 127.8; ср. Pi.P.10.52); δύνασις (BCH, 33, 451.22; ср. Pi.P. 4.238); ἀμαξιτος (IG IV, 1, 71.17; ср. Pi.N. 6.54); ὁδοιπόρος (IG IV, 1, 121.83; ср. Pi.Fr. 340); *πέδοικος (IG IV, 1, 552, πεδάω; ср. Pi.Fr. 25); ἐνερθεν (IG IV, 1, 103.57; ср. Pi.P.9.81); *μάταν (IG IV, 1, 121.84; ср. Pi.O.1.83); ὑπένερθεν (IG IV, 1, 102.51; ср. Pi. N.10.87); ὅταν (IG IV, 1, 68.72; ср. Pi.O.2.21); δυώδωκα (IG IV, 1, 287; ср. Pi.N.4.28); δεύτατος (Schwyzer, 90.3; ср. Pi.O.1.50).

Общие Пиндару и надписям Арголиды языковые элементы встречаются наиболее полно и отчетливо в эпиграфических памятниках городов Аргоса и Эпидарва[50].

Сличение пиндаровского языка с языком надписей Фессалии, Аттики, Аркадии и Арголиды позволило выявить широкий круг общих явлений. Последние оказались засвидетельствованными в наибольшей степени в определенных центрах названных областей, из которых можно выделить Ларису (Фессалия), Элевсин и Афины (Аттика), Тегею и Мантинею (Аркадия), Аргос и Эпидавр (Арголида). Однако и в указанных гродах общие языковые элементы сосредоточены в определенной группе надписей. В Фессалии привлекает внимание надпись IG IX, 2, 517 (III в. до н.э.), содержащая письмо жителей Ларисы Филиппу Македонскому. Среди надписей Аттики это элевсинские (IG I^2, 6, 76, 313) V в. до н.э. и надписи афинского Эрехтейона (IG I^2, 372-374). В Аркадии выделяются тегейские (IG V, 2, 3, 4, б; IV в. до н.э.) и мантинейские (IG V, 2, 262; V в. до н.э.). Из аргосских надписей Арголиды обращают внимание: священный закон (SEG 11. 314; VI в. до н.э.) и надгробная надпись (SEG 11.305; V в. до н.э.). В Эпидавре выделяются надписи IV в. до н.э., связанные со святилищем Аполлона и Асклепия (IG IV, 1,121–123).

Следует отметить несколько моментов. Во-первых, значительная часть надписей имеет отношение к древнейшим культовым центрам Древней Греции. Остальные отражают акты

[50] См. подробнее об этом: Н.С. Гринбаум. Язык Пиндара и надписи Арголиды. В сб. «Античность и современность». М., 1972, с. 57-66.

межгосударственных отношений. Во-вторых, все упомянутые выше надписи – *прозаические*, непосредственно не связанные с поэтическим языком. В-третьих, обнаруженные мною общие с Пиндаром элементы принадлежат древнейшему языковому слою и в более поздних надписях, как правило, не встречаются.

Как показал анализ, архаическая языковая среда, о которой идет речь, объективно существовала на греческом материке и лишь впоследствии сохранилась в поэтическом языке хоровой лирики и ее виднейшего представителя – Пиндара[51].

III. Поэтическая лексика Пиндара

В третьем разделе рассматриваются выборочно различные аспекты поэтического мира поэта, его отношение к окружающей среде, восприятие разнообразных явлений природы и общества[52].

1. Неорганический мир

В состав анализируемой группы входят 178 слов – нарицательных имен существительных. Они относятся к пяти подгруппам: «Атмосфера», «Земля», «Вода», «Время и движение» и «Прочие».

а) Атмосфера. Подгруппа включает 53 слова, они встречаются 303 раза. Над миром Пиндара доминирует небосвод (οὐρανός, 15 случаев), он заполнен эфиром (αἰθήρ, 9). На их фоне выделяются: солнце (ἀέλιος, 18), луна (σελάνα, 2; μήνα, 1) и звезды (ἀστρον, 6; ἀστήρ,2). День (ἁμέρα, 18; ἅμαρ, 8) сменяется ночью (νύξ, 15; εὐφρόνα, 1), свет (φάος, 19; φέγγος, 9) – темнотой (σκότος, 5; ὀρφνα, 3; ζόφος, 2). Внимание поэта привлекают: огонь (πῦρ, 22), пламя (φλόξ, 6), луч (ἀκτίς, 8; αὐγά, 3), сияние (ἀίγλα, 4), вспышка (σέλας, 5), молния (στεροπά, 3; ἀστεροπά,1), заря (ἀώς, 4). Остаются в стороне: вечер (ἑσπέρα, 4), закат (δυθμά, 1) и тень (σκιά, 1). Среди других явлений атмосферы поэт часто называет ветер (ἄνεμος, 16) различной силы – от дуновения (πνοά, 7) до порывистого (ῥιπά, 10),

---

[51] Итоги исследования подведены мною в статье: Н.С. Гринбаум. Язык древнегреческой хоровой лирики как исторический источник. ВДИ, № 4. М., 1974, с. 24–43.

[52] См. здесь и дальше: Lexicon to Pindar. Ed. By W. J. Slater, Berlin, 1969.

пасмурную погоду (туча – νεφέλα, 8; νέφος, 5) с ливнями (ὀμβρος, 4) и громом (κεραυνός, 13; βροντά, 4), иногда со снегом (χιών, 1) и снежной бурей (νιφάς, 3) вплоть до замерзания (παγετος, 1). Иногда упоминается тишина (ἀγρυξία, 1; σιγά, 6; σιωπά, 2).

б) Земля. Подгруппа включает 58 слов, они употреблены 338 раз. В описании земного ландшафта наиболее часто встречаются слова: земля (γᾶ, γαῖα, 38 случаев) и материк (χέρσος, 7; ἀπειρος, 3). Внимание поэта привлекают горные вершины (κορυφά, 19), горы (ὄρος, 10; δειράς, 2), скалы (πέτρα, 12; πέτρος, 3; σκόπελος, 3; ἐρίπνα, 1), равно как и пересеченная местность: холмы (λογος, 4; ὀχθος, 2; ἀκρωτήπιον, 1; γουνός, 1) и возвышенности (πάγος, 2; κολώνα, 2). Определенное место занимают равнины (πεδίον, 15; πέδον, 3), берег моря и рек (ἀκτά, 7; αἰών, 2; κρημνός, 4; ἄκρα, 1), луга (λειμών, 1). Упоминаются долины (νάπα, 2; νάπος, 2; πτυχά, 4; πτυξ, 1), лощины (βᾶσσα, 4; κεῦθος, 2), ложбины (μυχός, 13; γύαλον, 5; δειπά, 2; θέναρ, 2) и пещеры (ἄντρον, 5). Немаловажную роль играют пути-дороги (ὁδός, 32; κέλενθος, 15; οἶμος, 5; πρόσοδος, 1). О недрах земли говорится относительно мало. Больше всего ценится золото (18), упоминаются: медь (χαλκός, 7), железо (δίδαρος, 2), уголь (ἀνθρακία, 1) и сплав металлов (ἀδάμας, 2). Отсутствует у поминание о серебре.

в) Вода. Подгруппа включает 31 слово, они употреблены 185 раз. Водная стихия у Пиндара (ὕδωρ, 23 случая), в первую очередь, морская. Образ моря содержится в ряде слов: πόντος (31), ἅλς (10), θάλασσα (9), πέλαγος (8), ἅλμα (4). Поэта привлекает его бурная поверхность (κῦμα, 9), отливы (ἀνάπωτις, 1) и приливы (ἄντλος, 2), морская зыбь (ὄδμα, 1; πλάξ, 1) и бездна (πυθμήν, 1), а также морской берег (ῥηγμίν, 1), прибрежная полоса (πρών, 1) и утесы (ὀχθα, 6). Нередко упоминаются острова (νᾶσος, 20) и дважды островитяне (νασιώτας).

Второй компонент водной стихии – источники на суше. К ним относятся, в первую очередь, реки (ποταμός, 8) и чаще потоки (ῥοά, 9; ῥέεθρον, 5; ῥόος, 1; ῥόθια, 1) с их бродами (πόρος, 8) и устьем (προχοά, 1), течениями (χεῦμα, 2) и каналами (ὀχετός, 2); во-вторых, источники и родники (κράνα, 8; κρανίον, 1; κρουνός, 2); в-третьих, озера (λίμα, 3) и болота (τέναγος, 1).

г) Движение и время. Подгруппа включает 18 слов, они применены 134 раза. Наибольший интерес проявляет Пиндар к кате-

гории времени: время (χρόνος, 48 случаев, ὥρα, 13); подходящее время (καιρός, 21), период жизни (αἰών, 18; πέροδος, 1); год (ἐνιαυτός, 4; ἔτος, 4) и месяц (μείς, 5); времена года – весна (ἔαρ, 2), лето (θέρος, 1), осень (ὀπώρα, 3) и зима (χειμών, 4). В то же время редко упоминаются: движение (κινηθμος, 1; κινητήρ, 1) и скорость (τάχος, 4), еще реже такие слова, как длина (μᾶκος, 2), глубина (βένθος, 1), толщина (πάχος, 1) и тяжесть (ἶπος, 1).

д) Прочие. Следует также упомянуть о таких общих терминах, как природа (φυά, 10 случаев) и действительность (ὕπαρ, 1), внешность (εἶδος, 4; ἰδέα, 1) и отображение (εἴδωλον, 1), знак (σύμβολον, 1; ὄυυμα, 2), связь (δεσμός, 4) и след (ἴχνος, 2). Из области математики встречаются: число (ἀριθμος, 4) и множество (πλῆθος, 1), мера (μέτρον, 11) и доля (μέρος, 8), половина (ἥμισυς, 2) и мера длины (ὀρόγυια, 1).

Картина мироздания, увиденная Пиндаром, поражает широтой охвата и глубиной изображения явлений окружающей поэта природы, масштабом художественного видения общности и деталей представшей перед его взором действительности. Наибольший его интерес привлекают слова, относящиеся к описанию земной (58 слов) и небесной (53) сфер, в несколько меньшей – водной (31). В плане употребительности следует также отметить слова земной (338 раз) и небесной сферы (303), значительно превосходящие водную (185). Земля и небо – центральные области мироздания, к которым приковано поэтическое воображение великого художника античности.

2. Общество

В состав анализируемой группы входят 77 слов нарицательных существительных. Они относятся к четырем подгруппам: «Общности и сборы», «Руководители», «Жители» и «Состояния».

а) Общности и сборы. Подгруппа включает 17 слов, они встречаются 129 раз. Преимущественное внимание Пиндара привлекают: γένος (29 случаев), γενεά (22), λαός (18), πάτρα (17) и ἔθνος (12) т.е. слова, относящиеся к кругу генеалогических понятий и родовых отношений.

б) Руководители. Подгруппа включает 18 слов, они употреблены 109 раз. Предпочтение отдается словам: βασιλευς (33 случая), ἄναξ (20) и δεδπότας (10). Поскольку ἄναξ применяется Пиндаром лишь к богам, а δεδπότας – преимущественно к

богам. βασιλευς является обозначением смертного руководителя греческого общества (20 раз).

в) Жители. Подгруппа состоит из 21 слов, они встречаются 57 раз. Заслуживают внимания: ἑταῖρος (8), ταμίας (8), θεράπων (5).

г) Состояния. Подгруппа включает 21 слово, они использованы 115 раз. Наиболее употребительными являются: ὄλβος (33 случая) и πόλεμος (28), обозначающие типичные для греческой действительности состояния общественного благополучия, постоянно чередующиеся с конкретными ситуациями.

Из 77 рассматриваемых слов половину можно отнести к «гомеровской» традиции, она представлена около 350 раз, в то время как все лова употреблены 410 раз. Вторая половина слов засвидетельствована впервые в гомеровских гимнах (εὐδαιμονία, h. Hom. 11.5; ὀπαδός, h. Merc. 450) и у других лириков: ὄχλος (у Сапфо, 44.14 L.), τύραννος (у Симонида, 94.2 Д.).

Ряд слов встречается впервые в поэтическом словаре самого Пиндара. Сюда относятся: κοινανία (1 случай) ‘сообщество мальчиков’, позднее употребляется Еврипидом, Фукидидом, Платоном и Аристотелем; εὐανορία (1) ‘сборы знатных мужей’, позднее у Еврипида; ἴλα ‘толпа, сборище’, позднее у Софокла, Еврипида, в прозе у Геродота. В подгруппе «Руководители» впервые обнаружены: ἀγητήρ (1) ‘владыка’, также у Эсхила (ἡγητής), Софокла и в надписи IG 3. 947 (ἡγητήρ); ἀρχεσίκας (1) ‘законный правитель’, гапакс; λαγέτας (4) ‘предводитель народа’, имеется еще только у Софокла. В подгруппе «Жители» впервые у Пиндара находим δραπέτας (1) ‘беглец’, имеется также у Софокла, Еврипида, в прозе – у Геродота; ἑπέτας (1) ‘спутник’, гапакс; ἐποικος (1) ‘колонист’, представлено также у Эсхила (прилаг.), Софокла, а также в прозе (Фукидид, Платон); ἐπόπτας (1) ‘покровитель’ (о богах), также у Эсхила и Эпихарма; ἐχέτας (1) ‘богач’, гапакс; πέδοικος (1) ‘пришелец’ (г.), также у Эсхила (прилаг.). в подгруппе «Состояния» впервые у Пиндара встречаются: εὐαμερία (1) ‘благосостояние’, также у Еврипида и в прозе (Ксенофонт, Аристотель), εὐδία (5) ‘спокойствие’, имеется у Эсхила, Софокла и в прозе (Ксенофонт, Платон); εὐζοία (1) ‘благополучие’, также у Аристотеля; εὐπραγία (2) ‘успех’, встречается также в прозе (Фукидид, Платон); ἐχθρα (1) ‘вражда’, также у Эсхила, Еврипида и в прозе (Геродот, Фукид), προξενία (3) «покровительство иностранцам»,

представлено еще у Еврипида и в прозе (Фукидид, Аристотель); σύθεσις (2) ‘соглашение’, также у Эсхила и в прозе (Платон, Аристотель).

Итак, 19 из 77 т.е. почти 25 % слов группы «Общество» встречаются впервые в поэтическом языке Пиндара. Характерная их особенность состоит в весьма ограниченной распространенности. Пользуясь ими, автор подчеркивает изысканность своей лексики, ее необычный и нестандартный характер.

Некоторые слова поэтической лексики Пиндара засвидетельствованы в греческих прозаических надписях. Сюда можно отнести: ἀγητήα (Аттика), ἑπέτας (Египет, пап.), ἐποπτασς (Аттика), ἀναξ (Кипр), κοίρανος (Локрида). В надписях обнаружены и другие слова, впервые встречающиеся у Пиндара: δραπέτας (Египет, п.), ἔποικος (Аркадия, Арголида) и другие.

Если пополнение пиндаровского языка за счет ранней лирики характеризуется использованием слов, отражающих бурное развитие греческого общества в VII-VI вв. до н.э. (δουλία, δουλοδύνα ‘порабощение’, στάσις ‘восстание’, ἐλευθερία ‘свобода’, τύραννος ‘тиран’, μόναρχος ‘единовластелин’ и т.д.), то собственные нововведения Пиндара следует отнести скорее к внутриколлективным связям людей (ἐπόπτας ‘покровитель’, ἑπέτας ‘спутник’), к устройству их жизни и взаимоотношениям (εὐζοία, εὐπραγία ‘благополучие’, εὐδία ‘спокойствие’, εὐαμερία ‘благосостояние’, προξενία ‘благожелательность к иностранцам’, ἐχθρα ‘вражда’, ср. также εὐνομία ‘правопорядок’, ἡσυχία ‘спокойствие’.

Из всех поэтических и прозаических жанров греческой литературы наиболее близкой к Пиндару в лексическом плане оказалась трагедия: в ней представлены 65 из 77 рассмотренных выше слов, причем большинство из них встречаются в ее хоровых партиях. Для сравнения можно указать, что в ранней лирике их оказалось 54, в исторической прозе (главным образом, у Геродота) – 53, в философской (главным образом, у Платона) – 41.

Заканчивая рассмотрение лексической группы «Общество», я должен констатировать, что наибольший интерес Пиндара привлекают вопросы, связанные с родословной мифологических и полумифических героев, ведущей ролью руководителей в жизни общества, чередованием событий военного и мирного времени. Вместе с тем он проявляет ограниченное внимание к политической структуре ранней Греции, не представлено еще у

него рабство как социальное явление, лишь спорадически упоминается представители низших слоев общества[2].

3. Мир животных

В состав анализируемой группы входят 60 слов – имен существительных. Они относятся к трем подгруппам: «Звери», «Птицы, рыбы, насекомые» и «Прочие».

а) Звери. Подгруппа включает 25 слов, они упоминаются 180 раз. Обращает на себя внимание слово θήρ ‘зверь’ (P. 5. 61), употребляемое в основном во множественном числе. В одном случае поэт подчеркивает, что имеет в виду ἀγριοι θῆρες ‘дикие звери’ (P. 9, 22), в остальных это подразумевается. Общее понятие ‘зверь’ заменяется также словами κνώδαλον ‘животное’, по отношению к ослам (P. 10. 36) и змеям (N. 1.50), а также πέλωρ ‘чудовище’ (Δ. 4. b.8). Среди диких зверей выделяется λέων ‘лев’ (O. 11. 20), упоминаются его: νάπα ‘логово’, χόρτοι ‘владения’, φῦλον ‘род’, ἀγέλαι ‘стада’, ῥινός ‘шкура’, ὀνυχες ‘когти’, а также отмечается его рыжий цвет (ξανθός) и широкая грудь (βαθύστερνος). Слово «львы» чаще всего сопровождается эпитетами. Второе животное «змея» представлено двумя словами – δράκων и ὀφις. в одном случае поэт изображает их с ненасытными челюстями и громадным туловищем (P. 4. 244). Спорадически встречаются и другие животные: ἀλώπηξ «лиса» – дерзкая (θρασεῖα); ἐλαφος ‘олень’ – золоторогий (χρυσόκερως); у волка (λυκος) можно поучится хитрости (P. 2.84); πίθων ‘обезьяна’ кажется всегда детям красивой – καλος (P. 2. 72). Кони (ἵπποι) – гордость богов и героев, уход за ними доставляет радость (O. 4. 14), обладание ими – заслуженное уважение (P. 2. 2). Победа в конных состязаниях приносит славу и почет как их владельцу, так и наезднику (O. 3. 4). Из эпитетов наиболее распространенным является «золотая» (χρυσέα) – (женский род преобладает лошадь), из сложных можно отметить: σιδαρο χάρμας ‘радующаяся железу’, ἀελλόπους ‘бурей одета’, ὠκύπους ‘быстроногая’ и πελεκυφόπας ‘несущая топор’. Слова корова, бык – βοῦς, ταῦρος. Упоминаются желтые стада коров (P. 4. 149), быки Гериона (Fr. 169. 6), дышавшие огнем (P. 4. 225), белый бык (O. 13. 69), медный бык (P. 1. 95) и бык, запряженный в плуг (Fr. 234. 2). Собака (κύων) охраняет стада (I. 1. 13), используется для охоты (N. 3. 51). Свинья (υς) – горная (ὀρείκτιτος), коза (αἶξ) – сиросская, дающая лучшее молоко (Fr.

106. 4), мул (ἡμίονος), запряженный в повозку (O. 6. 22), горный козел (τράγος, Fr. 201. 3) и козленок (ἐριφος, Fr. 47), жертвенный осел (ὀνος, P. 10. 3), жеребята (πῶλοι, P. 2. 8)и баран (κριός, P. 4. 68).

Дикие звери изображены ярче и рельефнее, чем домашние. Особенно четко выписан лев, который характеризуется рядом редких эпитетов, и змея – ее красочный (для поэта) внешностью. Среди домашних животных первое место занимает конь, однако основное внимание привлечено не столько к нему самому и его внешнему виду, сколько к таким его качествам, как неутомимость, стремительность и быстрота. Нигде не акцентируется внимание на масти коней и на цвете их глаз, как это было, например, со змеями. Отсутствует и единый термин для определения понятия «зверь»: диких животных поэт называет θήρ, домашних – ἑρπετόν.

б) Меньше интереса проявляется к птицам. Понятие «птица» отображают три слова: ὄρνις, οἰωνός, и ποτανός. Ὄρνις чаще всего обозначает орла (O. 2. 88, P. 5. 112). Οἰωνός относится к хищным птицам, ποτανός – ко всем крылатым. Орел (αἰετός) является признанным царем (βασιλεύς, O.13. 21) и вожаком (ἀρχός, P. 1. 7) птиц. Его называют быстрой (ὠκυς, N. 3. 80), большой (μέγας, I. 6. 50), длиннокрылый (τανύπτερος, P. 5. 112) и золотой (χρύσεος, P. 4. 4) птицей Зевса. Спорадически упоминаются и другие птицы: зимородок (ἀλκυών) и его благозвучный голос (Fr. 62), вертишейка (ἴυγξ), пестрая (ποικίλα) помощница Афродиты (P. 4. 214), крикливые галки (κραγέται κολοιοί, N. 3. 82) и болтливые вороны (λάβροι παγγλωσσία κόρακες, O. 2. 87).

Обитатели водной стихии представлены в поэзии Пиндара крайне скупо. Слово рыба (ἰχθυς) встречается дважды (Пеан 4ю 20 и Fr. 306, о ките). Единственный упоминаемый житель моря – дельфин (δελφίς), он – морской (θαλασασιος, P.2. 51) с короткими плавниками (ἐλαχυπτέρυξ, P. 4. 17), быстро движется по воде (N. 6. 64), пристрастен к звуку флейты (Fr. 104. b. 15).

Следует упомянуть и о насекомых. Наиболее заметной является пчела (μέλισσα); она – трудолюбивая (P. 6. 54) и священна (ἱερά, Fr. 158). Встречается также паук (ἀράχας, Fr. 296), жучок (κις), моль (σής, Fr. 222. 2) и слепень (οἶστρος, Fr. 51, f. b). Несколько неожиданным оказывается явно выраженное невнимание поэта к обитателям рек и морей. Не исключено, что рыбы и насекомые не привлекали его художественного воображения

из-за их неприметных внешних признаков и скрытых внутренних качеств.

в) в число «Прочих» мною включены прочие слова, связанные с животным миром. Сюда относятся, прежде всего, обозначение стада: ἀγελα – желтые стада коров (P. 4. 149), красное стадо быков (P. 4. 205), стада львов (Fr. 239), также о стайке девушек (Fr. 112); μῆλον – дымящееся стадами торжество (O. 7. 80), пастух стад (P. 9. 64); ποίμνα – стада львов и кабанов (Fr. 238); πρόβατον – рогатое стадо (Fr. 104. b. 1), стол для стада (о лошадях, Fr. 169. 28).

Рассмотрим еще слова, обозначающие части тела животных. Δέρμα – шкура, θηρος- звериная (I. 6. 47); руно баран – βαθύμαλλον (длинношерстное, P. 4. 161), λαμπρόν (блестящее, P. 4. 241). Κῶας – шерсть – αἰγλᾶεν (сияющая, P. 4. 231). Νάκος – руно – πάγχρυσον (золотое, P. 4. 68). Ῥινος – шкура (льва, I. 6. 37), ὁπλά – копыто (медное; о быке, P. 4. 226). Крылья у птиц характеризуются словами: πτέρυξ (P. 1. 6) и πτερόν (O. 1. 87). Слово ἐλεφας (слон) использовано Пиндаром только в значении «слоновая кость» (O. 1. 27). Κηρός – воск (Fr. 123. 10), ἰός – яд (здесь, мед; O. 6. 47), δάκος – укус (здесь, злоязычие; P. 2. 53), ἀγρα – добыча, охота (N. 3. 81, Fr. 357).

Значительную часть слов (46), характеризующих «Мир животных» можно отнести к «гомеровской» традиции. Они чаще других встречаются у Пиндара – 201 раз, в то время как все 60 слов – 219 раз.

Впервые у Пиндара засвидетельствованы 8 слов. Слова καρτάιπους ‘бык’ (O. 13. 810 и πίθων ‘обезьяна’ (P. 2. 72) являются гапаксами. Сюда же относится слово κις ’жучок’ (Fr. 222). Остальные: ἴυχξ ‘вертишейка’ (P. 4. 214), ποτανος ‘птица’ (N. 3. 80), σής ‘моль’ (Fr. 222. 2), δάκος ‘укус’ (P. 2. 53) и ἰος ‘яд’ (O. 6. 47) представлены в позднейшей поэзии.

По-видимому собственный вклад Пиндара в обогащение «звериной» лексики, является весьма скромным.

Наиболее употребительными в подгруппе «Звери» являются слова: ἵππος (43 случая), λέων (14) и θήρ (11). В подгруппе «Птицы…» чаще других встречаются слова: αἰετος (10), ὄρνις (8), δελφις (7) и μέλισσα (16). В то же время половина рассматриваемых слов (29 из 60) употреблена поэтом лишь однажды.

Итак, мир животных представляется Пиндару неотделимой частью окружающей человека природы. Он связан с ней, существует вместе с ней. Чаще всего, животные привлекают внимание поэта своей полезностью человеку: диких зверей он укрощает, домашний скот приносит ему выгоду. Однако больше всего Пиндара интересует сравнение достоинств прославляемых героев с качествами диких зверей. Упоминание о птицах в одних случаях связано с божествами, образ которых они отождествляют: орел – птица Зевса, вертишейка – Афродиты, в других – с характерными для птиц чертами: болтливостью (вороны), крикливостью (галки) и благозвучием (зимородки). Иногда Пиндар акцентирует внимание на повадках представителей животного мира: морской зверь обходится без законов (N. 1. 63), волк скрытно нападает на врага (P. 2. 84), лисица умело защищается от орла (I. 4. 47), дельфины весьма чувствительны к музыке (Fr. 140. b. 15), жучкам и молям не под силу прогрызать золото (Fr. 222. 2).

4. Искусство

В состав анализируемой группы входят 86 слов. Они относятся к пяти подгруппам: «Звук и песня», «Слово и речь», «Музыка и пляски», «Инструменты» и «Прочие».

а) Звук и песня. Подгруппа включает 29 слов, они встречаются 187 раз. Выделяются слова, обозначающие песню: ὕμνος (похвальная, O. 8. 54) – в честь олимпийских (O. 7. 88), немейских (N. 4. 11) и истмийских (I. 4.3) игр; (погребальная, I. 8. 60), (свадебная, Th, 3. 9); ἀοιδά – дитя Орфея (P. 4. 176), очаровывает Звеса (O. 2. 13), прославляет Феба (P. 5. 103), посвящается Посейдону (I. 1. 32); μέλος – направляется через море (P. 2. 68), впрягается в победоносные деяния (N. 1.7); звучание флейт (P. 12. 19, Fr. 140. b. 17); также «член (тела)» – разрезали его на части (O. 1. 49). К рассмотренным выше примыкают: αὐδά (песня, N. 9. 4; голос, Пеан 2. 101); μολπά (песнь) – отличная песнь отзовется на звук тростника (O. 10. 84). Отдельные виды песен представлены словами: ἰάλεμος (Th. 5 a, 2); θρῆνος (P. 12. 8); αἴλινος (погребальная Th. 3. 6); σκόλιον (застольная, Fr. 122. 14); διθύραμβος (дифирамб, O.13. 19); ἐπαοιδά (заклинание, P. 3. 51); παιάν (пеан, Pae, 2. 4). Ряд слов обозначает звуки: ἀυτά (музыкальный звук форминги, Fr. 140 a. 60); ἐνοπά (переносно «звук», Fr. 168. 5); ἰαχά (звук свадебных песен, P. 3. 17); καναχά

(звук флейты, P. 10. 39); κενλαδος (звучании, Fr. 35 c); βοά (возглас, O. 7. 37); βρόμος (грохот, о громе; O. 2. 25); δοῦπος (треск, о костях; Fr. 169. 25); κλαγγά (шипение, о змеях; Dith. 2. 18); κτύπος (грохот, Pae. 13 a. 15); πάταγος (треск, P. 1. 24); ῥοῖζος (шум; Bith. 4a. 7); ψαλμος – (перебирание струн; Fr. 125. 3). Сюда же относятся слова: ἀοιδός и μελικτας (певец; P. 1. 94, Fr. 340).

Значительную часть слов (21) подгруппы можно отнести к «гомеровской» традиции. Впервые у Пиндара встречаются: αἴλινος, ἰάλεμος, λυθίραμμος, σκόλιον, μελικτας и ψαλμος. Последнее слово получило в позднейшей литературе более широкое распространение со значением «псалм», которого еще нет у Пиндара. Наиболее употребительными среди слов подгруппы являются: ὕμνος (51 раз), ἀοιδά (48) и μέλος (25), половина слов представлена однажды.

б) слово и речь. В состав подгруппы входят 24 слова, они встречаются 183 раза. Выделяются слова λόγος и ἔπος. Λόγος (речь, рассказ, молва; O. 1. 28, O. 7. 87, P. 1. 68); хвала, слава (T. 3. 68б T. 7. 32); высказывание (O. 2. 22); пророчество (O. 8. 4); разговор, беседа (O. 3. 16, Fr. 180. 3); приговор (O. 2. 60); вопрос (P. 9. 43); мн. ч. – слова (O. 6. 90); похвальные слова (O. 1. 110). Ἔπος (слово, O. 3. 8); песня (O. 9. 47); речь (похвальная, O. 6. 16); молитва (I. 6.6 42); прорицание (P. 4. 9); изречение (Fr. 35. b). К рассмотренным выше примыкают слова: ἀγγελία (сообщение, известие; O. 3. 28, 4. 5), персонифицированно Весть, дочь Гермеса (O. 8. 82); μακραγορία (пространная речь; P. 8. 3); μῦθος (рассказ, вымышленный; O. 129); ὄαρος (голос, песня; P. 1. 98, N. 3. 11); ὀμφά (голос, N. 10. 34); παγγλωσσία (болтовня, O. 2. 87); ῥῆμα (слово, N. 4. 6; изречение, P. 4. 278); ῥῆσις (молва, весть; O. 7. 10, O. 6. 63); φάτις (разговор, P. 1. 96); φθέγμα (голос, P. 8. 31); φωνά (голос, не знающий лжи, O. 6. 66; нежный, P. 4. 137; посеребренный, P. 11. 41; сладостный, U. 2. 25).

Половина слов (12) подгруппы можно отнести к «гомеровской» традиции. Ряд слов представлен впервые у Пиндара: αἴνιγμα, ὑπόκρισις, φθέγμα, μακραγορία, παγγλωσσία. Нововведения относятся в основном к отдельным разновидностям прозаической речи. Наиболее употребительными среди слов подгруппы являются: λόγος (63 раза) и ἔπος (40), т.е. общие обозначения прозаического высказывания. Реже использованы слова: φωνά (12) и ἀγγελία (11), треть слов представлена однажды.

в) Музыка и пляска. В состав подгруппы входят 15 слов, они встречаются 55 раз. Выделяются слова: χορος (хор, N. 5. 23; пляска. O. 14. 9; стайка, P. 9. 114); ἁρμονία (лад, Fr. 140 b. 2; персонифицированно, Гармония – дочь Ареса и Афродиты, P. 3. 910); τρόπος (лад, лидийский, O. 14. 17; критский, Fr. 107 b. 2; способ, N. 7. 14; нарв, N. 1. 29). К рассмотренным примыкают слова: ἀμβολά (прелюдия, P. 1. 4); βάσις (поступь, P. 1. 2); μουσικά (музыка, Fr. 32); ὁμοκλά (звучание флейт, I. 5. 27); ὀρχημα (пляска, Fr. 107 b. 1); προκώμιον (вступление к песне, N. 4. 11); προοίμιον (зачин, P. 7.2); ῥόμβος (кружение, O. 13. 93); χόρευσις (пляска, Pae. 6.9). Из прочих слов подгруппы следует назвать: σᾶμα (знак, P. 1.3; надгробие, O. 10. 24); ὀρχηστάς (плясун, Fr. 148); χορευτας (танцор, P. 12. 27). Лишь одну треть (5) слов подгруппы можно отнести к «гомеровской» традиции. Ряд слов представлен впервые у Пиндара: ἀμβολά, βάσις, μουσικά, ὀρχημα, προκώμιον, ῥόμβος, χόρευσις, χορευτας. Как видно собственный вклад поэта в обогащение рассматриваемой лексической подгруппы весьма ощутим. Нововведения относятся к музыкально-танцевальной тематике и ряд из них получил дальнейшее широкое применение. Относительно более употребительными среди слов подгруппы являются: χορος (12 раз) и τρόπος (11). Половина слов представлена однажды.

г) Инструменты. В состав подгруппы входят 12 слов, они встречаются 50 раз. Выделяются слова: φόρμιγξ (форминга, O. 1.17); αὐλος (флейта, O. 5. 19); λύρα (лира, P. 8. 31). К рассмотренным выше примыкают слова: αὐλίσκος (свирель, Parth. 2. 14); κίθαρις (кифара, P. 5. 65); κρόταλον (кастаньеты, Dith. 2. 10); ὄργανον (вид флейты, Fr. 107 b. 2); πακτίς (лидийская лира, Fr. 125. 3); σύριγξ (свирель, Fr. 6a. a); τύπανον (барабан, Dith. 2. 9). Сюда относятся также: χορδά (струна, P. 2. 69) и πλᾶκτρον (плектр, N. 5. 24). Ряд слов подгруппы сопровождается эпитетами: φόρμιγξ – золотая, славная, сладкая, искусная; разноголосая, сладкозвучная, пронзительная, семиязычная, семизвучная; λύρα – сладкоголосая, сладкоговорящая, хорошо настроенная. Менее половины (5) слов подгруппы можно отнести к «гомеровской» традиции. Впервые встречается у Пиндара слово ὄργανον. Относительно более употребительными являются слова: φόρμιγξ (16 раз), αὐλος (14) и λύρα (9); остальные использованы поэтом 1–2 раза.

д) Прочие. В состав подгруппы включены 6 слов, они встречаются 19 раз. Выделяются слова: κόσμος (украшение; краса, P. 2. 10; O. 8. 83); ἀγαλμα (статуя, N. 5. 1; памятник, N. 10. 67). К названным выше примыкают слова: ἁβρότας (великолепие, нега; P. 8. 89, 11. 340); ἀνδριας (статуя, P. 5. 40); δαίδαλμα (художественное изделие, Pae. 8. 81); δαίδαλον (искусное изделие, P. 5. 36); ср. также: ἀνδριαντοποιός (ваятель, N. 5. 1). Впервые у Пиндара встречаются слова: ἁβρότας, ἀνδριάς и δαίδαλμα. Относительно более употребительными оказались: κόσμος (8 раз) и ἀγαλμα (5).

В центре поэтического искусства Пиндара находится песня. Среди ее обозначений предпочтение отдается слову ἀοιδά, оно сопровождается чаще других эпитетами, обозначая «песню вообще». Слово ὕμνος обычно употребляется со значением «похвальная песня» в честь победителей атлетических состязаний, но встречается и как «погребальная» и «любовная» песня. Что касается слова μέλος, то оно сочетается и со звучанием флейты, в то время как упомянутые выше слова связаны со струнными инструментами.

Наряду с песней Пиндар уделяет значительное внимание прозаической речи. Особо выделяются слова λόγος и ἔπος: первое обозначает – рассказ, молву, высказывание, сообщение, беседу, вопрос; второе – слово, речь, сказ, изречение, прорицание.

С песней неразрывно связаны музыка и пляска. Упоминаются лидийский, дорийский и критский лады. Особое внимание привлекают начала песенного торжества и их зачин. Они служат сигналом для хора и плясунов. Возникает удивительное единение песни, музыки и танца.

Среди музыкальных инструментов особо привлекательны: форминга, флейта и лира. Ряд наименований связан с культом богов: кифара – Аполлона, кастаньеты – Диониса, барабан – Кибелы. Форминга однажды названа поэтом «дорийской», флейта – «эолийской» и «лидийской».

Одна пятая (19 из 86) слов подгруппы представлена впервые у Пиндара, в том числе пять гапаксов: λυθίραμμος, παγγλωσσία, μακραγορία, προκώμιον и χόρευσις. Нововведения относятся: к различным видам песен (напр., погребальных); к устным разновидностям изложения (загадка, болтовня); к музыкальной тематике (музыка, танец). Почти нет новых слов в сфере музыкальных инструментов и, особенно, изобразительного искусства.

Примечательно, что Пиндар почти совершенно безразличен к изобразительному искусству; скульптура и художественные произведения древних мастеров весьма слабо отражены в лексике поэта. Его интерес привлекают, прежде всего, песня и речь, звук и слово (53 слова, употреблены 370 раз). На втором плане: их музыкальный и танцевальный фон (27 слов, употреблены 105 раз). Характерно в этом плане признание поэта: «Я не ваятель, чтобы создавать прикованные к пьедесталу статуи» (N. 5.1)[53].

IV. Лексический анализ

В этом разделе производится выборочный анализ ряда лексических категорий пиндаровского языка с целью определения в нем доли традиции и новаторства.

1. Имена на -τηρ, -τωρ, -τας.

а) Имена на -τηρ. Существительных на -τηρ у Пиндара всего 15. в основном это простые имена, сложным является лишь одно: συνοικιστήρ (созаселитель земли). Обращает на себя внимание, что у Пиндара, как впрочем и у Гомера, не представлены собственные имена этого типа. Общим для Пиндара и Гомера являются несколько имен, образованных от простых глаголов на – άω (ἰατήρ ‘целитель’, ἐλατήρ ‘метатель’ и т.д.), а также: ἀλκτήρ (защитник), δοτήρ (даритель), μναστήρ ‘поклонник’, ζωστήρ (пояс). Из послегомеровских следует упомянуть: ἄγητήρ (предводитель), κινητήρ (колебатель), οἰκιστήρ (заселитель), σωτήρ (спаситель), καυτήρ (сжигатель), ὀρθωτήρ (исцелитель). Два последних, а также упомянутый συνοικιστήρ представлены впервые и только у Пиндара. Более употребительным является существительное σωτήρ.

б) Имена на -τωρ. Всего их у Пиндара – 11. В основном это простые имена, сложным является лишь одно – μεγαλήτωρ (мужественный). Почти половину составляют собственные имена, встречающиеся уже у Гомера: Ἄκτωρ, Ἕκτωρ, Κάστωρ, Νέστωρ. Не представлены у Гомера: Κλείτωρ и Φράστωρ. Встречаются у Пиндара: κοσμήτωρ (предводитель), σαμάντωρ (руководитель),

[53] См. подробнее об этом: Н. С. Гринбаум, Поэтическая лексика Пиндара: искусство. Philologus. Bd. 133, 1. Berlin, 1989. S. 14-24.

ἀλέκτωρ (петух), впервые он употребляет слово κτίστωρ (основатель).

в) Имена на -τας. Эта подгруппа насчитывает у Пиндара 68 имен, из них простых нарицательных – 32, сложных – 24 и собственных – 12.

Простые нарицательные имена. Одна треть из них встречается у Гомера: αἰχματας (копьеносец), μαχατας (воин) и другие. Не представленные у Гомера (20) можно разделить на четыре группы. К первой относятся: κραγέτας (крикун), γαμέτας (супруг), ἑπέτας (спутник); первое и последнее имеются только у Пиндара. Ко второй подгруппе относятся: ὁπλύτας (боевой, δρόμος) и σιδαρίτας (железный, πόλεμος). Третья подгруппа включает имена: ἱππευτας (конный) и χορευτας (танцор). В четвертую подгруппу входят: πύκτας (кулачный боец), μελικτας (певец) и φορμιγτάς (играющий на форминге). Не обнаружены у Гомера и другие имена на -τας: βιατας (могучий), δαμότας (земляк), δεσπότας (владыка), ἀεθλητας (борец) и др. Все они, кроме βιατας, представлены и у ряда других авторов.

Сложные нарицательные имена. Лишь два из этой подгруппы (24) представлены у Гомера: κυναγέτας (охотник) и ἐριβρεμέτας (рычащий). Только у Пиндара встречается: ξεναγέτας (гостеприимный), ἐρικλάγκτας (громкозвучащий), βαρυφθέγκτας (низкоголосый), αργιβρόντας (грохочущий) и αἰολοβρέντας (громовержец). Не-гомеровские имена можно разделить на три подгруппы. К первой относятся: αἰγιβάτας (покрывающий коз), βοηλάτας (гоняющий быков), διφρηλάτας (возница), προφάτας (пророк) и др. Вторая подгруппа охватывает имена: μοιδαγέτας (предводитель муз), λαγέτας (предводитель народа), ἀρχαγέτας (основатель колонии), εὐεργέπότας (вместе выпивающий), μηλοβότας (овчар) и προδότας (изменник).

Собственные имена. Из 12 имен этой подгруппы половина представлена у Гомера: Ἀλάτας, Βελλεροφότας, Ὀρέστας и др. Не встречаются в гомеровских поэмах пиндаровские: Ζήτας, Ἀμύντας, Εὐρώτας, Μελικέρτας, Πισάτας и Πολυδέκτας.

Часть имен, встречающихся у Пиндара, на -τηρ, -τωρ, -τας мною обнаружены в греческих надписях ряда областей Древней Греции, прежде всего в Аттике (13 имен), Египте (9) и Италии

(8). Некоторые из них представлены уже в крито-микенских надписях XIV–XII вв. до н.э.[54]: – i-ja-te (ἰατήρ, PY Eq 02)[55]; ka-ra-te (κρατήρ, МУ Ие 611); на -τωρ – A-ko-to (Ἄκτωρ, KN So 239); E-ko-to (Ἕκτωρ, PY Eb 913); Ka-to (Κάστωρ, KN Dg 1169)[56]; на -τας – do-po-ta (δεσπότας, PY Tn 316.5), e-qe-ta (ἑπέτας, PY An 519.15), Ku-na-ke-ta (κυναγέτας, PY Na 248), qo-u-qo-ta (βουβότας, KN X 480), ra-wa-ke-ta (λαγέτας, PY Un 718), A-ra-ta (Ἀλάτας, Kn Uf 1011), I-ke-ta (Ἱκέτας, Kn B 799.8), ср. ἵκετας у Пиндара (O. 5.19); Ma-ka-ta (Μαχατάς, PY Jn 725), ср. μαχατάς у Пиндара (N. 2. 13); O-re-ta (Ὀρέστας, PY An 657.3), To-ko-so-ta (Τοξότας, KN X 7624), ср. τοξότας у Пиндара (P. 1. 53). Не встречаются у Гомера, но представлены у Пиндара крито-микенские: δεσπότας, ἑπέτας, βουβότας, λαγέτας.

Из рассмотренных трех групп имен на -τηρ, -τωρ, -τας последняя является наиболее показательной. Лишь часть нарицательных имен этой группы встречается у Гомера (13 из 56). Сложные пиндаровские имена на -τας почти не представлены в гомеровских поэмах (2 из 23).

Итак, в языковой традиции Пиндара удается обнаружить не только «гомеровское», но и более древнее наследие, истоки которого восходят, как я стремился показать, к архаической микенской эпохе. Утверждения о том, что Пиндар заимствовал эти слова у Гомера не убедительны. Вместе с тем наличие ряда гапаксов (напр. καυτήρ, κραγέτας) могло бы говорить в пользу предположения о личном вкладе поэта в обогащение поэтической лексики[57].

---

[54] См. M. Venris, J. Chadwick. Documents in Mycenaean Greek. Second edition by J. Chadwick. Cambridge, 1973.

[55] Микенские имена на на -τηρ рассматриваются подробно в статье: M. Lejeune. Essais de philology mycénienne. VI. – Revue de Philologie de literature et d'histoire anciennes. 1960. T. 34, p. 9-30.

[56] Ср.: O. Landau, Mykenisch-griechische Personennamen. Söteborg, 1958, S. 173.

[57] См. подробнее об этом: Н. С. Гринбаум, Традиция и новаторство в языке Пиндара (имена на -τηρ, -τωρ, -τας). В сб.: Традиция и новаторство в античной литературе. Л., 1982, с. 68-78.

2. Глаголы на -αω, -ϵω, -οω.

У Пиндара встречаются всего 1186 глаголов, из них 502 с гласной и 684 с согласной основой. Среди первых наиболее многочисленными являются глаголы на -αω, -ϵω, -οω.

Глаголы на -αω. Из 92 глаголов этой подгруппы 61 являются простыми, 31 сложными. Наиболее употребительные из них: σιγάω (O. 9. 103), αὐδάω (O. 1.7), πεδάω (O. 1. 76) и другие, всего 12. большинство глаголов (56 из 92) представлены у Пиндара однажды: простые – βιβάω (O. 14. 17), βιάω (N. 8. 34), χλιδάω (O. 10. 84) всего 31 и сложные – ἐξαυδάω (N. 10. 80), κατακλάω (P. 5. 34), ἀποσυλάω (P. 4. 110), всего 25. Только половина сложных глаголов на -αω встречаются у Гомера. К собственно пиндаровским (гапаксы) относятся παρακοινάομαι (P. 4. 133) и παρα-πειράομαι (O. 8. 3). Многие глаголы на -αω представлены у современных Пиндару и позднейших писателей, часть обнаружена мною в греческих надписях Аттики (10), Арголиды (7), Малой Азии (10) и Египта (58, в папирусах).

б) Глаголы на -ϵω. Эта подгруппа охватывает 161 глагол, из них 90 простых и 71 сложных. Наиболее употребительные из них: κελαδέω (O. 1. 9), ἀνθέω (O. 11. 10), οἰκέω (O. 6. 34) и другие, всего 28. большинство глаголов на -ϵω (90 из 161) представлены у Пиндара однажды: простые – ἀραβέω (Fr. 169. 24), θαμβέω (N. 3. 50), ταρβέω (Fr. 110. 2), всего 38, и сложные – ὑποθέω, μετοικέω, διαρκέω (P. 2. 84; 9. 83; Fr. 311), всего 52. Из 161 глагола на -ϵω встречаем у Гомера106, из них из 71 сложных – 32. собственно пиндаризмы: ἐπαβολέω (Pae. 6. 182), ἀντιξοέω (O. 13. 34); καταφυλλορέω (O. 12. 15) и т.д., всего 6. Многие глаголы на -ϵω представлены в аттической драме, исторической и философской прозе. Часть обнаружена мною в греческих надписях Аттики (22), Арголиды (5), Малой Азии (20) и Египта (96, в папирусах).

в) Глаголы на -οω. Эта подгруппа состоит из 35 глаголов, 33 простых и 2 сложных. Чаще других употреблены ὀρθόω (O. 3. 3) и στεφανόω (O. 4. 11), большинство встречаются однажды (26 из 35). Сюда относятся простые глаголы ἁμερόω (I. 4. 57), ἀξιόω (N. 10. 26), γεφυρόω (I. 8. 51) и т.д, сложные – διορθόω (O. 7. 21) и ἐπιστεφανόω (O. 9. 112). Большинство представлено у других греческих авторов: Геродота (18), Европида (15), Эсхила (14), Платона (13) и Гомера (10). К собственно пиндаризмам относятся: ταξιόω (O. 9. 78), χαλκόω (O. 13. 86) и δαιδαλόω (O. 1.

108). В эпиграфическом материале глаголы на -οω представлены редко: в Аттике (5), Беотии (3) и Египте (17, в папирусах).

Итак, Пиндар использует всего 288 глаголов с гласной основой на -αω, -ϵω, -οω, что составляет 60% от всей группы. Простые глаголы на -αω встречаются чаще всего у: Гомера (48 из 61), Еврипида (44), Софокла (40), Эсхила, Геродота и Платона (по 38). Простые глаголы на -ϵω представлены чаще всего у Гомера (74 из 90), Еврипида (72), Софокла (59), Геродота (59), Эсхила и Платона (по 57). Простые глаголы на -οω засвидетельствованы преимущественно у Геродота (18 из 33), Еврипида (15), Эсхила (14), реже – у Гомера (10)и Гесиода (7). Несколько иная картина со сложными глаголами. Глаголы на -αω представлены чаще всего у Гомера (17 из 31), Софокла и Еврипида (по 16), Геродота (14); глаголы на -ϵω: у Геродота (40 из 71), Еврипида (34), Гомера (32; для сравнения: у Гесиода только 9).

Итак, пиндаровские глаголы на -αω, -ϵω, -οω встречаются в целом наиболее часто у Гомера и Еврипида (по 181 из 288), Геродота (168), Софокла и Платона (по 153), Эсхила (144). В эпиграфическом материале мною обнаружены простые глаголы: в Египте (116 из 184), в Аттике (27) и Малой Азии (19). Вместе со сложными глаголы на -αω, -ϵω, -οω представлены: в Египте (171 из 288), в Аттике (37), Арголиде (12) и Малой Азии (33).

Заметная особенность: Пиндар употребляет глаголы с гласной основой относительно редко: лишь однажды встречаются 56 из 92 глаголов на -αω, 90 из 161 на -ϵω и 26 из 75 на -οω.

Рассматриваемый материал позволяет сделать ряд заключений. Наиболее употребительные пиндаровские глаголы на -αω, -ϵω, -οω встречаются также в гомеровских поэмах, аттической драме и художественной прозе. Нет оснований говорить о каком-то особом влиянии Гомера на Пиндара, речь скорее может идти о наличии общего архаического словаря, восходящего к микенскому времени, из которого черпали свои языковые средства различные древнегреческие авторы. О наличии такого словаря говорят и греческие прозаические надписи, сохранившие значительное число, в том числе и редких глаголов на -αω, -ϵω, -οω[58].

---

[58] См. подробнее об этом: N. S. Grinbaum. Pindars Lexik. Die -αω, -ϵω, -οω-Verben. Aischylos und Pindar. Berlin, 1981, S. 68-80.

3. Сложные прилагательные

Сложные прилагательные составляют весьма существенный элемент пиндаровского языка. Глязер отмечает, что у Гомера встречается лишь одна пятая всех имеющихся у Пиндара сложных слов[59]. Всего сложных пиндаровских прилагательных, не засвидетельствованных у Гомера, насчитывается приблизительно 450. из них половина относится к т.н. пиндаризмам, т.е. не представлены ни у одного греческого автора. Изучая сложные слова у Пиндара, исследователи, как правило, сосредотачивали свое внимание на их классификации и определении связей с другими греческими писателями[60]. При этом, если сложные имена встречались у Гомера, они объявлялись заимствованными, если они являлись гапаксами, Пиндар объявлялся их создателем.

Настоящая статья представляет собой попытку привлечь к изучению пиндаровских сложных слов наряду с чисто литературным также и греческий эпиграфический материал.

Встречающиеся в надписях, но не представленные у Гомера сложные пиндаровские прилагательные делим на три группы: а) нарицательные прилагательные (имеются у греческих авторов); б) прилагательные – собственные имена (имеются у греческих авторов); в) прилагательные – собственные имена (не представлены у греческих авторов).

I группа. Представлены в надписях с V-I в. до н.э., в частности, в Аттике: παλιναίρετος (IG 1^2 . 313, 131; Элевсин), χρυσόκερως (IG 1^2 . 76.377; Элевсин), ὑπάργυρος (IG 1^2 . 280, 76, Афины); в Лаконии: πολιάοχος (IG 5(1). 213, 3; Спарта), σύνδικος (IG 5(1). 65, 20; Спарта); в Малой Азии: καρποφόρος (SIG 820, 5; Эфес), πενθήμερος (SIG 364, 9, Эфес), νικαφόρος (SIG 629, 6; Пергам).

Все эти надписи – прозаические. Ряд сложных нарицательных прилагательных встречается в метрических (преимущественно, надгробных) надписях на окраине греческого мира: в Малой Азии – δυδπενθής (Epigr. Gr., 431; Антиохия), ἀβόητος (Epigr. Gr. 240. 1; Стирна); в Италии – πολυκτέανος (IG 14. 809;

---

[59] M. Glaser. Die zusammengesetzte Nonima bei Pindar. Amberg, 1898, S. 11.

[60] S. Tessing. De composites nominibus Aeschyleis et Pindaricis. Lundae, 1884.

Неаполь), ταχύποτμος (IG 14. 2005; Рим); в Галии – νεόδματος (IG 14. 2508; Немаус).

II группа. Известно, что многие вышедшие из употребления в поэтической сфере сложные прилагательные продолжают в течение столетий жить в языке в качестве собственных имен[61]. Среди выявленных у Пиндара слов также представлен целый ряд сложных прилагательных, которые встречаются в греческих надписях в виде собственных имен. Они сохранились в определенных областях Греции: Аттике, Фокиде, Фессалии, Беотии, Арголиде и на острове Эвбея.

III группа. Сложные прилагательные – собственные имена, не представленные (кроме Пиндара) в литературных произведениях, засвидетельствованы, как и предыдущая группа, в различных областях Греции: Фессалии, Аттике, Беотии, на острове Эвбея. Кроме того, они встречаются в Арголиде, Фокиде и Малой Азии. Всего в надписях мною обнаружено 120 сложных пиндаровских прилагательных (из 450) и 40 пиндаризмов (из 250).

Среди рассматриваемых греческих областей наибольшее внимание привлекает Фессалия. Дело не только в общем количестве сложных пиндаровских прилагательных, выявленных на ее территории (ок. 30%), но прежде всего о встречающихся в Фессалии пиндаризмах. Здесь сосредоточена половина их общего количества: Κρατήσιππος (IG 9 (2). 532. 22; Лариса), Κρατησιμαχος (IG 9 (2). 517. 50; Лариса), Λυδίπονος (IG 9 (2). 703; Фарсал), Ὀρθόπολις (IG 9 (2). 1040. 12; Гоннос) и другие. Сложные прилагательные – собственные имена: Λεοντοδάμας (IG 9 (2). 558, 7; Лариса), Τηλέφαντος (Becht., 425; Фарсал), Ἀριστογόνος (IG 9 (2). 1282, 16; Питий) нигде в надписях Греции, кроме Фессалии, не найдены.

Рассматривая расположение сложных пиндаровских прилагательных на территории самой Фессалии, выясняем, что они сосредоточены, главным образом, в ее северно-восточной части: Пеласгиотиде (города Лариса, Гоннос, Феры), Ахае Фтиотидской (Города Фарсал, Фивы) и в северной части – Перребии (города Фаланна, Питиум, Азорос). Заслуживает внимания, что

[61] E. Schwyzer. Griechische Grammatik. T. 1. Bd. 1. München, 1939, S. 427.

их половина, как и половина всех пиндаризмов обнаружена мной в надписях города Ларисы – центра Пеласгиотиды.

Все вышесказанное дает основание не только не переоценивать зависимость Пиндара от Гомера, но и искать для большинства пиндаровских сложных прилагательных более древний источник греческого поэтического языка, отложившийся как в хоровой лирике, так и в гомеровском эпосе. Учитывая древность хоровых песен и их связь с культовыми празднествами, а также наличие у Пиндара более 4/5 сложных прилагательных, отсутствующих у Гомера, можно предположить и существование собственной догомеровской традиции хоровой лирики. По-видимому, некоторые ее следы удается обнаружить в надписях ряда областей Греции.

В свое время в статье «Язык Пинадара и надписи Фессалии» мною обращалось внимание на ряд общих фонетических и морфологических особенностей в языке Пинадара и надписей Фессалии и отмечалось, что такая совокупность общих явлений нигде в Греции больше не представлена[62].

Есть основание сделать вывод, что древнейшая языковая традиция, которой следовал Пиндар, оставила свои наиболее ощутимые следы не столько в Беотии – на родине поэта, и не столько на Пелопоннесе[63], сколько в Фессалии, а точнее в Пеласгиотиде (с центром в Ларисе) и прилегающих к ней районах.

Вопрос о том, почему совокупность характерных для языка Пинадара фонетических, морфологических и отчасти лексических особенностей выступает наиболее ярко именно в Фессалии, и связана ли она лишь с пришедшей извне поэтической традицией или отражает в какой-то мере и древнейшую локальную диалектную базу, – требует дополнительного изучения и остается пока открытым[64].

---

[62] Н.С. Гринбаум. Язык Пиндара и надписи Фессалии. В сб.: Классическая филология. Л., 1959, с. 93-102.

[63] O. Hoffmann. Geschichte der griechischen Sprache. Bd. 1. Berlin, 1916, S. 65.

[64] См. подробнее об этом: Н.С. Гринбаум. Язык Пиндара (сложные прилагательные). В сб.: Язык и стиль античных писателей. Л., 1966, с. 64–71.

V. О диалектной основе языка древнегреческой хоровой лирики[65]

Тезис о дорийской диалектной базе языка древнегреческой хоровой лирики, восходящий к античной традиции и признававшийся незыблемым на протяжении многих столетий, продолжает находить своих сторонников вплоть до наших дней[66]. Высказанное в свое время А. Мейе предположение о том, что, за исключением отдельных форм аориста на -ξα, в языке хоровой лирики нет ничего дорийского[67], либо обходилось молчанием, либо открыто отвергалось исследователями[68]. Вместе с тем, в последнее время наблюдается стремление некоторых ученых к пересмотру традиционных представлений о диалектном характере языка хоровой лирики. Отражая эти новые веяния, А. Хойбек в своей рецензии на книгу Р. Хирше[69] признает, что число чисто дорийских элементов в хоровой лирике крайне незначительно, и предлагает говорить не о ее дорийской основе, а о более или менее выраженной доризирующей тенденции у представителей этого литературного жанра. Указанная тенденция проявляется, по его мнению, в употреблении глагольных окончаний 3-го лица ед. и мн. числа -τι, -ντι, в огласовке ᾱ вм. ионийско-аттической η, в преобразовании эпического ἠλίοιο в ἆελίοιο[70]. Ж. Дефрада обращает внимание на сложность идентификации диалектов, используемых хоровыми лириками, и, в частности, указывает на неправомерность причислять к дорийским такие слова, как ὦν (вм. οὖν), ποτί (вм. πρός), κεῖνος (вм. ἐκεῖνος), νιν (вм. μιν)[71].

Автору этих строк уже приходилось выступать с решительной поддержкой предположения А. Мейе о недорийской основе

---

[65] Вопросы языкознания. 1977. № 1. С. 56–61

[66] Der kleine Pauly. Lexicon der Antike. Bd. IV. München, 1972, S. 861.

[67] Meillet A. Aperçu d'une histoire de la langue grecque. Paris, 1965. P. 211.

[68] Casevitz M. Notes sur la langue de Pindare // Mélanges de linguistique et de philologie grecques offerts à P. Chantraine. Paris, 1972. P. 23.

[69] Hiersche R. Grundzüge der griechischen Sprachgeschichte bis zur klassischer Zeit. Wiesbaden, 1970.

[70] См.: Gnomon, 44, 1972. S. 325–326.

[71] См.: HEG, 82, 1969. P. 213.

языка древнегреческой хоровой лирики[72]. Поскольку дело касается одной из важных научных и методологических проблем античного языкознания и литературоведения, считаем целесообразным вернуться еще раз к ее рассмотрению.

Решение столь сложного вопроса невозможно, на наш взгляд, без анализа целого ряда факторов общего плана, не всегда в должной мере учитываемых исследователями.

1. Архаичность хоровых песен общепризнанна[73]. Их первоначальная связь с культом и обрядом не вызывает сомнений[74]. Известно, что хоровые песнопения исполнялись во время общенародных и религиозных празднеств и сопровождались ритуальными танцами. «Илиада» и «Одиссея» свидетельствуют, что некоторые виды хоровых песен были знакомы Гомеру. Они исполнялись ахейцами, троянцами и фракийцами (Il. XVIII, 50; XXII. 391; XXIV, 723. Od. VI, 101; VIII, 262). В историческое время хоровые песни звучали на общегреческих и региональных торжествах в различных центрах Греции.

2. Утверждают, что традиции хоровых песен, сохранившиеся от старины на дорийском Крите, перешли затем в близкую к нему дорийскую Спарту – один из главных музыкальных центров Греции[75]. Вместе с тем, известно, что культивирование хоровых песнопений никогда не было привилегией лишь дорийской среды[76]. Среди представителей греческой хоровой лирики дорийцы – редкое явление. У нас нет основания считать таковыми ни Стесихора из Сицилии, ни Ивика из Южной Италии, ни Симонида и Вакхилида с о. Кеоса, ни Ласа из Арголиды, ни Тимокреонта с о. Родоса, ни Пиндара из Беотии. Сами спартанцы, испытывая потребность в слагателях хоровых песен, пригласили к себе Терпандра с о. Лесбоса и Алкмана из Лидии[77].

---

[72] См.: Гринбаум Н. С. Микенское койне и проблема образования языка древнегреческой хоровой лирики // Atti e memorie del 1° Congresso internazionale di micenologia, 2. Roma, 1968. P. 872.

[73] Ср.: Bowra C. M. Greek Lyric Poetry. Oxford, 1936. P. 4.

[74] Ср.: Тронский И. М. История античной литературы. Л., 1957. С. 89.

[75] Defradas J. Literatura elină. Bucureşti, 1968. C. 51.

[76] См.: Defradas J. Studia Pindarica // REG, 76, 1963. C. 194–195.

[77] По некоторым данным Алкман был лаконцем (см.: Davison J. A. From Archilochus to Pindar. New York, 1968. P. 173–175).

3. Большинство исследователей признает наличие особого языка древнегреческой хоровой лирики[78]. Сравнивая около ста лет тому назад язык ее виднейших представителей, Э. Муке выделил в нем ряд общих черт, характерных для этого поэтического жанра[79]. Предпринятое нами тщательное изучение языка Пиндара, Вакхилида, Симонида, Алкмана и Стесихора (с учетом значительного увеличения их наследия благодаря папирусным находкам) позволило подтвердить вывод о том, что, несмотря на определенные индивидуальные отличия, язык хоровой лирики представлял собой единое целое[80]. На это указывает также язык хоровых партий греческой трагедии, неизменно отличающийся от языка ее диалогических частей.

4. Некоторые исследователи связывали образование языка хоровой лирики с деятельностью выдающихся поэтов[81]. Однако, как известно, складывание языка поэтического жанра – процесс объективный, обусловленный всегда социально-историческими причинами. Формирование языка хоровой лирики также было связано с определенными предпосылками исторического развития древней Греции. Архаичность самого жанра и культовый характер песен позволяют отнести его возникновение к самому раннему этапу становления греческой культуры[82].

5. До недавнего времени было принято возводить возникновение языка любого греческого поэтического жанра к Гомеру. После дешифровки крито-микенского письма *B* стало очевидным[83], что истоки самого эпического языка восходят к микенской эпохе и развитие отдельных жанров греческой поэзии мог-

---

[78] Ср.: Debrunner A. Geschichte der griechischen Sprache. Berlin, 1954. S. 27.

[79] Mucke E. De dialectis Stesichori, Ibyci, Simonidis, Bacchylidis aliorumque poetarum choricorum cum Pindarica comparatis. Lipsiae, 1879.

[80] Ср.: Wilamowitz -Moellendorff U. v. Pindaros. Berlin, 1922. S. 96.

[81] Ср.: Christ W. Beiträge zum Dialekte Pindars // Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und historischen Klasse der königlichen bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München. 1892. S. 83.

[82] Dornseiff F. Pindars Stil. Berlin, 1921. S. 3.

[83] См.: Тронский И. М. О диалектной структуре греческого языка в раннем античном обществе // Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969. С. 282–283.

ло происходить независимо от гомеровского эпоса. Был выдвинут, в частности, ряд доводов, что одним из таких поэтических видов была хоровая лирика. В ее языке были обнаружены явления, не представленные у Гомера, но встречающиеся в крито-микенских текстах XIV–XII вв. до н. э.

6. Предположение о реальном существовании в ранней Греции языковой среды, послужившей основой для формирующегося языка хоровой лирики, привело нас к поискам ее следов в эпиграфическом материале. Многолетние разыскания показали, что в прозаических надписях VI–IV вв. до н. э. ряда древнейших центров материковой Греции и на окраинах греческого мира сохранились многие языковые элементы, характерные и для языка хоровой лирики, в том числе и не встречающиеся у Гомера. Выяснилось, что общие языковые явления встречаются, с одной стороны, в областях Греции, не подвергшихся дорийскому вторжению (Аттика, Аркадия, Пеласгиотида, Малая Азия и Египет) и, с другой, на территориях, оккупированных дорийцами (Фокида, Арголида, Крит и Сицилия); здесь они связаны с додорийским языковым слоем. Наиболее показательными являются в этом плане надписи городов: Ларисы (Фессалия), Элевсина (Аттика), Тегеи и Мантинеи (Аркадия), Дельф (Фокида), Аргоса и Эпидавра (Арголида), Гортины (Крит), Теоса и Эфеса (Малая Азия), Гераклеи (Италия).

Итак, приведенные выше соображения общего характера говорят не в пользу теории о дорийской диалектной основе языка древнегреческой хоровой лирики. К сказанному можно добавить, что и само понятие дорийской диалектной базы трактуется исследователями по-разному. Одни видят в ней дорийский диалект Пелопоннеса[84], другие – искусственный литературный диалект, на котором никто не говорил[85]. Ни те, ни другие не подкрепляют своих гипотез убедительными доказательствами[86].

---

[84] Ср.: Hoffmann O., Debrunner A. Geschichte der griechischen Sprache. I. Berlin, 1953. S. 105.

[85] См.: Buck C. D. The Greek Dialects. Chicago, 1955. P. 15.

[86] Заслуживает внимания и то обстоятельство, что дорийцы почти совершенно игнорируются в греческих героических сказаниях; см.: Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973. С. 72.

Основным аргументом, приводимым в подтверждение тезиса о дорийском характере языка хоровой лирики, служит встречающаяся у всех поэтов этого жанра долгая α вместо η[87]. В соответствии с восходящей к античным грамматикам традицией, долгая α – характерный признак дорийского диалекта. Однако, как известно, долгая α встречается и в других греческих диалектах (кроме ионийского и, отчасти, аттического): в лесбосском, фессалийском, аркадском и т. д. Кроме того, как показала дешифровка М. Вентриса, долгая α характеризует крито-микенские тексты XIV–XII вв. до н. э., т. е. она служила общей огласовкой для греческих диалектов II тыс. до н. э.[88] Другим важным признаком дорийского диалекта еще недавно считались глагольные окончания 3-го лица ед. и мн. числа -τι, -ντι. В настоящее время исследователи склонны видеть в них сохранившиеся от до-классической эпохи общегреческие архаизмы[89]. Что касается окончания род. падежа мн. числа α-основ -αν, то оно характерно не только для дорийского, но и для эолийского диалекта[90]. Инфинитивы на -εν встречаются в дорийском и аркадском диалектах, инфинитив на -ην и предлог πεδά – в лесбосской поэзии[91]. Местоименные формы ἐγών, τοι и предлог ποτί представлены в гомеровских поэмах, наречие ὦν – у Геродота, т.е. они не были исключительно дорийскими. Иногда исследователи произвольно относят к дорийскому те или иные глагольные или именные формы. Так произошло, например, с перфектной формой πέποσχα (от глагола πάσχω) у Стесихора[92], еще Р. Хольстен заметил, что в ней нет ничего собственно дорийского[93]. А. Хойбек видит в форме род. падежа ед. числа ἀελίοιο

---

[87] Ср.: Wilamowitz-Moellendorff U. v. Pindaros. S. 101.
[88] Ср.: Doria M. Avviamento allo studio del miceneo. Roma, 1965. P. 67.
[89] Ср.: REG, 82, 1969. P. 213–215.
[90] Шантрен П. Историческая морфология греческого языка. М., 1953. С. 37.
[91] См.: Hamm E. M. Grammatik zu Sappho und Alkaios. Berlin, 1958. S. 110, 170.
[92] Diehl E. Anthologia Lyrica Graeca. II, fasc. 5. Lipsiae, 1942. P. IX (fr. 89 B.[4]).
[93] Holsten R. De Stesichori et Ibyci dialectis et copia verborum. Gryphiswaldiae, 1884. P. 24.

(Pindarus, Ol. VII, 14) доризированное эпическое ἠελίοιο[94]; однако огласовка α в ἁέλιος встречается в надписях Аркадии[95] и Арголиды[96], а род. падеж на -οιο засвидетельствован задолго до Гомера в крито-микенских текстах[97]. К тому же в языке хоровой лирики отсутствуют такие очевидные доризмы, как, например, τέτορες, εἴκατι, πρᾶτος, τῆνος, γα, κα[98]. Вместо них встречаются τέσσαρες ‘четыре’, εἴκοσι ‘двадцать’, πρῶτος ‘первый’, κεῖνος ‘тот’, γε, κε (частицы) и др.

Вряд ли можно после вышесказанного согласиться с утверждением А. Хойбека о наличии доризирующей тенденции у греческих хоровых лириков[99]. Если уже говорить об имеющейся у них тенденции, то было бы более предпочтительным определить ее как архаизирующую и видеть в ней стремление поэтов воспользоваться кое-где старинными формами, вышедшими из обиходного употребления.

Однако диалектная основа языка хоровой лирики была, несомненно, общей у ее представителей и унаследованной многовековой традицией. Эта основа не могла быть дорийской, так как она не содержит ничего специфически дорийского и не создавалась дорийцами. «В литературе, – писал А. Мейе, – ничто не происходит от дорийцев. Что касается хоровой лирики, которую принято считать дорийской, то хотя она часто создавалась для дорийцев, она не была творением дорийцев»[100].

Уже упоминавшееся выше исследование языка наиболее видных представителей древнегреческой хоровой лирики привело автора статьи к следующим заключениям о его диалектной основе.

---

[94] Того же мнения придерживается Б. Форсман (см.: Forssman B. Untersuchungen zur Sprache Pindars. Wiesbaden, 1966. S. 7).
[95] Inscriptiones Graecae. V, 2. Berolini, 1913. № 4.12 (Tegea, IV[a]).
[96] Inscriptiones Graecae. IV, 1. Berolini, 1929. № 590.4 (Epidaurus, III[a]).
[97] Documents in Mycenaean Greek / ed. by J. Chadwick. Cambridge, 1973. P. 84.
[98] Buck C. D. Указ. соч. P. 154.
[99] Это не значит, что в хоровой лирике не встречаются отдельные дорийские диалектные элементы, однако, во-первых, их немного, во-вторых, не они определяют характер ее языка.
[100] A. Meillet, Aperçu... P. 199.

Алкман (VII в. до н. э.). Основными компонентами языка Алкмана являются протоионийский и эолийский диалекты. Дорийские и лаконские элементы – отражение поэтом местного диалектного колорита.

Стесихор (VII–VI вв. до н. э.). Базу поэтического языка Стесихора составляет некое эолийско-протоионийское койне, в котором протоионийский является основным компонентом.

Симонид (VI–V вв. до н. э.). Наиболее существенной в языке Симонида оказалась доля протоионийских явлений, связанных с основными именными и глагольными моделями. Базой его языка является эолийско-протоионийское койне.

Пиндар (VI–V вв. до н. э.). В основе языка Пиндара лежит не дорийский и не эпический диалект, а эолийско-протоионийское койне.

Вакхилид (VI–V вв. дон. э.). Основным и определяющим в языке Вакхилида является ахейско-протоионийский диалектный компонент с незначительным наслоением эолийского.

Можно предположить, что в VII–VI вв. до н. э. хоровые песни пользовались усиленным вниманием дорийских общин в силу особенностей их общественного развития. Язык же греческой хоровой лирики, как и сам этот архаический поэтический вид песнопений, сложился задолго до Гомера еще в додорийскую, надо полагать, эпоху[101]. Он возник на базе реально существовавшего и исторически сформировавшегося языка микенского периода так же закономерно, как впоследствии, хотя и при других обстоятельствах, это случилось с языком гомеровского эпоса[102].

Некоторое представление об этом древнейшем языке дают нам в настоящее время крито-микенские тексты. Последние являют собой, как указывает И. М. Тронский, редко встречающийся жанр деловой прозы, а их язык – образец «хозяйственно-канцелярской подсистемы греческого языка»[103]. Диалектный характер «микенского» рассматривался нами подробно в

---

[101] Ср.: Schmid W., Stählin O. Geschichte der griechischen Literatur. I. München, 1959. S. 336.
[102] Ср.: Robert F. La Iittetature grecque. Paris, 1958. P. 9.
[103] Тронский И. М. Вопросы... С. 87.

другом месте[104]. Нами было высказано предположение, что он был южной разновидностью микенского койне, что в его основе лежали ахейско-протоионийские элементы и что он подвергся определенному влиянию аркадо-кипрского, равно как и местного субстрата Пелопоннеса и о. Крита[105]. М. Лежен обратил внимание на то, что «микенский» не содержал ни одной специфической дорийской черты[106]. Как известно, «микенский» как наддиалектное образование не оставил после себя прямых наследников в позднейший период и исчез вместе с исчезновением микенского общества.

Однако, наряду с документальным, в микенскую эпоху существовало также и поэтическое койне, возвышавшееся в качестве наддиалектного образования над обиходными диалектами того времени. «Дорийская Греция с ее «ахейскими» государствами, – писал И. М. Тронский, – была едина и в экономическом и в культурном отношении, и единому наддиалекту хозяйственных записей Кносса и Пилоса, Микен и Фив соответствовал, вероятно, несколько особый, но столь же единый наддиалект устной поэзии»[107]. Отмечая, что поэтическая разновидность греческого языка микенской эпохи может быть восстанавливаема только в гипотетическом порядке, И. М. Тронский подчеркивает, что «гипотеза эта является основополагающей для истолкования всего последующего процесса развития греческих литературных языков, начиная с гомеровского»[108].

Этот поэтический наддиалект отличался значительно большим, чем документальный, богатством и разнообразием выразительных средств, закрепленных многовековой традицией, и был связан, как нам представляется, с северо-восточным ареалом архаической Греции, прежде всего с Фессалией и

---

[104] Гринбаум Н. С. Древнегреческая диалектология и проблема «микенского» // ВЯ, 1974, 3.
[105] Studia Mycenaea. Proceedings of the Mycenaean symposium. Brno, 1966. P. 177–178.
[106] Atti e memorie del I Congresso Internazionale di micenologia, Roma, 27 IX – 3 X 1967, I. Roma, 1967. P. 234–235.
[107] Тронский И. М. Вопросы... С. 131.
[108] Там же. С. 133.

островом Лесбосом[109]. Лишь в надписях этого региона нам удалось обнаружить в совокупности такие характерные для хоровой и эпической поэзии языковые явления, как окончания род. падежа ед. числа -οιο, -αο и мн. числа -αν, -αων (-αουν), дат. падеж мн. числа на -εσσι, глагольные формы 3-го лица мн. числа на -οντι и -οισι, причастие жен. рода на -οισα и перфектное причастие на -ων, атематические инфинитивы на -μεν, -εμεν, инфинитив ἔμμεναι, личное местоимение ἄμμε и др.[110] Диалектную базу поэтического микенского койне составляли, надо полагать, ахейско-протоионийский и эолийский. Именно эти диалекты с соответствующими, разумеется, модификациями лежат в основе языка послемикенской поэзии и, прежде всего, ее двух ведущих ответвлений, хоровой лирики и эпоса[111]. Хотя Гомер и его поэмы оказали, несомненно, значительное влияние на развитие всей позднейшей греческой поэзии, язык отдельных ее жанров и, в частности, язык хоровой лирики следует возводить не к гомеровскому, а к общему и для эпической поэзии, и для хоровой лирики источнику – архаическому поэтическому наддиалекту микенской эпохи.

Вторжение в конце I тысячелетия до н. э. дорийских племен в Грецию оттеснило ее прежних жителей с насиженных мест и привело к изменению языковой ситуации на ее территории. Было нарушено создававшееся веками общественно-политическое и культурно-религиозное единство, и резко сузилась сфера употребления архаического греческого языка в его устном наддиалектном варианте[112]. Он продолжал, тем не менее, еще долго сохраняться в живом употреблении во многих древних, прежде всего, культовых центрах, и мы находим его следы в

---

[109] Ср.: West M. L. Greek poetry 2000–700 B. C. // The Classical Quarterly, 23, 1973, 2. P. 183; Di Carlo Pavese. La lingua della poesia corale come lingua d'una tradizione poetica settentrionale // Glotta, 45, 1967, 3/4. P. 183.

[110] Гринбаум Н. С. Язык древнегреческой хоровой лирики (Пиндар). Кишинев, 1973. С. 277–278.

[111] Ср.: Schmid W., Stählin O. Указ. соч. С. 39.

[112] Ср.: Notopoulos J. A. Homer, Hesiod and the Achaean heritage of oral poetry // Hesperia, 29, 1960. C. 196.

прозаических надписях ряда областей классической Греции под позднейшим, в том числе и дорийским, языковым слоем.

Вместе с тем, получили свое дальнейшее развитие хоровые песни, сложившиеся на базе поэтического наддиалекта микенской эпохи. Хоровая лирика, превращаясь в литературный жанр, сохранила унаследованный столетиями язык додорийской эпохи.

Впоследствии, в классический период, эти древние связи языка хоровой лирики с микенским поэтическим языком были полностью забыты, а так как дорийский диалект сохранил столь заметный признак архаического вокализма, как долгая α и ряд языковых архаизмов, а, возможно, и в связи с тем, что хоровые песни пользовались у дорийцев особым вниманием (ср. творчество Алкмана), греческие грамматики и комментаторы стали определять их язык как дорийский. Эта версия, несмотря на ее научную несостоятельность, продержалась вплоть до наших дней.

На самом деле, язык древнегреческой хоровой лирики сформировался на базе поэтического койне додорийской микенской эпохи с его эолийско-протоионийской основой. Он отразил и продолжил в основных чертах вышедший впоследствии из повседневного пользования устный наддиалект северного ареала архаической Греции[113].

[113] Ср.: А. В. Десницкая, Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970, стр. 9–10.

ПИНДАР. СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА (ОБЩИЙ ОБЗОР)

Настоящее исследование собственных имен у Пиндара представляет собой продолжение предыдущих работ автора, посвященных изучению языка древнегреческой лирики. В частности, оно продолжает рассмотрение встречающихся у Пиндара нарицательных имен существительных[1]. Предполагается, что изучение пиндаровских собственных имен будет способствовать расширению наших представлений о мировоззрении поэта, отношении к окружавшей его среде, предпочтительности его интересов и пристрастий. Вместе с тем мы сможем получить ряд новых и дополнительных объективных сведений о характере и специфике общественных отношений Греции VI–V вв. до н. э.

I. Боги

Центральное место в пантеоне Пиндара занимает Зевс. Его имя упоминается 187 раз.

1. В генеалогическом плане Зевс связан со многими другими божествами: он – сын Крона (О.8.44) и Реи (О.2.12); супруг Геры (П.2.27) и Фетиды (Фр.30.5); брат Гестии и Геры (Н.11.2); отец Аполлона (П.3.12), Артемиды (П.3.12), Афины (О.13.77), Геракла (О.10.44), Полидевка (Н.10.79), Эака (Н.7.84), Коринта (Н.7.105), Муз (О.10.96), Граций (О.14.14), Перитоя (Фр.243), Правды (О.10.4), любовник Эгины (Н.7.50), Алкмены (П.4.171), Данаи (Н.10.11), Леды (П.3.171), Семелы (О.2.27), Фивы (И.8.18), Ганимеда (О.1.45) именуется ὕψιστος ‘всевышний’ (Н.11.2) и οὐράνιος ‘небесный’ (Пеан 20.9).

2. Зевс – царь и отец богов и людей: βασιλεὺς ἀθανάτων ‘царь бессмертных’ (Н.5.35), κύριος πάντων ‘властвующий над всеми’ (И.5.53), σκοπὸς θεῶς ‘хранитель богов’ (Пеан 6.94), δεσπότας Ὀλύμπου ‘владыка Олимпа’ (Н.1.14), πατήρ ‘отец’ (О.2.27); ὕπατος ‘высший’ (О.13.25), εὐρὺ ἀνάσσων ‘широко

---

[1] Н. С. Гринбаум. Художественный мир античной поэзии. Творческий поиск Пиндара. М., 1990.

властвующий’ (О.13.26), εὐρύτιμος ‘широко чтимый’ (О.1.42), μεγασθενής ‘могучий’ (Фр.57.1), κράτιστος ‘сильнейший’ (О.14.14), εὐρύζυγος ‘широко восседающий’ (Фр.14), ἄφθιτος ‘вечный’ (П.4.291).

3. Зевс – покровитель и культовый бог: рода Эакидов (П.8.99), Эратидов (О.7.23), Блепсиадов (О.8.16) и Эолидов (П.4.167). Он – Зевс Спаситель (Ζωτήρ; О.5.17), Покровитель (Γενέθλιος; О.8.16), Освободитель (Ἐλευθέριος; О.12.1); олимпийский (Ὀλύμπιος; О.2.3), эллинский (Ἑλλάνιος; Н.5.10), додонайский (Δωδωναῖος; Фр.57), этнейский (Αἰτναῖος; О.6.96), немейский (Νεμεαῖος; Н.2.5), а также Ζεὺς Ἀρισταῖος (П.9.64), Λυκαῖος (О.9.96), Τέλειος (О.13.115), Ξένιος (О.8.21), Ἀταβύριος (О.7.87), Ἑρκεῖος (Пеан 6.114) и Ἄμμων (в Ливии, П.4.16).

4. Зевс характеризуется еще и как: ἐλατὴρ βροντᾶς ‘метатель грома’ (О.4.1) и ἀριστοτέχνας ‘величайший мастер’ (Фр.57.1), ἀργικέραυνος ‘мечущий яркие молнии’ (О.8.3) и ἐγχεικέραυνος ‘поражающий молнией, словно копьем’ (О.13.77); αἰολοβρέντας ‘громовержец’ (О.9.42), ἀργιβρέντας ‘метатель ярких громов’ (Пеан 12.10), φοινικοστερόπας ‘мечущий багряные молнии’ (О.9.6), ὀρσίκτυπος ‘мечущий молнии’ (О.10.81), ἐρισφάραγος ‘мощно грохочущий’ (О.8.44), ὀρσινεφής ‘нагоняющий тучи’ (Н.5.35), ὑψινεφής ‘обитающий высоко в тучах’ (О.5.17) и κελαινεφής ‘окутанный темными тучами’ (Пеан 12.10).

5. Эмблемой Зевса является орел (О.2.88). От Зевса исходят предсказания (Н.1.60) и знамения (П.4.23). Он – даритель благ: чести (П.4.107), добродетели (И.3.4), золота (Фр.222.1). Зевс наказывает провинившихся: Иксиона (П.2.40), Афаретидов (Н.10.65), Тифона (Фр.93). Он освобождает Титанов (П.4.291), разверзает землю перед Амфиараем (Н.9.25), предоставляет убежище на Олимпе Беллерофонту (И.7.47). Фетида трогает мольбами Зевсово сердце (О.2.79), он не делит землю с бессмертными (О.7.55), бросает жребий (О.7.61), посылает ливень (И.5.49), внушает страх Евксантию (Пеан 4.41).

В ряде случаев Зевс именуется по имени своего отца: Κρονίδας (8 раз; Фр.155 и др.), Κρόνιος (6 раз; О.2.12 и др.) и, чаще других, Κρονίων (11 раз; П.1.71 и др.).

Второй фигурой пиндаровского пантеона является Аполлон. Его имя встречается 41 раз и сопровождается рядом эпитетов: χρυσότοξος ‘с золотым луком’ (О.14.10), χρυσοχαῖτα ‘златокудрый’ (П.2.16), χρυσοκόμας ‘златовласый’ (Пеан 5.41); ἑκάεργος

‘далеко разящий’ (П.9.28), ἑκαβόλος ‘далеко стреляющий’ (Пеан 6.111); εὐρυφαρέτρας ‘с широким колчаном’ (П.9.28), εὐρυσθενής ‘могучий’ (И.2.18); ἀρχαγέτας ‘основатель (колонии)’ (П.5.60) и μοισαγέτας ‘предводитель муз’ (Фр.94с.2). Аполлон именуется также Ἀγρεύς (Охотник; П. 8.65), Δάλιος (Делийский; П.9.10), Δηρηνός (в Абдере; Пеан 2.5), Ἰσμήνιος (вблизи реки Исменос; Пеан 7 С.а.7), Καρνεῖος (в Кирене; П.5.80), Λατοίδας (сын Латоны; П.1.12), Λοξίας (Запутанный; П.3.28), Νόμιος (Пастух; П.9.65), Παιάν (Целитель; П.4.270) и Φοῖβος (Лучезарный; О.6.49 и др. 9 раз).

Третьим в ряду олимпийских богов является Посейдон, чье имя упоминается у Пиндара 21 раз. Он характеризуется поэтом как: εὐρυβίος ‘могущественный’ (О.6.58), εὐρυμέδων ‘далеко распространяющий свою власть’ (О.8.31) и ποντομέδων ‘повелитель моря’ (О.6.103); σεισίχθων ‘потрясающий землю’ (И.1.52) и ἐλασίχθων ‘колебатель земли’ (Фр.18); ἀγλαοτρίαινα ‘с блестящим трезубцем’ (О.1.40), εὐτρίαινα ‘с красивым трезубцем’ (О.1.73); ὀρσοτρίαινα ‘потрясающий трезубцем’ (П.2.12); κλυτόπωλος ‘славящийся жеребцами’ (Фр.243). Посейдон именуется также: Δαμαῖος ‘Укротитель коней’ (О.13.69), Γαιάοχος ‘Земледержец’ (О.1.25), Ἐννοσίδας ‘Землеколебатель’ (П.4.33) и Ἐλελίχθων ‘Сотрясающий землю’ (П.6.50). Пиндар называет его еще: Κρόνιος ’сын Крона’ (О.6.29), Ἴσθμιος ‘Истмийский’ (О.13.5) и Πεταῖος ‘Скальной’ (П.4.138).

В числе остальных богов, упоминаемых Пиндаром, значатся также:

Крон (14 раз), отец Зевса (О.1.10), Посейдона (И.1.52) и Хирона (П.3.4);

Арес (13 раз), ‘бог войны’; сын Зевса и Геры; с эпитетами: ναθυπόλεμος ‘крайне воинственный’ (П.2.1), βιατάς ‘могучий’ (П.1.10), κελαινεγχής ‘с черным копьем’ (Н.10.84), χάλκ-ασπις ‘с медным щитом’ (И.7.25), χάλκεος ‘бронзовый’ (О.10.15). Иногда он именуется еще Ἐνυάλιος ‘бог войны’ (О.13.106) и сопровождается эпитетом χαλκοχώραξ ‘с медным панцирем’ (Фр.169.12).

Аид (11 раз); ‘бог подземелья’, сын Крона и Реи, брат Зевса и Посейдона; упоминается без эпитетов (О.8.72, и др.).

Дионис (9 раз); ‘бог вина’, сын Зевса и Семелы; с эпитетами: εὐρυχαίτας ‘пышноволосый’ (И.7.5) и πολυγαθής ‘полный радости’ (Фр.153). именуется также: Βρόμιος ‘Гудящий’

(Диф.2.6), ᾽Εριβόας ‘Звонкоголосый’ (Фр.75.10) и Λυαῖος ‘Освободитель (от забот)’ (Фр.248).

Гермес (8 раз); ‘вестник богов’ (О.6.79), сын Зевса и Майи; с эпитетами: ἐναγώνιος ‘покровительствующий состязаниям’ (И.2.10), κλυτός ‘славный’ (П.9.59) и χρυσόραπις ‘с золотым жезлом’ (П.4.178).

Гелиос (6 раз); ‘бог солнца’, сын титана Гипериона и Теи, брат Селены и Эос (О.7.14, и др.). Именуется также Ὑπεριονίδας с эпитетом φαυσίμβροτος ‘приносящий людям свет’ (О.7.39).

Гефест (5 раз); ‘бог огня’, сын Зевса и Геры; упоминается без эпитетов (О.7.35, и др.).

Нерей (5 раз); ‘бог морей’, сын Понта и Геи, отец Фетиды и Нереид (О.2.29, и др.); с эпитетом εὔβουλος ‘мудрый’ (П.3.92).

Океан (4 раза); ‘бог водной стихии’, сын Урана и Геи, упоминается без эпитетов (О.5.2, и др.).

Пан (4 раза); ‘бог лесов, пастбищ и скота’, сын Зевса или Гермеса (П.3.78); с эпитетами: φύλαξ ‘страж’ (Фр.95), μάκαρ ‘блаженный’ (Фр.96), χορευτάς ‘плясун’ (Фр.99) и ὀπαδός ‘спутник’ (Фр.95.3).

Борей (3 раза), ‘бог северных ветров’, сын Астрея и Эос, назван πατήρ ‘отец’ (П.4.182); с эпитетом ψυχρός ‘холодный’ (О.3.31).

Уран (2 раза); ‘бог небес’, сын Эреба и Геи, отец Крона и Титанов (О.7.38); упоминается без эпитетов.

Асклепий (2 раза); ‘бог врачевания’, сын Аполлона и Корониды (Н.3.54), назван τέκτων νωδυνίας ‘целитель болезней’ (П.3.6).

Аристей (2 раза); ‘божество полей и садов’, сын Аполлона и Кирены (П.9.65), переселившийся из острова Кеос в Аркадию (Фр.251).

Титаны (1 раз), дети Урана и Геи, упоминаются без эпитета (П.4.291). Называется один из них Кей, отец Латоны и Астерии (2 раза; Пеан 7В.44).

Атлант (1 раз), сын Иапета, отец Плеяд, один из титанов, упоминается без эпитета (П.4.289).

Нот (1 раз); ‘бог южных ветров’, сын Астрея и Эос; упоминается без эпитета (П.4.203).

Тартар (3 раза); ‘бог подземелья’, муж Геи, отец Тифона; упоминается без эпитета (П.1.15, и др.).

II. Богини

Центральное место женского пантеона занимает Гера, супруга Зевса (Н.7.95), сестра Гестии (Н.11.2), мать Илитии (Н.7.2). Ее имя упоминается у Пиндара 22 раза и сопровождается эпитетами: χρυσόθρονος ‘восседающая на золотом троне’ (Н.1.38), μεγαλοσθενής ‘могущественная’ (Н.7.2) и λευκώλενος ‘белорукая’ (Пеан 6.88). Гера чтилась особенно в качестве покровительницы в Аргосе (Н.10.2), в Стимфале (О.6.88) и на острове Эгина (П.8.79). Она выступала против Аполлона при решении судьбы Трои (Пеан 6.88), оказывала помощь аргонавтам (П.4.184), подверглась оскорблению со стороны Иксиона (П.2.27), решила участь фракийского царя Реса (Фр.262), была опутана сработанной Гефестом сеткой (Фр.283), с яростью встретила появление на свет Геракла (Н.1.38).

Следующей богиней, выделяемой Пиндаром (ее имя встречается 14 раз), является Афродита, жена Ареса и покровительница любви. Характеризуется как: ἀργυρόπεζα ‘среброногая’ (П.9.9), γλυκεῖα ‘сладкая’ (О.6.35), ἑλικογλέφαρος ‘с кружащимися глазами’ (Фр.123.6), ἑλικῶπις ‘быстроглазая’ (П.6.1), εὔθρονος ‘восседающая на прекрасном троне’ (И.2.5) и ἰογλέφαρος ‘темноглазая’ (Фр.307). Она – небесная мать эросов (Фр.122.5), нимфу Родос родила от Гелиоса (О.7.14), Киныр – ее жрец (П.2.17), прекрасный, сад у нее в Кирене (П.5.24). Афродита именуется также Кипридой (Фр.217) и ‘рожденной на Кипре’ с эпитетом πότνια ‘владычица’ (П.4.216).

Имя богини Афины, любимой дочери Зевса, покровительницы наук, искусства и ремесел, встречается у Пиндара 9 раз и сопровождается эпитетами: ἱππία ‘конная’ (О.13.82), θρασεῖα ‘грозная’ (Н.3.50) и ξανθά ‘светловолосая’ (Фр.34). Она именуется также Πολλάς с эпитетом πολιάοχος ‘покровительница города’ (О.5.10), Πολιάς ‘хранительница города’ (Пеан 6.89) и Ἰτωνία (Парф.2.47).

Богиня Фетида, дочь морского царя Нерея и мать Ахилла, упоминается 9 раз. Ее имя сопровождается эпитетами: κλυτά ‘славная’ (П.3.92), ἀθανάτα ‘бессмертная’ (П.3.101), ποντία ‘морская’ (Н.3.35) и σεμνά ‘почитаемая’ (Н.5.25).

Имя богини Латоны, матери Аполлона и Артемиды, упоминается 8 раз и сопровождается прозвищем Κοιογενής ‘рожденной от Кея’ (Фр.33.3) и эпитетом χρυσαλάκατος ‘с золотым веретеном’ (Н.6.36).

Богиня Фемида, дочь Урана и Геи, жена Зевса, защитница порядка и правосудия, упоминается 7 раз. Она именуется σώτειρα Διὸς πάρεδρος ‘спасительная сопрестольница Зевса’ (О.8.22) и εὔβουλος ‘рассудительная’ (О.13.8, И.8.31, Фр.301).

Дочь Зевса и Латоны, богиня охоты Артемида упоминается 7 раз и именуется Пиндаром: ποταμία ‘речная’ (П.2.7) и οἰοπόλας ‘шагающая одиноко’ (Диф.2.19). В Спарте ее называли еще и ’Ορθωσία ‘Направляющая’ (О.3.30).

Имя богини юности Гебы, дочери Зевса и Геры, жены Геракла (упоминается 6 раз) сопровождается эпитетами: ἀγλαόγυιος ‘прекрасно сложенная’ (Н.7.4), θαλερά ‘цветущая’ (Н.1.71) и χρυσοστέφανος ‘увенчанная золотом’ (О.6.58). Она именуется поэтом καλλίστα θεῶν ‘прекраснейшая из богинь’ (Н.10.18).

Пиндар называет, кроме вышеперечисленных, еще и имена других богинь:

Персефоны, владычицы подземного царства, дочери Деметры (6 раз; 1.12.2, и др.);

Реи, жены Крона и матери Зевса (5 раз; О.2.12 и др.);

Геи, богини земли, дочери Хаоса (4 раза; О.7.38 и др.); называя ее βαθύκολπος ‘нарезанной глубокими долинами’ (П.9.102);

Илитии, покровительницы рожениц, дочери Зевса и Геры (4 раза), с эпитетами: γενέτειρα ‘родительница’ (Н.7.1), ματροπόλος ‘помогающая матерям’ (П.3.9) и πραύμητις ‘добросердечная’ (О.6.42);

Семелы, дочери Кадма и матери Диониса (4 раза); с эпитетами: ἑλικάμπυξ ‘с повязкой на голове’ (Фр.75.19) и τανυέθειρα ‘с распущенными волосами’ (О.2.26);

Деметры, богини земледелия, дочери Кроноса и Реи, матери Персефоны (3 раза); с эпитетами: φοινικόπεζα ‘с пурпурными ногами’ (О.6.94) и χαλκόκροτος ‘шествующая под звуки медных кимвалов’ (И.7.3);

Левкотеи (Ино), морской богини, дочери Кадма (2 раза); П.11.2, Френ 5с.7);

Эринии, богини возмездия, дочери Геи (1 раз); с эпитетом ὀξεῖα ‘грозная’ (О.2.42);

Амфитриты, богини моря, жены Посейдона (1 раз; О.6.105);

Кибелы, фригийской богини плодородия (1 раз; Фр.80);

Теи, дочери Урана и Геи, матери Гелиоса (1 раз); с эпитетом πολυώνυμος ‘многоименная’ (И.5.1);

Гекаты, богини подземелья, дочери Зевса и Деметры (1 раз); с эпитетами: εὐμενής ‘благосклонная’ и φοινικόπεζα ‘пурпурными ногами’ (Пеан 2.78);

Астерии, сестры Латоны и дочери Коя (1 раз; Пеан 5.42);

Ряд существительных персонифицирован Пиндаром в качестве имен богинь: Ἀδικία ‘Бесправие’ (Фр.250а); Πειθώ ‘Убеждение’ (П.4.219 и др.), названное σοφά ‘мудрое’ (П.9.39); Μναμοσύνα ‘Память’; названная: εὔπεπλος ‘нарядная’ (Пеан 7В.16), χρυσόπεπλος ‘в золотом платье’ (И.6.75) и λιπαράμπυξ ‘с блистающей повязкой’ (Н.7.15). Ἀλάθεια ‘Истина’, дочь Зевса (О.10.4), названная ἄνασσε ‘владычица’ и ‘начало великой добродетели’ (Фр.205); Δίκα ‘Справедливость’, названная βάθρον πολίων ἀσφαλές ‘прочная опора городов’ (О.13.6); Εὐνομία ‘Правопорядок’, дочь Фемиды, названная μεγαλόδοξος ‘прославленная’ (О.9.16); Εἰρήνα ‘Мир’, дочь Фемиды, родная (ὁμότροφος); сестра Дики, названная ταμί ἀνδράσι πλούτου ‘хранительница человеческого богатства’ (О.13.7); Ἐλπίς ‘Надежда’, названная γηροτρόφος ‘питающая старость’ (Фр.214.2); Εὐθυμία ‘Радость’ (Фр.155); Εὐφροσύνα ‘Веселье’; одна из трех Харит, дочерей Зевса, названная φιλησίμολπος ‘любящая пение’ (О.14.14); Ἡσυχία ‘Спокойствие’, дочь Дики, названная φιλόφρων ‘дружелюбная’, μεγιστόπολις ‘возвеличивающая города’ и μεγαλάνωρ ‘внушающая бодрость’ (Фр.109.2); Νέμεσις ‘Предназначение’, названная ὑπέρδικος ‘несущая справедливое возмездие’ (П.10.44); Τύχα, богиня случая, дочь Зевса, названная σώτειρα ‘спасительница’ (О.12.2), φερέπολις ‘хранящая города’ (Фр.39), ἀπειθής ‘непокорная’ (Фр.40); Πρόφασις ‘Отговорка’, дочь Эпиметея (П.5.28); Ὕβρις ‘Дерзость’, мать Пресыщения (Κόρος), названная θρασύμυθος ‘грубой на язык’ (О.13.10).

Персонифицированные имена богинь встречаются у Пиндара около 30 раз.

Наряду с женскими, персонифицируются иногда, но реже, мужские имена: Νόμος ‘Обычай’ (Фр.169.1), названный ‘царь всех смертных и бессмертных’ (там же); Κόρος ‘Пресыщение’ (О.13.10), чья мать – Наглость (Ὕβρις; там же); Χρόνος ‘Время’ (О.2.17), названное ‘отец всего’ (там же) и ‘лучший спаситель праведных людей’ (Фр.159); Ἐνιαυτός ‘Год’ (Пеан 1.5), названный παντελής ‘все завершающий’ (там же); Ἐπιμαθεύς ‘крепкий задним умом, сын Иапета, муж Пандоры (П.5.27), Эпиметей.

К рангу божеств отнесены также и Музы, покровительницы искусств, дочери Зевса и Мнемосины. Они упоминаются у Пиндара в 52 случаях и сопровождаются рядом эпитетов: ἀγλαόθρονος ‘восседающая на блистательном троне’ (О.13.96), ἁδύπνος ‘нежно обвевающая’ (О.13.22), ἀργυρέα ‘серебряная’ (Фр.287), βαθύκολπος ‘полногрудая’ (П.1.2), ἑκαταβόλος ‘далеко разящая’ (О.9.5), εὐάμπυξ ‘с красивой повязкой’ (Диф. 1.14), ἐργάτις ‘трудолюбивая’ (И.2.6), ἠύκομος ‘прекраснокудрая’ (О.6.91), ἰοπλόκαμος ‘темноволосая’ (П.1.2), ἰόπλοκος ‘увенчанная фиалками’ (И.7.23), λίγεια ‘сладкозвучная’ (Пеан 14), μελίφθογγος ‘сладкоголосая’ (О.6.21), πότνια ‘владычица’ (Н.3.1), πρόφρων ‘благосклонная’ (И.4.43), φιλοκερδής ‘корыстолюбивая’ (И.2.6) и χρυσάμπυξ ‘с золотой повязкой’ (П.3.90); всего 16 эпитетов.

Музы именуются также Πιερίδες ‘обитательницы Пиерии’ (9 раз); ‘обитательницы Геликона’ (2 раза). Упоминаются имена трех из них: Κλεώ ‘муза-вестница’ (2 раза); с эпитетом εὔθρονος ‘восседающая на прекрасном троне’ (Н.3.83); Καλλιόπα ‘муза эпической поэзии’ (1 раз; О.10.14) и Τερψιχόρα ‘муза пляски и хороводов’ (1 раз); с эпитетом μελίφθογγος ‘сладкоголосая’ (О.2.7).

Следующая группа богинь – Хариты, богини красоты и радости, дочери Зевса и океаниды Эвриномы (упоминаются у Пиндара 29 раза). Характеризуются как: κοιναί ‘общие’ (О.2.50), ἀοίδιμοι ‘воспетые’ (О.14.4), σεμναί ‘чтимые’ (О.14.8), ἠύκομοι ‘с красивой прической’ (П.5.45), βαθύζωνοι ‘низко подпоясанные’ (П.9.3), κελαδεγγαί ‘шумные’ (П.9.89), ξανθαί ‘белокурые’ (Н.5.54). Называются три из них: Аглая, Евфросина (φιλησίμολπος ‘любящая пение’) и Талия (ἐρασίμολπος ‘песнелюбивая’ (О.14.14).

Еще одно подразделение богинь – Нимфы, дочери Зевса, обитательницы водных источников (О.12.19). Упоминаются, в частности: Эхо, воспроизводящая (чужие); речи (О.14.21); Трония, покровительница локридского города Тронион (Пеан 2.1); Кефис, покровительница одноименной беотийской реки (П.12.27); Метопа, покровительница стимфалийского источника (εὐανθής ‘цветущая’, О.6.84); Наяда, водяная нимфа, дочь Геи (П.9.16).

К разряду божеств относятся также Мойры – Лахесис, определяющая судьбу человека (О.7.64), и Клото, прядущая нить

жизни); ὕψίθρονος ‘на высоком троне’, И.6.16); и Горгоны (О.13.63 и др.), чудовища подземного царства – Евриала (П.12.20) и Медуза (εὐπάρᾳος ‘с прекрасными ланитами’; П.12.16).

***

Анализ собственных имен – наименований богов и богинь пиндаровского пантеона дает основание сделать вывод о значительном превосходстве в нем мужского начала над женским. На это указывает, во-первых, частотность упоминаний богов (около 350 раз) и богинь (около 190). При этом имена, ведущих богов встречаются в целом чаще (Зеве – 187, Аполлон – 41, Посейдон – 21), чем имена ведущих богинь (Гера – 22, Афина – 17, Афродита – 14). Об этом свидетельствует, во-вторых, неодинаковое число эпитетов, их сопровождающих. Имен богов мужчин в несколько раз больше. Выделяются в этом плане, в первом случае: Зевс (около 50 эпитетов), Аполлон (20), Посейдон (15) и во втором случае: Гера (3), Афродита (6), Афина (6) и Музы (16). Если среди эпитетов, относящимся к богам-мужчинам преобладают определения их активной деятельности (Зевс – мощно грохочущий, мечущий молнии; Аполлон – далеко стреляющий, Посейдон – потрясающий землю), то в женских эпитетах ударение делается на их личностных приметах (Гера – белорукая; Афродита – быстроглазая, Афина – светловолосая). Если богам-мужчинам отведена в основном роль властителей и победителей мира, то богини пекутся главным образом о судьбах семьи, покровительствуют наукам, искусству и ремеслам, земледелию и охоте. Их сферой деятельности являются не воины, смерти и потрясения, а отношения любви, мира и тихой семейной жизни.

III. Потомки богов

Наряду с упомянутыми выше, Пиндар называет и ряд других имен потомков богов и богинь.

Сын Крона и Филиры, фессалийский кентавр Хирон, искусный целитель (упоминается 4 раза), названный σώφρων ‘мудрый’ (П.3.63) и βαθυμῆτα ‘глубокомысленный’ (Н.3.53);

Сыновья Зевса: Эак (от Эгины, дочери Асопа), первый царь и покровитель острова Эгина (13 раз); Епаф (сын Ио, дочери Инаха; Н.3.53), царь Египта и отец Ливии (2 раза; П.4.14, Н.10.5); Кастор (сын Леды, жены Тандарея), укротитель коней

(9 раз), названный также χρυσάρματος ‘с золотой колесницей’ (П.5.9) и χαλκομίτρας ‘с медным поясом’ (Н.10.90); Персей (сын Данаи, дочери Акрисия), убивший Медузу и спасший Андромеду (5 раз), названный λαγέτας ‘властелин’ (П.10.31); Пиритой, сын Иксиона и царь лапифов (1 раз; Фр.175); Полидевк (сын Леды), брат Кастора (5 раз), названный ἄναξ ‘владыка’ (П.11.62); Титий (сын Алеры), низвергнутый Аполлоном и Артемидой в подземное царство (2 раза; П.4.46, Фр.294); Зеаф (сын Антионы) из Фив (1 раз); Пеан 9.44). Внуки Гелиоса: Иалис, Камир и Линд (сыновья Керкафа и Кидиппы), основатели одноименных городов на острове Родос (3 раза; О.7.74).

Дочери Океана: Мелия, родившая Тенера от Аполлона (5 раз; П.11.4 и др.), названная χρυσαλάκατος ‘обладательница золотого веретена’ (Фр.29.1); Плейона, жена Атланта и мать Плеяд (1 раз; Фр.74).

Сыновья Посейдона: Абдер (сын Тронии), основатель одноименного города во Фракии, названный χαλκοθώραξ ‘в медной броне’ (2 раза; Пеан 2.1); Антей (сын Геи), убитый в схватке Гераклом (2 раза; И.4.52); Беллерофонт, убивший Химеру (2 раза; О.13.69), названный καρτερός ‘сильный’ (О.13.84); Ктеат и его брат Эврит (1 раз; О.10.27), названные вместе Μολίονες (1 раз; 10.34) и убитые Гераклом; Эфиальт (сын Ифимедии), брат Ота, убитый Аполлоном и Артемидой (1 раз; П.4.89); Эврипил (сын Астипалеи), дед Фессала (1 раз; П.4.33).

Дочери Посейдона: Эвадна (дочь Питаны), мать Иама, названная ἰόπλοκος ‘увенчанная фиалками’ (2 раза; О.6.49); Тиро, (мать Пелия; 1 раз; П.4.136).

Сыновья Аполлона: Иам (сын Эвадны), прорицатель (1 раз; О.6.43); Птой (сын Зевксиппы), давший имя одноименной горе в Беотии (2 раза; Фр.51в); Тенер (сын Мелии), названный εὐρυβίας ‘широковластный’ (2 раза; Пеан 9.41).

Сын Ареса Кикн (мать – Пирена), убитый Ахиллом под Троей (2 раза; 2.82).

Дочери Нерея: пятьдесят Нереид (5 раз), включая Фетиду и Псаматею (Н.5.13), водные нимфы, названные: ποντιαί ‘морские’ (П.11.2) и χρυσεαί ‘золотые’ (Н.5.7), ὑψίθρονοι ‘восседающие высоко’ (Н.4.65) и χρυσαλάκατοι ‘с золотыми веретенами’ (Н.5.35).

Дочь Тантала Ниоба, жена Амфиона, мать семи сыновей и семи дочерей (1 раз; Пеан 13).

Дочери Атланта: Плеяды (мать – Плейона), названные ὀρεῖαι ‘горные’ (1 раз; Н.2.21), в том числе и Таигета, покровительница Лакедемона (1 раз; О.3.29).

Сыновья Борея: Зет и Калаид (мать – Орифия), участник похода аргонавтов (1 раз; П.4.182).

Сыновья Геи: Гиганты (3 раза; П.8.17 и др.), исполины, в том числе одноглазые Киклопы, соорудившие оборонительные стены Микен и Тиринфа (2 раза; Фр.266); Герион, сын Хрисаора, пастух быков (3 раза; И.1.13 и др.); Тифон, сын Тартара, задавленный Зевсом под Этной (5 раз; О.4.7 и др.) и Алкионей, убитый Гераклом и Теламоном, названный: μέγας ‘большой’, ἔκπαγλος ‘страшный’ и πολεμιστάς ‘воинственный’ (2 раза; Н.4.27, И.6.33).

Дети Эхидны (сыновья Тифона): Кербер, стоглавый пес, страж подземного царства (1 раз; Фр.249в) и Химера, трехголовое чудовище, убитое Беллерофонтом (1 раз; О.13.90).

***

Итак, анализ собственных имен, относящихся к миру богов у Пиндара, позволяет сделать ряд выводов. Пиндар прекрасно разбирается в вопросах культа богов, что позволяет думать, не прошел ли он специальное обучение при каком-либо из многочисленных греческих храмов поэт был, несомненно, лично сам глубоко верующим человеком и относился к богам с большим почтением и преклонением. На это указывает, кроме всего прочего, широкий круг разнообразных эпитетов, в которых превозносятся их достоинства и отсутствуют критические оценки. И, наконец, Пиндар являлся выразителем того слоя современного ему греческого общества, которое было тесно связано с традиционной, еще не утраченной верой в свое славное прошлое, в своих полумифических и аристократических предков, в благосклонность и покровительство пекущегося о его благополучии великого Зевса и всей олимпийской семьи бессмертных богов.

Рассмотрение имен потомков богов и богинь дает основание заключить, что среди последних выделяются боги старшего поколения: Посейдон (8) и Зевс (7), а также Гея и Гелиос (по 3). Обращает внимание преобладающая роль мужского начала в отношениях богов: в большинстве случаев речь идет об интимных связях богов-мужчин, в редких случаях – богинь. Притом боги-мужчины устанавливают свои связи преиму-

щественно со смертными женщинами, создавая тем самым поколение полубогов и героев. Случаев, когда богини соединяют свою судьбу со смертными мужчинами, весьма мало. Это, свидетельствует, по-видимому, о характерной для мира богов и, по-видимому, не только богов, более широкой свободе мужчин в семейных отношениях. Следует также отметить, что среди потомков богов и богинь преобладают имена сыновей над именами дочерей.

Однако последние относительно чаще сопровождаются эпитетами (Нереиды, Плеяды). Эпитеты, характеризующие богов-мужчин, связаны либо с их общественным положением (владыка, царь), либо с их вооружением (меднопанцирный, о золотой колесницей). Наряду с этим, обращает на себя внимание наличие среди потомков богов и богинь значительного числа чудовищ, олицетворяющих собой разрушительные сады природы (Химера, Горгоны, Кербер).

III. Герои и цари

Среди героев Пиндар выделяет, прежде всего, Геракла, называя его ἥρως θεός ‘богогерой’ (Н.3.22) и упоминая его имя 55 раз.

Геракл – сын Зевса (Н.10.17) и Алкмены (П.11.3), потомок рода Алкаидов (О.6.68), женат на олимпийской богине Гебе (Н.10.18), прародитель древних родов Эратидов (О.7.22) и Гераклидов (П.10.3); покровитель города Фивы (Н.4.24) и основатель олимпийских игр (О.2.3); боролся с Посейдоном, Аполлоном и Аидом (О.9.30), убил Ктеата и Эврита (О.10.27), разрушил город царя Авгия (О.10.30), был обращен в бегство Кикном (О.10.16), избежал смерти со стороны Геры (Н.1.33), победил Гериона и Диомеда (О.3.28), спустился в ад для борьбы с Кербером, предпринял поход на Запад и дошел до гадирских ворот (πύλαι Γαδειρίδαι; Фр.2 56); Пиндар называет его также: ἀριστόμαχος ‘лучший из воинов’ (П.10.3), θρασυμάχανος ‘решительный’ (О.6.68) и ὑπέρβιος ‘могучий’ (О.10.16).

Из остальных героев следует упомянуть: героев троянской войны – Эанта (Αἴας, Аякса), сына Теламона, из Саламина (10 раз; Н.2.14 и др.), названного ὑπέρβιος ‘могучий’ (И.6.53), ὑπερμενής ‘могущественный’ (Фр.184) и ἀκαμαντοχάρμας ‘неутомимый в битвах’ (там же); Ахилла, сына Фетиды и царя Пелея (12 раз; О.2.79 и др.), названного ξανθός ‘русый’ Н.3.43) и

νεόκτονος ‘рано убитый’ (Н.8.30); Гектора, сына царя Приама и Гекубы (7 раз; О.2.81, и др.), Менелая, брата Агамемнона и мужа Елены (1 раз; Н.7.28); Одиссея, сына Лаэрта и царя острова Итака (4 раза; Н.7.21, и др.); Париса (Александра), сына Приама и Гекубы (2 раза; П.6.33, Пеан 6.79); Патрокла, сына Менетия и друга Ахилла (2 раза; О.9.75, О.10.19); участников похода ‘Семи против Фив’ – Эпигонов (1 раз; П.8.42) и, в частности, Амфиария, сына Оикла, аргосского прорицателя (1 раз; Н.11.37), а также одного из защитников города – Меланиппа (1 раз; Н.11.37); участников похода аргонавтов в Колхиду – Иасона, сына Эсона и предводителя героев (9 раз; П.4.119, и др.), названного αἰχματάς ‘копьеносец’ (П.4.12), Мопса, прорицателя и плавателя (1 раз; П.4.191); Кенея, сына Алата (1 раз; Френ 6.8); Линкея, сына Афарея (3 раза; Н.10.12, и др.).

Анализ имен греческих царей проводится по регионам, а именно – цари материка, островов и периферии.

Цари материка

Фесалия – Алев, сын Геракла, царь Лариссы и родоначальник алевадов (1 раз; П.10.5); Протесилай, сын Ификла, царь Филаки, участник троянской войны (1 раз; И.1.58); цари мифических лапифов: Корон (1 раз, Фр.168), Гипсей, сын Пенея и отец Кирены (1 раз; П.9.13) и Флегий, отец Иксиона и Корониды, названный εὔιππος ‘славящийся конями’ (1 раз; П.3.8); Пелей, сын Эака, супруг Фетиды, отец Ахилла, царь мирмидонян во Фтии (10 раз; О.2.78, и др.), названный ἄναξ ‘владыка’ Н.3.33); Пелий, сын Посейдона и Тиро, царь фессалийского Иолка (7 раз), названный ἄθεμις ‘нечестивый’ (П.4.109) и θέσφατος ‘божий’ П.4.71) и Акаст, сын Пелия, супруг Ипполиты, его наследник (2 раза; Н.4.57, Н.5.30).

Беотия – Кадм, сын Агенора, основатель Фив, предок Терона из Акраганта (10 раз; О.2.23, и др.); Эргин, сын Климена, царь Орхомена (1 раз; Пеан 8.103); Миний, царь этого же города, мифический родоначальник племени миниев (1 раз; И.1.56).

Фокида – Строфий, царь Фокиды, отец Пилада, названный γέρων ‘старец’ (1 раз, П.11.35) и Пилад, участник похода аргонавтов, друг Ореста.

Аттика – Эрехтей, сын Геи и Гефеста, царь Афин; основатель Панафеней и Эрехтейона (1 раз, П.7.10); назван также Эрихтоний (1 раз; Фр.253); Тесей, сын Посейдона и Этры,

афинский парь, освободивший город от Минотавра (4 раза; Фр.258, и др.).

Локрида – Локр, ларь Опунта и родоначальник локрийцев, супруг Протогении (5 раз; О.9.20, и др.).

Арголида – Амфитрион, царь Аргоса, супруг Аладены, названный διφρηλάτας ‘возница’ (8 раз; П.9.82, и др.); Эгист, царь Микен, убийца Агдмемнона (1 раз; П.11.37); Адраст, сын Талая, царь Аргоса и Сикиона (6 раз; О.6.13, и др.), названный ἥρως ‘герой’ (П.8.51); Данай, сын Бела и брат Египта, основатель и царь Аргоса (2 раза; П.9.11; Н.10.1); Атрей, сын Пелопа и Гипподамии, царь Микен, отец Агамемнона (1 раз; О.13.58); Эвристей, сын и внук Персея, царь Тиринта (3 раза; О.3.28, и др.); Нис, сын Пандиона и брат Эгея, царь Мегары (2 раза; П.9.91, Н.5.46); Пройт, сын Абанта, царь Аргоса (1 раз; Н.10.41); Стенел, сын Персея и отец Эвристея, царь Тиринта (1 раз; Фр.169.44); Алат, потомок Геракла и родоначальник алетиадов, царь Коринта (2 раза; О.13.14, Фр.6а); Сизиф, сын Эола и Энареты, царь Коринфа и основатель Истмийских игр (2 раза; О.13.52, Фр.5).

Аркадия – Эпит, сын Элата, царь аркадийского города Фесаны (1 раз; О.6.36).

Элида – Эномай, сын Арея и отец Гипподамии, царь Писы (5 раз; О.1.76, и др.); ПелоП. сын Тантала и брат Ниобы, муж Гипподамии, царь Элиды и Аргоса (8 раз; О.1.24, и др.), названный Λυδός ‘лидиец’ (О.1.24), Κρόνιος ‘потомок Крона’ (О.3.23) и ἐσλός ‘благородный’ (Н.2.21); Авгий, царь Элиды, владелец знаменитых скотных дворов (1 раз; О.10.28).

Эпир – Неоптолем, сын Ахилла и Деидамии, царь Молоссии (4 раза; Н.4.51, и др.), названный εὐρυβίας ‘широковластный’ (Пеан 6.102).

Мессения – Идас, сын Афарея и брат Линкея, царь Мессении (2 раза; Н.10.60, Н.10.71); Теодам, царь племени дриопов, убитый Гераклом (1 раз; Фр.335.9); Нестор, сын Нелея и Хлориды, царь Пилоса, участник троянского похода (1 раз; П.3.112).

Цари островов

Сицилия – Дейномен, отец Гиерона, царь Этны (1 раз; П.1.58); Терон, сын Энесидема, царь Акраганта, участник олимпийских игр (5 раз; О.2.5, и др.); Гиерон, сын Дейномена, царь

Сиракуз, основатель Этны (8 раз; О.1.11, и др.), названный εὐάρματος ‘с великолепной колесницей’ (П.2.5) и καλλίνικος ‘торжествующий победу’ (П.1.32); Фаларис, тиран Акраганта (1 раз; П.1,96).

Саламин – Теламон, сын Эака, царь Саламина (6 раз), названный κραταιός ‘могучий’ (Н.4.25) и κρέων ‘владыка’ П.8.100), εὐρυσθενής ‘широковластвующий’ (Н.3.37) и φέρτατος ‘лучший’ (И.6.40).

Кипр – Тевкр, сын Теламона, царь Кипра (1 раз; Н.4.46).

Кеос – Евксантий, сын Миноса и Декситеи, царь Кеоса (1 раз; Пеан 4.35).

Серифос – Полидект, царь острова (1 раз; П.12.14), давший приют Данае и Персею.

Цари периферии

Македония – Аминт, отец Александра I, македонский царь (1 раз; Фр.120).

Фракия – Диомед, сын Ареса, царь племени киконов во Фракии, убитый Гераклом (1 раз; Фр.169.9); Дриас, сын Ликурга, фракийский царь (1 раз; Фр.335.10); Рес, сын Стримона, царь Фракии (1 раз; Фр.262).

Колхида – Ээт, сын Гелиоса, отец Медеи, царь Колхиды (5 раз; П.4.10, и др.).

Троада – Дардан, троянский царь (1 раз; О.13.56); Лаомедон, сын Ила и Эвридики, отец Приама, царь Трои (2 раза; Н.3.36, Фр.140а.66); Приам, последний царь Трои, убитый Неоптолемом (4 раза; П.1. 54, и др.).

Лидия – Крес, сын Атланта, лидийский царь (1 раз; П.1.94); Тантал, сын Зевса, отец Пелопа и Ниобы, царь Лидии (3 раза; О.1.36, и др.).

Мисия – Тевтрант, царь Мисии, предшественник Телефа (1 раз; О.9.71); Телеф, сын Геракла, царь Мисии (3 раза; О.9.73, и др.).

Ликия – Главк, сын Беллерофонта, ликийский царь (1 раз; О.13.60); Сарпедон, сын Зевса, царь Ликии (1 раз; П.3.12).

Эфиопия – Мемнон, сын Тифона и Эос, царь Эфиопии, убитый Ахиллом под Троей (5 раз; П.6.32, и др.), названный ἄφοβος ‘бесстрашный’ и χαλκοάρας ‘одетый в медь’ (И.5.41), στράταρχος ‘полководец’ (П.6.32).

Киренайка – Аристотель, основатель и царь Кирены (1 раз,

П.5.87); Батт, киренский царь (4 раза; П.4.6, и др.); Аркесилай, сын Батта, царь Кирены (6 раз; П.4.2, и др.), названный θεόμορος ‘взысканный богами’ (П.5.5). Наряду с именами царей Пиндар упоминает в нескольких случаях имена греческих цариц:

Алкмена, жена Амфитриона, царя Аргоса, мать Геракла и Ификла (8 раз; О.7.27, и др.), названная δαίφρων ‘разумная’ (П.9.84) и ἑλικγλέφαρος ‘с загнутыми ресницами’ (П.4.172); Медея, дочь Ээта, царя Колхиды, похищенная Ясоном (6 раз; О.13.53, и др.); Пасифая, жена Миноса, царя Крита (3 раза; Пеан 4.38, и др.); Протогенея, жена Локра, царя Опунта (1 раз; О.9.41).

***

Что касается имен греческих царей, встречающихся у Пиндара, то наибольшее их число связано с материком и двумя его регионами: Фессалия и Арголида. Фессалийские и арголидские цари называются также чаще других: Пелей (царь Фтии); – 10 раз, Пелий (царь Иолка); – 7; имя Амфтриона (царя Аргоса); встречается 8 раз; Адраста (каря Аргоса и Сикиона – 6 раз; Эвристея (царя Тиринта); – 3. Из других регионов можно указать на Беотию и Аттику (по 3 царя). В частности, выделяется Кадм, царь беотийских Фив (10 раз) и афинский царь Тесей (4 раза). Среди островных можно отметить сицилийских царей Гиерона (8 раз) и Терона (5), а также Теламона, царя Саламина (6) и его сына Эанта/Аякса, героя троянской войны (10). Участники похода на Трою привлекают особое внимание поэта. Имя Ахилла упоминается 12 раз; Гектора – 7, Одиссея – 4. Отдельные имена царей и героев, в том числе главного из героев – Геракла (упоминается более 50 раз), сопровождаются эпитетами, однако в целом, в отличие от имен богов и богинь эпитеты употребляются Пиндаром лишь спорадически.

IV. Игры и победители

Пиндар воспевает, прежде всего; победителей олимпийских, пифийских, истмийских и немейских, а также (трижды); аргосских и (однажды); коринфских игр.

Название Ὀλυμπιάς ‘Олимпиада’ встречается 8 раз (О.1.94, и др.). Победитель игр именуется Ὀλυμπιονίκας (5 раз; О.6.4, и др.) или Ὀλυμπιόνικος (3 раза; О.14.19, и др.).

Среди олимпийских победителей гонок на колесницах

упоминаются: Терон (5 раз; О.2.5, и др.), царь сицилийского Акраганта (476 г. до н.э.); Сам, из Мантинеи (1 раз; О.10.70), а также Ференик (2 раза; О.1.18, 1.3.74), победоносный конь другого сицилийского владыки – Гиерона. Еще один победитель (в состязаниях на мулах); – Псавмий из сицилийской Камарины (3 раза; О.4.11, и др.). Называются также: победитель в боксе – Диагор (2 раза; О.7.13, О.7.80), сын Дамагета из Родоса; Дорикл (1 раз; О.10.67) из Тиринфа; Никей (1 раз; О.10.72); Тейсандр (1 раз, Фр.321) из Сицилии; в беге – Эон (1 раз; О.10.66), сын Ликимния из Аргоса; Ксенофон (1 раз; О.13.28), сын Тессала из Коринта (464 г. до н.э.); Асопих (1 раз; О.14.17; мальчик), сын Клеодама из Орхомена; Эрготел (1 раз; О.12. 18), сын Филанора из Гимеры; в метании копья – Фрастор (1 раз; О.10.71); в скачке – Гиерон (3 раза; О.1.11, и др.), сын Деиномена из Сиракуз; в борьбе – Алкимедон (2 раза; О.8.17, О.8.65; мальчик), сын Ифмона из Эгины; Эхем (1 раз; О.10.66) из Тегеи; Эфармост (2 раза; О.9.4, О.9.87) из Опунта (468 г. до н.э.); другие победители – Агесий (3 раза; О.6.12, и др.; состязание на мулах), сын Сострата из Сиракуз (468 г. до н.э.), Агесидам (3 раза; О.10.18, и др., кулачный бой мальчиков), сын Архестрата из Локриды (476 г. до н.э.) и Теогент (1 раз; П.8.36), дядя Аристомена.

Наименование Πυθιάς ‘Пирада’ (3 раза; П.1.32, и др.); обозначает пифийские игры и однажды именуется κλεεννά ‘славная’ (П.5.21), а ее победитель называется Πυθιονίκας (1 раз; П.9.1.). Упоминаются: победители колесничных гонок – Герион (5 раз; П.3.80, и др.), сын Диномена; Аркесилай (6 раз; П.4.2, и др.), сын киренского царя Батта (462 г. до н.э.); Трасибул (5 раз; П.6.15, и др), сын Ксенократа из Акраганта (490 г. до н.э.); Каррот (1 раз; П.5.26), сын Алексибия (462 г. до н.э.); Меракл (1 раз; П.7.17), сын Гиппократа из Афин (486 г. до н.э.); Ксенократ (3 раза; П.6.6, и др.), брат Терона из Акраганта (490 г. до н.э.); состязаний мальчиков – Трасидай (1раз; П.11.44) из из Фив и Гиппокл (2 раза; П.16.5, 57) из Пелийея, названный θαητός ‘замечательный’ (П.10.57); бега гоплитов – Телесикрат (2 раза; П.9.3, 100) из Кирены; борьбы – Аристомен (2 раза; П.8.5, 80) и его отец Ксенарк из Эгины (1 раз; П.8.72). Однажды упоминается Пиндаром победитель игры на флейте – это Мидас (П.12,5) из Акраганта.

Обозначение Ἰσθμιάς ‘Истмидам’ подразумевает истмийские игры и встречается дважды (О.13.32, Н.2.9); наряду с обозна-

чением Ἴσθμια (И.4.2). Победителями названы: в гонке колесниц – Теродот (2 раза; И.1.14, 61), сын Асоподора из Фив; Ксенократ (3 раза; П.6.6, и др.), отец Фрасибула из Акраганта; Мелисс (3 раза; И.3.9, и др.), сын Телесиада из Фив; в боксе – Никокл (1 раз; И.8.61), двоюродный брат Клеандра из Эгины, Касмил (1 раз; Фр.6в.в) из Родоса; в панкратии – Клеандр (2 раза; И.8.1, 66; мальчик), сын Телесарха из Эгины; Стрепсиад (1 раз; И.7.21) из Фив; Филакид (4 раза; И.5.18, и др.), сын Лампона из Эгины; другие участники игр – Диодит (1 раз; И.7.31), отец Стрепсиада; Каликл (1 раз; Н.4.80), дядя Тимасарха; Клейтомах (1 раз; П.8.37), дядя Аристомена; Лампромах (1 раз; О.9.84), родственник Эфармоста из Опунта; Мидий (1 раз; Фр.4), родственник Питея из Эгины.

Наименование Νέμεα ‘немейские игры’ встречается у Пиндара дважды (О.13.34, Н.5.5). Упоминаются победители в колесничном беге – Мелисс (3 раза; И.3.9, и др.), сын Телесиада из Фив; Хромий (4 раза; Н.1.17, и др.), сын Агесидама из Этны; в разноборье – Аристоклид (2 раза; Н.3.15, 67), сын Аристофана из Эгины, названный νικαφόρος ‘приносящий победу’ (Н.3.67); Питей (5 раз; Н.5.4, и др.), сын Лампона из Эгины; Тимодем (2 раза; Н.2.14, 24) из Ахарн; в борьбе – Алкимид (2 раза; (Н.6.8, 60; мальчик), сын Теона из Эгины; Тимасарх (2 раза; Н.4.10, 78; мальчик), сын Тимокрита из Эгины; в пятиборье – Соген (3 раза; Н.7.10, и др.; мальчик), сын Теариона из Эгины, названный εὔδοξος ‘славный’ (Н. 7. 8); в беге – Диний (1 раз; Н.8.16), сын Мегаса из Эгины.

Среди победителей в аргосских играх назьшаются: победитель в борьбе – Теэй (2 раза; Н.10.24, 37), сын Улия из Аргоса, а также его родственники – Антий (1 раз; Н.10.40) и Фрасикл (1 раз; Н.10.39). Однажды встречается упоминание о коринтских состязаниях: Ἑλλώτια; О.13.40); в честь Афины.

Из других участников спортивных игр следует назвать: тренеров по борьбе – Ила (1 раз; О.10.18), тренера Агесидама; Менандра (1 раз; Н.5.48), афинского тренера Питея (3 раза; О.8.54, и др.), тренера Алкимедонта; Орсея (1 раз; И.4.72), тренера Мелисса; колесничных возниц – Никомаха (1 раз; И.2.22), возницу Ксенократа; Финтия (1 раз; О.6.22); , возницу Агесия; боксера – Каллия (1 раз; Н.6.36), атлетов – Аристагора из Тенедоса (2 раза; Н.11.3, 19) и Тессала из Коринта (1 раз; О.13.35), панкратиста из Эгины, сына Лампона, Филакида (4

раза; И.5.18, и др.) и олимпийского судью, Элланодика, из Этолии (1 раз; О.3.12).

Анализ имен победителей греческих игр позволяет заключить, что Пиндар считал наиболее знаменитыми тех из них, кто добивался превосходства в колесничных гонках: они упоминаются 14 раз. На втором месте оказываются боксеры (8 раз), на третьем – борцы (7 раз). Следует при этом заметить, что в колесничных состязаниях – что было связано, по-видимому, с особыми затратами – участвовали нередко правители крупных городов. Среди последних можно указать на сицилийских царей и тиранов: Терона из Акраганта и Гиерона из Сиракуз, Аркесилая из Кирены и их родственников: Ксенократа, брата Терона, царя Акраганта; Каррота, родственника Аркесилая, из Кирены. Среди победителей выделяются также выходцы из старинных греческих родов: Агесий из Сиракуз, из рода Иамидов; Алкимедон из Эгины из рода Блепсиадов; Мегакл из Афин, из рода Алкмеонидов; Ксенократ из Акроганта, из рода Эмменидов.

Имена остальных победителей связаны с такими видами состязаний, как: бег (упоминаются в 5 случаях), разноборье (3), гонки на мулах (2), скачи (1), бросанье копья (1), бег с оружием (1) и игра на флейте (1). Заслуживают внимания и победители в состязаниях мальчиков (5).

Произведенный выше анализ дает основание для заключения, что основными центрами подготовки участников спортивных состязаний и их победителей были: Сицилия (Сиракузы, Акрагант, Камарина, Гимера), о-в Эгина, города Фивы и Кирена.

Женщины – участницы игр не упоминаются совсем. Однажды встречается имя Андесистроты, то ли наставницы, то ли матери руководителя хора (Парф.2.71).

V. Другие лица

Среди остальных лиц удается выделить несколько групп:

1. **Поэты**: Аристей из Проконнеса, автор эпической поэмы ‘Аримаспея’ (1 раз; Фр.271); Архилох, лирический поэт из Пароса (2 раза; О.9.1), названный Пиндаром ψογερός ‘придирчивый’ (П.2.55); Гесиод (эпический поэт из Аскры (1 раз; И.6.67); Гомер, автор ‘Илиады’ и ‘Одиссеи’ (5 раз; П.4.277, и др.); Полимнест, ранний поэт и музыкант из Колофона (1 раз; Фр.188); Терпандр, лирический поэт из Лесбоса (1 раз; Фр.125.1.).

Музыканты: Сакад, музыкант из Аргоса (1 раз; Фр.269); Силен, супруг Наиды, танцор (1 раз; Фр.156); Орфей, сын Эагра, певец и аргонавт (2 раза; П.4.177, Френ 3.12); Лин, сын музы Каллиопы, фиванский аэд (1 раз; Френ 3.6); Эней, предводитель хора (1 раз; О.6.88).

Жрецы и прорицатели: Кинир, жрец Афродиты на Кипре (2 раза; П.2.15, Н.8.18); Эллы, жрецы Зевса в Додоне (Фр.59.3); Тиресий, прорицатель из Фив (2 раза; Н.1.61, И.7.8); Теафрий, жреческая коллегия в Эгине (1 раз; Н.3.70); Гелен, сын Приама и Гекабы, прорицатель (1 раз; Н.3. 63); Меламп, сын Амитана и двоюродный брат Ясона, прорциатель (3 раза; П.4.126, и др.).

Мастера: Агамед, основатель дельфийского храма Аполлона (1 раз; Фр.2.2); Дедал, строитель кносского лабиринта на Крите (1 раз; Н. 4.59); Тефоний, строитель храма Аполлона в Дельфах (1 раз; Фр.2.2).

Судьи: Радаманф, судья подземного царства (2 раза; О.2.75, П.2.73).

2. **Мифические лица**: Амитан, сын Кретея и отец Мелампа, из Мессены (1 раз; П.4.126); Эол, отец Сизифа, П.4.108); Алкатой, основатель Мегары (1 раз; И.8.6.); Ганимед, сын Троя, похищенный Зевсом (2 раза; О.1.44, 10.105); Девкалион, сын Прометея и Климены, мифический возобновитесь человеческого рода (1 раз; О.9.43); Терсандр, сын Полиника, внук Эдипа (1 раз; О.2.43) Иолай, сын Ификла и Автомедусы, спутник Геракла (8 раз; О.9.98, и др.), названный ὕμνητός ‘воспетый’ (П.11.61), ἱπποσόας ‘погоняющий коней’ (И. 5. 32) и ἱππομητις ‘искусно управляющий конями’ (И.7.9) Исион, муж Дии, воспылавший любовью к Гере и наказанный Зевсом (1 раз; П.2.21); ; Исх ‘сын Злата, любовник Корониды (1 раз; П.3.31) Ификл, сын Алкмены, брат Геракла (2 раза; П.8.88, И.1.30); Ликимний, сын Электриона, убитый Тлеполемом (2 раза О.7.29, 10.65); Кретей, сын Эола, основатель Иолка (1 раз; П.4.142); Мелеатр, сын Энея, убитый Аполлоном (2 раза; И.7. 32, Фр.149а); Эагр, отец Орфея (Френ 3.11); Тлаполем, сын Геракла и Астидамеи, из Тиринфа (2 раза; О.7.20, 77); Гилл, сын Герата и Деяниры (1 раз; И.9.2); Фок, сын Эака и Псаматеи (1 раз; Н.5.12); Орион, сын Гирия, охотник и созвездие (1 раз; Фр.73); От, сын Алоэя и Ифимедии, брат Эфиалта (1 раз; П.4.89); Полиник, сын Эдипа, отец Терсандра (1 раз; О.2.43).

3. **Исторические лица**: Абрид современник царя Креса, прибывший в Афины во время голода (1 раз; Фр.270); Адмет, сын фессалийского паря Фера, двоюродный брат Ясона (1 раз; П.4.126); Актор, отец Менетия, дед Патрокла (1 раз; О.9.69); Эгимий, отец Памфила, дорийский царь (3 раза; П.1.64, и др.); Эсон, сын Кретея и брат Ясона, царь Иолка (1 раз; П.4.118); Алкман, сын Амфиарея, один из эпигонов (2 раза; П.8.46, 57); Амфилох, сын Амфиарея и Эрифилы, участник похода эпигонов против Фив (1 раз; Фр.43); Антилох, сын Нестора, друг Ахилла, названный βιατάς ‘могучий’ (1 раз; П.6.28); Демофон, сын Тесея и Антиопы, участник троянского похода, афинский царь (1 раз; Фр.176) ил, сын Дардана, дед Приама (1 раз; Н.7.30); Лай, сын Лабдака, отец Эдипа, фиванский царь (2 раза; О.2.38, Фр.68); Меламп, сын Амитана, двоюродный брат Ясона (2 раза; П.4.126, Пеан 4.28); Меликерт, сын Атаманта и Ино, в чью честь были основаны Сизифом Истмийские игры (1 раз; Фр.5.3.); Менетий, отец Патрокла, друга Ахилла (1 раз; О.9.70); Оикл, сын Антифата, отец Амфиарея, аргосского царя, одного из эпигонов (1 раз; И. 8.39); Орест, сын Агамемнона и Клитемнестры (2 раза; П.11.16, Н.11.34); Палемед, сын Навплия, убитый под Троей (1 раз; Фр.260); Памфил, сын Эгимия, дорийского царя (1 раз; П.1.62); Писандр, спартанец, принимавший участие в колонизации Лесбоса (1 раз; Н.11.33); Салмоней, сын Эола, отец Сизифа (1 раз; П.4.143); Ферес, сын Кретея и дядя Ясона, основатель города Феры в Фессалии (1 раз; П.4.125); Филоктет, сын Пэанта, участник троянской войны (1 раз; 11.1.50); Феникс, сын Аминтора, наставник Ахилла (1 раз; Фр.183).

4. **Аргонавты**: Эрит, сын Гермеса и Антианиры (1 раз; П.4.1.79); Эвритион, сын Ира, дед Актора (1 раз; Фр.48); Эвфем, сын Посейдона и Европы (4 раза; П.4.22, и др.); Эхион, сын Гермеса и Антианиры (1 раз; П.4.179); Зет, сын Борея и Орифии (1 раз, П.4.182); Периклимен, сын Нелея и брат Нестора (2 раза; П.4.185, Н.9.26); Фрикс, сын Атаманта и Нефелы (2 раза; П.4.160, 242).

5. **Родственники** победителей и участников игр: Агасикл, сын Пагонда, участник торжественной процессии в честь Аполлона в Фивах (1 раз; Парф.2.38); Агесилай, отец Теокоена из Тенедоса (1 раз; Фр.123.15); Агесимах, предок Алкимида,

немейского победителя (1 раз; Н.6.22); Энесидем, отец олимпийского победителя Феройа (3 раза; О.2.469 и др.); Эолад, отец Пагонда из Фив (2 раза; Парф.1.12, 2.9); Акрон, отец, олимпийского победителя Псавмия (1 раз; О.5.8); Алексидем, предок пифийского победителя Телесикрата (1 раз; П.9.121); Галиротий, отец олимпийского победителя Самоса из Мантиней (1 раз, О.10.70); Аристофан, отец немейского победителя Армстовдида (1 раз; Н.3.20); Архетрат, отец (3 раза; О.10.2, и др.); Асоподор, отец истмийского победителя Геродота (1 раз; И.1.34); Дамагет, отец олимпийского победителя Диагора (1 раз; О.7.17); Эритим, родственник коринтского атлета Фессала (1 раз; О.13.42); Эвтимен, дядя немейского победителя Пифея (2 раза; Н.5.41, И.6.58); Эвфан, дед немейского победителя Тимасарха (1 раз; Н.4.89); Эхекрат, сын Питангела из Орхомена (2 раза; Фр.333а.5, в.12); Теарион, отец немейского победителя Согена (2 раза; Н.7.7, 58); Темисий, из эгинского рода Псалихиадов (2 раза; Н.5.50, 6.65); Теоксен, сын Агесилая из Тенедоса (1 раз; Фр.123.2); Торакс, выходец из фессалийского рода Алевадов (1 раз; П.10.64); Гиппократ, отец пифийского победителя Мегакла (1 раз; Фр.137) Ифион, отец олимпийского победителя Алкимедонта (1 раз; О.8.81); Каллианакс, предок олимпийского победителя Диагора (1 раз; О.7.93); Каллимах, родственник олимпийского победителя Алкимедонта (1 раз; О.8.82); Клеодма, отец олимпийского победителя Асопиха (1 раз; О.14.22); Клеоник, дед немейского победителя Пифея (2 раза; И.5.56, 6.16); Клеоним, предок истмийского победителя Мелисса (1 раз; И.3.15); Климен, отец Эргина, царя из Орхомена (1 раз; О.4.19); Лампон, отец истмийского победителя Филакида (4 раза; И.6.3, и др.); Мегас, отец истмийского победителя Диния (2 раза; Н.8.16, 44); Мидил, предок пифийското победителя Аристомена из рода Мидилидов (1 раз; Фр.190); Улий, отец немейского победителя Феэя (1 раз; Н.10.24); Пагонд, отец Агасикла (1 раз; Парф.2.10); Пояс, отец Филоктета (1 раз; П.1.53); Памфей, предок Феэя (1 раз; Н.10.49); Политимид, родственник немейского победителя Алкимида (1 раз; Н.6.62); Праксидам, его же дед (1 раз, Н.6.15); Птеодор, отец коринтского атлета Фессала (1 раз; О.13.41); Питангел, отец Эхекрата из Орхомена (1 раз; Фр.333а.6); Питоник, отец пифийского победителя Фрасидея (1 раз; П.11.43); Соклид, предок Алкимида (1 раз, Н.6.21); Сострат, отец олимпийского победителя Агесия

(2 раза; О.6.9, 80); Телесарх, отец истмийского победителя Клеандра (1 раз; И.8.2); Терпсий, брат Птеодора (см. выше; 1 раз; О.13.42); Тимокрит, отец немейского победителям Тимасарха (1 раз; Н.4.13); Тимоной, отец немейского победителя Тимодема (1 раз; Н.2.10); Тимосфен, брат олимпийского победителя Алкимедонта (1 раз; О.8.15); Филанор, отец олимпийсюго победителя Эрготела (1 раз; О.12. 13); Фракий, отец пифийского победителя Гиппокла (1 раз; П.10.16), названный κρατησίπους ‘побеждающий ногами’ (в беге; 1 раз; П.10.16).

6. **Матери, дочери и жены мифических героев**: Алера, мать (от Зевса) гиганта Тития (1 раз; Фр.294); Антиопа, амазонка, жена Тесея (2 раза; Фр. 175, 176); Арсиноя, кормилица Ореста (1 раз; П.11.17); Астидамея, дочь Аминтора и мать Тлеполема (1 раз; О.7.24); Асопиды, дочери беотийской реки Асоп (1 раз; И.8.17); Даная, дочь Акрисия и мать Персея (3 раза; П.10.45, и др.); Деянира, дочь Энея и жена Геракла (1 раз; Фр.249а); Демодика, мачеха Фрикса (1 раз; Фр.49); Дамэна, мать Пагонда (см. выше; 1 раз; Парф.2.66); Гекаба, дочь Диманта и жена Приама (1 раз, Пеан 8А.I7); Елена, дочь Тиндарея и жена Менелая (6 раз; О.3.59, и др.), названная καλλιπλόκαμος ‘с красивыми волосами’ (О.3.1); ὑψίκομος ‘с высокой прической’ (Пеан 6.95); Эндеида, дочь Хирона и жена Эака (1 раз; Н.5.12); Эрибея, жена Теламона и мать Эанта (1 раз; И.6.45); Эрифила, дочь Талая и сестра Адраста (1 раз; Н.9.16); Эвринома, дочь Океана и мать муз (1 раз; Фр.333а.10); Фива, дочь Асопа и Метопы (7 раз; Фр.290, и др.), названная πλάξιππος ‘погоняющей’ (О.6.85), χρύσασπις ‘с золотым щитом’ (И.1.1), μάκαιρα ‘благая’ (И.7.1) и κυανάμπυξ ‘с темно-синей повязкой’ (Фр.29,3) Ино, дочь Кадма и жена Атаманта (4 раза; О.2.30, и др.); Гипподамия, дочь Эномая и жена Пелопа (2 раза; О.1.70, 9.10) Ипполита, дочь Кретея и жена Акаста (2 раза; Н.4.57), названная ἁβρά ‘прелестная’ (Н.5.26) Ифигения, дочь Агамемнона и Клитемнестры (1 раз; П.11.22) Ифимедия, мать Ота и Эфиалта (1 раз; П.4.89); Кассандра, дочь Приама и Гекабы (1 раз; П.11.20); Клитеместра, дочь Тиндарея и жена Агамемнона (1 раз; П.11.0); Коронида, дочь Флегия и мать Асклепия (от Аполлона; 1 раз; И.3.25), названная καλλίπεπλος ‘в красивом платье’ (там же); Креойса, дочь Геи и мать Гипсея (1 раз; П.9.16); Леда, жена Тиндарея и мать Кастора, Полидевка и Елены (3 раза; Н.10.66, и

др.); названная βαθύξωνος ‘низкоподпоясанная’ (О.3.35); Мегара, дочь Кеонта из Фив и жена Геракла (1 раз; И.4.64); Мидея, мать Ликимия, наложница Электриона (1 раз; О.7.29); Пирра, дочь Эпиметея и жена Девкалиона (1 раз; О.9.43); Гиперместра, дочь Даная и жена Линкея (1 раз; Н.10.6); Типсипила, дочь Тоанта из Лемноса и жена Ясона (1 раз; О.4.23); Харикло, дочь Аполлона и жена Хирона (1 раз; П.4.103).

7. **Разные лица**: Демофил, гражданин Кирены в изгнании (1 раз; П.4.281); Ройк, выходец из Крита (1 раз; Фр.252); Скотий (1 раз; Фр.319).

8. **Лица, близкие к Пиндару**: Агатонид, приближенный к поэту (1 раз; Фр.128.2); Даифант, сын Пиндара (1 раз; Фр.94c); Эвметис, его дочь (1 раз; Фр.94c); Каллина, свекровь (1 раз; Фр.94c); Лиситей, отец Мегаклеи (1 раз; Фр.94e); Мегаклея, жена Пиндара (1 раз; Фр.94c); Никасипп, друг поэта (1 раз; И.2.47); Протомаха, дочь Пиндара (1 раз; Фр.94c); Химар, его спутник (1 раз; Фр.128.2).

***

Наиболее многочисленными оказались группы имен родственников победителей общегреческих игр, а также мифических и исторических героев. Значительно и число женских имен, относящихся к матерям, дочерям и женам мифических героев. Относительно реже упоминаются имена поэтов и музыкантов, жрецов (прорицателей) и мастеров. Крайне редко эти имена сопровождаются эпитетами (Иолай, Елена, Фива). Греческая поэзия представлена именами Гомера, Гесиода, Архилоха и Терпандра, музыка – именами Орфея и Лина, архитектура – именем Дедала. Среди мифических и исторических лиц преобладают участники трех основных походов: троянского, фиванского и похода аргонавтов.

Имена родственников победителей спортивных игр представляют собой в основном их отцов и предков, иногда выходцев из генеалогического рода того или иного региона. Что касается женских имен, то они в большинстве случаев связаны с родословной героев и принадлежат их дочерям и женам. Лишь однажды названа кормилица Одиссея – Арсиноя и мачеха Фрикса – Демодика. Елена характеризуется как женщина с

высокой и красивой прической, Фива как погонщица коней и обладательница золотого щита и темной повязки. Имена упоминающихся лиц встречаются в основном однажды, редко повторяются несколько раз: Гомер (5 раз), Елена (6), Фива (7). Имена родственников самого Пиндара известны отчасти из его собственных песен, отчасти по свидетельствам других источников.

VI. Регионы, города и жители

1. Упоминаются континенты: Европа (1 раз; Н.4.70) и Азия (1 раз; О.7.18); Среди регионов встречаются наименования: Эллада (6 раз; О.13.113, и др.) и Панэллада (1 раз; Пеан 6.62), Элида (3 раза; О.1.78, и др.) с Олимпией (17 раз; О.1.7, и др.); Фессалия (1 раз; П.10.2), Аркадия (6 раз; О.3.27, и др.), Лакедемон (4 раза; П.10.1, 4.49) или Спарта (5 раз; П.1.77, и др.), Ликия (1 раз; О.13.60), Ливия (1 раза; П.4.6, и др.) и Египет (2 раза; Н.10.5, Фр.82).

Названия некоторых регионов сопровождаются эпитетами: Азия именуется εὐρύχορος ‘обширная’ (О.7.18); Египет – λιπαρά ‘блестящий’ и ἀγχίκρημνος ‘расположенный у обрывистых берегов’ (Фр.82); Ливия – καρποφόρος ‘плодоносящая’ (П.4.6); εὐρύχορος ‘обширная’ (П.4.42), εἰρυλείμων ‘с широкими луга’ (П.9.55), πυροφόρος ‘несущая огонь’ (И.4.54); Эллада – ποθεινά ‘желанная П.4.218) и καλλίχορος ‘с красивыми площадками для хора’ (Диф.2.25). Наибольшее количество эпитетов досталось острову Эгина (10 раз; О.7.86, и др.): δολικήρετμος ‘с длинными веслами’ (О.8.20), πολυξένα ‘с многими иностранцами’ (Н.3.2), διαπρεπής ‘славная’ (И.5.44), ναυσικλυτός ‘славная кораблями’ (И.9.1) и εὔανδρος ‘с красивыми мужами’ (Н.5.9). Фессалия названа μάκαιρα ‘блаженная’ (П.10.2), Аркадия – εὐάνωρ ‘с благородными мужами’ (П.6.80) и εὔμηλος ‘изобилующая овцами’ (О.6.100), Лакедемон – ὀλβία ‘богатый’ (П.10.1) и μεγάλα ‘большой’ (П.4.49).

Среди названий местностей упомянуты: Арея, расположенная на Сицилии (1 раз; Н.9.41); Ахарны, аттический дом (1 раз; Н.2.16); Элевсин, культовый центр Деметры и Персефоны в Аттике (3 раза; О.13.110), названный ἐνναλία ‘прибрежный’ (О.9.99); Марафон в Аттике, место проведения игр в честь Геракла (2 раза; О,9.89, П.8.79); Додона (в Эпире), с храмом – оракулом Зевса (1 раз; Фр.60), называемая также Теспротидой

(там же) и Молоссией (1 раз; Н.7.38); Афон, полуостров в Халкидике (1 раз; Пеан 2.61); Алтий, священный округ Зевса в Олимпии: (1 раз; О.10.45); Зефирий, местность в Локриде (1 раз Фр.140в.5); Малея, округ в южной Лаконии (1 раз; Фр.156).

Наиболее часто встречается упоминание Немеи (в Арголиде), связанное со святилищем Зевса и проводившимися в его честь состязаниями (23 раза; О.7.82, и др.). Немея названа поэтом εὔφυλλος ‘покрытая листвой’ (И.6.61) и βαθυπέδιος ‘лежащая в котловине’ (Н.3.18).

Два наименования местности относятся к Малой Азии: Дидима (вблизи Милета), где находился древний храм Аполлона (1 раз; Фр.174), и Аримы, горная область Киликии, связанная с именем чудовища Тифона (1 раз; Фр.93).

2. Рассмотрим встречающиеся у Пиндара названия городов, расположенных в материковой Греции, на ее островах и периферии.

Материк

Эпир – город Эфига (1 раз; Н.7.37) в Молоссии.

Фессалия – города: Иолк (5 раз; П.4.188, и др.), названный κλειτά ‘славный’ (Н.4.77) и λατρία ‘заработный’ (Н. 4. 54); Лакерея (1 раз; П.3.34) в Пеласгиотиде; Фтия (2 раза; П.3.101, Н.4.51) в юго-восточной Фессалии; Филака (1 раз, И.1.50) в Фтиотиде; Эсонида (1 раз; Фр.273) в Магнезии.

Фокидя – города: Дельфы (2 раза; О.13.43, П.9.75), обозначаемые также как Пифо (9 раз; О.7.10, и др.) или Пифон (19 раз; О.2.39; и др.), названные πετράεις ‘скалистый’ (О.6.48), μηλοδόκος ‘принимающий (жертвенных) овец’ (П.3.27), ἀγάθεος ‘священный’ (Н.6.34) и αἰπεινός ‘высокий’ (Н.9.5); Кирра (Крисса; П.3.7, и др.), расположенная рядом с Дельфами.

Беотия – города: Авлида (1 раз; Фр.49), на реке Эврип; Фивы (30 раз; П.3.91, и др.); названные εὐτάπυλοι ‘семивратные’ (П.9.30, и др.), λιπαραί ‘блестящие’ (Фр.1.96) и κλυταί ‘знаменитые’ (Фр.198а) и χρυσάρματοι ‘с золотой колесницами’ (Фр.323); Орхомен (3 раза ; О.14.4, и др.), древняя столица Миниев; Онхомен (2 раза; И.4.19, Парф. 2.46) со святилищем Посейдона; Танагра (1 раз; Фр.286).

Аттика – город Афины (12 раз; О.7.82, и др.), азванные ἀοιδιμοι ‘воспетые’ (Фр.76.2), ἱεραί ‘священные’ (Фр.75.4),

εὐώνυμοι ‘почтенные’ (Н.4.19), ἰοστέφανοι ‘увенчанные фиалками’ (Фр.76.2), κλειναί ‘славные’ (там же), λιπαραί ‘блестящие’ (Н.4.19), μεγάλαι ‘великие’ (Н.2.8), μεγαπόλιες ‘обширные’ (П.7.1) и κρανααί ‘обрывистые’ (О.7.82, и др.).

Арголида – города: Аргос (15 раз; О.7.83, и др.), названный μεγά ‘большой’ (Циф.1 7) и ἵππιον ‘лошадиный’ (И.7.11); Эпидавр (3 раза; Н.5.62, и др.), где проводились состязания в честь Асклепия; Микены (1 раз; П.4.49), архаический центр микенской культуры; Тиринф (2 раза, О.7.29, 10.68), древний город Арголиды; Коринт (8 раз; О.13.4, и др.), названный ὀλβία ‘процветающий’ (там же), ἀφνειός ‘богатый’ (Фр.122.2); Мегары (4 раза, О.7.86, и др.) в области коринтского залива; Мидея (1 раз; О.10.66), между Тиринфом и Микенами; Клеоны (1 раз; О.10.30) и Флеунт (1 раз; Н.6.44) вблизи Немеи; Сикион (5 раз; Н.9.53, и др.), известный состязаниями в честь Аполлона.

Лакония – Терапна (3 раза; П.11.63, и др.), на берегу Эврота; Амиклы (3 раза; П.1.65, и др.), связанные с культом Аполлона; Тенар (2 раза; П.4.44, 174), на одноименном мысе, с храмом Посейдона; Питана (1 раз; О.6.28), спартанский город и округ.

Аркадия – Клитор (1 раз; Н.10.47), на одноименной реке; Мантинея (1 раз; О.10.70) в восточной Аркадии; Тегея (2 раза; О.10.66, Н.10.47), место состязаний в честь Афины Алейской; Фесана (1 раз; О.6.34) на реке Алфей.

Другие области Пелопонеса:

Мессения – города: Мессена (1 раз; П.4.126); Пилос (3 раза; О.9.31, и др.), основанный Нелеем; Элида – город Писа (10 раз; О.1.18, и др.) вблизи Олимпии; Локрида – город Опунт (1 раз; О.9.14); Ахайя (4 раза; О.7.86, и др.), место проведения спортивных игр.

Острова

Кеос – город Картая (1 раз; Пеан 4.13).

Сицилия – Акрагант (4 раза; О.2.6, и др.), город на берегу реки, названный κλεινά ‘славный’ (О.3.2) и ποταμία ‘речной’ (П.6.6); Гимера (1 раз; О.12.2), город на севере Сицилии; Камарина (1 раз; О.5.4) у устья реки Гиппарий; Сиракузы (5 раз; О.6.6, и др.), крупнейший город древней Сицилии, названный κλειναί ‘прославленный’ (Н.1.2) и μεγαλοπόλιες ‘обширный’ (П.2.1).

Эвбея – город Эги (1 раз; Н.5.37).

Периферия

Малая Азия – город Троя (7 раз; О.2.81, и др.) под разными названиями: Дардания (2 раза; Пеан 6.90, 18.7), Илион (4 раза; О.8.32, и др.) и Пергам (2 раза; О.8.42, Пеан 6.96), названный εὐρύς ‘широкий’ (там же); Сипил (1 раз; О.1.38), города Лидии.

Ливия – город Ираса (1 раз; П.9.106) у озера Тритонида; Кирена (5 раз; П.9.73, и др.), город основанный Ваттом на побережье Африки, названный Пиндаром εὐδαίμων ‘счастливым’ (П.4.276) и εὔιππος ‘богатым конями’ (П.4.2).

Из других городов следует упомянуть: египетский город Мендес (1 раз; Фр.201.1) вблизи Нила; италийский город Кумы (2 раза; П.1.18, 72); аппенинский город Гадиры (1 раз; Н.4.69) и Вавилон (2 раза; Пеан 4.15, Диф.4с.9), на берегу Эвфрата.

3. С названиями греческих городов и регионов тесно связаны наименования их жителей. Наиболее обобщенные из них: Эллины (5 раз; О.1.116, и др.) и Панэллины (2 раза; И.2.38, 4.29). Остальные – частные.

Материк

Крестонеец (1 раз; Фр.309), гражданин (πολίτας) города Крестон во Фракии; Пэонийцы (1 раз; Пеан 2.61), жители Македонии и восточной Фракии, названные αἰχματαί ‘воинственные’; Эфирцы (1 раз; П.10.55), жители фессалийской Эфиры (позднее – Кранной); Магнеты (2 раза; П.4.80, Н.5.27), уроженцы Магнесии в Фессалии; Этолийцы (1 раз; И.5.30), жители Этолии; Беотийцы (3 раза; О.6.99, и др.), выходцы из Беотии; Кадмейцы (1 раз; П.9.83), жители города Фивы; Дельфийцы (6 раз; Фр.192, и др.), граждане города Дельфы, названные ξεναγέται ‘гостеприимные’ (й. 7.43) и μάνιες ‘прорицатели’ (Пеан 8.13); Афиняне (4 раза; П.1.76, и др.), жители города Афины; Эпейцы (2 раза; О.9.58, 10.35), древние заселители Элиды; Лакедемонянин (1 раз; И.7.14), житель Спарты или Лаконец (1 раз; П.11.16), об Оресте; Аргивянин (2 раза; И.2.4, 6.58), житель Аргоса; Микенец (1 раз; Фр.202), гражданин Микен; Тиринфянин (2 раза; О.7.78, И.6.28), житель Тиринфа; Аркадийцы (1 раз; О.9.68), выходец из Аркадии; Писатянин (1 раз; О.9.68), житель элидской Писы.

Острова

Этнийцы (1 раз; Н.9.30), жители сицилийского города Этна (впоследствии Катана); Мирмидоняне (2 раза; Н.3.13), Пеан 6.107), древнейшие обитателей острова Эгина; Сиракузцы (1 раз; П.1.73), жители сицилийского города Сиракузы; Критяне (3 раза; П.5.4, и др.), уроженцы острова Крит, названы τοξοφόροι ‘носящие луки’ (там же); Киприоты (1 раз; П.2.16), жители острова Кипр; Акрагантийцы (1 раз; И.2.17), жители города Акраганта в Сицилии.

Периферия

Малая Азия – Троянцы (также и Дарданцы; 3 раза; П.11.34, и др.), жители города Троя); названные χαλκοχάρμαι ‘радующиеся медным доспехам’ (П.5.83); Лидийцы (1 раз; Фр.125.2), обитатели Лидии; Смирнейцы (1 раз; Фр.204), жители ионийской Смирны; Скифы (1 раз; Фр.105в.1), уроженцы Скифии; Ливиец (1 раз; П.9.117), об Антее, и Ливийка (1 раз; П.9.105), о дочери Антея.

***

Среди регионов Греции, упоминающихся Пиндаром наиболее часто, следует отметить Олимпию (17 раз) в Элиде и Немею (23 раза) в Арголиде, т.е. места, где проводились всегреческие – соответственно олимпийские и немейские – игры. Относительно чаще встречаются наименования Эллады (6 раз), Аркадии (б) и Спарты (5). На периферии в Ливия (4). Наибольшее число эпитетов сопровождает название острова Эгина (встречается 10 раз) и той же Ливии (4). Преобладают, эпитеты типа ‘блаженная’ (Фессалия), ‘богатый’ (Лакедемон), ‘желанная’ (Эллада), ‘обширная’ (Азия), ‘блестящий’ (Египет), ‘плодоносящая’ (Ливия).

Из названий местностей можно выделить культовый центр Элевсин (3 раза) и Марафон (2 раза) в Аттике.

Обращает на себя внимание значительное число названий греческих городов и высокая степень частотности их упоминания. Город (Беотия) встречается 30 раз; Дельфы (Пифон; Фокида); – 30, Аргос (Арголида) – 15, Афины (Аттика) – 12, Коринт (Арролида) – 8. По количеству упомянутых городов можно выделить следующие области: Арголиду (10 городов), Фессалию (6), Беотию (5). Название города Афины сопровождается наибольшим числом эпитетов (9), среди них такие как ‘священные’, ‘воспетые’, ‘славные’, ‘великие’. Вторым городом,

удостоенным ряда эпитетов, являются Фивы: ‘семивратные’, ‘знаменитые’ и ‘блестящие’.

Среди островов особым вниманием пользуются Сицилия с ее городами: Акрагант (4 раза) и Сиракузы (5). В Малой Азии чаще других упоминается город Троя (7 раз), она же Илион (4) и Дардания (2 раза). В Ливии выделяется город Кирена (5 раз), ‘счастливая’ и ‘славная лошадьми’.

Жителей Греции Пиндар называет эллинами (5 раз) и панэллинами (2). В нескольких случаях упоминаются дельфийцы (6 раз), беотийцы (3), афиняне (4), жители Крита (3 раза) и Трои (3). Остальные наименования жителей регионов и городов встречаются лишь эпизодически.

VII. Племена и роды

Пиндар называет следующие греческие племена: Ахейцев под Троей (Пеан 6.85), а также из Ахайи, Эпира, Аркадии, Фессалии, Лаконии (Н.7.64, 10.47; И.1.31, 58); Дорийцев (П.1.65) и, в частности из Эгины (О.8.30, П.8.20, И.9.4, Пеан 6.123) Ионийцев (Пеан 2.3) и, в частности из Абдеры; Эолийцев (Н.11.35, Фр.191); Фессалийцев (И.10.70), а также фессалийских Темонов (Н.4.56), Долопов (Фр.183) и Лапитов (П.9.14); беотийских Миниев (О.14.4), живших вокруг Орхомена; фракийских Киконов (Фр.169.10); Телебеев (Н.10.15) из Акарнании; мессенских Дриопов (Фр.335.10); Гипербореев (4 раза; О.3.31, и др.) из далекого Севера италийских Тирсенов (Этрусков; П.1.72); косских Меропов (3 раза; Н.4.26, и др.); Колхов (3 раза; П.4.11, и др.), жителей Колхиды; понтийских Амазонок (5 раз; О.13.87, и др.); малоазийских Мидийцев (П.1.78); ликийских Солимов (О.13.90); африканских Эфиопов (5 раз; О.2.83, и др.).

Упоминаются потомки мифических и полумифических героев: Адрастиды (О.2.45), потомки Адраста; Эакиды, наследники Эака (Теламон, Неоптолем, Ахилл; 6.35, Н.7.45, И.8.55; жители Эгины, 11 раз; О.13.109, и др.); Эолиды, потомки Эола (Ясон, Беллерофонт; 3 раза, О.13.67, и др.); Эсомид (Ясон; П.4.217); Алкаид, сын Алкея (Амфитрион; О.6.68, Пеан 20.4); Амитаониды, наследники Амитаона (Фр.179); Аминторид, внук Аминтора – Тлеполем (О.7.23); Амфитрионид, сын Амфитриона (Геракл; 3 раза, О.3.14, и др.); Антенориды, потомки Антенора (П.5.83); Аполлониды, дети Аполлона (прорицатели; Фр.192); Атреиды, сыновъя Атрея (Агамемнон и Менелай; 7 раз; О.9.70, и. др.);

Афаретиды, сыновья Афарея (Ид и Линией; Н.10.65); Дарданиды, наследники Дардана (Троянцы; Фр.120, Пеан 8А.17); Эратиды, потомки Тлеполета (О.7.93); Эрехтеиды, дети Эрехтея (Афиняне; И.2.19); Гераклиды; наследники Геракла (Дорийцы; П.1.63) Ификлид, сын Ификла (Молай; П.11.59); Койранид, сын Койрана (Полиид; О.13.75); Лабдакиды, потомки Лабдака (Фиванцы; И.3.17); Эдипод, сын Лая (П.4.263); Эклид, сын Экла (Амфиарей; 3 раза О.6.13, и др.); Энеиды, сыновья Энея (Мелеагр и Тидей; И.5.31); Уранад, сын Урана (3 раза; П.4.3; и др.); Пелонид, сын Пелопа (Н.8.12); Пелид, сын Пелея (Ахилл; О.6.23, Педн 6.93); Таланид, сын Талая (Адраст; О.6.15); Теламониды, сыновья Теламона (Тевкр, Аякс; Н.4.47, И.6.26); Тиндариды, сыновья Тиндара (Кастор, Полидевк; 7 раз; Н.10.73, и др.); Филирид, сын Филиры (Хирон; 2 раза; П.3.1, 9.30).

Встречаются и наименования целых родовых объединений: Алевады, фессалийский род, восходящий к Гераклу (Френ 5.9); Эгеиды, род Эгея с ответвлениями в Фивах и Спарте (2 раза; П.5.75, И.7.15); Алкмеониды, знаменитый афинский род (И. 7.2); Бассиды, родовое объединение на острове Эгина (Н.6.31); Баттиды, киренские цари, наследники Батта (И.5.28); Блепсиады, эгинский род (О.8.75); Эммениды, известный сицилийский род из Акраганта (2 раза; О.3.38, П.6.5); Теандриды, эгинский род немейского победителя Тимасарха (Н.4.73); Мамиды, потомки Иама (О.6.71); Клеонимиды, фиванский род (И.4.4); Мидилиды, эгинское родовое объединение (П. 8.38); Олигетиды, знатнейший род города Коринф (О.13.97); Скопады, фесеалийский род из Краннона (Фр.255); Хариады и Псалихиады, известные эгинские роды (Н.8.46).

Однажды упоминаются Гомериды, последователи и исследователи Гомера, объединение эпических рапсодов (Н.2.1).

Остается упомянуть остальных лиц, потомков знаменитых родителей: Алексибиад, сын Алексибия, т.е. Каррот, возница пифийского победителя Аркесилая (П.5.45) Илатид, аркадийский царь, сын Илама (2 раза; О.6.33, П.3.31) Илиад, сын Илея из Локриды (О.9.112); Эвксенид, потомок Эвксена (Н.7.70); Карнеад, отец киренского победителя Телесикрата (П.9.71); Креонтид, предок немейского победителя Алкимида (Н.6.40); Телесиад, отец истмийского победителя Мелисса (И.4.45); Тимодемид, сын немейского победителя Тимодема (Н.2.18).

***

В широком спектре наименований племен, проживавших на территории Греции и упоминаемых Пиндаром, можно выделить ахейцев (5 раз) и Фессалийцев (4). Основные общие для них племенные образования (ионийцы, дорийцы, эолийцы) встречаются в песнях еще не как целостные объединения, а лишь в связи с их частными поселениями: дорийцы – на острове Этина, ионийцы – в районе города Абдеры. Обращает на себя внимание интерес поэта к мифическим гипебореям (4 раза), жителям Колхиды (3) и далеким эфиопам (5). Следует отметить особую роль родовых объединений в жизни греческого общества, отображаемого Пиндаром. Он упоминает имена нескольких десятков мифических, полумифических и рядовых лиц, подчеркивая их происхождение, главным образом по отцу или деду. Крайне редко (Филирид); указана женская линия героя. Можно выделить потомков Эакидов из Эгины (названы 11 раз), Атреидов из Арголиды (7) и Тиндаридов (7). Называется и ряд знатнейших греческих родов других областей и городов: Афин (Алкмениды), Фив (Клеонимиды), Коринт (Олигетиды), Фессалии (Скопады), Акраганта (Эммениды).

Иногда поэт сопровождает имена представителей того или иного рода различными эпитетами Так, Эакиды характеризуются как δορίκτυποι ‘бряцающие копьями’ (Н.7.9) и χρυσάρματοι ‘восседающие в золотой колеснице’ (И.6.19), Антенориды как χαλκοχάρμαι ‘радующиеся медным доспехам’ (П.5.83), Энеиды как κρατεροί ‘сильные’ редко эпитеты появляются рядом с племенными наименованиями: минийиев поэт называет παλαίγονοι ‘древние’ (О.14.4), колхов – κελαινῶπες ‘темнолицие’ (П.4.212).

VIII. Горы, реки и острова

Нередко встречаются у Пиндара наименования гор и горных вершин: Этна, гора на Сицилии (5 раз; О.4.6, и др.), названная νιφόεσσα ‘снежная’ (П.1.0); ὑψίλοφος ‘высоковершинная’ (О.13.111); Аперaит (Фр.295), гора в Арголиде (Немее); Атабирий (О.7.87), самая высокая гора на Родосе, с храмом Зевса; Киферон (П.1.77), гора на границе Аттики и Беотии; Калидон (Диф.4.4), гора в Этолии; Киллана (О.6.77), гора в Аркадии вблизи Стимфала; Ликей (Н.10.48), гора в Аркадии на границе с Мессенией; Меламфилий (Пеан 2.69), гора вблизи Абдеры; Олимп (14 раз; О.1.54, и др.), горный кряж на границе Пиерия –

Македония – Фессалия, местопребывание олимпийских богов; Гомола (Фр.113), гора в Фессалии со святилищем Пана; Пангей (П.4.180), горная цепъ во Фракии; Пелий (5 раз; П.2.45, и др.), гора в Фессалии, место нахождения пещери Хирона; Пинд (2 раза; П.1.66, 9.15), гора в Фессалии; Таигет, горный кряж вдоль лаконско-мессенской границы; Томар (Пеан 6.109), гора в Эпире, близ Додоны.

Довольна часто, упоминаются Пиндаром различные греческие реки: Акрагант (П.12.13), сицилийская река, названная μηλόβοτος ‘покрытая пастбищами’; Алфей (15 раз; О.1.20, и др.), вблизи олимпийского святилища, названная εὐρὺ ῥέων ‘широко текущая’ (О.5.18), река в Олимпии; Аменан (П.1.67), сицилийская река около Катаны; Асоп (2 раза; Н.9. 9 , Пеан 6.135); река в южной Беотии; Ахелой (4 раза; Фр.70.1, и др.), главная река Акарнанин и Этолии; Ахеронт (4 раза; П.11.21), река в подземном царстве; Элор (И.9.40), река на восточном побережье Сицилии; Эврот (3 раза,; О.6.28, и др.), главная река Лаконии; Гимер (П.1.79), река в северной Сицилии; Гиппарий. (О.5.12), река в юго-восточной Сицилии; Исмен (3 раза; Н.9.22, и др.), река в Беотии, протекающая через Фивы; Истр (2 раза; О.3.14, 8.47), древнее название реки Дунай; Каик (И.5.42), река в Мисии (Малая Азия); Кефис (П.4.46), река в Беотии, протекающая через Орхомен; Мелан (Фр. 70.2), река в Беотии, впадающая в озеро Копаиду; Нил (6 раз; И.2.42, и др.), главная река в Египте; Ксант (2 раза; О.8.47, П.1.39), главная река Ликии (Малая Азия); Пеней (2 раза; П.9.16, 10.56), главная река Фессалии; Скамандр (Н.9.39), река в Троаде (Малая Азия); Стикс (Пеан 10а.4), главная река подземного царства; Фасис (2 раза; П.4.211, И.2.41), река в Колхиде; Оан (О.5.11), речка в Сицилии, протекающая через Камарину.

Несколько раз находим у Пиндара наименования других водных источников (морей, озер, родников): Эгейское море (πόντος; Пеай 7В.49); Аксинское (П.4.203) или Эвксинское (Черное; Н.4.49) море (πέλγος), Миртосское (часть Эгейского); море (Фр.33а); Бебеида (П.3.34), озеро в западной Фессалии; Тритонида (П.4.20), озеро в Ливии; Акидалия (Фр.244), источник в Беотии вблизи Орхомена; Аретуса (2 раза; Н.1.1, П.3.69), источник близ Сиракус на Сицилии; Дирка (4 раза; О.10.85, и др.), источник в Фивах, названный εὐκλεής ‘славный’ (там же) и καλλίροος ‘красиво текущий’ (И.8.20); Касталия (8 раз; О.7.17, и

др.), источник в Дельфах; Пирана (О.13.61), источник в Коринте; Тельфуса (Фр.198в), источник в Беотии.

Нередко упоминаются также названия греческих островов: Делос (10 раз; О.6.59, и др.), месторождение Аполлона и Артемиды, названный εὔοδμος ‘благовонный’ (Пеан 2.97), ἀγακλεής ‘прославленный’ (Пеан 4.12), ἐρικυδής ‘преславный’ (Пеан 5.39) и ἀμφιρύτα ‘окруженный морем’ (Фр.350); Эвбея (4 раза; О.3.112, и др.), место проведения различных атлетических состязаний; Тера (Фера; 2 раза; П.4.20, 5.75), жители которой основали Кирену; Каллиста (П.4.258), древнее наименование Теры; Кеос (3 раза; О.1.8, и др.); Кипр (3 раза; Н.4.46, и др.), названный ποντία ‘морской’ (Н.8.18); Кос (Фр.33а.); Лемнос (П.1.52); Наксос (2 раза; Фр.71), названный λιπαρά ‘великолепный’ (П.4.88); Энопа (5 раз; И.8.21, и др.), древнее название Эгины; Ортигия (4 раза; О.6.93, и др.), остров в Сиракусах и древнее название Делоса; Парос (Пеан 19.3); Родос (4 раза; О.7.57, и др.), названный φενερά ‘видный’ (О.7.57); Саламин (4 раза; П.1.76, и др.); Серифос (П. 12.12), названный ἐννάλιος ‘морской’; Сицилия (5 раз; О.1.12, и др.), названная πολύμηλος ‘богатая овцами’ (там же), πίειρα ‘обильная’ (Н.1.15) и ἀγλαόκαρπος ‘с замечательными плодами’ (Фр.106.7); Скирос (2 раза; Н.7.37, Пеан 6.102); Тенедос (2 раза; Н.11.5, Фр.123.14), названный ὀρθά ‘прямой’ (там же); Хиос (Фр.72); Эгина (10: раз; О.7.86, и др.), названная δολιχήρετμος ‘длинновесельная’ (О.8.20), διαπρεπής ‘знаменитая’ (И,5.44), ναυσικλυτός ‘славная кораблями’ (Н.5.9).

Лишь однажды встречается название ущелья Электры между Фивами и Платеей (И.4.61) и долины Дотий в Фессалии близ Оссы (Фр.107а.4), названной ἀνθεμόεν ‘цветущая’. Поэт упоминает также многократно коринфский перешеек Истм (21 раз; Н.5.37, и др.), место проведения состязаний в честь Посейдона, названный κλεινά ‘славный’ (О.7.81), ποντία ‘морской’ (О.8.48) и ζαθέα ‘священный’ (И.1.32); полуостров Флегра в Халкидике (2 раза; Н.1.67, И.6.33) и пролив Эврип между Эгиной и материком (2 раза; П.11.22, Пеан 9.49).

***

Наибольшее внимание Пиндара привлекают горные вершины в северной Греции, особенно, в Фессалии. Здесь расположен знаменитый Олимп; упоминающийся 14 раз; а также горы:

Гомола, Пангей, Пелий и Пинд. Заслуживает упоминания и горная гряда Парнас (Лиакура). Среди множества рек можно ваделить олимпийскую реку Алфей (15 раз), ряд сицилийских (Акрагант, Амепан, Гиппарий, Элор, Гимер Оан) и беотийских (Асоп, Йсмен, Кефис, Мелан). Из водных источников заслуживают упоминания: Касталия в Дельфах (8 раз) и Дирка в Фивах (4). Наиболее примечательны острова: Делос (10 раз), Эгина (10) и Сицилия (5), а также истмийский перешеек (21) иногда названия гор, рек и островов сопровождается эпитетами: сицилийская Этна именуется ‘снежной’ и ‘высоковершинной’, река Акрагант ‘обильной пастбищами’, источник Дирка – ‘красиво текущим’. Особо выделяются в этом отношении острова: Делос (4 эпитета), Сицилия (3) и Эгина (3), а также перешеек Истм (3).

Анализ встречающихся у Пиндара собственных имен дает основание заключить, что они составляют значительную часть всей именной лексики в языке поэта. Их общее число можно признать относительно внушительным.

1. В группе «Боги и богини» представлены 52 имени, из них 22 мужских и 30 женских. Первые встречаются около 350, вторые – около 220 раз. Наиболее часто упоминаются: Зевс (187 раз), Аполлон (41) и Посейдон (21), с одной стороны, Гера (22), Афина (17) и Афродита (14), а также Музы (52) и Хариты (29), с другой. Наблюдается явное преобладание мужской линии над женской. Оно проявляется как в частоте упоминания богов и богинь, так и в количестве эпитетов, сопровождающих их имена. В то время как у Зевса 50 эпитетов, Аполлона – 20, Посейдона – 15, у богинь их меньше: у Афины и Афродиты по 6, у Геры – 3. Исключение составляют Музы – 16. Отличается и характер эпитетов. Мужские связаны, в первую очередь, с активной деятельностью и проявлением силы, женские – с заботой о мирной жизни, семейными отношениями и искусством.

2. Группа «Потомки богов» включает 37 имен. Выделяется потомство Зевса и Посейдона. Преобладают мужские имена. Боги вступают нередко в связь со смертными женщинами, богини крайне редко связывают свою судьбу со смертными мужчинами. Среди потомков богов чаще упоминаются сыновья, чем дочери. Первые называются 62 раза, вторые – 17. Вместе с тем последние сопровождаются относительно большим числом

красочных эпитетов (Нереиды, Плеяды), в то время как эпитеты, характеризующие мужчин, связаны либо с их общественным положением (царь, владыка), либо с их вооружением.

3. Группой «Герои и цари» охвачены 75 имен, из них 14 героев и 61 царь. Среди героев выделяется Геракл, чье имя упомянуто Пиндаром 55 раз, а также участники похода «Семи против Фив», троянской войны и похода аргонавтов в Колхиду, имена парей рассмотрены по регионам: цари материка, островов и греческой периферии. Наибольшее внимание привлекают в этом плане Фессалия и Арголида, где встречаются соответственно 8 и 11 царских имен. Ряд из них упоминается несколько раз: Пелей, царь Фтии – 10 раз, Пелий, царь Иолка – 7; Амфитрион, царь Аргоса – 8, Адраст, царь Сикиона – 6.

Среди островных можно отметить сицилийских парей Гиерона (8 раз) и Терона (5), а также саламинских царей Теламона (6) и Аякса (10). Лишь изредка упоминаются царицы: Алкмена, жена аргосского царя Амфитриона, (8 раз) и Медея, дочь колхидского царя Ээта (6). Всего имена героев и царей встречаются 286 раз, из них 108 раз имена героев и 178 – царей. Преобладают имена царей материка: они названы 98 раз, островов – 23 и периферии – 40 раз. Имена цариц попадаются лишь в 17 случаях.

4. В группе «Игры и победители» содержатся 62 имени, из них 14 – победителей олимпийских, 12 – пифийских, 11 – немейских и 8 – истмийских игр. Наиболее знамениты победители колесничных гонок (упоминаются 14 раз), боксеры (8), борцы (7) и бегуны (5). Среди гоночных победителей встречаются сицилийские цари Терон из Акраганта и Гиерон из Сиракуз, среди прочих выходцы из старинных родов Эгины, Афин и Акраганта. Кроме вышеназванных видов состязаний упомянуты: разноборье (3 раза), копьеметание (I), бег с оружием (1) и игра на флейте (1). Заслуживают внимания и спортивные соревнования мальчиков (5). Анализ имен победителей дает основание заключить, что основными центрами их подготовки были острова Сицилия и Эгина, города Фивы и Кирена.

5. В группе «Другие лица» рассматриваются 162 имени. Наиболее многочисленными оказались имена родственников победителей общегреческих игр (48), а также мифических и исторических героев (40), значительно число и женских имен (33). Реже представлены имена поэтов и музыкантов, жрецов и

прорицателей. Среди мимических преобладают имена участников фиванского и троянского походов, а также похода аргонавтов. Родственники победителей игр являются в основном выходцами из генеалогического рода различных регионов. Женщины связаны, как правило, с родословной героев, их имена нередко сопровождаются положительными эпитетами.

6. Группа «Регионы, города и жители» охватывает 109 наименований. Регионы упоминаются 25 раз, города – 54 и жители – 30 раз. Среди регионов выделяется Олимпия (17 раз) и Немея (23), т. е. местности, связанные с проведением соответственно олимпийских и немейских игр. Наибольшее число эпитетов сопровождает название острова Эгина. Довольно часто упоминаются греческие города: Фивы (Беотия) и Дельфы (Фокида) – по 30 раз, Аргос (Арголида) – 15, Афины (Аттика) – 12 и Коринф (Арголида) – 8. Относительно чаще встречаются названия городов Арголиды (10 городов), Фессалии (6) и Беотии (5). Наибольшее число эпитетов у городов: Афины (9) и Фивы (4). Среди островов можно выделить Сицилию с ее городами Сиракузы (5 раз) и Акрагант (4), на периферии – Трою (13). Жителей Греции Пиндар именует эллинами (5 раз) или панэллинами (2). Из жителей городов он называет несколько раз: дельфийцев (6), афинян (4) и беотийцев (3).

7. Группа «Племена и роды» включает 66 собственных имен, из которых 16 относятся к племенным наименованиям, 15 – к родовым и 35 – к потомкам знаменитых родов. Относительно чаще упоминаются ахейцы (5 раз) и фессалийцы (4), остальные племена (ионийцы, дорийцы, эолийцы) лишь в связи с их частными поселениями в том или ином регионе. Среди древнейших родов названы Алкмениды (Афины), Клеонимиды (Фивы), Олигетиды (Коринф), Скопады (Фессалия), Эмменнды (Акрагант). С ними связаны, главным образом по мужской линии, их мифические и полумифические потомки. Лишь однажды отмечено происхождение по матери. Можно выделить потомков Эакидов из Эгины (названы 11 раз), Атреидов из Арголиды (7) и Тиндаридов из Терапны (7).

8. В группе «Горы, реки и острова» рассмотрены 70 наименований, в том числе 15 – гор, 22 – рек и 19 – островов. Выделяются вершины Фессалии: Олимп упомянут 14 раз. Среди наименований рек чаще встречаются: олимпийский Алфей (15 раз), сицилийский Акрагант, беотийский Йемен. Заслуживают внима-

ния водные источники: Касталия в Дельфах (8 раз) и Дирка в Фивах (4). Из островов примечательны: Делос (10 раз), Эгина (10) и Сицилия (5). Истмийский перешеек назван 21 раз.

9. Группа «Определения» охватывает 89 собственных прилагательных, сопровождающих наименования, связанные с племенной принадлежностью, географическим положением регионов, а также именами богов и героев. Наиболее многочисленными оказались определения областей (26 случаев) и городов (22). Большинство собственных прилагательных употреблено однажды, несколько раз встречаются определения: пифийский (9), истмийский (3), аргосский (3), лидийский (4). Относительно редко собственные прилагательные встречаются при именах божеств и героев: Аполлон и музы (по 4 раза); Посейдон, Афродита и Геракл (по 2). Племенная принадлежность отмечается иногда: определение дорийский – 7 раз, ионийский – 4, эолийский – 3.

Подводя итог рассмотрению собственных имен у Пиндара, следует заметить, что их число – 722 уступает, естественно, количеству встречающихся у него нарицательных имен – 1190. Однако в целом собственные имена составляют существенную часть пиндаровской именной лексики. Их анализ дает основание расширить наши представления о мировоззрении поэта, восприятии им окружавшей среды, предпочтительном внимании к тем или иным ее проявлениям. Подтвержден тезис об исключительном преклонении Пиндара перед олимпийскими богами, главным образом перед их мужскими представителями и в особенности – Зевсом, Выясняется, что боги-мужчины намного свободнее вступают в брачную связь со смертными женщинами, а среди их потомков явно преобладают сыновья над дочерьми. Значительную группу составляют имена царей, что позволяет предположить их не последнюю роль в общественной жизни. Особое внимание поэта привлекают цари Фессалии и Арголиды, т.е. регионов, которым отведено важное место в истории Греции. Значительно и число победителей спортивных игр олимпийских, пифийских, немейских и истмийских. Наиболее престижными признаются, судя по числу упоминаний, колесничные гонки. Выявлены и основные центры подготовки спортсменов – острова Сицилия и Эгина. Нередко встречаются имена родственников победителей и мифических героев, участников

троянской войны и похода аргонавтов в Колхиду. Среди названий регионов чаще упоминаются Олимпия и Немея, из городов – Фивы (Беотия) и Дельфы (Фокида). Важная роль в общественном устройстве страны отведена племенным и родовым объединениям, принадлежность к ним обеспечивает прочное место в жизни. Природную среду Греции определяют многочисленные горные вершины, реки и острова, наименования которых находим у Пиндара.

Изучение встречающихся у Пиндара собственных имен обогащает, таким образом, не только наши сведения о самом поэте, но и расширяет наши представления об объективных условиях и реальном состоянии греческого общества VI–V вв. до н. э.

К ОДНОМУ ФРАГМЕНТУ САФО

Цитируемый Плутархом стих из стихотворения Сафо (σμίκρα μοι πάϊς ἔμμεν' ἐφαίνεο κἄχαρις[1]) неоднократно привлекал к себе внимание исследователей, которые неизменно указывали при этом на его несомненную связь с другим отрывком стихотворения той же поэтессы (ἠράμαν μὲν ἔγω σέθεν Ἄτθι πάλαι πότα[2]).

Эдмондс[3], исходя из цитаты у Теренциана[4] Cordi quando fuisse sibi canit Atthida parvam, florea virginitas sua cum foret, попытался даже восстановить слова, некогда соединявшие, по его мнению, оба эти фрагмента, предложив вставить между 'Ηράμαν κτλ. и σμίκρα κτλ. их: ἃς ἔμ' ἀνθεμόεσσ' ἔτι παρθενία, σὺ δὲ, то-есть решил, что слова florea virginitas sua cum foret следует относить к самой Сафо. Иными словами, Эдмондс предполагает, что стихотворение это написала Сафо уже в преклонных годах и содержит воспоминание о том, как она в юности (в расцвете своих лет) увлекалась маленькой Аттидой.

Виламовиц[5] также считает, что оба фрагмента принадлежат одному и тому же стихотворению и думает, что ключ для их понимания находится в слове ἄχαρις. Поскольку Сафо говорит здесь в прошедшем времени (Imperfectum) о незрелости Аттиды, то Виламовиц предполагает, что Сафо тем самым, видимо, заявляет о неправильности своего о ней суждения. А что же иное, спрашивает Виламовип, могло убедить Сафо в ее ошибке, как не свадьба Аттиды. Это стихотворение, так заключает он, содержит поздравление по случаю выхода Аттиды замуж. Поэтому и неудивительно, что оно начинается с воспоминания о любви поэтессы к Аттиде, любви, которая в противоположность мужской не рассчитана на χαρίζεσθαι.

---

[1] Reinach 42, Bergk 34, Diehl 41, Lobel β 5 App.
[2] Reinach 41, Bergk 33, Diel 40, Lobel β 5 App.
[3] Edmonds, Cambridge Philol. soc. Proceed., 1916 (цитирую по Рейнаку).
[4] Terentianus Maurus, De metris, VI 390, Keil.
[5] U. Wilamowitz-Moellendorff, Sappho und Simonides, Berlin 1913, 55.

Боура[6] считает, что оба фрагмента принадлежат стихотворению, в котором Сафо подводила итог своей минувшей любви к Аттиде.

Однако интерпретация фрагмента R. 42, даваемая как Виламовицем, так и Эдмондсом и Боура, представляется мне неудовлетворительной по следующим соображениям:

1) Дополнение текста, предложенное Эдмондсом мало убедительно, ибо слова Теренциана Мавра «florea virginitas sua cum foret» относятся не к Сафо, как это ошибочно думает Эдмондс, а к самой Аттиде, как это следует, кажется мне, из текста Мария Викторина[7] цитирующего, как образец пентаметра, стих Сафо cordi laurea virginitas mihi cum foret. В отличие от Теренциана («sua») Марий Викторин, как мы видпм, дает чтение «mihi». Итак, цитата, приводимая Теренцааном, имеет, по моему мнению, вот какой смысл: Сафо поет о том, что когда-то ей била мала маленькая Аттида. Поет об этом она в то время, когда девственная прелесть Аттиды уже получила расцвет.

2) И Виламовиц, и Боура, оба считают, что рассматриваемое стихотворение содержало воспоминание о прошлой любви Сафо к Аттиде.

Однако нельзя согласиться и с этим. Истинный смысл фрагмента раскрывается нам Максимом Тирским, который цитирует его в определенном и ясном контексте. Сравнивая искусство любви (τέχνη ἐρωτική) у Сафо с тем же искусством у Сократа, Максим Тирский[8] дает три параллели:

1) Оба они, и Сократ и Сафо, шутливо желают радости (χαίρειν), Сократ Иону, а Сафо – дочери Полианактида.

2) Сократ говорит, что, хотя он и очень любил Алкивиада, он не приближался к нему, пока не признал его способным к философским беседам. Говорит и Сафо: σμίκρα μοι παῖς ἔτι φαίνεο κἄχαρις ἔσσα.

3) Сократ высмеивает одежду и позу софиста; аналогично этому и Сафо подсмеивается над костюмом девушки.

Совпадения в обороте мысли и в самых словах, указываемые Максимом Тирским в первой и третьей из его параллелей,

---

[6] Bowra C. M., Greek Lyric Poetry, Oxford, 1936, p. 211.
[7] Marius Victorinus, VI, 111, Keil.
[8] Maximi Tyrii, XVIII, 9 (p. 231, Hobein).

настолько убедительны, что не позволяют нам сомневаться, что и смысл второй его параллели должен отвечать соотношению составляющих ее компонентов: Сократ и Алкивиад, с одной стороны, Сафо и Аттида, с другой. Иными словами, Сафо в рассматриваемом фрагменте говорит о том, что не приближалась она к Аттиде, пока та казалась ей малой девочкой, еще не способной к любви.

Сопоставляя слова Максима Тирского с цитатами из Сафо и Теренциана Мавра и Мария Викторина, мы получаем совершенно иную картину, чем та, какую нарисовали Эдмондс, Виламовиц и Боура[9].

Смысл стихотворения был, по нашему мнению, следующий. Оно создано было Сафо тогда, когда Аттида уже достигла зрелости, уже выросла и расцвела: в связи с этим Сафо и воспевает ее, вспоминая, что Аттиду любила она уже давно, но ничего не говорила ей о своих чувствах, так как считала ее тогда еще слишком юной, не доросшей еще до любви.

Иначе говоря, любовь Сафо к Аттиде в момент создания ею стихотворения была не в прошлом, как это думалось Виламовицу и Боура, а, напротив, ее увлечение было в самом тогда разгаре.

Обстановка этого стихотворения свадебной быть, следовательно, не может. Но это также и не стихотворение покинутой, вспоминающей с горечью о минувшем счастье: написано оно тогда, когда Сафо свои чувства уже может открыть Аттиде. По времени оно, стало быть, предшествует ряду других фрагментов, с которыми его до сих пор напрасно, как нам кажется, связывали и, конечно, не имеет никакого отношения к сопернице Сафо – Андромеде.

---

[9] Следует отметить, что Боура, приведя (стр. 211) параллели 1 (и 3), не обратил внимания на параллель 2) (у Максима Тирского).

ПЕРВАЯ ОЛИМПИЙСКАЯ ПЕСНЬ

в переводе Н.С. Гринбаума размером подлинника*

1 с. Вода –
лучший бессмертных дар;
светит золото, словно
Ночью пылающий шар
средь надменного смертных богатства.
Если хочешь игр воспеть,
Сердце милое, красу, –
Звезд теплее не ищи,
Кроме солнца, чьи лучи
греют ясным днем
сквозь воздух пустынный весь мир кругом.
Так и Олимпийских игр
для песни прекраснее нет.
Отсюда и начал
свой славный путь великий гимн:
Рожден в думах,
мудр поэтов шаг.
Воспеть
сына Крона прибыли они
Туда, где Гиерона свят очаг.

1 а. Вершит
царь свой умелый суд
над обильной стадами,
Над Сицилийской землей,
со всех доблестей цвет обрывая.
И сияет славой муж
В дивной музыки красе,
Вместе песней слух когда
Тешим все вокруг стола;
но пора, певец,
поверь мне, уже и формингу снять
Со стены дорийскую,

---

* Приношу свою глубокую благодарность М.Л. Гаспарову за его труд по редактированию данного перевода.— *Н. С. Гринбаум*.

коль душу волнуют твою Венец Ференика
и Писы честь меж сладких дум.
Стремглав мчится
резвый конь вперед
Летя
над Алфеем, не страшась бича,
К победе конеборца приобщив,

1 э. Владыку, Сиракуз великих
властодержца –
сияет славой он
В поселении людном
Пелопа Лидийского.
Полюбил Пелопа
мощный держатель земли,
Посейдон, из купели когда
Пелопа вывела Клото,
И блестела
в светлом плече
слоновая кость.
Знай, много у смертных
случается чудес:
С рассказом истинным
часто вразрез
Молву
пестрая ложь приукрашенной речью
вводила в обман.

2 с. Хари-
та, что все радости
щедро даруя, людям
Честь приносила, не раз
исхитрялась неверное верным
Представлять в очах людских;
Но всегда грядущий день –
Ложным слухам мудрый врач.
Мужу только хорошо
молвить о богах
пристало, чтоб меньше была вина.
Сын Тантала, я спою
не так о тебе, как иной.
Когда твой родитель
за милый стол созвал гостей
В Сипил славный,
где хорош закон,

Богам
  честь воздав взаимно на пиру, –
Похитил сам тебя там бог морей:

2 а. Любви
      душу предав свою;
      и золотые кони
В чтимый повсюду чертог
  вознесли тебя к Зевсу, в высокий,
В тот, куда с теченьем лет –
Бог призвал его служить! –
Прибыл к Зевсу Ганимед.
Ты исчезнул без следа.
  не нашли рабы
  и к матери не привели тебя,
А соседи-недруги
  пустили худую молву,
Что брошен ты в воду,
  кипевшую над пламенем,
И на части
  рассечен ножом,
И взяв
  каждый мяса по куску себе,
Им наслаждались гости за столом.

2 э. Но мне нельзя винить в обжорстве
    олимпийцев:
      будь твердым, мой отказ.
Бесполезно бывает
  болтунам злословие.
А уж если кто-то
  смертный вниманьем богов
Был отмечен, так это Тантал;
  но он сберечь свое счастье
Дорогое –
  сил не имел;
  пресыщенью казнь –
Безмерная мука.
Подвесил Зевс-отец
Над головой его
  камень большой,
И вот –
вечно томится Тантал, стремясь сбро-
                сить свой груз вековой.

3 с. Он жизнь
тянет нелегкую,
вечных полную бедствий,
Терпит четвертую казнь
за тремя, потому что, похитив
Нектар и амброзию,
Он к застольникам земным
Снес питье, которым бог
Дал ему бессмертие.
Кто от бога грех
надеется скрыть, ошибается!
И вернули сына вновь
к родителю боги в чертог,
Туда, где так быстро
людского рода жизнь течет,
Когда ж в цвете
юности Пелоп
Предстал,
черным пухом щеки опушив, –
Задумал он найти себе жену

3 а. И взять
в брак Гипподамию,
дочь властителя Писы.
К пенному морю один
подойдя непроглядною ночью,
Стал шумногремящего
Звать он бога; и предстал
Тотчас бог у ног его.
«Если, – богу он сказал, –
и тебе дана
услада в дареньях Кипридиных, –
Удержи, о Посейдон,
в руке Эномая копье
И на колеснице
тотчас меня в Элидскую
Отправь землю,
силой наделив!
Убив
вот уже тринадцать женихов,
Царь дочери оттягивает брак.

3 э. Страшна великая опасность
для трусливых,
в которых силы нет.
Но ужель обреченный
на смерть неизбежную
Должен безымянно
старость во мраке влачить,
Чужд всему, что красно на земле?
Меня, меня этот подвиг
Ожидает,
ты же ему
добрый дай исход!».
Так молвил царевич.
Не тщетною была
Просьба, – и юноше
дал бог морей
Свой дар –
неутомимых крылатых в златой колес-
нице коней

4 с. Пелоп
мощь Эномаеву
одолел, и в супруги
Девушку взял; шесть царей,
крепких правом, она породила.
Ныне ж возлиянием
Пышным память чтут о нем:
У Алфея сам Пелоп
Погребен; могильный холм
и алтарь при нем
толпой окружен чужестранною.
Издали сияет честь
Олимпийских Пелоповых игр,
Где спорят в ристаньях
и быстрота проворных ног,
И тел сила,
ищущих борьбы.
А сам
победитель тешится весь век
Покоем мира, сладостным, как мед,

4 а. Свершив
подвиг свой доблестный,
ибо вечное благо –
Высший для смертных удел.
Мой же долг – увенчать Гиерона
Песней конных в честь побед,
Эолийский взяв напев!
Верю я: другого мне
Гостя славить гимнами
не придется ввек,
настолько меж смертных искусного
В добродетельной красе
и сильного властью своей.
Знать, бог-покровитель
твои заботы, Гиерон,
Хранит в сердце,
думая о них.
И пусть
только не покинет он тебя –
Еще надеюсь слаще я воспеть

4 э. Твою победу в быстрой скачке,
для хвалений
найдя достойный путь
К отовсюду видному
проложенный Кронию, –
Ведь недаром Муза
силу вложила в мой лук!
Пусть велики другие в другом.
Достигнуть высшего счастья –
Удел царский;
выше того
не стреми свой взор!
О, будь твоя доля –
весь век твой высоко
Шагать; а мне весь век
песней моей
Хвалить
игр победителей, знаньем меж эллинов славясь везде.

К ОЦЕНКЕ ТВОРЧЕСТВА АЛКЕЯ[1]

Буржуазные ученые видят в древнегреческом поэте VII–VI веков до н. э. Алкее прежде всего певца вина и любви. Признавая на словах связь творчества поэта с современной ему исторической обстановкой на острове Лесбос, они в лучшем случае относят то или иное стихотворение к определенному политическому событию. При этом разные виды стихотворений поэта (политические, застольные, эротические) трактуются вне связи друг с другом.

В советском литературоведении нет специальных работ, посвященных творчеству Алкея. Цель настоящей статьи – восполнить указанный пробел и способствовать более правильному пониманию творчества Алкея.

VII и VI века до н. э. являются периодом острой социальной и политической борьбы в древнегреческом мире. Против старой родовой аристократии выступают демократические силы, объединяющие как мелких и средних землевладельцев и ремесленников, так и торгово-ремесленную верхушку и денежную аристократию.

Революционные движения происходят в Греции повсеместно: на малоазиатском побережье, на островах Эгейского моря, на греческом материке.

Охвачен революционным движением в VII-VI веках до н. э. и остров Лесбос – родина Алкея и Сафо.

Жизнь и творчество Алкея, поэта конца VII – начала VI века до н. э., падает на период окончательного разрушения родового строя на острове Лесбос и перехода к рабовладельческому строю[2]. Новый общественный слой – купцы и ремесленники,

---

[1] УЗ КГПИ. Т. IV. Кишинев, 1955. С. 227–232. Извлечение из канд. дис. «Язык Алкея», защищенной в ЛГУ 15 июня 1948 года (научный руководитель – академик И. И. Толстой).

[2] Из-за фрагментарности сведений мы не можем нарисовать, как это удается, например, по отношению к Афинам, подробной картины экономической и политической жизни Лесбоса и вынуждены ограни-

поддерживаемые закабаленным крестьянством ведут непрекращающуюся борьбу против родовой аристократии. Вначале это движение возглавляется членами древних аристократических родов, пытающихся использовать обстановку и для своих личных интересов. Такими были, невидимому, Меланхр и Мирсил, ἔσλων ἔοντες ἐκ τοκήων (Д 14 18)[3].

Аристократии удается низвергнуть как одного (Diog. Laert. I, 74), так и другого (Inc. lib. 8_2: κάτθανε Μύρσιλος). Но так как захват власти Меланхром и Мирсилом вызван причинами экономического и социального характера[4], т. е. был явлением не случайным, подымающийся к власти слой зажиточных горожан[5] при поддержке снизу выдвигает против аристократии нового человека – Питтака. Питтак не был «благородного происхождения» (Д 14, 11), однако имеющиеся сведения о его роли в заговоре против Мирснла[6], о женитьбе на дочери Пептида (Diog. Laert. I 81), род которого был одним из старейших в Митилене, и о борьбе против афинян – не позволяют сомневаться, что речь идет не о простом человеке из народа[7]. Питтак был, очевидно, одним из зажиточных граждан лесбосского города Митилены, богатство дало ему возможность установить близкие отношения с аристократией. Избранию Питтака в айсимнеты[8] способствовали, несомненно, как его заслуги в войне против Афин (Strabo, p. 600. Plut., Moral. 858), так и личные положительные качества. Даже Алкей вынужден признать, что Питтак был избран с согласия граждан Митилены (Inc. lib. 24_3). Отсюда можно

читься в основном материалом стихотворений Алкея и Сафо.

[3] Сыновья благородных родителей. Ссылки даются на издание: Ἀλκαίου μέλη, E. Lobel, Oxford, 1927.

[4] Ср. Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, Огиз, 1948, стр. 48.

[5] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1945. С. 133. «Это (т. е. богатство – Н. Г.), с одной стороны, создало в лице нового класса – богатых промышленников и купцов – победоносную конкуренцию старой власти знати, а с другой стороны, отняло последнюю почву у остатков старого родового строя».

[6] The Oxyrhynchus Papyri, Part XVIII, London, 1941, fr. 2165, I, I 14.

[7] Ср. T. Reinach, Alcée Sapho, Paris, 1937, стр. 5.

[8] Diog. Laert. I 81. Айсимнет – посредник, избираемый населением для примирения враждующих сторон.

заключить, что Питтак выражал интересы городского населения. Это население состояло главным образом из ремесленников и купцов. Нет сомнения, что остров Лесбос в то время вел обширную торговлю[9]. Деньги, денежное хозяйство играли уже большую роль в жизни острова. Вспомним грустное замечание Алкея χρήματ' ἄνηρ (Inc. lib. 37)[10], необходимость в лидийском займе для восстановления власти аристократии (Д 11), вспомним слова Сафо, обращенные к дочке Клеиде, что негде купить ей μιτράναν ποικίλαν[11]. Таким образом, нет основания сомневаться в наличии уже в то время влиятельного купечества на Лесбосе. Что касается ремесленников, то у Сафо[12] встречается упоминание о плотниках (Inc. lib. 106; η 8_3 App.) и о сапожниках (η 7 $(a)_3$ App.); не исключена возможность существования па Лесбосе небольших производственных мастерских.

Об отношении аристократии к крестьянству, отношении, характеризующемся враждой и пренебрежением, мы можем судить по замечаниям Сафо «одетая в крестьянское платье» (γ 6_2 App.) и Алкея «живу деревенской жизнью» (2165, I, II_{10}). Эти примеры указывают на значительную уже дифференциацию между городом и деревней. О рабстве на Лесбосе нет никаких прямых сведений ни у Сафо, ни у Алкея. Однако упоминание Алкея о ἄνδρες ἐλεύθεροι («свободных мужах») (Д 14_{12}.) дает основание предположить наличие на Лесбосе несвободных людей, т. е. рабов. Тем не менее рабство не играет, повидимому, еще значительной роли в жизни острова[13].

Выступление Алкея в защиту древних обычаев (2165, I, 1_{25}) против новых предложений и решений (Д 14_{12}) является доказательством того, что старинные родовые нормы не отвечают больше новым условиям и заменяются, возможно, писаными законами (Ср. Aristot., Polit. II, IX, 9), что вызывает ожесточенное сопротивление аристократии.

---

[9] A. Vogliano, Nuove strofe di Saffo, Philologus, 93 (1939), стр. 277, ст. 20-22. Ср. Herodotus, II 178.
[10] Человек – это деньги (богатство).
[11] Пеструю шапочку. Там же, стр. 277.
[12] Σαπφοῦς μέλη, E. Lobel, Oxford, 1925.
[13] Ср. К. Маркс. Капитал, т. I, 1950, стр. 341, примеч. 24.

Чьи интересы выражает Алкей? Для кого он пишет? Какая идея является ведущей в его стихотворениях?

Точных сведений о социальном происхождении Алкея нет. Однако нет сомнения, что он происходил из знатного рода. Когда Алкей был еще маленьким, его братья выступали уже против Меланхра (Diog. Laert., I. 74, Ср. также Д 17_7). Когда он вырос, то принял самое активное участие в этой борьбе[14]. Аристократия стремилась любой ценой сохранить свое превосходство в политической жизни города и оградить свои экономические интересы от подымающегося городского демоса и угнетаемого ею крестьянства. Узко сословный и антинародный характер ее действий был, вероятно, ясен и для самого поэта. Однако связанный происхождением, воспитанием и, надо полагать, боязнью потерять унаследованное от отцов достояние, он посвящает все свои силы борьбе против новых порядков, за сохранение старого уклада жизни. Будучи душой ряда заговоров против находящихся у сласти представителей демоса, Алкей неоднократно выступает с оружием в руках; в перерывах между очередными вооруженными выступлениями Алкей старается своими песнями увеличить шансы на победу. Не случайно античность назвала их «песнями мятежа» (στασιωτικά); они целиком направлены на сохранение старого порядка и дышат ненавистью к народу. Как видно из цитируемого Аристотелем фрагмента (Aristot., Polit. III 14 p. 1285 a 38), также и σκολιά (вид настольных песен) содержали политический материал[15].

Мы считаем, что при оценке и рассмотрении поэзии Алкея следует исходить, прежде всего, из этой основной для него идеи и что неудачная борьба за интересы аристократии является ключом для понимания таких видов стихотворений Алкея, как «застольные» (συμποτικά) и «любовные» (ἐρωτικά)[16]; что же

---

[14] Schol. ad Pap. Berol. 9569, col. 2 (Berliner Klassiker Texte V (2), XII, Berlin, 1907).

[15] Ср. Schmid-Stählin, Geschichte der griechischen Literatur, I. Teil. I. Bd., München, 1929. S. 415.

[16] Этот наш вывод подтверждается результатами анализа языка Алкея и, в частности, употребления им личных и притяжательных местоимений.

касается гимнов, то о них судить труднее[17]. Конечно, скудный материал, находящийся в нашем распоряжении, не позволяет делать окончательные выводы, но и он дает все же возможность выйти за рамки одних предположений.

Неумение разобраться в том, что является основным и определяющим в творчестве Алкея, а что второстепенным и подчиненным, приводило целый ряд исследователей к неправильному взгляду на творчество Алкея в целом. Сюда следует отнести попытки отделить частную жизнь поэта от его политической деятельности. Так, например, Л. Иноземцев, нарисовав явно приукрашенный образ Алкея – политика, заявляет: «Как частный человек, Алкей был истинным сыном своей народности. Идеалом лучшей жизни для него является жизнь, полная наслаждений, – и телесных и духовных»[18]. А. В. Марков-Виноградский заявляет: «Современником Сафо был Алкей, 612 г., главный эротический поэт и защитник Лесбоса»[19]. Характерно, что эта сторона творчества поэта кажется столь положительной буржуазным историкам литературы и в такой степени привлекает их симпатии к Алкею, что они, зачастую, пытаясь спасти его «доброе имя» в глазах современников, прибегают к своевольным «комментариям». В. Алексеев называет Алкея «беспокойной рыцарской натурой»[20]. Касаясь потери поэтом щита во время боя с афинянами[21], В. Алексеев пишет: «Но, говорит поэт, я был тогда еще молод и не научился смело глядеть в лицо опасности» (стр. 203). Этих слов нет ни у Алкея, ни у Страбона, цитирующего этот отрывок (Strabo, XIII, 600). Впрочем, повидимому, не В. Алексеев является автором этого «комментария». Еще раньше (1881 год) В. Корш писал, правда, в более

---

[17] Ср. J. Geffcken, Griechische Literaturgeschichte, I. Bd., Heidelberg, 1926, S. 86.

[18] А. Д. Иноземцев, Остров Лесбос и лесбийские певцы и поэты. Ученые Записки Казанского университета, 1873, стр. 1021–1022.

[19] А. В. Марков-Виноградский, Очерк греческой литературы, Спб., 1863, стр. 53.

[20] Древнегреческие поэты в биографиях и образцах, С.-Петербург, 1895, стр. 203.

[21] Алкей сообщает об этом своему другу в одном из стихотворений (Inc. lib. 108(a)).

завуалированной форме: «Только раз в жизни, признается поэт (Алкей – Н. Г.), он больше дорожил жизнью, чем славой. Но тогда он был очень молод и еще не научился смело встречать опасность»[22]. В. Корш присоединяется к Иноземцеву в оценке эстетических идеалов Алкея: «Алкей сильно взволнован, он искренно и глубоко увлечен в своих эротических песнях; красота – не физический, не чувственный только идеал его; зажигая в нем страсти, она возвышает также его нравственное чувство» (стр. 902). Автор приписывает поэту, повидимому, свои собственные нравственные «идеалы», ничего общего не имеющие с идеалами Алкея[23].

Еще более нелепой является попытка Т. Кока доказать, что война является для Алкея источником здоровья, силы и бодрости. Он заявляет: «Война и морские путешествия освежают и делают здоровым тело, возбуждают бодрость; но они утомляют; и тот, кто им посвятил себя, требует подкрепления. Вот почему Алкей является другом вина...»[24]. От этих слов отдает юнкерским духом буржуазного ученого второй половины XIX века, пытающегося доказать на примере античности истинность реакционного лозунга о «полезности для здоровья» войн.

Впрочем, попытки смотреть на Алкея через призму его застольных и эротических песен продолжаются до последнего времени, несмотря на значительное увеличение количества известных нам стихотворений. В 1936 г. итальянский филолог Перрота писал[25]: «Лирика Алкея возникла, таким образом, вся или почти вся из застольных песен. Дух (одухотворенность) юной Греции расцвел среди пахнувших венков и полных чаш». Не менее нелепым является и утверждение автора (стр. 224), что

---

[22] В. Корш, Всеобщая история литературы, т. 1, ч. II, С. Петербург, 1881, стр. 901.

[23] Ср. И. М. Тронский, История античной литературы, Ленинград, 1946, стр. 8. Совершенно очевидно, что неоднократные «воскрешения» древнего мира, предпринимавшиеся в разное время и с разными задачами, создавали для себя искаженный, идеализированный образ античности, односторонне <u>истолковывая</u> ее и <u>дополняя</u> ее своим <u>собственным</u> идеологическим содержанием (подч. мною – Н. Г.).

[24] Th. Kock, Alkäos und Sappho, Berlin, 1862, p. 16.

[25] G. Perrotta, Alceo, Atene e Roma, 1936, p. 223.

«Алкей переносил события гражданской войны среди венков и пиров». Заклятый враг демоса, неоднократно изгоняемый из родного города и упорно возвращающийся в него во главе мятежников, Алкей изображается буржуазными учеными как любитель вина, лишь в перерывах между пирами находящий время для политической борьбы. «Алкей, – заявляет Перрота, – любит войну ради войны» (стр. 228).

Наряду с ошибочным пониманием творчества Алкея в целом, многие исследователи отнеслись к отдельным видам стихотворений Алкея, как к ряду параллельных явлений, связь между которыми лишь механическая. Так, например, Штейнбюхель говорит, что Алкей воспевал с одинаковой силой любовь, пиры и события политические[26]. Флях называет Алкея представителем «эолийского характера, рыцарства и робости» (подч. мною – Н. Г.) и видит его главную заслугу в создании застольных песен[27]. Этого же взгляда придерживался и П. С. Коган. Он считает Алкея «рыцарской фигурой, жрецом любви» и характеризует его как «воина-жуира, одинаково любящего и меч, и вино, и женщин»[28]. Правда, отдельные ученые осознавали, что решающими для творчества Алкея являются его политические убеждения. Так, например, Виламовиц вслед за Горацием (Horat. Carm. II 13) писал, что поэт сочинял любовные песни inter arma[29]. Юренка выразил эту мысль более ясно: «волны политической жизни уносят корабль его поэзии»[30]. Он указал (стр. 225), что призыв к вину означает обычно провал политических надежд поэта. Еще более определенно высказался по этому поводу Ф. Ф. Зелинский: «Политическая вражда была главным источником поэтического вдохновения Алкея»[31].

---

[26] Steinbüchel, Sappho und Alkaios, Wien, 1822.

[27] H. Flach, Geschichte der griechischen Lyrik, Tübingen, 1883, S. 470-473.

[28] П. Коган, Очерки по истории древних литератур, т. I, 5-е изд. М., 1923, стр. 119-120.

[29] U. V. Wilamowitz, Sappho und Simonides, Berlin, 1913, S. 310.

[30] H. Jurenka, Neue Lieder der Sappho und des Alkaios, Wiener Studien, 1914, S. 202.

[31] Ф. Зелинский, Древнегреческая литература. Петербург, 1919, стр. 77. Однако тут же (стр. 78) он проявляет непонимание связи и зависимости творчества поэта от социальной и политической среды: «Младшей

Но, констатируя отдельные правильные, на наш взгляд, положения, исследователи этим и ограничивались. Они не пытались свести эти наблюдения в систему, рассмотреть творчество Алкея в его развитии и удовлетворялись отнесением того или иного стихотворения к определенным периодам борьбы поэта[32]. Это привело к смешению основного с второстепенным; стихотворения эротические и застольные стали рассматриваться как одинаково важные[33], а иногда как наиболее примечательные в творчестве поэта. Крайне личный, индивидуалистический их характер, обусловленный жизненными неудачами поэта и усиливающийся к концу его творческой деятельности, стал переноситься на все творчество в целом[34].

Это обстоятельство привело, в свою очередь, к ошибочному сближению творчеств Алкея и Сафо как родственных явлений[35], между тем как Алкей и Сафо – это две разных поэтических индивидуальности, хотя они и были современниками и пользовались лесбосским диалектом.

Мы, конечно, не собираемся отрицать, как это уже отмечалось, что Алкею, выброшенному за борт общества, не остается ничего иного, как воспевать свои личные чувства. В этом, но и только в этом, заключается его близость к Сафо, близость, к которой приводит Алкея неудачная жизнь. Но было бы большой ошибкой забывать тот факт, что Алкей очень долгое время проводит в борьбе за интересы своей социальной

современницей и землячкой Алкея была великая стихотворица Саффо, великая уже тем одним, что она не стала подражательницей своего старшего товарища по искусству, а ограничила поле своей поэтической деятельности женским чувством и женской долей».

[32] Так поступает и Боура. (См. C. M. Bowra, Greek lyric poetry, from Alcman to Simonides, Oxford, 1936, p. 146-163).

[33] Ср. С. И. Радциг, История древнегреческой литературы, Москва, 1940, стр. 88. «Политическая борьба является только одним из многих (подч. мною – Н. Г.) мотивов, которые нашли живой отклик в его (Алкея – Н. Г.) поэзии».

[34] Ф. А. Иноземцев, Остров Лесбос и лесбийские певцы и поэты. Ученые записки Казанского университета, 1873, стр. 1021.

[35] Ср. W. Christ, Geschichte der griechischen Literatur, München, 1890, S. 127–128; J. Powell, New Chapters in the History of Greek Literature, Oxford, 1933, p. 3.

группы, что его поэзия служит аристократии, что его стихи – явление политической жизни и политической жизнью они рождены. В них звучит, особенно в начале, пафос борьбы (Inc. lib. 34), они полны веры в благополучный поход событий, они – орудие борьбы. Стихи же Сафо, как бы ни было свободным положение женщин на Лесбосе, – это совершенно иной мир, мир частной жизни, женских радостей и страданий[36], в котором лишь изредка могут найти отражение политические события.

Итак, творчество Алкея является отражением борьбы лесбосской аристократии VI в. до н. э. против подымающегося к власти городского демоса.

От выражения интересов своего класса, которые Алкей иногда пытается представить как общенародные[37], до изображения личного горя и личных чувств, от стихотворений политических к застольным и эротическим – таков творческий путь поэта[38].

---

[36] Ср. О. Фрейденберг, Поэтика сюжета и жанра, Ленинград, 1936, стр. 285. «Здесь (т. е. у Сафо – Н. Г.), как у Алкмана женщины говорят о женщинах, восхищаются женщинами, вращаются в узко-женском круге тех, среди которых на первом месте – любовь, красота наружности, наряды...»

[37] Ср. С. Я. Лурье, The Oxyrhynchus Papyri, Part. XVIII, Вестник древней истории 1947, № 1, стр. 109, «Итак, аристократы VI в. выступали как спасители и освободители «народа» – важно, конечно, что именно они понимали под этим словом δᾶμος».

[38] Автор статьи с удовлетворением отмечает, что высказанные им соображения относительно оценки творчества Алкея совпадают с той точкой зрения, которую отстаивает в своих работах ряд ученых из стран народной демократии и, в частности, Г. Михайлов; Классовата борба на о. Лесбос през. VII–VI в. и Алкей (Годишник на Софийския Университет т. 46, книга 4, София 1930) и V. Steffen, De duobus Alcaei carminibus novissimis. Wratislaviae, 1949.

III. ЯЗЫК ЛИРИКИ И ФИЛОСОФИИ

О ПРИНЦИПАХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ А. Ф. ЛОСЕВЫМ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ФИЛОСОФСКИХ ТЕРМИНОВ И ЕЕ НАУЧНОЙ ЗНАЧИМОСТИ*

Изучение философских трудов А.Ф. Лосева с очевидностью показывает, сколь важное значение придавал он терминологической работе над первоисточниками.

Отвечая на вопрос собеседника, правильно ли будет сводить историю философии к исторической терминологии, А. Ф. Лосев говорил: «А я и не свожу философию к системе терминов, философия есть мировоззрение, а термины, без достаточно хорошего освоения которых всякая философия просто непонятна, являются только выражением отдельных моментов мировоззрения»[1].

«Во первых, терминологическая обработка, – отмечает А.Ф. Лосев в другом месте, – не только греческой философии и эстетики, но и всей греческой литературы является в настоящее время насущной задачей науки... При этом необходимо, конечно, отдавать себе полный отчет в том, что никакое произведение литературы или философии отнюдь не сводится только к изучению отдельных терминов. *За терминами, которые фигурируют в данном произведении* (курсив А.Ф. Лосева), стоит еще само произведение – то целое, в отношении которого отдельные термины и концепции являются только частями. А ведь уже элементарная диалектика учит нас, что целое не сводимо к отдельным частям, а является новым качеством... Итак, мы изучаем терминологию античных мыслителей ради точного представления о том, в какой форме они выражают свои

---

* Вопросы классической филологии–XII. М., 2002. С. 155–168.

[1] А. Ф. Лосев. Дерзание духа. М., 1988. С. 201 (ответы Д. В. Джохадзе)

мысли. Ведь не поняв формы какого-нибудь содержания, нельзя понять и самого содержания»[2]. Подводя итог своей более чем полувековой работе над греческими и латинскими текстами, А. Ф. Лосев приходит к твердому убеждению: «Вся античная философская терминология в ее предельной завершенности всегда оказывается терминологией диалектико-эстетической в указанном смысле слова»[3].

Касаясь платоновской философии, А.Ф. Лосев подчеркивает, что «...весьма обостренный и тщательно проводимый терминологический анализ должен быть в настоящее время обязательным слагаемым всякого анализа Платона, без чего все тайники платоновской мысли останутся для нас закрытыми навсегда»[4]. По поводу философских взглядов Эпикура А. Ф. Лосев замечает: «...точное терминологическое исследование эпикурейских текстов дает такие неожиданные результаты, что, остается только развести руками при мысли о множестве диссертаций по Эпикуру, не имеющих ничего общего с подлинными эпикурейскими текстами» (ДД. С. 202).

Стремясь установить точный смысл и значение греческих философских терминов, А.Ф. Лосев пользуется разнообразными принципами. Остановимся на некоторых из них.

Широко применяется им, в частности, **этимологический** принцип. Установление изначального, исконного значения слова – первое условие правильного определения его сущности.

«Если мы определим, – пишет А. Ф. Лосев, – центральное значение основного корня всех этих слов или основную группу таких значений, то понимание и описательный перевод всех этих слов не представит труда» (ИАЭ. Т. 2. С. 343).

Приведем несколько примеров.

«Ведь это греческое слово “идея” (того же корня, что латинское video или русское “видеть”) только и обозначало ‘то, что видно’, все равно – глазами или умом»[5]. И далее «Уже

---

[2] А. Ф. Лосев. История античной эстетики. М., 1974. Т. 3. С. 13 (далее: ИАЭ).
[3] А. Ф. Лосев. Дерзание духа. С. 250 (далее: ДД).
[4] ИАЭ. М., 1969. Т. 2. С. 148.
[5] А. Ф. Лосев. Античная философия и общественно-исторические формации // Античность как тип культуры. М., 1988. С. 12.

самый термин “идея” с точки зрения этимологии этого слова, означает ‘то, что видно’» (С. 51). «Глагол νοέω ‘мыслю’ или существительное νοῦς,[6] ‘ум’, ‘разум’, или νόημα ‘мысль’, несомненно связаны с основой gno-, указывающей на познание... Особенно в этом отношении показателен у Гомера глагол γιγνώσκω ... ‘познаю’» (ИАЭ. Т. 2. С. 454). «Имеется одно греческое слово, о котором сейчас стоит вспомнить. Это “айон”. Обычно его всегда понимали как слияние двух слов “аэй” (‘всегда’) и “он” (‘существующее’). И получалось “айон” – это ‘всегда существующее’, ‘вечность’... Но вот в 1937 году появилась работа видного лингвиста Э. Бенвениста, в которой давалась совершенно новая этимология этого слова. Э. Бенвенист убедительно доказал, что индоевропейский корень этого слова “ю” или “юн” (с вариантами), который значит ‘молодой’ или ‘молодость’... В своих работах по истории терминологии я посвятил достаточно времени изучению термина “айон”. И в конце концов должен был присоединиться к Э. Бенвенисту на почве классической филологии» (ДД. С. 270-271).

К этимологическому анализу прибегал А. Ф. Лосев и в других случаях. «В греческом языке большой оригинальностью славится термин σωφροσύνη ... Нам не остается ничего другого, как начать с его этимологии» (ИАЭ. Т. 2. С. 357). «Если начать с термина θυμός, то ввиду полной спутанности его семантики, будет целесообразно начать с его этимологии» (ИАЭ. Т. 2. С. 353). «Небезынтересна этимология греческого слова “ликей”»[7]. «Прежде всего разберемся в этимологии этого слова (θεωρία – *Н. Г.*). Она указывает на θέα, что значит ‘зрелище’, и на глагол ὁρῶ, что значит ‘смотрю’ или ‘вижу’... Следовательно, θεωρία означает такое зрение или зрелище, в котором зрящий фактически разбирается» (ИАЭ. Т. 2. С. 458).

К этимологическому принципу тесно примыкает **семасиологический.** Мы относим сюда стремление А.Ф. Лосева уточ-

---

[6] Здесь и далее нами восстановлено греческое написание терминов, приводимых в цитируемых изданиях А. Ф. Лосева обычно в латинской транслитерации (прим. ред.).

[7] А. Ф. Лосев, А. А. Тахо-Годи. Аристотель: жизнь и смысл. М., 1982. С. 114.

нить первоначальный смысл терминов путем сравнения и сопоставления родственных слов, в том числе и сложных.

«Относительно термина φύσις; необходимо сказать, что он меньше всего означает ‘природу’ в нашем понимании этого слова. Понять этот термин можно только из греческого глагола φύω, φύεσθαι ‘рождать’, ‘рождаться’» (ИАЭ. Т. 1. С. 345). «В сравнении с этим φόβος указывает на страх... (как и... φοβοῦμαι). Интересно, что у Гомера это гнездо слов (ср. φέβομαι) означает также и ‘бегство’» (ИАЭ. Т. 2. С. 509). «Для понятия мудрости у Платона существуют термины: σοφία ‘мудрость’, σοφός ‘мудрый’; σοφιστής ‘мудрый’, ‘ученый’, ‘софист’; σόφισμα ‘прославленная ‘мудрость’...; σοφίζομαι ‘умствую’, ‘измышляю’, ‘хитрю’; σοφιστικός ‘софистический’. Для уяснения всей этой терминологии сохраняет значение работа Б. Снелля, который установил практически-техническое значение этого термина в качестве основного...» (ИАЭ. Т. 2. С. 478). «Вместе с термином τέχνη выступает и целое семейство сходных терминов, которые тоже играют у Платона отнюдь не последнюю роль...» (ИАЭ. Т. 3. С. 16). «Рассмотрим терминологию Гомера, связанную с пением, музыкой и танцами. Мы имеем у Гомера термин μολπή... Есть и глагол μέλπω... Μέλπομαι – значит ‘пляшу в хоре’... Μέλπεσθαι собственно значит ‘играть’...» (ИАЭ. Т. 1. С. 222). «Укажем на родственные термины – ἔμμετρος ‘размеренный’, ἀμετρία ‘несоразмеренность’, ‘неразмерность’» (ИАЭ. Т. 2. С. 383).

Рассматривая слово μέγεθος ‘величина’, А. Ф. Лосев указывает на важное значение и сложных слов, содержащих в себе корень изучаемого термина (ИАЭ. Т. 2. С. 373). В связи с анализом термина χάρις ‘радость’ упоминаются соответственно прилагательное χαρίεις с теми же самыми смысловыми оттенками, глагол χαρίζομαι, наречие χαριέντως (ИАЭ. Т. 2. С. 442).

«Семасиология, – подчеркивает А. Ф. Лосев, – всегда являлась одной из самых отсталых дисциплин, особенно семасиология историческая. Реакцией против несемасиологического исследования философских и литературных произведений в современной науке является выдвижение на первый план изучения именно истории отдельных слов и особенно отдельных понятий и терминов» (ИАЭ. Т. 3. С. 13).

Это высказывание дает нам основание перейти к следующим двум принципам. **Семантический** принцип предполагает уста-

новление точных значений исследуемого термина и их разнообразия.

«Логос – это и слово, и мысль... Логос – понятие логическое, языковое и в то же время натурфилософское, обозначающее нечто материальное, связанное с воздухом, с огнем, с землей, со всеми стихиями, которые признавались в античном мире» (ДД. С. 64). «Техне – это, во-первых, ремесло, во-вторых, искусство, в-третьих, наука...» (ДД. С. 167). «Гипокейменон тоже имеет свой смысл: ‘то, что находится под чем-нибудь’... Этот термин получил значение либо логическое, либо грамматическое. Грамматическое – это “подлежащее”... В логическом смысле – это субъект суждения. Есть и юридическое значение – лицо, которое обладает известными правами и обязанностями» (ДД. С. 163). «Термин “ум” понимается в “Филебе” по крайней мере в трех различных смыслах» (ИАЭ. Т. 2. С. 259). «...Смысл, который Платон придает своему термину εἶδος, далеко не всегда однозначен» (ИАЭ. Т. 3. С. 341).

Следует вместе с тем учитывать принцип **терминологичности.** Его суть в том, что многие философские термины, если не большинство, возникают постепенно в «условиях терминологического становления» (ИАЭ. Т. 2. С. 358). Этот процесс А. Ф. Лосев подмечает у Платона неоднократно. «Однако мы еще раз напоминаем, – пишет он, – что это является обыкновенной манерой Платона – брать бытовые термины и в результате своей философской работы превращать их в термины философии, эстетики, логики и др. наук. Как термин “идея” значит, собственно говоря, ‘то, что видно’, или как термин “тип” означает то, ‘что выбито’, так и “демиург” значит, прежде всего ‘мастер’, и притом с оттенком общественной полезности (δήμιος значит ‘народный’, ‘общественный’)»(ИАЭ. Т. 2. С. 554). И в другом месте: «....для конструирования соответствующих учений Платон пользуется самой обыкновенной и понятной терминологией и... только в порядке весьма медленной постепенности... Платону удается самую обиходную и самую обывательскую чистоту довести до степени философско-эстетического понятия и термина» (ИАЭ. Т. 2. С. 310).

В качестве примера приводится термин τέλος ‘конец’. «Однако анализируемый нами термин τέλος в конце концов превращается у Платона в обозначение настоящей оценочной категории...» (ИАЭ. Т. 2. С. 368). Или еще: «Начало или

принцип (ἀρχή). Начало, как это можно предполагать заранее, трактуется у Платона, как и все вообще его эстетические категории, сначала в самом обыкновенном, отнюдь не в терминологическом смысле» (ИАЭ. Т. 2. С. 340). Однако А.Ф. Лосев обращает внимание и на употребление в живой речи одних и тех же слов в обыденном и философском осмыслении. Касаясь использования Аристотелем слова «μίμησις» ‘подражание’, он отмечает: «Ведь очень много слов, которые в обыденном разговоре имеют одно значение (‘душа’, ‘сознание’, ‘представление’, ‘образ’, ‘опыт’ и т. д.), а в философии – совершенно иное. Так и здесь мы должны доискаться подлинно философского понимания этого термина у Аристотеля» (ИАЭ. Т. 4. М., 1975. С. 403).

Доскональное изучение смысловой сущности термина возможно лишь с учетом **исторического** принципа.

Указывая на ценность словаря Шарля Муглера, посвященного греческим зрительным интуициям[8], А.Ф. Лосев отмечает: «Очень важно, что словарь этот построен исторически, то есть, собственно говоря, является историей данного термина» (ИАЭ. Т. 2 С. 418). Касаясь конкретных терминов, он уточняет: «Для понимания платоновского термина и понятия τέλος очень важно иметь ориентацию в общем употреблении этого слова и понятия в греческой литературе, как доплатоновской, так и послеплатоновской» (ИАЭ. Т. 2 С. 370). И далее: «Анализ литературы дает действительно очень много для понимания термина κόσμος и до Платона, и у Платона, и после Платона» (ИАЭ. Т. 2 С. 377). Рассматривая платоновский термин νοῦς ‘ум’, А.Ф. Лосев замечает: «Нус и вообще имеет значение у Гомера ‘образ мыслей’, ‘нрав’, ‘характер’ (Od. I 3, IV 267)... Нус у Гомера понимается и как ‘мысль’, ‘настроение’, ‘эмоция’, ‘намерение’» (ИАЭ. Т. 2 С. 455).

А.Ф. Лосев прослеживает диалектический процесс становления термина «личность» от Гомера до христианской литературы, показывая, что первоначально слово «просопон» («прос» – приставка, указывающая на направление к чему-то; «оп» тот же корень, что и в слове «оптический» – то, что «видно») обозначает то, что бросается в глаза, что видно глазами, то, что

[8] Ch. Mugler. Dictionnaire historique de la terminologie optique des grecs. P., 1964.

имеет вид, т.е. наружность, и никак не обозначает «личность» (ДД. С. 162).

Характеризуя историко-терминологический метод, А.Ф. Лосев обращает внимание на необходимость самого тщательного изучения контекста для правильного толкования термина и на важность учета соотношения данного термина с основной философской моделью данного мыслителя (ДД. С. 204–205). Это положение подводит нас к следующему **контекстному** принципу. «А вот на том, – указывает А.Ф. Лосев, – что контекст для каждого термина есть решительно все, я буду настаивать» (ДД. С. 205). И далее: «Однако никакой комментарий к античному тексту не может претендовать на полную отчетливость, если не будет привлечена терминология этих текстов» (ИАЭ. Т. 2. С. 258).

В связи с греческим философским термином δόξα А.Ф. Лосев замечает: «Обычно переводится у нас ничего не говорящим словом ‘мнение’... Мне не раз приходилось сталкиваться с необходимостью устанавливать точное значение этого термина...; я убедился, что решающим принципом в данном случае является только контекст» (ДД. С. 205). И в другом месте: «Этот терминологический анализ платоновской эстетики очень труден, требует учета бесконечного числа текстов, часто становится в тупик перед явным семантическим разнобоем и почти всегда требует приведения нужных текстов Платона в исчерпывающем виде» (ИАЭ. Т. 2. С. 148). Эта же мысль содержится в словах: «Гарантировать необходимый семантический охват данного термина, а следовательно, и возникающей на нем эстетики может только одно вникание в греческий подлинник Платона» (ИАЭ. Т. 2. С. 363). Иллюстрирует ее следующее рассуждение А.Ф. Лосева: «У Платона мы читаем: мальчик хорош лицом, прекрасен, но если его раздеть, то его идея будет еще лучше. Как переводить такой текст? Я перевожу так. Мальчик прекрасен лицом, но его фигура, его стан еще прекраснее. Что такое здесь идея? «Стан», «фигура» совершенно не выходят за пределы физического ощущения» (ДД. С. 165).

Однако понятие контекстности не исчерпывается у А.Ф. Лосева анализом философского первоисточника. «Очень важно, – указывает он, – понимать терминологию Платона в контексте общих исследований таких терминов, как ‘большой’ или ‘великий’ (μέγας) у М. Биссингера (1966); ‘друг’ или ‘дружественный’ (φίλος) у Ф. Дирльмейера (1931) и у М. Ланд-

фестера (1966); ‘молчание’ или ‘умалчивание’ у С. Бесслиха (1966)» (ИАЭ. Т. 3. С. 311).

Значительная роль в терминологическом исследовании отведена А.Ф. Лосевым **статистическому** принципу. «Я исследовал, – пишет он, – термин «идея» в греческой философии систематически и даже статистически. Найдя несколько десятков смысловых оттенков этого термина, я пришел к выводу, что за всеми этими вековыми спорами греческих философов об идеях кроется одно, самое простое незатейливое, самое здравомыслящее и обывательское представление, а именно, что вода замерзает и кипит, а идея воды не замерзает и не кипит» (ДД. С. 203). Отмечая, что термин «идея» употреблен в платоновских текстах только в 96 случаях, а термин «эйдос» в 408, А. Ф. Лосев напоминает, что: «Статистикой этих терминов занимался в свое время Константин Риттер... Я лично еще в молодости пересмотрел всю эту статистику К. Риттера целиком... Сейчас я приведу некоторые данные из этого своего старого исследования...[9] Из 27 текстов с внешне-чувственным εἶδος 21 относится к человеческому и животному телу... Из 14 случаев с ἰδέα во внешне-чувственном значении 11 тоже относится к телу... Однако никакого “учения об идеях” я здесь не могу найти» (ИАЭ. Т. 3. С. 320-321). «Слово φύσις, – говорится в другом месте, – Платон употребляет чрезвычайно часто, особенно в поздних произведениях, гораздо чаще, чем даже такие основные для платоновской философии термины, как εἶδος, ἰδέα, οὐσία, и чаще, чем употребляет слово φύσις Аристотель. Д. Манн-шпергер насчитывает у Платона не менее 778 мест со словом φύσις» (ИАЭ. Т. 3. С. 14).

К рассмотренным выше традиционным принципам интерпретации философской терминологии примыкает и ряд реже встречающихся, но отнюдь не менее существенных. Один из них **мировоззренческий**. Его суть состоит в том, что в процессе анализа философских терминов нельзя не считаться как с миропониманием того или иного мыслителя, так и с уровнем античной культуры в целом. «Вы лучше скажите мне, – вопрошает А. Ф. Лосев, – можно ли изучать терминологию

[9] А. Ф. Лосев. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1930. Т. 1. С. 135–281.

философа без учета его философской системы, как порождающей необходимость того или иного понимания данного термина?» (ДД. С. 206). Подвергая рассмотрению греческий термин οὐσία, А.Ф. Лосев указывает на два его основных значения: факт бытия и смысл бытия, и добавляет: «Характеризуя свое объективное бытие, грек употребляет термин “усия”, но плохо различает факт бытия и смысл бытия» (ДД. С. 160). Касаясь понятия «абсолютный дух», он отмечает: «Но никакого абсолютного духа античность не знала, и в ней не было даже подобного рода терминологии» (ДД. С. 290). Определяя значимость судьбы в мироощущении древнего грека, А. Ф. Лосев писал: «Античность не может обойтись без судьбы. Что такое Мойра? Что такое Геймармене? Что такое Тюхе?... Тюхе, Ананка, Мойра, Адрастея, разве этого мало? Достаточно для того, чтобы сказать, что античная культура развивается под знаком фатализма» (ДД. С. 158). И в другом месте: «В античном сознании и возникал в качестве последнего обобщения вещественный космос с Землей посередине и с звездным небом как с вещественной границей этого космоса» (ДД. С. 288). По поводу понятия «воспоминание», А. Ф. Лосев замечает: «Конечно, мы теперь в эстетике не говорим о “воспоминании”, так как наша терминология определена совсем иным, не платоновским мировоззрением» (ИАЭ. Т. 5. С. 278).

Второй принцип – понятийной **неадекватности**. Под ним мы понимаем несоответствие между античным и более поздним значением термина. «Как известно, – отмечает А. Ф. Лосев, – европейские термины “эстетика” или “эстетический” заимствованы из греческого, где они ничего эстетического в себе не содержат. Αἴσθησις у Платона, как и у всех других греческих писателей, означает только ‘чувственное восприятие’ или даже ‘ощущение’. К этому мы заметим еще и то, что различие ‘чувственно воспринимаемого’ и ‘эстетического’ отсутствует в истории философии вплоть до XVIII в.» (ИАЭ. Т. 2. С. 449).

Касаясь понимания термина «идея», А.Ф. Лосев пишет: «Таким образом, начинается «идея» с видимого, чувственного, а когда доходит до видимого в мысли, то там тоже видимость на первом плане. Этим античное понятие идеи отличается от понятия идеи в немецком идеализме, где оно представляет собой абстрактную логическую категорию» (ДД. С. 165). И в другом месте: «Тут прежде всего мы встречаемся с замечательным

европейским термином φαντασία. У Платона он тоже не имеет никакого отношения к европейской “фантазии”. Это то же самое обыкновенное ‘чувственное представление’» (ИАЭ. Т. 2. С. 449–450). О термине «теория»: «Завершением платоновской эстетики интуитивного мышления является термин θεωρία, который тоже почти не имеет ничего общего с новоевропейским пониманием этого слова» (ИАЭ. Т. 2. С. 458). «То же самое, – отмечает А.Ф. Лосев, – мы должны сказать теперь и о платоновском термине πάθος. Он ничего общего не имеет с новоевропейскими представлениями о каком-нибудь “пафосе”, как о восторженно творческом состоянии духа... πάθος по своему основному значению указывает на разного рода пассивные состояния, впечатления или переживания» (ИАЭ. Т. 2. С. 474).

Третий принцип – **непереводимость** терминов.

В ряде случаев философские термины ввиду непереводимости на новоевропейские языки сохраняют в них свой греческий облик. «Греческий термин καλοκαγαθία, – пишет А.Ф. Лосев, – буквально значит ‘прекрасное’ и ‘доброе’. Такой формальный перевод термина, конечно, не дает нам ничего... В античной калокагатии совершенно нет ничего отдельно ‘прекрасного’ и отдельно ‘доброго’. Это – один человеческий идеал, нерасчлененный ни на “внутреннее” или “внешнее”, ни на “душу” или “тело”, ни на “прекрасное” и “доброе”» (ИАЭ. Т. 2. С. 288–289).

О термине δόξα: «Читатель также сам убедится в дальнейшем, что часто целесообразно говорить по-русски просто о “доксе”, а семантические оттенки термина каждый раз анализировать отдельно» (ИАЭ. Т. 2. С. 343). И далее: «Иначе дело обстоит у Платона с термином и понятием διάνοια, что буквально значит ‘рассудок’, и διανοοῦμαι ‘рассуждаю’... Ввиду многозначности... иной раз будем передавать его по-русски, как дианоя» (ИАЭ. Т. 2. С. 348). И еще: «Сюда относятся такие понятия и термины, как θυμός и σωφροσύνη... Оба эти греческие термины тоже непереводимы ни на какой язык» (ИАЭ. Т. 2. С. 353). Не переводится на новые языки и аристотелевский термин энтелехия (ИАЭ. Т. 4. С. 701): «Энтелехия, от греч. ἐντελέχεια ‘осуществление’, есть термин философии Аристотеля... Термин этот занимает нейтральное место у Аристотеля, но именно по этому самому он получает у последнего разнообразные определения» (ИАЭ. Т. 4. С. 109–110).

В отдельных случаях А.Ф. Лосев предлагает свой собственный перевод того или иного сложного философского термина. Он пишет: «Термин μονοειδής. Буквально он значит ‘единовидный’, но подобного рода перевод был бы извращением мысли Платона ввиду того особенного смысла, который он придает термину ‘вид’ или по-гречески ‘эйдос’. Поэтому указанный термин лучше переводить ‘единый по эйдосу’... или, пожалуй, лучше всего, ‘эйдетически-простой’» (ИАЭ. Т. 2. С. 301).

Особое внимание привлекает перевод А.Ф. Лосевым аристотелевской формулы τὸ τί ἦν εἶναι, что буквально значит ‘то, что стало быть’, русским словом «чтойность». Поясняя свой перевод, он пишет: «Основным моментом приведенного выше греческого термина является вопросительное местоимение τί, то есть ‘что’. Поскольку это ‘что’ сопровождается в приведенном греческом термине артиклем среднего рода τό, ясно, что указанное вопросительное местоимение здесь у Аристотеля субстантивировано. Поэтому наш перевод ‘чтойность’ не только точный, но точнее его нельзя себе и представить какой-либо другой перевод» (ИАЭ. Т. 4. С. 94).

В заключение отметим еще два важных принципа работы А.Ф. Лосева над греческой философской терминологией. Один из них – принцип **осведомленности** в источниковедческой и исследовательской литературе по анализируемому вопросу.

Изучая труды А.Ф. Лосева, на каждом шагу поражаешься его доскональному знанию и критическому проникновению во все, написанное и опубликованное до него.

Другой принцип – исследовательской **компетентности**. Он требует огромной эрудиции, безупречного владения материалом, широкой образованности и всесторонней языковой подготовки. Вспоминаются слова А.Ф. Лосева о том, что «люди, не знающие древнегреческого языка, не имеют права заниматься древнегреческой философией» (ДД. С. 205). И другое важное высказывание: «Не может быть квалифицированного знатока философии без добротного знания ее истории – знания не описательного, но непосредственно по источникам» (ДД. С. 239).

Мы рассмотрели, таким образом, двенадцать важнейших принципов интерпретации А. Ф. Лосевым древнегреческих философских терминов. Остается ответить на вопрос, в чем состоит, на наш взгляд, ее научная значимость. Во-первых, в ее

комплексности. А. Ф. Лосев сумел в своих многочисленных трудах соединить в одно целое основные принципы терминологического анализа. Во-вторых, в ее структурной стройности. А. Ф. Лосеву удалось не только соединить эти принципы, но и выстроить их в строго логическую и последовательную схему. В-третьих, в ее гибкости. Принципы толкования философских терминов не только объединены и выстроены в строгую схему, но и используются А. Ф. Лосевым в зависимости от обстоятельств, отдельно или группами, дополняя друг друга, дифференцированно на разных этапах исследования. В-четвертых, в ее высокой результативности. Проведенная А. Ф. Лосевым титаническая по размаху и глубине терминологическая работа послужила и будет служить надежным научный фундаментом изучения античной философии во все времена. А построенная им впервые всеохватывающая система принципов интерпретации древнегреческих философских терминов заслуженно, как нам представляется, будет именоваться впредь в науке «лосевской терминологической системой».

ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА В МОЛДАВСКОМ ВУЗЕ

В нашей методической литературе вопрос о специфике преподавания латинского языка в молдавском вузе не освещен. Задача настоящей статьи – поделиться опытом преподавания латинского языка в Кишиневском Госпединституте им. И. Крянгэ.

Молдавский язык принадлежит к группе романских языков, то есть он, как и остальные романские языки, возник на базе латинского языка. Вместе с тем, молдавский язык, в отличие от ряда других романских языков, подвергался значительному влиянию славянских языков. Эти обстоятельства и предопределяют специфические черты, отличающие преподавание латинского языка в молдавском и русском вузах. Появляется возможность постоянных сравнений лексики и грамматического строя обоих языков (латинского и молдавского), что облегчает усвоение латинского языка. Углубление познаний студентов по истории молдавского языка способствует более успешному усвоению родного языка. Благодаря использованию в преподавании конкретных языковых фактов трех родственных языков: латинского, молдавского и французского, расширяется лингвистический кругозор студентов. Вместе с тем возникает необходимость привлекать в широком плане (кроме литературного) народно-разговорный латинский язык, так называемую народную латынь. Наконец, нельзя не учитывать в преподавании и наличия славянских элементов в молдавском языке с тем, чтобы создать у студентов правильное представление как об основном характере, так и о специфических особенностях их родного языка.

Следует отметить, что отсутствие учебника латинского языка для молдавских вузов, равно как и отсутствие соответствующей методической литературы значительно затрудняют решение вышеуказанных задач.

I

В вводной беседе студенты получают краткие сведения об индоевропейской группе языков, знакомятся с краткой историей латинского языка, узнают об образовании романской группы языков, о влиянии латинского языка на ряд европейских языков. На соответствующих примерах студенты убеждаются в родстве молдавского (родного) и французского (изучаемого ими) языков и в их общем происхождении от латинского языка.

Напоминаем студентам высказывание Ф. Энгельса: «Материя и форма родного языка становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки»[1].

Изучение латинского языка начинается с ознакомления студентов с его фонетической системой. При этом, не ограничиваясь указанием на то или иное произношение данного звука в латинском языке, прослеживаем его дальнейшую судьбу в романских языках и, в частности, в молдавском.

Так, например, говоря о произношении гласного «а» в латинском языке (barba, manus), отмечаем, что в молдавском языке латинское «а»: 1) сохранилось в основном под ударением: barba (m) > барбэ; 2) перешло в звук «э», как правило, в неударном положении: capra (m) > капрэ, barbatu (m) > бэрбат; 3) перешло в звук «ы» перед носовыми: cane (m) > кыне, campu (m) > кымп[2].

При объяснении латинского звука «о» (homo, bonus) указываем: 1) на его связь с молдавским «о» – homo > ом, pomu(m) > пом; 2) на его переход (перед «n», иногда «m») в звук «у» в молдавском языке: bonu (m) > бун, monte (m) > мунте; 3) на его переход (перед «а» или «е» в следующем слоге) в дифтонг «оа»; sole (m) > соаре, flore (m) > флоаре, porta (m) > поартэ, nocte (m) >ноапте.

Сообщая о латинском звуке «е», привлекаем внимание

---

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат. 1951.С. 303.

[2] См. М. Нидерман. Историческая фонетика латинского языка. М., 1949. С. 105.

студентов и к его отражению в молдавском языке, где он: 1) сохранился под ударением: credo > кред, 2) перешел в «я» (еа) перед «а» или «е» в следующем слоге: petra (m) > пятрэ, herba (m) > ярбэ, 3) перешел перед носовыми: а) в «и»: tempus > тимп, bene > бине, 6) в «ы»: ventu (m) > вынт, conventu (m) > кувынт, teneru (m) > тынэр.

Касаясь первоначального произношения буквы «с» (ц) в латинском языке как «к» во всех случаях (communis, civis), отмечаем, что в процессе дальнейшего развития латинского языка намечается тенденция к смягчению заднеязычного «с» (к) перед переднеязычными гласными «е», «i» (равно как: ae, oe, y)[3]. В молдавском языке латинское «с» отражается поэтому соответственно то как «к», то как «ч», ср. лат. dico, dicêre (первоначальное произношение: дико, дикере, позднейшее произношение – дико, дицере) и молд. (еу) зык, а зыче (древнее – зычере), лат. fac(i)o, facere и молд. (еу) фак, а фаче (древнее – фачере).

Говоря о произношении «g» в латинском языке как «г» (magister, rogo), указываем на то, что латинское «g» перед «е», «i» отражается в молдавском языке как «(д) ж», «ж», ср. лат. rogo, rogare и молд. (еу) рог, а руга, но лат. rege(m) и молд. реже, лат. fugire (< fugêre) и молд. а фужи. Обращается внимание студентов на отражение в молдавском языке отдельных латинских звукосочетаний. Так, например, сочетание «qu» находящееся в начале слова, потеряло в молдавском языке свой губной элемент, ср. лат. qualem и молд. каре, лат. quando и молд. кынд. В середине же слова это сочетание отражается как «п», ср. лат. aqua (m) и молд. апэ, а латинское сочетание «gu» отражается как «б», ср. лат. lingua (m) и молд. лимбэ. Из других сочетаний отмечаем: «ct», которое в молдавском языке дало «пт», ср. лат. поздн. Lacte (m) и молд. лапте, лат. nocte (m) и молд. ноапте; сочетание «sc», которое в молдавском языке дало «шт», ср. лат. scire и молд. а шти (древнее – штире), лат. pisce(m) и молд. пеште.

При объяснении явления ротацизма в латинском языке, заключавшегося в переходе интервокального «s» при определенных условиях в «r» (напр. laudase > laudare, mosis > moris),

---

[3] См. В. М. Линдсей. Краткая историческая грамматика латинского языка. М., 1948. С. 22–23.

отмечаются нами и случаи ротацизма в молдавском языке, где в «р» перешло в ряде слов латинское интервокальное «l»: лат. sole(m) и молд. соаре, лат. gula(m) и молд. гурэ, лат. caelu (m) и молд. чер, лат. filu (m) и молд. фир[4].

Сравнение фонетических явлений латинского и молдавского языков сопровождается привлечением соответствующих параллелей французского языка, что дает возможность студентам прослеживать не только закономерности, характерные для восточнороманской или западнороманской группы языков, но и закономерности, общие для романской группы языков в целом.

II

Знакомя студентов с системой спряжения глагола в латинском языке и говоря о наличии четырех спряжений: с основой на а – (lauda-), на е – (vide-), на согласный и «u» (duc-, metu-), на í (uadí-), сопоставляем ее с системой спряжения в молдавском языке, в котором тоже имеются четыре спряжения с почти аналогичными основами: а лауда́, а веде́, а ду́че, а аузи, восходящими к соответствующим латинским основам. При изучении настоящего времени глагола «esse» рядом с латинскими формами записываются на доске формы настоящего времени молдавского глагола «а фи» и французского глагола «être».

Латинский язык	Молдавский язык	Французский язык
1. sum	1. еу сынт	1. je suis
2. es	2. ту ешть	2. tu es
3. est	3. ел(еа) есте	3. il est
1. sumus	1. ной сынтем	1. nous sommes
2. estis	2. вой сынтець	2. vous êtes
3. sunt	3. ей (еле) сынт	3. ils sont

Сопоставляя спряжения глагола «esse», «а фи» и «être», студенты замечают, что во французском языке латинский глагол

[4] См. Э. Бурсье. Основы романского языкознания. М., 1952. С. 146, и сл.

«esse» сохранился без существенных изменений[5], в то время как в молдавском языке он подвергся серьезным изменениям. Наряду с формами, общими для латинского, молдавского и французского языков (3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч.) имеются формы, характерные лишь для молдавского языка. Они возникли по аналогии к общему типу спряжения глаголов 2 – 3 группы молдавского языка. Формы сынтем, сынтець образуются от исходной формы сынт (3 л. мн. ч.) по типу виндем, виндець, вынд или ведем, ведець, вэд.

Таким же образом сравниваем прошедшее время (imperfectum indicativi) глаголов «esse», «а фи» и «être»: лат. eram, eras, erat и т. д., молд. еу ерам, ту ерай, ел ера и т. д., франц. j'étais, tu étais, il était и т. д.[6], и убеждаемся, что в данном случае, в отличие от предыдущего, в молдавском языке латинские формы сохранились почти полностью, а во французском языке они были вытеснены новыми формами, возникшими на базе французского языка. Сопоставление давнопрошедшего времени (plusquamperfectum indicativi) глагола «быть» в латинском, молдавском и французском языках: лат. fueram, fueras, fuerat и т. д., молд. еу фосесем, ту фосесей, ел фосесе и т. д., фр. j'avais été, tu avais été, il avait été и т. д. показывает, что ни молдавский ни французский языки не сохранили форм латинского plusquamperfectum indicativi[7]. Молдавский язык воспользовался формами латинского plusquamperfectum conjunctivi (fuissem, fuisses и т. д.), французский создал аналитические формы на базе passé composé. Говоря об образовании perfectum indicativi глагола «esse», сравниваем латинские формы: fui, fuisti, fuit и т. д. с французскими (passé simple): je fus, tu fus, il fut и т. д. и молдавскими (перфектул симплу): фуй, фушь, фу и т. д. Оказывается, что в данном случае и французский и молдавский языки сохранили латинские формы без существенных изменений.

Так, на конкретных языковых фактах студенты убеждаются, что, несмотря на общее происхождение романских языков от

---

[5] См. В. Ф. Шишмарев, Историческая морфология французского языка, М.; Л., 1952. С. 192–193.

[6] См. М. В. Сергиевский. История французского языка. М., 1947. С. 75.

[7] Ср. Б. Надэль, Р. Пиотровский. К вопросу о народно-латинской основе молдавского языка // «Октябрь» № 6, Кишинев, 1952. С. 68.

латыни, каждый из них развивался в соответствии с внутренними закономерностями своего развития. Молдавский и французский языки сохранили ряд черт языка – основы без существенных изменений, другие – видоизменили, от третьих вовсе отказались и выработали в ходе своего исторического развития вместо них новые, лишь им присущие черты.

В связи с образованием perfectum indicativi в латинском языке, обращаем внимание студентов на наличие в молдавском и французском языках сложного прошедшего времени (перфектул компус и passé composé). В ходе развития латинского языка, наряду с синтетической формой перфекта (laudavi и т. д.), появилась параллельная аналитическая форма (с глаголом habeo) типа: factum habeo. Эта форма получила широкое распространение в более поздний период истории латинского языка в так называемой народной латыни. Молдавский перфектул компус (ам фэкут) и французское passé composé (j'ai fait) восходят непосредственно к народно-разговорному латинскому типу[8].

	Литературный язык (т. н. классическая латынь)	Народно-разговорный язык (т. н. народная латынь)
Praesens	laudor	laudatus sum
Imperfectum	laudabar	laudatus eram
Futurum I	laudabor	laudatus ero
Perfectum	laudatus sum	и т. д.
Plusquamperfectum	laudatus eram	
Futurum exactum	laudatus ero	

При изучении perfectum indicativi passivi в латинском языке отмечается сходство между формами латинского и молдавского пассива: в латинском языке: laudatus sum, в молдавском: еу сынт лэудат. На вопрос студентов, чем объясняется тот факт, что в молдавском языке вышеуказанная форма обозначает другое время (презент, форма пасивэ), напоминаем студентам, что в латинском языке имелось два способа образования страдатель-

[8] См. М. В. Сергиевский. Введение в романское языкознание. М., 1954. С. 122.

ного залога: синтетический и аналитический.

Синтетические формы пассива в так называемой народной латыни выходят из употребления, их заменяют формы аналитические[9]. При этом происходит своеобразное перемещение времен: формы перфекта начинают выступать как формы настоящего времени, формы плюсквамперфекта – как формы имперфекта и т. д. Сопоставление с молдавским языком показывает, что пассивные формы образуются в нем по типу народно-разговорного латинского языка с полным отсутствием синтетических форм:

Народно-разговорный язык (т. н. народная латынь)	Молдавский язык
Passivum	Форма пасивэ
Praesens laudatus sum	Презент Еу сынт дэудат
Imperfectum laudatus eram	Имперфект Еу ерам лэудат
Futurum I laudatus ero	Виитор Еу ой фи лэудат
и т. д.	

Говоря о наличии в латинском языке существительных мужского, женского и среднего рода, отмечаем, что в народно-разговорном языке, начиная примерно с I века н. э., наблюдается в силу ряда обстоятельств утрата среднего рода. Существительные среднего рода II и III склонений переходят в разряд существительных мужского рода. Как известно, ни в молдавском, ни во французском языках нет категории среднего рода (для молдавского языка характерны субстантиве амбижене)[10].

Таким образом, студенты приходят к выводу о том, что для глубокого изучения и понимания исторических процессов

---

[9] См. А. Эрну. Историческая морфология латинского языка. М., 1950. С. 266.

[10] Румынская академическая грамматика называет эти существительные существительными среднего рода, см. Gramatica limbii Romîne, v. I, Bucureşti, 1954. P. 126.

развития молдавского языка необходимо знать не только литературный латинский язык III – I вв. н. э. (т. н. классическую латынь), но и народно-разговорный латинский язык вплоть до VII – IX вв. н. э. На базе народной латыни возникли романские языки, в том числе и молдавский[11].

При изучении числительных предлагается студентам рядом с латинскими числительными от 10 – 20 написать соответствующие молдавские и русские числительные:

Латинские	Молдавские	Русские
10 – decem	зэче	десять
11 – undecim	унспрезэче	одиннадцать
12 – duodecim	дойспрезэче	двенадцать
13 – tredecim	трийспрезэче	тринадцать
14 – quattuordecim	пайспрезэче	четырнадцать
и т. д.	и т. д.	и т. д.

Сравнивая их, студенты замечают, что, хотя молдавские числительные от 11 до 19 имеют корни латинского происхождения, их словообразование совпадает со словообразованием соответствующих числительных русского языка. Так, например, молдавское числительное унспрезэче состоит из числительного ун, предлога спре и числительного зэче и соответствует по способу образования русскому один – на – дцать. В латинском языке в числительном undecim нет связывающего элемента «super» (= молд. спре).

Сочетание славянских и латинских элементов в молдавском языке нами отмечается и при рассмотрении латинских суффиксов и префиксов. Так, говоря о латинском суффиксе – entia (scientia, potentia и т. д.), напоминаем студентам, что соответствующий молд. суффикс – инцэ встречается не только в сочетании с латинскими, но и со славянскими словами. Наряду с «штиинцэ», «путинцэ» в молдавском языке имеем «сылинцэ», «стэруинцэ», «требуинцэ» от славянских основ. Латинский суффикс – tor (arator, venator) встречается также в молдавском языке в сочетании со славянскими основами. Наряду с вынэтор

[11] См. И. М. Тронский. Очерки из истории латинского языка. М., 1953. С. 269.

(латинского происхождения) имеются: мунчитор, трудитор (со славянскими основами). Латинский префикс in – (indormio, induco) представлен в молдавском языке и в сочетании со славянскими корнями: а ынгропа (похоронить, ср. русск. гроб), а ынлэнцуи (ср. польское lancuch ‘цепь’), а ымпушка (ср. русск. пушка) и т. д.

Студенты постепенно убеждаются в том, что наличие славянских элементов является одним из характерных признаков молдавского языка, отличающим его от французского и других западноевропейских романских языков.

III

Значительное место отводится работе над лексикой. В вводной беседе обращается внимание студентов на наличие во многих европейских языках, в том числе и в молдавском, значительного количества так называемых интернациональных слов латинского (или греческого) происхождения.

Называется ряд научно-политических терминов. Так, например, указываем, что слово «социализм» (молд. сочиализм) происходит от латинского socius, socialis – товарищ, товарищеский; слово «коммунизм» (молд. комунизм) – от латинского communis, что значит «общий». Напоминаем студентам слова В. И. Ленина: «Мы называем себя коммунистами. Что такое коммунист? Коммунист – слово латинское. Коммунист значит – общий. Коммунистическое общество значит – все общее: земля, фабрики, общий труд, – вот что такое коммунизм»[12].

Студенты узнают о латинском происхождении таких терминов, как: студент, лекция, аудитория, институт, университет (молд. студент, лекцие, аудиториу, институт, университате) и другие.

Студентам, не изучавшим раньше латыни, предлагаем перевести ряд латинских грамматических терминов: singularis, pluralis, indicativus, coniunctivus, praesens, imperfectum, perfectum, nominativus, genetivus, dativus, accusativus и т. д. Студенты свободно переводят все эти слова и убеждаются, что почти вся грамматическая терминология в молдавском языке (как и во

[12] В. И. Ленин. Соч., т. 31, изд. 4. С. 271.

французском) – латинского происхождения. Напоминаем студентам, что по интернациональной (латинской по происхождению) лексике в молдавском языке нельзя еще делать вывод о его романском происхождении. Стремимся так организовать работу над лексикой латинского языка, чтобы у студентов сложилось и правильное представление о характере лексического состава молдавского языка.

В тексте встречается слово frater. Предлагаем студентам рядом с ним написать молд. фрате, французское frère, русское «брат», немецкое Bruder. Исходя из наличия этого слова не только в романской, но и в славянской и германской группах языков, делается вывод об индоевропейском происхождении молдавского слова фрате. К такому же выводу, применяя сравнительно-исторический метод, приходим в результате сопоставления латинского слова quinque с молд. чинч, фран. cinq, нем. fünf, русск. пять, санскр. pánca[13], латинского слова ovis, греческого ois с молд. оае, русск. овца, санскритским ávih и т. д.[14] Студенты убеждаются в том, что в молдавском языке имеется унаследованная от латинского языка группа слов индоевропейского происхождения. Дальнейшее сравнение латинских слов с молдавскими и французскими показывает, что весьма значительное место в лексическом фонде молдавского языка занимают слова латинского происхождения, общие как для молдавского, так и французского, хотя они и различаются фонетически.

Называются некоторые из них. Существительные, обозначающие:

1) Названия животных: лат. lupus, молд. луп, фран. loup; лат. caballus, молд. кал, фран. cheval; лат. capra, молд. капрэ, фран. chèvre; лат. porcus, молд. порк, фр. porc и т. д.

2) Части тела: лат. manus, молд. мынэ, фр. main; лат. caput, молд. кап, фр. chef; лат. frons, молд. фрунте, фр. front; лат. lingua, молд. лимбэ, фр. langue и т. д.

3) Явления природы: лат. aqua, молд. апэ, фр. eau; лат. caelum, молд. чер, фр. ciel; лат. luna, молд. лунэ, фр. lune; лат.

---

[13] Ср. А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938. С. 411.

[14] Ср. А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954. С. 37.

glacia (<glacies), молд. гяцэ, фр. glace и т. д.

б) Прилагательные: лат. plenus, молд. плин, фр. plein; лат. calidus, молд. калд, фр. chaud; лат. bonus, молд. бун, фр. bon; лат. siccus, молд. сэк, фр. sec и т. д.

в) Личные местоимения: лат. ego, молд. еу, фр. je; лат. il, молд. ел, фр. il; лат. nos, молд. ной, фр. nous; лат. vos, молд. вой, фр. vous и т. д.

г) Глаголы: лат. facere, молд. а фаче, фр. faire; лат. videre, молд. а веде, фр. voir; лат. dormire, молд. а дорми, фр. dormir; лат. bibere, молд. а бе, фр. boire и т. д.

д) Притяжательные местоимения: лат. meus, молд. меу, фран. mon: лат. tuus, молд. тэу, фр. ton; лат. noster, молд. ностру, фран. nôtre; лат. illorum, молд. лор, фран. leur и т. д.

е) Числительные: лат. unus, молд. ун, фр. un; лат. duo, молд. дой, фр. deux; лат. tres, молд. трий, фр. trois; лат. quattuor, молд. патру, фр. quatre и т. д.

з) Наречия: лат. mane, молд. мыне, фр. demain; лат. heri, молд. ерь, фр. hier; лат. unde, молд. унде, фр. où; лат. hodie, молд. аз, фр. aujourd'hui и т. д.[15]

Таким образом, студенты постепенно убеждаются в том, что большое количество слов в молдавском языке латинского происхождения. Однако подчеркиваем, что в лексическом составе молдавского языка имеется значительная группа слов славянского и другого происхождения, которых нет в западно-романских языках. Так, встретив слово «anser» (гусь), отмечаем, что это слово не сохранилось в молдавском языке. Молдавское слово «гыскэ» – славянского происхождения, ср. болгарск, гъска, русск. гусь. Не сохранились и другие латинские слова, такие как:

mos, moris, молд. обичей, ср. русск. обычай; avena, avenae, молд. овэс, ср. русск. овес; vulnus, vulneris, молд. ранэ, ср. русск. рана; dono, 1, молд. а дэруи, ср. русск. дарить; gloria, gloriae, молд. славэ, ср. русск. слава; aegrotus, aegroti, молд. болнав, ср. русск. больной и т. д.

---

[15] См. Н. Г. Корлэтяну. Орижина ши дизволтаря историкэ а фондулуй лексикал де базэ ал лимбий молдовенешть // Ученые записки Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР, т. IV–V, Кишинев, 1955.С. 44–48.

В то же время напоминаем студентам, что лексика каждого языка беспрерывно развивается, обогащаясь за счет новых слов, возникающих в связи с развитием общества. Без учета этого обстоятельства нельзя правильно понять те процессы, которые имеют место в современном молдавском языке.

В работе над лексикой стремимся привлечь внимание студентов к отдельным языковым явлениям, интересным и с точки зрения изучения молдавского языка. Говоря о глаголе aro, 1, и производных от него существительных, предлагаем студентам написать на доске рядом латинские слова и их молдавские и русские эквиваленты:

Латинские	Молдавские	Русские
arare	а ара	пахать
aratrum	плуг	плуг
arator	плугар	пахарь
aratio	аратурэ	пахота

Сопоставление показывает, что в молдавском языке глагол «а ара» латинского происхождения, а слова «плуг, плугар» – славянского. Однако, в отличие от русского языка, в котором слово «пахарь» образовано от глагола «пахать», в молдавском языке слово «плугар» образовано от существительного «плуг». Встретив в тексте глагол amo, 1, сопоставляем производные от него слова с соответствующими молдавскими, французскими и русскими:

Латинские	Молдавские	Французские	Русские
amare	а юби	aimer	любить
amor	юбире[16]	amour	любовь
amicus	приетен	ami	приятель
amicitia	приетение	amitié	приязнь

Студенты отмечают, что французский язык сохранил латинские формы, а молдавский от них отказался. Молдавский глагол

[16] Слово «амур», встречающееся у классиков молдавской литературы (напр. у Александрии), в современном молдавском языке не употребляется.

«а юби» славянского происхождения (ср. русск. любить), однако существительное «юбире» образовано уже в соответствии с молдавским типом словообразования. Особенностью молдавского языка, отличающей его от других романских языков, является одновременное сосуществование в нем и распространение отдельных латинских и славянских эквивалентов. К такому выводу студенты приходят в результате сопоставления слов типа:

тимп (лат.)	време (слав.)
фацэ (лат.)	образ (слав.)
корп (лат.)	труп (слав.)
амик (лат.)	приетен (слав.)

Обращаем внимание студентов и на смысловую сторону слов. Так, например, встретив в латинском тексте слово passer, студенты переводят его молдавским словом «пасэре» (птица). Указываем, что слово passer в латинском языке первоначально имело значение «воробей» (молд. врабие). В дальнейшем значение слова расширилось, и слово «пасэре» в молдавском языке стало обозначать не воробья, а птицу вообще. Случай сужения значения студенты наблюдают на слове pomum (мн. ч. poma). В латинском языке оно обозначает «плод, фрукт вообще». Восходящее к нему молдавское слово «поамэ» означает лишь «виноград». Иногда значение молдавского слова отличается от его латинского прототипа. Так, слово palus, paludis означало первоначально по-латыни «болото». В дальнейшем оно получило смысл «поросшего лесом болота», а в молдавском языке слово «пэдуре» (из padulem) стало обозначать просто «лес». Слово reus было в латинском языке юридическим термином и обозначало «обвиняемый» (молд. ынвинуит). В молдавском языке слово «рэу» обозначает «плохой, плохо».

Иногда, проводя смысловой анализ слов, приходится выходить за рамки лингвистики. Встретив в одном из текстов слово «natio», студент переводит его молдавским словом «нацие» (русск. нация). Разъясняем студентам, что слово natio, производное от гл. nascere (< nasci), молд. а наште, имело в латинском языке два значения: 1) рождение, 2) племя, народность. Поскольку студентам из курса основ марксизма-ленинизма известно, что нации складываются лишь в эпоху развивающегося капитализма, то они сами делают вывод о том,

что нельзя говорить о нации в условиях рабовладельческого строя. Найдя в тексте слово «proles» и отыскав в словаре его значение «потомство», студенты спрашивают, имеет ли оно какое-нибудь отношение к термину «пролетариат». Указываем, что словом proletarii называли в древнем Риме разорившихся крестьян, обладавших обычно большой семьей, которые жили, главным образом, за счет подачек государства и богатых рабовладельцев. Напоминаем при этом, что, хотя термин «пролетариат» латинского происхождения, существует коренное различие между античным и современным пролетариатом. Маркс указывал: «Римский пролетариат жил за счет общества, тогда как современное общество живет за счет пролетариата»[17].

Преподавание латинского языка в молдавском вузе – важное звено в процессе подготовки высококвалифицированных специалистов. Расширяя лингвистический кругозор студентов, углубляя их познания в области молдавского языка, изучение латинского языка позволяет студентам уяснить не только то общее, что объединяет их родной язык с другими романскими и индоевропейскими языками, но и то специфическое, что характерно для него одного. Изучение латинского языка будит живую мысль молодежи, заставляет ее наблюдать и анализировать конкретные языковые факты, сравнивать их и сопоставлять, делать выводы и заключения.

[17] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. I, стр. 313.

АКТИВИЗАЦИЯ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ
В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА НА ВУЗОВСКИХ ГУМАНИТАРНЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ

1. Обучение студентов гуманитарных факультетов латинскому языку преследует ряд задач:

а) ознакомление с языком и литературой древних римлян, одного из великих народов античности, оказавших значительное влияние на развитие европейской культуры;

б) расширение лингвистического кругозора студентов с выходом за пределы родного языка и историческим подходом к языковым явлениям;

в) повышение их общеобразовательного уровня путем ознакомления с рабовладельческим социально-экономическим укладом, античной культурой, философией, мифологией, искусством и историей древней Греции и Рима;

г) приобщение к выдающимся произведениям латинских поэтов и прозаиков, развитие эстетических вкусов студенческой молодежи;

ж) идейно-политическое воспитание студентов, привитие им высоких этических качеств человека и гражданина, патриота и интернационалиста.

2. Наряду с вышеназванными, в процессе обучения студентов латинскому языку решается еще одна важнейшая, хотя и внешне не столь заметная задача – совершенствование и развитие их умственных способностей, в том числе их логического мышления. В этом плане латинский язык, как впрочем и греческий, представляет особую ценность благодаря стройности и четкости грамматической структуры, последовательности и прозрачности используемых языком выразительных средств.

Успешное выполнение всего комплекса стоящих перед преподавателем задач в их взаимосвязи и единстве предполагает самое активное вовлечение студентов в учебный процесс. Его эффективность определяется в большой, если не решающей степени, двумя основными факторами: во-первых, пробуждением у студентов интереса к изучаемому предмету и их стремлением

пополнять свои знания новыми сведениями и, во-вторых, постоянной и целенаправленной работой преподавателя по активизации мыслительной деятельности студентов в процессе обучения.

Эта работа начинается с первого занятия по латинскому языку и проводится последовательно на протяжении всего курса обучения. Она проходит по нескольким направлениям.

Опора на учебник. Студенты приучаются самостоятельно пользоваться учебником, уметь находить в нем необходимые данные и сведения. Отдельные правила заучиваются студентами на занятии в отведенное для этого сжатое (2-3 минуты) время. При этом преподаватель контролирует, насколько осознанно заучено то или иное правило. Обычно это происходит лишь при втором или даже третьем его прочтении студентом.

Новый материал. Новый грамматический матерная изучается по мере возможности на базе уже известного студентам. В ряде случаев им предлагается самим формулировать правило, выводя его из накопившихся предпосылок. Так, например, студенты делают самостоятельно вывод о способе образования форм страдательного залога в настоящем времени и имперфекте индикатива и конъюнктива, и т.д. Практикуется и формулирование правила образования того или иного времени на основе впервые встречающейся формы. Так, например, предлагается на базе глагольной формы *laudaveram* или *laudatus eram* сделать вывод об образовании латинского плюсквамперфекта, и т.д.

Перевод текста. Перевод с латинского на родной язык студенты делают в результате соответствующего мыслительного анализа предложения, который предполагает определение каждого из его членов в синтаксическом и каждой части речи в морфологическом плане и нахождение их точных эквивалентов в родном языке. Насколько сложна эта работа можно судить по следующему примеру. Для правильного перевода состоящего из четырех слов латинского предложения: *hostes oppida Romanorum deleverunt* – враги разрушили римские города (города римлян) – студенту приходится проделать не менее тридцати мыслительных операций. При этом они должны быть проведены в безупречной логической связи и последовательности, их нарушение в любом звене мыслительной цепи приведет к отклонению от передачи точного смысла и от адекватного перевода фразы в целом.

Еще более сложным является т.н. обратный перевод с родного языка на латинский. Он предполагает не только точное знание латинских слов и соответствующего грамматического материала, но требует от студента предварительного и безошибочного анализа переводимого предложения в плане родного языка. Так, например, студент, затрудняющийся в различении в русском тексте падежа в случае «дом отца» и «вижу отца», что, к сожалению, встречается не так уж редко, не сможет правильно перевести эти сочетания по-латыни, поскольку в отличие от русского языка падежные формы в родительном и винительном здесь не совпадают.

Упражнения. Усилению мыслительного процесса во время занятий способствует разнообразие упражнений. Наиболее удачными представляются те из них, которые не только требуют строгого соблюдения логики и последовательности рассуждения, но и вырабатывают у студента умение как можно быстрее совершать необходимые мыслительные операции и дать правильный ответ на поставленные вопросы. Так, например, наряду с опросом слов в т. н. основной форме, т.е. форме, данной в словаре учебника, предлагается студенту, не называя основных форм, привести слово в том или ином падеже и числе, времени и лице, залоге и наклонении, Так, например, наряду с формами «человек, читать и т. д.» студенту надлежит без задержки перевести «людям, они прочли и т. д.». С этой же целью предлагаются для быстрого перевода латинские формы слов, находящихся в различных падежах и временах, типа: *hominibus*, *luporum*, *vincimus*, *expulsae sunt* и другие, а затем цельные предложения и, наконец, краткое переложение содержания изучаемого текста.

Текстовой анализ. Активизации мыслительной деятельности студентов содействует и проводимый на занятиях анализ изучаемых текстов с постановкой вопросов, направленных на углубленное рассмотрение их содержания, художественных и языковых особенностей, эстетических достоинств. Это тем более важно, что у студентов имеются зачастую лишь весьма смутные представления о рабовладельческой формации, событиях древней истории, деятелях античной культуры, мифологических персонажах, произведениях греческой и римской литературы. В процессе обучения латинскому языку, преподаватель выявляет пробелы в знаниях студентов в этих областях и постепенно сам их восполняет во время занятий, а также,

рекомендуя студентам соответствующую литературу для самостоятельного изучения, заслушивает их небольшие сообщения по тому или иному вопросу. **Лингвистический анализ**. Важным и весьма существенным компонентом в усилении мыслительной активности студентов является систематическая работа, по расширению их лингвистического кругозора. Объяснение отдельных фонетических, грамматических и лексических явлений латинского языка, в широком сравнительно-историческом плане особенно необходимо на филологических специальностях. Элементы сопоставительного изучения латинского языка с родным полезно вводить и на других специальностях. Особое внимание лингвистическому анализу должно уделяться на филологических и на факультетах иностранных языков, где знание латинского языка необходимо для последующего усвоения курса истории изучаемого языка и других теоретических курсов по специальности. Крайне желательно поэтому, чтобы преподаватель латинского языка владел соответствующим специальным языком и был в состоянии учитывать его особенности. Эта работа ценна не только сама по себе, но и в аспекте интернационального воспитания студентов, их умения выйти за пределы родного языка и его сегодняшнего состояния, стремления к поиску более широких закономерностей языкового развития.

Связь со специальностью. Весьма важна для активизации мыслительной деятельности студентов и постоянная связь в процессе обучения латинскому языку со специальностью студентов. Ее конкретные формы, естественно, различны на разных факультетах. На историческом их внимание следует обращать на явления общественно-политического характера, на филологическом – на литературно-языковые, на юридическом – на общественно-правовые, и т.д. Однако, в любом случае учет специфики факультета и профиля кафедры содействует усилению интереса к латинскому языку и способствует более углубленному изучению ими своей специальности. Речь дает при этом не только о показе значения античной культуры и науки для современности, но и о возбуждении в умах студентов внимания к процессу культурной преемственности, к критическому усвоению накопленных человечеством духовных ценностей.

Поговорки и крылатые выражения. Ознакомление студентов с латинскими поговорками и крылатыми выражениями является, как известно, весьма эффективным средством уси-

ления политико-воспитательной работы в процессе обучения. Желательно, чтобы и их изучение было направлено на развитие умственных способностей молодежи.

Сначала преподаватель сам объясняет студентам значение и смысл той или иной латинской поговорки, приводит случаи ее применения различными писателями. Затем студентам предлагается самим подумать, при каких обстоятельствах уместно употребить то или иное крылатое выражение, например, *per aspera ad astra*; *festina lente*; *qui quaerit, reperit* и др. Студенты, как правило, ссылаются в качестве примеров на ситуации, связанные с их бытом, учебой, и преподавателю приходится предлагать им находить примеры из политической, общественной жизни, области международных отношений: *firmissima est inter pares amicitia*, *faber est suae quisque fortunae*, *amicus certus in re incerta cernitur*, *bis dat qui cito dat*, *pacta servanda sunt*, etc. Практикуется и несколько видоизмененная форма работы с уже изученными поговорками, когда студенту сообщается та или иная ситуация и он должен назвать подходящую для данного случая поговорку. Так, например, студентам предлагается решить, какой поговоркой зареагировать на хвастливое выступление товарища на собрании (*modestia hominem ornat*), на допущенную по невнимательности речевую ошибку (*primo deliberate deinte dicite*), на недостаточно прочное закрепление материала (*repetitio est mater studiorum*) и другие.

Рассмотренные выше формы и приемы активизации мыслительной деятельности студентов не исчерпывают собой, естественно, всего многообразия проводимой в этом плане работы преподавателя. Развитие логического мышления, постоянная забота преподавателя об умственном, идейном и этическом воспитании студентов должна проходить красной нитью через весь цикл обучения в стенах высшего учебного заведения. Нельзя вместе с тем ни на минуту забывать о конечной цели всей этой работы в процессе обучения латинскому языку – успешном и глубоком усвоении всеми студентами учебного материала.

УЧЕБНИК ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ГУМАНИТАРНЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ ВУЗОВ МОЛДАВИИ

(принципы построения)*

1. Подготовка учебника латинского языка для ВУЗов МССР (авторы – Н. С. Гринбаум, К. Н. Никова, А. П. Маричук) вызвана необходимостью постоянно учитывать в молдавских группах специфику преподавания латыни, языка – основы всех романских языков, в том числе и молдавского.

2. Создание учебника преследует вместе с тем цель дать учащимся вузов Молдавии пособие, несколько отличающееся по своей структуре от существующих и отражающее многолетний опыт работы, накопленный его авторами.

3. Учебник составлен таким образом, что он может быть использован как на стационарном отделении гуманитарного факультета для работы под руководством преподавателя, так и на заочном отделении для самостоятельной работы учащихся.

4. В отличие от имеющихся настоящий учебник построен полностью на связных текстах соответствующей трудности, отражающих изучаемый грамматический материал.

5. Изучение латинской грамматики ведется по этапам и базируется на определенном числе моделей, заучиваемых учащимися в качестве обязательных образцов.

6. Подбор лексического и расположение грамматического материала способствуют широкому использованию сравнительно-исторического и сопоставительного методов при объяснении языковых явлений.

7. Наличие грамматических таблиц, частных и обобщающих схем дают возможность донести до учащихся стройность и богатство латинской грамматической структуры, добиться сознательного изучения ими латинского языка.

---

* Тезисы докладов научно-методической конференции. Бель, 1965. С. 37–38. [Лимба латинэ. Учебник для вузов Молдавии под ред. Н. С. Гринбаума. Кишинев, 1966; II изд. – 1977].

8. Текстовой материал (основной и хрестоматийный) составлены с учетом познавательных и общеобразовательных целей обучения латинскому языку. Учащиеся знакомятся с античной (греческой и римской) культурой в широком плане, читают в оригинале отрывки виднейших представителей римской литературы.

9. Во вводной части учебника содержатся сведения об истории латинского языка и пользе его изучения, а также ряд методических указаний для обучающихся латыни самостоятельно.

10. К учебнику приложены два словаря; алфавитный, включающий все встречающиеся латинские слова, и постатейный (для первого этапа обучения), в котором к латинским словам кроме молдавского эквивалента даны французские и русские параллели.

О ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ЛАТИНСКОГО ГЛАГОЛА

Вопрос о последовательности изучения студентами временных форм латинского глагола имеет определенное практическое и общеобразовательное значение, ибо, с одной стороны, расположение грамматического материала должно облегчать его усвоение, с другой, оно должно способствовать созданию у обучающихся общего представления о системе латинского спряжения.

Авторы учебников латинского языка по-разному подходят к этому вопросу. В учебнике для медиков В.М. Боголепова (М., 1955) латинская глагольная система представлена лишь двумя временами изъявительного (praesens, perfectum) и одним временем сослагательного наклонения (praesens). Я.М.Боровский и А.В.Болдырев (Латинский язык, 3 изд., М., 1961) рекомендуют изучать сначала praesens activi и passivi, perfectum activi, imperfectum activi и passivi, perfectum passivi, futurum I activi и passivi, plusquamperfectum и futurum II activi и passivi. А.Н. Поповым и П.М. Шендяпиным (Латинский язык, 3 изд., М., 1956) предлагается следующий порядок изучения времен индикатива: praesens activi и passivi, perfectum activi и passivi, imperfectum activi и passivi, futurum I activi и passivi, plusquamperfectum activi и passivi, futurum exactum activi и passivi.

Однако при таком расположении времен изучение imperfectum и futurum I отделяется от изучения praesens (все они образуются от одной основы). У С.И. Соболевского (Учебник латинского языка, М., 1953) времена расположены удачнее: praesens activi и passivi, futurum I activi и passivi, imperfectum activi и passivi, perfectum activi и passivi и т.д.

Но и в этом учебнике предлагается изучать каждое время сразу в активной и пассивной форме. Кроме того, participium perfecti passivi почему-то изучается (стр. 228) лишь после perfectum passivi (стр. 225). Сопоставляются образцы спряжения глаголов orno, deleo, tego, punio, не только в настоящем времени (стр. 128 – 130). В пособии по латинскому языку для студентов – заочников (ч. I-II, М., 1955) А.Н. Попова последовательность изучения времен еще лучше: praesens, imperfectum, futurum I

activi; praesens, imperfectum, futurum I passivi и т.д. Этот принцип все же не выдержан до конца: perfectum activi и passivi, plusquamperfectum activi и passivi, futurum exactum activi и passivi.

Глаголы-образцы (за исключением audio) все время меняются: на стр. 20 – monstro, 52 – amabo, 72 – ornor, 98 – laudatus sum, 109 – amaveram. Отсутствие единых глаголов-образцов, затрудняет процесс усвоения студентами латинских времен. С.П. Кондратьев и А.И. Васнецов (Учебник латинского языка для пединститутов, 6 изд., Москва, 1955) располагают времена наиболее удачно: praesens, imperfectum, futurum I activi; praesens, imperfectum, futurum I passivi; perfectum, plusquamperfectum, futurum II activi; perfectum, plusquamperfectum, futurum II passivi.

Однако этот принцип не соблюдается авторами в отношении времен сослагательного наклонения: praesens coniunctivi activi и passivi, imperfectum coniunctivi activi и passivi и т.д.

В учебнике даются образцы спряжения глаголов в praesens, imperfectum и futurum I для всех четырех спряжений, но в остальных временах почему-то образец указан только для глаголов первого спряжения. Хотя во всех временах глаголы-образцы одни и те же, что следует приветствовать, нельзя считать удачными образцы deleo (II спр.) и lego (III спр.), так как они не являются наиболее характерными для своих групп. В учебнике для факультетов иностранных языков педагогических институтов под редакцией В.Н. Ярхо и В.И. Лободы (Латинский язык, М., 1961) последовательность изучения времен системы инфекта (praesens, imperfectum, futurum I) и системы перфекта (perfectum, plusquamperfectum, futurum II) неодинаковы. Первые изучаются параллельно в действительном и страдательном залоге, вторые – сначала все в activum, затем в passivum, Авторы исходят, несомненно, из того, что в системе перфекта в отличие от системы инфекта формы времен различаются по принципу их образования (ср. стр. 86). Однако и в этом учебнике за perfectum coniunctivi activi следует не plusquamperfectum coniunctivi activi, а perfectum coniunctivi passivi. Авторы, как видно из сказанного, руководствуются не одним, а тремя принципами в расположении изучаемых студентами латинских времен. Удачнее, чем в других учебниках, подобраны глаголы-образцы – orno, moneo,

mitto, audio; впервые даются отдельные схемы образования времен (стр. 226, 234, 245 и др.).

Анализ вышеупомянутых учебников приводит к заключению, что вопрос о последовательности изучения латинских временных форм пока еще практически не решен удовлетворительно. Кроме того, учебники не дают общих для всех четырех спряжений схем образования времен, не сопоставляют групп времен по их образованию. Изучая времена по приводимым в учебниках таблицам, студент не получает цельного представления о системе латинского глагола.

Многолетний опыт показывает, что этих недостатков можно избежать. Изучение временных форм изъявительного наклонения (indicativus) следует делить на четыре этапа. Первый этап охватывает изучение praesens, imperfectum, futurum I activi; второй этап – изучение praesens, imperfectum, futurum I passivi, третий – изучение perfectum, plusquamperfectum и futurum exactum activi, четвертый этап – изучение perfectum, plusquamperfectum и futurum exactum passivi.

На четыре этапа делится и изучение времен сослагательного наклонения.

Первый этап – изучение praesens и imperfectum activi, второй этап – изучение praesens и imperfectum passivi, третий этап – изучение perfectum и plusquamperfectum activi, четвертый этап – изучение perfectum и plusquamperfectum passivi.

Латинская глагольная система изучается студентами на 4-х глаголах-образцах, причем отбираются глаголы наиболее характерные для данной группы. Это – для I спряжения – laudo, для II – habeo, для III – duco, для IV – audio[1]. При объяснении образования временных форм кроме записи общего правила и спряжения глаголов-образцов студентам даётся в каждом случае соответствующая схема. После каждого этапа они получают обобщающую схему образования изученных времен, а после II и IV этапов – общую схему активной и пассивной форм.

В завершение изучения глагола студенты знакомятся со сводной таблицей всей системы латинского спряжения.

Ниже приводятся вышеупомянутые схемы.

---

[1] Ср. А. Эрну. Историческая морфология латинского языка, М., 1950. С. 232, 243.

Indicativus Схема образования времен[2] (первый этап)			
Praesens activi			
I II III IV	laudā habē duc(ī) audī		-o -s -t -mus -tis -(u)nt
			x) I л. ед.ч. lauda+o=laudo
Imperfectum activi			
I II III IV	laudā habē duc audī	-bā- -ēbā-	-m -s -t -mus -tis -nt
	Futurum activi		
I II III IV	laudā habē duc audī	-b(ī)- -a/ē	-o(m) -s -t -mus -tis -(u)nt

Схема образования времен (второй этап)		
Praesens passivi		
I II III IV	laudā habē duc(ī) audī	-(o)r -ris -tur -mur -mini -(u)ntur

[2] Спряжение каждого глагола-образца в отдельности не приводится, так как оно имеется в любом учебнике.

Imperfectum passivi			
I II III IV	laudā habē duc audī	-bā- -ēbā-	-r -ris -tur -mur -mini -ntur
Futurum passivi			
I II III IV	laudā habē duc audī	-b(ī)- -a/ē	-(o)r -ris -tur -mur -mini -(u)ntur

		Обобщающие схемы I и II этапов							
		Основа инфекта	Личные оконч.	Основа инфекта	Суф.	Личное оконч.	Основа инфекта	Суффикс	Личное оконч.
Activum	I II III IV	laudā- habē- duc(ī)- audī-	-o -s -t -mus -tis -(u)nt	laudā- habē- duc(ī)- audī-	-bā- -ēbā-	-m -s -t -mus -tis -nt	laudā- habē- duc(ī)- audī-	-b(ī)- -a/ē	-o(m) -s -t -mus -tis -(u)nt
Passivum	I II III IV	laudā- habē- duc(ī)- audī-	-(o)r -ris -tur -mur -mini -(u)ntur	laudā- habē- duc(ī)- audī-	-bā- -ēbā-	-r -ris -tur -mur -mini -ntur	laudā- habē- duc(ī)- audī-	-b(ī)- -a/ē	-(o)r -ris -tur -mur -mini -(u)ntur

Как явствует из схемы, praesens, imperfectum и futurum I активной и пассивной формы образуются одинаково с прибавлением соответственно единых личных окончаний актива или пассива.

Indicativus			
Схема образования времен (III этап)			
Perfectum activi			
I II III IV	laudā hab duc audī	-v- -u- -s-[1)] -v-	-ī -isti -it -imus -istis -ērunt
Plusquamperfectum activi			
I II III IV	laudav habu dux[1)] audiv	era	-m -s -t -mus -tis -nt
Futurum exatum activi			
I II III IV	laudav habu dux[1)] audiv	-ērā	-m -s -t -mus -tis -nt
[1)] duc + s = dux-			

IV этап		
Perfectum passivi		
I II III IV	laudatus, a, um (-ti, ae, a) habitus, a, um (-ti, ae, a) ductus, a, um (-ti, ae, a) auditus, a, um (-ti, ae, a)	sum es est sumus estis sunt
Plusquamperfectum passivi		
I II III IV	laudatus, a, um (-ti, ae, a) habitus, a, um (-ti, ae, a) ductus, a, um (-ti, ae, a) auditus, a, um (-ti, ae, a)	eram eras erat eramus eratis erant

Futurum exactum passivi		
I II III IV	laudatus, a, um (-ti, ae, a) habitus, a, um (-ti, ae, a) ductus, a, um (-ti, ae, a) auditus, a, um (-ti, ae, a)	ero eris erit erimus eritis erunt

Обобщающие схемы							
Indicativus[3]							
		Perfectum		Plusquamperfectum		Futurum exactum	
		Основа перфекта		Основа перфекта	Imperf. “esse”	Основа перфекта	Futurum I “esse”
Activum	I	laudav-	-ī -isti -it -imus -istis -ērunt	laudav-	-ĕram -ĕras -ĕrat -erāmus -erātis -ĕrant	laudav-	-ĕro -ĕris -ĕrit -erĭmus -erĭtis -ĕrint
	II	habu-		habu-		habu-	
	III	dux-		dux-		dux-	
	IV	audiv-		audiv-		audiv-	
		Participium perfecti passivi		Participium perfecti passivi		Participium perfecti passivi	
Passivum	I	laudatus, a, um (-ti, ae, a)	sum es est sumus estis sunt	laudatus,a,um (-ti, ae, a)	eram eras erat eramus eratis erant	laudatus,a,um (-ti, ae, a)	ero eris erit erimus eritis erunt
	II	habitus,a,um (-ti, ae, a)		habitus,a,um (-ti, ae, a)		habitus,a,um (-ti, ae, a)	
	III	ductus, a, um (-ti, ae, a)		ductus, a, um (-ti, ae, a)		ductus, a, um (-ti, ae, a)	
	IV	auditus, a, um (-ti, ae, a)		auditus, a, um (-ti, ae, a)		auditus, a, um (-ti, ae, a)	

[3] Следует оговориться, что в некоторых из приводимых ниже схем не соблюден генетический принцип. Однако, поскольку эти схемы не противоречат языковому созданию самих римлян, соотносивших ряд временных форм (образованных от основы перфекта) с формами глагола *sum* (см. И. М. Тронский, Историческая грамматика латинского языка, Москва,1960, стр. 269), представляется, на мой взгляд, возможным пользоваться ими в учебных целях.

Как явствует из схемы, perfectum activi и passivi образуются от различных основ: первое от основы перфекта при помощи личных окончаний перфекта; второе из participium perfecti passivi и глагола *esse* в praesens. Основа перфекта служит базой образования plusquamperfectum и futurum exactum в активной, particium – базой образования тех же времен в пассивной форме. При этом в plusquamperfectum activi и passivi прибавляется один и тот же глагол *esse* в imperfectum; в futurum exactum соответственно прибавляется futurum I от гл. *esse*.

<table>
<tr><td colspan="4">Coniunctivus. Схема образования времен (I этап)</td></tr>
<tr><td colspan="4">Praesens activi</td></tr>
<tr><td>I</td><td>laud</td><td>-ē-</td><td rowspan="5">-m
-s
-t
-mus
-tis
-nt</td></tr>
<tr><td>II</td><td>habe</td><td rowspan="3">-ā-</td></tr>
<tr><td>III</td><td>duc</td></tr>
<tr><td>IV</td><td>audi</td></tr>
<tr><td colspan="4">Imperfectum activi</td></tr>
<tr><td>I</td><td>laudā</td><td rowspan="5">-rē-</td><td rowspan="5">-m
-s
-t
-mus
-tis
-nt</td></tr>
<tr><td></td><td></td></tr>
<tr><td>II</td><td>habe</td></tr>
<tr><td>III</td><td>duc-e</td></tr>
<tr><td>IV</td><td>audi</td></tr>
<tr><td colspan="4">Схема образования времен (II этап)</td></tr>
<tr><td colspan="4">Praesens passivi</td></tr>
<tr><td>I</td><td>laud</td><td>-ē-</td><td rowspan="5">-r
-ris
-tur
-mur
-mini
-ntur</td></tr>
<tr><td>II</td><td>habe</td><td rowspan="3">-ā-</td></tr>
<tr><td>III</td><td>duc</td></tr>
<tr><td>IV</td><td>audi</td></tr>
<tr><td colspan="4">Imperfectum passivi</td></tr>
<tr><td>I</td><td>laudā</td><td rowspan="4">-re-</td><td rowspan="4">-r
-ris
-tur
-mur
-mini
-ntur</td></tr>
<tr><td>II</td><td>habē</td></tr>
<tr><td>III</td><td>duc-ĕ</td></tr>
<tr><td>IV</td><td>audī</td></tr>
</table>

Обобщающие схемы I и II этапа							
Conjunctivus							
Залог	Спряжение	Praesens			Imperfectum		
		Основа инфекта	Суффикс	Личное окончание	Основа инфекта	Суффикс	Личное окончание
Activum	I	lauda[1)]	-e-	-m -s -t -mus -tis -nt	lauda	-rē-	-m -s -t -mus -tis -nt
	II	habe	-ā-		habe		
	III	duc			duc-ĕ		
	IV	audi			audi		
Passivum	I	lauda	-e-	-r -ris -tur -mur -mini -ntur	lauda	-rē-	-r -ris -tur -mur -mini -ntur
	II	habe	-ā-		habe		
	III	duc			duc-ĕ		
	IV	audi			audi		
[1)] lauda + e = laude-e							

Coniunctivus			
III этап			
Perfectum activi			
I	laudav-	-ĕrĭ-	-m -s -t -mus -tis -nt
II	habu-		
III	dux-		
IV	audiv-		
Plusquamperfectum activi			
I	laudav-	-issē-	-m -s -t -mus -tis -nt
II	habu-		
III	dux-		
IV	audiv-		

Схема образования времен (IV этап)		
Perfectum passivi		
I	laudatus, a, um (-ti, ae, a)	sim
		sis
II	habitus, a, um (-ti, ae, a)	sit
III	ductus, a, um (-ti, ae, a)	simus
		sitis
IV	auditus, a, um (-ti, ae, a)	sint
Plusquamperfectum passivi		
I	laudatus, a, um (-ti, ae, a)	essem
		esses
II	habitus, a, um (-ti, ae, a)	esset
III	ductus, a, um (-ti, ae, a)	essemus
		essetis
IV	auditus, a, um (-ti, ae, a)	essent

Обобщающие схемы III и IV этапов					
Coniunctivus					
		Perfectum		Plusquamperfectum	
		Основа перфекта		Основа перфекта	
Activum	I	laudav-	-ĕrim	laudav-	-issem
			-ĕris		-isses
	II	habu-	-ĕrit	habu-	-isset
	III	dux-	-erĭmus	dux-	-issēmus
			-erĭtis		-issētis
	IV	audiv-	-ĕrint	audiv-	-issent
		Part. perfecti passivi		Part. perfecti passivi	
Passivum	I	laudatus,a, um (-ti, ae, a)	sim	laudatus,a, um (-ti, ae, a)	essem
			sis		esses
	II	habitus, a, um (-ti, ae, a)	sit	habitus, a, um (-ti, ae, a)	esset
	III	ductus, a, um (-ti, ae, a)	simus	ductus, a, um (-ti, ae, a)	essemus
			sitis		essetis
	IV	auditus, a, um (-ti, ae, a)	sint	auditus, a, um (-ti, ae, a)	essent

Схема показывает, что perfectum и plusquamperfectum conunctivi activi и passivi образуются почти аналогично. При этом в активной форме возникают синтетические формы с некоторыми фонетическими изменениями, в пассивной – формы аналитические.

Сводная таблица латинского спряжения

а) система инфекта

		Praesens		Act.	Pass.	Imperfectum		Act.	Pass.	Fut. I		Act.	Pass.
		Осн. инф.	Суф	Личн. оконч.		Осн. инф.	Суф	Личн. оконч.		Осн. инф.	Суф	Личные окончания	
Indicativus	I	laudā-		-o/m	-o/r	laudā-	-bā-	-m	-r	laudā-	b(ī)-	-o/m	-o/r
				-s	-ris			-s	-ris			-s	-ris
	II	habē-		-t	-tur	habē-		-t	-tur	habē-		-t	-tur
	III	duc-ĭ-		-mus	-mur	duc-ĭ-	-ēbā-	mus	-mur	duc-ĭ-	-a/ē-	-mus	-mur
				-tis	-mĭni			-tis	-mĭni			-tis	-mĭni
	IV	audī-		-(u)nt	(u)ntur	audī-		-nt	-ntur	audī-		-(u)nt	(u)ntur
Coniunctivus		Осн. инф.	Суф	Личн. оконч.		Осн. инф.	Суф	Личн. оконч.					
	I	laudā-	-ē-	-m	-r	laudā-	-rē-	-m	-r				
				-s	-ris			-s	-ris				
	II	habē-	-ā-	-t	-tur	habē-		-t	-tur				
	III	duc-ĭ-		-mus	-mur	duc-e-		mus	-mur				
				-tis	-mĭni			-tis	-mĭni				
	IV	audī-		-nt	-ntur	audī-		-nt	-ntur				

б) система перфекта

Activum

		Perfectum		Plusquamperfectum		Futurum exactum	
		Основа перфекта		Основа перфекта		Основа перфекта	
Indicativus	I	laudav-	-i	laudav-	-ĕram	laudav-	-ĕro
			-isti		-ĕras		-ĕris
	II	habu-	-it	habu-	-ĕrat	habu-	-ĕrit
	III	dux-	-ĭmus	dux-	-erāmus	dux-	-erĭmus
			-istis		-erātis		-erĭtis
	IV	audiv-	-ērunt	audiv-	-ĕrant	audiv-	-ĕrint
Coniunctivus	I	laudav-	-ĕrim	laudav-	-issem		
			-ĕris		-isses		
	II	habu-	-ĕrit	habu-	-isset		
	III	dux-	-erĭmus	dux-	-issēmus		
			-erĭtis		-issētis		
	IV	audiv-	-ĕrint	audiv-	-issent		

Passivum

		Perfectum		Plusquamperfectum		Futurum exactum	
		Part. perfecti passivi		Part. perfecti passivi		Part. perfecti passivi	
Indicativus	I	laudatus,a, um (-ti, ae, a)	sum es est sumus estis sunt	laudatus,a, um (-ti, ae, a)	eram eras erat erāmus erātis erant	laudatus,a, um (-ti, ae, a)	ero eris erit erĭmus erĭtis erint
	II	habitus, a, um (-ti, ae, a)		habitus, a, um (-ti, ae, a)		habitus, a, um (-ti, ae, a)	
	III	ductus, a, um (-ti, ae, a)		ductus, a, um (-ti, ae, a)		ductus, a, um (-ti, ae, a)	
	IV	auditus, a, um (-ti, ae, a)		auditus, a, um (-ti, ae, a)		auditus, a, um (-ti, ae, a)	
		Part. perfecti passivi		Part. perfecti passivi			
Coniunctivus	I	laudatus,a, um (-ti, ae, a)	sim sis sit simus sitis sint	laudatus,a, um (-ti, ae, a)	essem esses esset essēmus essētis essent		
	II	habitus, a, um (-ti, ae, a)		habitus, a, um (-ti, ae, a)			
	III	ductus, a, um (-ti, ae, a)		ductus, a, um (-ti, ae, a)			
	IV	auditus, a, um (-ti, ae, a)		auditus, a, um (-ti, ae, a)			

В заключение студентам предлагается занести в тетради следующие схемы:

Основа инфекта				
Praesens	Imperfectum	Futurum I	Imperfectum	Praesens
Indicativi			*Coniunctivi*	
activi	*passivi*		*activi*	*passivi*

Основа перфекта				
Perfectum	Plusquamperfectum	Fut.II	Plusquamperfectum	Perfectum
Indicativi activi			*Coniunctivi activi*	

Основа супина				
Participium perfecti passivi				
sum	eram	ero	essem	sim
Perfectum	Plusquamperfectum	Fut.II	Plusquamperfectum	Perfectum
Indicativi passivi			*Coniunctivi passivi*	

Анализ схем приводит студентов к выводу, что латинские времена образуются от трех основ: инфекта, перфекта и супина. **На основе инфекта** базируются: praesens, imperfectum indicativi (coniunctivi) activi (passivi), futurum I activi (passivi); **на основе перфекта**: perfectum, plusquamperfectum indicativi (coniunctivi) activi, futurum II activi; **на основе супина**: (participium perfecti passivi): perfectum, plusquamperfectum indicativi (coniunctivi) passivi, futurum II passivi.

Выявляется, что пассивная форма времен, образованных от основы инфекта отличается от активной лишь пассивными окончаниями. Выясняется далее, что пассивная форма времен индикатива (частично и конъюнктива), образованных от основы перфекта (за исключением самого perfectum) отличается от активной лишь основой, поэтому в последнем случае получается синтетическая, в первом аналитическая временная форма, ср.:

laudav-eram	laudatus eram
laudav-ero	laudatus ero

Устанавливается, наконец, аналогия в образовании аналитических пассивных форм индикатива и конъюнктива (ср. laudatus sum – laudatus sim, laudatus eram – laudatus essem).

Студенты убеждаются, таким образом, что латинское спряжение представляет собой единое целое, отдельные элементы которого тесно связаны между собой. Латинская грамматика перестает им казаться хаотическим скоплением правил, а предстает как строгая, поражающая своей стройностью и логикой, система. Вникнув в нее, студенты начинают свободнее ориентироваться в «лабиринте» латинских времен.

V. РЕЦЕНЗИИ

И. М. Тронский. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л.: «Наука», 1973*.

Изданная посмертно книга выдающегося советского ученого, филолога-классика И. М. Тронского «Вопросы языкового развития в античном обществе» – итог многолетник научных исследований автора, его теоретических раздумий над проблемой становления и функционирования древнегреческих диалектов и литературных языков. Книга состоит из четырех глав. Первая, озаглавленная «Греческие диалекты и их изучение» (стр. 3-63), посвящена глубокому и всестороннему рассмотрению исторического развития диалектной картины Греции и ее изучения. И. М. Тронский справедливо указывает на ограниченность лингвистического кругозора древних грамматиков как на основной недостаток античных диалектологических работ (стр. 49). Касаясь трудов по греческой диалектологии, изданных в XX веке, автор книги подчеркивает в качестве их достоинств – полноту и достоверность собранного материала у Ф. Бехтеля (стр. 61), стремление связывать историю диалектов с историей греческих племен у А. Тумба (стр. 62), попытку создать сравнительную фонетику и грамматику у К. Бака (стр. 63).

Глава II (стр. 64–102) названа автором «Древнейший письменный язык». Характеризуя дешифровку крито-микенских текстов типа «В» М. Вентрисом и Дж. Чэдвиком как «одно из наиболее выдающихся открытий, которыми ознаменовались последние десятилетия в области древней истории» (стр. 64), И. М. Тронский отмечает значение этого события не только для археологии и истории Древнего мира, но и для греческого языкознания. Возникновение новой отрасли классической филологии – микенологии – дало мощный толчок бурному

* Научная конференция КГУ. Кишинев, 1973. С. 203.

развитию научных исследований по изучению этих новых документов второго тысячелетия до н. э. Перед учеными встала новая сложная задача: определить в системе греческих диалектов место вновь открытого «микенского» диалекта. И. М. Тронский присоединяется к теории крито-микенского койне, предложенной В. И. Георгиевым, но предлагает принять поправку А. Бартонека, который определяет «микенский» диалект как специальный наддиалект государств микенской культуры (стр. 101). И. М. Тронский высказывает весьма ценную мысль о том, что «первый письменный язык в его деловой разновидности обнаруживает черты, близко роднящие его с традиционно поэтическим языком, который отложился в гомеровском эпосе» (стр. 101–102).

В главе III (стр. 103–162) рассматривается «Язык греческого эпоса». В истории поэтических языков, созданных греками в связи с развитием различных литературных жанров, особая роль принадлежит гомеровскому языку. На современном этапе перед исследователями встали, как отмечает И. М. Тронский, две новые проблемы исключительной важности (стр. 108). Первая – это пересмотр места гомеровского языка в истории формирования греческих литературных языков, поскольку гомеровский эпос перестал быть древнейшим греческим текстом. Вторая – учет законов устно-поэтического творчества при изучении истории развития эпического языка. Касаясь вопроса о диалектном смешении языка гомеровских поэм, И. М. Тронский приходит к заключению, что это смешение не пространственного, а исторического плана: архаический наддиалект «Илиады» и «Одиссеи» восходит к микенской стадии греческого языка как к одному из своих истоков (стр. 130). Устно-поэтический язык микенского времени – непосредственный предшественник этого наддиалекта. Концепции А. Мейе, которому гомеровская полидиалектность представлялась случайной, И. М. Тронский убедительно противопоставляет свою: наддиалектный характер греческого поэтического языка представлял собой его исконное свойство во все периоды и останется характерным для всего последующего развития греческой поэзии (стр. 137). Автор книги отмечает большое значение имеющихся в гомеровских поэмах устно-поэтических формул и особенностей стихосложения, способствовавших сохранению и передаче из поколения в поколение эпических песнопений (стр. 137–162).

Главу IV (стр. 163–165) И. М. Тронский собирался посвятить полидиалектной поэзии VII–V вв. до н.э., однако успел написать лишь начало главы, в котором содержится общая характеристика переходного периода, когда в Греция зарождается литература с личным автором и письменной фиксацией. Совершается переход «от певца к поэту», при котором последний становится автором твердого текста, но не отказывается от старинных формул и от старого поэтического языка (стр. 165).

Книга И. М. Тронского снабжена обстоятельными примечаниями ко всем четырем главам (стр. 166–195), свидетельствующими о глубокой эрудиции автора и его широкой и исчерпывающей осведомленности в научной литературе вопроса. В послесловии к книге ее ответственный редактор А. В. Десницкая отдает заслуженную дань достоинствам последнего труда замечательного советского исследователя и высказывает твердую уверенность в том, что «заключенные в ней живые мысли, глубина знаний, творческая постановка больших историко-лингвистических проблем обогатят читателя, приобщая его к мудрости и гуманизму ушедшего ученого» (стр. 197). Нам остается лишь присоединиться к этой высокой и заслуженной оценке.

Bruno Gentili. Poetry and Its Public in Ancient Greece. From Homer to the Fifth Century. Baltimore; London, 1990. 384 p.

Книга директора Института классической филологии при Университете в Урбино профессора Бруно Джентили была издана в Италии в 1985 году[1], а затем дважды перепечатывалась в английском переводе (1988, 1990 гг.) с небольшими изменениями и дополнениями. Книга сразу же привлекла внимание научной общественности, а ее автор был удостоен на родине престижной премии.

Определяя в предисловии к английскому изданию задачи и цели своего исследования, Бр. Джентили подчеркивает неоценимое значение теории «устного поэтического творчества» (oral poetry) для изучения культурной и социальной функции греческой поэзии, начиная с Гомера и вплоть до V века до Р. Х. (с. IX). Ключ к ее пониманию находится в признании решающей роли слушания и непосредственного восприятия поэтического произведения адресатами, взаимоотношения поэта и его патрона, поэта и его слушателя, а также важной роли интеллектуального, экономического и социального факторов, обусловливающих это соотношение.

Основные критерии анализа автор заимствует в специальных отраслях знаний – филологии, лингвистике, антропологии и социологии. Все они направлены на конкретное восприятие и воссоздание древней ментальности, ее языковых структур, умственных категорий и характерных форм, отраженных в античном мировоззрении и искусстве. Главный принцип исследования автор видит в доподлинном установлении смысла и содержания изучаемого произведения, в правильности восстановления первоначального контекста. Представляемая им работа – итог многолетних (начиная с 1969 года) разысканий в области греческой поэзии, и в первую очередь архаической лирики.

---

[1] Gentili B. Poesia e publico nella Grecia antica: da Omero al V secolo. Roma; Bari, 1985.

Предваряет книгу Бр. Джентили введение, написанное ее переводчиком, американским профессором Томасом Коулом (Th. Cole). Прослеживая путь, пройденный автором, он упоминает о работах М. Парри (1928–1935), А. Лорда (1960) и Э. Хэвлока (1963–1982), оказавших значительное влияние на формирование научной концепции Бр. Джентили. Вклад последнего в ее развитие состоит в попытке творческого применения теории устного творчества, относимой первоначально к греческому эпосу (Гомер, Гесиод), к еще одной области поэтического творчества – ранней лирике VII–V веков.

Книга состоит из трех частей. Часть первая (с. 3–104) посвящена анализу главных вопросов исследования и является своего рода историко-методологическим вступлением в суть рассматриваемой проблемы. Общая концепция теории устного поэтического творчества предлагается автором в I разделе (с. 3–23).

Характеризуя древнегреческую поэзию, Бр. Джентили подчеркивает, что она существенно отличалась от современной содержанием, формой и методами представления. Это было сугубо практическое искусство, тесно связанное с реалиями социальной и политической жизни, взаимоотношением личности и общества. Оно отражало собственный опыт поэта о человеческом существовании, но не было личным в современном смысле; постоянно обращаясь к мифологии, черпая в ней темы, оно поучало и наставляло своего слушателя. И наконец, в отличие от современной поэзии, оно представляло собой не написанный и предназначенный для чтения текст, а сольное или хоровое произведение, исполняемое под музыку и предназначенное для сугубо слухового восприятия.

Обычным словом для наименования поэзии было μουσκή, обозначающее искусство в целом как соединение слов и музыки, а обычным словом для обозначения поэта служило в архаический период ἀοιδός ‘певец’ и, позднее, начиная с V века, μελοποιός ‘слагатель песен’ или ‘сочинитель’. Уже Гомер в «Одиссее»[2] причисляет певцов к ремесленникам (δημιουργόι), назначение которых – услаждать правителей и простой народ

[2] Hom. Od. XVII, 383.

рассказами о событиях дней минувших. В их воспроизведении важная роль отводилась памяти, т. е. умению запечатлеть и сохранить информацию о былых делах и временах, а также искусству импровизации, т. е. творческой ее обработке исполнителем по вдохновению Мнемосины и Муз.

Примечательно, что, как свидетельствует Гомер, эпические песни исполнялись древними певцами не только под аккомпанемент лиры, но и с участием хора юношей, плясавших в ритм музыки и произносимых нараспев слов. Их первоначальная строфическая структура предшествовала, как полагает Бр. Джентили, позднейшей чисто повествовательной форме исполнения стихов гексаметром. Не исключено, что на этой стадии после введения алфавита (IX-VIII века) могли иметь место и попытки сделать какие-то письменные записи отдельных более трудных отрывков, начала или конца песен. Не исключено также, что запись эпических текстов могла произойти еще раньше, в Микенскую эпоху (XV-XIII века) с помощью линейного письма B. Преемственность между микенским и архаическим периодом греческой истории не ограничилась социоэкономическими и политическими структурами, но и выразилась в сохранении в памяти певцов мифической, исторической и поэтической традиции. Анализ пройденного последней из них пути приводит автора к основополагающему заключению, что и ранняя лирика была изначально предназначена для устного исполнения и слухового восприятия, поскольку создавалась в связи с определенными жизненными ситуациями и была адресована определенным группам слушателей участникам торжества или застолья, членам мужского или женского содружества.

Раздел II (с. 24-31) своей книги Бр. Джентили посвятил рассмотрению вопроса о соотношении поэтического текста и сопровождавшей его мелодии. Что касается музыки, то греки понимали под ней чистую мелодию, они были не знакомы с гармонией и полифонией в современном смысле этих слов. Различались четыре вида исполнения произведений (νόμοι): сольное пение под струнный инструмент, сольное пение под флейту, соло для флейты и соло для лиры. Традиционные и строгие дорийские и эолийские лады были дополнены уже в ранний период более чувственными мелодиями малоазиатского происхождения – ионийской и лидийской. Хотя музыка и

поэзия находились в тесном союзе, начиная с архаического времени и вплоть до эллинистического периода, следует иметь в виду, что поэтическая сторона всегда сохраняла свою автономию, что привело в дальнейшем к отказу поэтов от музыкального сопровождения текста.

В III и IV разделах (с. 32–60) Бр. Джентили анализирует отдельные виды и формы лирической поэзии и затрагивает вопрос о теории подражания. Греческая традиция относила вплоть до эпохи эллинизма к лирическим сольные и хоровые произведения, исполнявшиеся под аккомпанемент струнного инструмента (лира, кифара, форминга) и, в отличие от современного обычая, не включала в понятие собственно лирики такие жанры, как элегия и ямб: то и другое было сопровождаемо звуками флейты.

Элегическая поэзия разделяла с ямбической ее практическую функцию, однако отличалась более приподнятым тоном, проявлявшимся и в общем с эпосом метрическом размере (гексаметр). Кроме того, элегический текст исполнялся в песенной форме, а ямбический напоминал наш современный оперный речитатив.

Касаясь проблемы формирования языка монодической и хоровой лирики, а также их отношения к гомеровскому языку, Бр. Джентили присоединяется к высказанному автором этих строк предположению, что все они восходят своими корнями к общему источнику – поэтическому языку микенского (или домикенского) периода (с. 59).

Рассуждая о социологии смысла в следующем, V разделе (с. 61–71), Джентили затрагивает вопрос о традиции и нововведениях в греческой лирике. При всех своих связях с эпосом и Гомером она развивалась в новых исторических условиях и преследовала иные задачи, что не могло не отразиться, в первую очередь, на ее лексическом и семантическом уровнях. При всем своем первоначальном сходстве в эпосе и лирике как loci communes, так и отдельные слова подвергаются новому толкованию и различной интерпретации. Нельзя, например, отождествлять ἀρετή ‘добродетель’ у Гомера, Тиртея, Симонида и Пиндара.

С VI раздела (с. 72-104) Бр. Джентили переходит к рассмотрению отдельных видов лирического творчества и начинает его с эротического. Свою основную цель он видит в выяснении подлинного смысла и характера понятия θίασος, тесно связанного с

творчеством Сапфо. Оперируя широким сравнительным материалом, он приходит к выводу, что это слово обозначает не только ‘содружество в честь богов’, но и специфическое ‘девичье содружество’, основанное на эротическом начале.

Часть вторая книги (с. 107–176) начинается с анализа вопроса о смысле и соотношении слов ἔπαινος ‘хвала’ и ψόγος ‘хула’ (раздел VII, с. 107–114). Первое из них связано с древних времен с пиршествами и торжественными шествиями, второе включает в себя порицание, обвинение и насмешку. Представителями поэзии прославления были хоровые лирики – Симонид, Пиндар, Вакхилид; представителями поэзии порицания – ямбографы Архилох, Гиппонакт и Симонид. Между ними находились элегики – Солон, Ксенофан и Феогнид, а также Алкей и Анакреонт.

В разделе VIII (с. 115–154) Бр. Джентили анализирует кардинальное для своей книги положение о соотношении понятий *поэт – патрон – публика.* Он обращает внимание на существенную разницу между хоровой лирикой, с одной стороны, и монодической – с другой. Если первая выполняла прославительную и культовую функцию и предполагала непосредственное взаимоотношение поэта и патрона, который ее заказывал и оплачивал, то вторая была предназначена для ограниченного круга слушателей, принадлежавших к той же социальной группе, братству или содружеству.

Хоровые лирики в большей степени обращались к сфере преданий, монодические поэты находили темы для своих произведений в превратностях личной жизни и политических обстоятельствах, руководствовались скорее групповыми интересами, чем заказами знатных повелителей.

Рассматривая вопрос об интеллектуальной активности поэтов и социоэкономической ситуации (раздел IX, с. 155–176), Бр. Джентили прослеживает процесс политических, экономических, социальных и культурных преобразований греческого общества, которые обусловили постепенный переход на рубеже V и IV веков от устной и воспринимаемой на слух поэзии к письменно зафиксированной и книжной. Хотя последняя еще продолжительное время боролась за свою победу, ход общественного развития работал в ее пользу. Эллинистический период представляет собой картину двух параллельных состояний: книжной поэзии, библиотек, образования, с одной

стороны, устных выступлений, театров и публичных состязаний – с другой.

Третья часть книги (с. 179–222) содержит три очерка, посвященных анализу избранных текстов и отрывков Архилоха (с. 179–196), Алкея (с. 197–215) и Сапфо (с. 216–222). Внимание автора привлекает знаменитый и самый большой фрагмент Архилоха, ставший достоянием научной общественности лишь два десятилетия тому назад. В центре очерка об Алкее находится известная аллегория, относящаяся к «государственному кораблю» и нередко встречающаяся и у других античных авторов. Заключает третью часть книги рассмотрение семантики слова ἁγνός ‘священный, почтенный’ в греческой поэзии и, в частности, у Сапфо.

В «Приложении» (с. 223–233) автор тщательно исследует содержание и понимание термина «филология», отмечает его различную интерпретацию в разное время, начиная с античности и кончая современностью.

Обширный комментарий (с. 235–309) включает в себя примечания к каждому параграфу с исчерпывающими ссылками на использованные источники. Заключают книгу библиографический указатель – более 700 названий (с. 311–352), индекс слов (с. 353–361) и цитат (с. 363–384).

Работа Бр. Джентилп может быть отнесена к числу значительных явлений в области классической филологии последних десятилетий. Ее отличает глубокий и взвешенный охват целого периода истории греческой литературы. Этот период, начиная с Гомера и вплоть до V века, заполнен появлением уникального для своего времени поэтического жанра ранней лирики. Проследить путь его становления на фоне послегомеровской эпохи и пройденных им этапов с учетом экономических, социально-политических и культурных факторов – нелегкая задача, и успешно справиться с ней оказалось под силу автору. Прекрасное знание греческой лирики, включая последние папирусные находки, их тонкий лингвистический и фактологический анализ позволили Бр. Джентили выполнить свое исследование на основе новейших достижений современной науки об античности.

O. Jurewicz, L. Winniczuk, Starożytni Grecy i Rzymiane w życiu prywatnym i państwowym, Warszawa, 1968, 533 стр.

Книга по замыслу ее авторов должна заполнить образовавшийся в польской послевоенной научной литературе пробел в изучении жизни древних греков и римлян. Показав античного человека в его повседневной жизни, авторы – О. Юревич и Л. Винничук – стремились повысить интерес польского читателя к античной культуре, к произведениям греческих и латинских писателей, приблизить и облегчить понимание столь отдаленной, но в то же время и столь близкой современной культуре греко-римской античности. Книга охватывает широкий круг тем, относящихся к различным областям жизни древних греков и римлян, и составляет своеобразный свод сведений об их многообразной деятельности. В 28 главах авторы рассматривают последовательно все важнейшие вопросы, связанные с частными, общественными и государственными делами античного гражданина.

Первый круг проблем охватывает частную жизнь греков и римлян (гл. I–XII). В гл. I, посвященной античной семье, авторы подчеркивают, что греки первые из народов древнего мира соблюдали моногамию и считали многоженство варварским и недостойным грека обычаем. Значительное место отведено роли женщины, ее правовому, имущественному и общественному положению. Отмечается, в частности (стр. 13), что иногда женщины проявляли большую активность и отстаивали коллективно свои требования (Рим, 195 г. до н. э.).

Во II и III гл. рассматривается античный брак, его правовые основы и организационные формы. Подробно описывается брачная церемония в Греции и Риме с их отличительными чертами и особенностями. Отмечается, что разводы были нередким явлением в Афинах и не представляли трудностей в правовом отношении (стр. 25); в Риме такое положение было обычным к концу Республики. IV гл. посвящена вере древних в бессмертие души, обряду похорон в богатых семьях и семьях бедняков. В V гл. сообщается о греческих и римских именах и фамилиях, в том числе женщин, рабов и вольноотпущенников.

VI гл. отводится теме воспитания детей и молодежи, семейных праздников, игр, обучения дома и в школе, связи школы с государством. VII гл. посвящена писчим материалам, изготовлению папирусных и пергаменных книг, античным библиотекам. В гл. VIII и IX рассматриваются в историческом плане античные дома и их архитектура, мебель и домашняя утварь, освещение и обогревание жилищ. X гл. посвящена одежде греков и римлян с древнейших времен, головным уборам, прическам, обуви, украшениям. В XI гл. рассказывается о питании древних (напитки, хлебобулочные изделия, фрукты и овощи, мясо), устройстве пиров, организации снабжения, приводятся цены на продовольственные товары в Риме в III в. н. э. Глава XII содержит описание спортивных и домашних игр, а XIII – терм, харчевен, таверн и т. д.

Второй круг вопросов, затрагиваемых в рецензируемой книге, посвящен мифам о героях, общественным праздникам и торжествам и т. д. (главы XIV–XXI).

В гл. XIV–XV рассматриваются античная религия и мифология: три поколения греческих богов, иерархия олимпийских богов, римские боги, организация культа в Греции и Риме. В отличие от традиционного деления мифов на локальные греческие Л. Винничук группирует их по принципу связи с другими государствами: Крит – Финикия – Греция; Финикия – Греция; Египет – Эфиопия – Греция; Колхида – Греция; Коринф; Лидия – Фригия – Греция. Этот принцип заслуживает внимания, так как действительно лишь немногие греческие мифы ограничены в своем действии территорией собственно Греции. С вопросами религии связано и распространенное в античности гадание, различные формы которого анализируются в гл. XVI. Следующая глава (XVII) отведена счислению времени в Афинах и Риме, системе датирования, календарю и античным часам. В XVIII гл. описываются игры и торжества: олимпийские, панафинейские, элевсинии, дионисии в Греции, а также римские празднества, цирковые представления и гладиаторские игры.

Гл. XIX содержит описание струнных и духовых музыкальных инструментов, различных видов античного танца. Краткие сведения о греческом и римском театре, его техническом оснащении, актерах и публике приводятся в гл. XX. Античные города, их строительство, архитектура, основные достопримечательности древних Афин и Рима – тема XXI гл.

Третий круг вопросов, освещаемых в книге, связан с общественно-политическим строем античного государства (гл. XXII–XXVIII).

В XXII гл. рассматривается политический строй Греции и Рима. Главное внимание авторов привлекает континентальная Греция и прежде всего политический строй Афин и Спарты, межсоюзные отношения. Детально освещаются здесь политические римские институты периода Республики и ранней Империи. Судопроизводство в Афинах и Риме, его организация, правовые основы и исполнительные органы – тема XXIII гл. XXIV гл. посвящена военному делу в античности: военная техника, виды оружия и организация войска. В XXV гл. анализируются типы греческого и римского мелкого сельского хозяйства, обработка земли, сельскохозяйственные культуры, их переработка и организация сбыта. В гл. XXVI рассматривается роль и значение ремесла, в XXVII – транспорт и средства связи, в XXVIII – денежные системы античных государств.

В каждой главе последовательно дается исторический фон Греции и Рима. Излагая материал, авторы часто ссылаются на произведения древних писателей или соответствующие документы, цитируют из них те или иные заслуживающие внимания отрывки.

Относительно более подробно излагаются в книге разделы, посвященные религии и мифологии (стр. 168–200), политическому строю (стр. 325–376), военному делу (стр. 393–436) и сельскому хозяйству (стр. 437–448) античных государств.

Большой интерес для читателя книги представляют такие относительно менее освещенные в научно-популярной литературе вопросы, как одежда и питание греков и римлян (стр. 100–148), античное счисление времени (стр. 234–243), ремёсла (стр. 449–460) и средства связи (стр. 461–473).

Книга написана увлекательно, живым и доступным языком, снабжена библиографией (стр. 487–489), индексом собственных имен (стр. 493–505) и терминов (стр. 506–529), картами и таблицами. Многочисленные (их свыше 220) удачно подобранные иллюстрации облегчают читателю понимание и осмысление сообщаемых сведений. В тексте рядом с польскими постоянно приводятся соответствующие греческие и латинские наименования предметов и явлений.

Имеются, однако, в книге и некоторые упущения. Глава VI о воспитании молодежи неудачно начинается с вопроса о подкидывании и убийстве детей (стр. 44). Несколько схематично изложена проблема образования в Греции (стр. 51–54). В свете новейших данных нуждается в уточнении описание политического строя Микен (стр. 325), не достает конкретных исторических примеров при рассмотрении греческой военной стратегии и тактики (стр. 407). Эти отдельные недостатки, однако, не умаляют достоинств работы в целом.

Книга является по замыслу авторов продолжением и дополнением труда проф. К. Куманецкого «Historja kultury starożytnej Grecji i Rzymu» (Warszawa, 1955, 1965, 1967). Она представляет собой ценное пособие для всех, кто интересуется античностью.

ЭПОС ГОМЕРОВСКИХ ПОЭМ[1]

Работа И. Шталь благодаря применению историко-типологического метода к греческому эпосу открывает путь к углубленному рассмотрению особенностей образования и функционирования одного из древнейших мировых литературных жанров.

Определяя тип художественного мышления гомеровской поэмы «Илиада», как «эпический синкретизм» (стр. 4), автор указывает на его историческую и культурную обусловленность, отмечая, что его художественная специфика проявляется в теме, композиции, мотивах, тропах и лексике эпоса. Под «эпическим синкретизмом» И. Шталь понимает обобщенное видение, в котором слиты воедино художественное и научное отображение мира, и усматривает конечную цель своего исследования в выявлении «ведущих закономерностей претворения эпического синкретизма в образную ткань гомеровского эпоса» (стр. 13), показе его конкретных форм.

Анализируя высказывания древней критики о гомеровских поэмах, автор книги приходит к обоснованному заключению, что уже в античности отчетливо ощущался их синкретический характер как особой фазы художественного мышления. В охвате эпосом огромного жизненного материала и его художественном переосмыслении античность находила проявление присущих Гомеру черт одновременно философа и поэта, подтверждающих целостность неделимого сращения образных и понятийно-логических элементов в его мироосознании. Героический эпос, по мнению И. Шталь, сплавил воедино эпические, лирические, трагические, комические и прочие начала, а мудрость Гомера включила в себя мудрость геометра, врача, военачальника, астронома. Впоследствии, ко времени Геродота и Аристотеля, когда произошло отделение науки от поэзии и художественный синкретизм эпического мышления отошел в прошлое, единое мифологическое мироосознание стало представляться грекам

---

[1] И. В. Шталь, Художественный мир гомеровского эпоса. М.: «Наука», 1983. 296 с.

«первобытной наивностью» (стр. 30), а неделимый гомеровский текст стал привлекаться для доказательства отдельных философских, физических, этических и психологических построений.

И. Шталь строит свое изучение гомеровского эпоса, исходя из античного «критерия «художественного» произведения в его отличии от произведения «научного» (стр. 34). Этот критерий получил собирательное выражение в схолиях к Дионисию Фракийскому и сконцентрировал в себе поэтико-эстетические категории античной теории словесности.

Тщательному и обстоятельному рассмотрению подвергаются основные признаки античного критерия «художественного» произведения применительно к гомеровскому эпосу. Первый его признак – стихотворный размер. Для поэм Гомера – это дактилический гекзаметр. Второй признак «художественного» произведения – вымысел. В гомеровском эпосе он обладает особой спецификой и находится в единстве и взаимопроникновении с истиной. Последняя проявляется не только в исторически реальной основе поэм Гомера, но и в насыщении текста сведениями из различных областей знаний. Представляет интерес заключение И. Шталь, что «вымысел в поэмах Гомера правдоподобен не только вследствие сращения с истиной, но и потому, что строение его подчинено закономерностям правдоподобия» (стр. 70).

Центральная часть книги отведена третьему признаку «художественного» произведения – рассказу. Автор выявляет соотношение эпических понятий «все» и «каждый» и высказывает мнение, что нет у Гомера принципиального различия между этими категориями, что эпическое «все» качественно равноценно эпическому «каждый». Соотнесены, в частности, понятия «человек» – «народ» и «человек» – «герой» – «племя», поскольку нет человека вне народа, нет героя без племени и племени без героя. И. Шталь выдвигает тезис о том, что эпический синкретизм распространяется на изображение не только человека и человечества, но и явлений и предметов любого смыслового ряда (стр. 81).

Привлекает внимание рассуждение относительно старших и младших богоборцев в «Илиаде», свидетельствующее о наличии в поэме различных по времени религиозно-мифологических напластований, равно как и двух вариантов эпической вины и ответственности троянцев в войне.

Наряду с идеалом человека И. Шталь находит в гомеровском эпосе и другие аналогичные ему идеалы – божества, коня, ору-

жия, камня и др. Все они мыслятся однородными по качеству и отличаются лишь количеством данного качества, так как состоят из понятий, идентичных номинально и по своему внутреннему смыслу. «...Всеобщая соизмеримость мира, – пишет И. Шталь, – возведенная в систему эпического синкретического мировосприятия, оказывается основой и вместе с тем объяснением сопутствующих этому мировосприятию явлений мифологизма и фетишизма» (стр. 175).

В основе индивидуальной эпической характеристики лежит, по мнению автора монографии, тот же эпический принцип качественного единообразия, в соответствии с которым нет преград между общим и индивидуальным, хотя каждый из героев отличен от другого. При относительно четком выявлении Гомером внутренних индивидуальных качеств богов и героев может идти речь лишь о намеках на их внешнюю индивидуальную характеристику. Принцип качественного единообразия проявляется, считает И. Шталь, также в чувствах и мыслях существ, населяющих эпический мир; они однотипны, единообразны и по структуре, и по сути, и по форме выражения. Горе и радость, смерть и жизнь в эпосе – варианты единого бытия в вечном круговороте, мироощущение гомеровских поэм (и с этим можно полностью согласиться) пессимистично и оптимистично одновременно. Характеризуя эпическое действие, И. Шталь отмечает его двупланность, связывая план изложения с понятийно-логическим, план изображения – с образным элементом. Действие представляется автору постоянным и повсеместно законченным, поступательным и статичным, полностью подчиненным принципам эпического синкретизма.

Четвертый признак «художественного» произведения в античной теории искусства – словесное выражение. Гомеровский стиль определяется как единство «общеупотребительных» и «необычных» слов – тропов. Автор констатирует, что в эпосе нет ни метафор, ни гипербол как таковых, поскольку эти фигуры несовместимы с основными принципами эпической эстетики, признающей мир изначально однородным, а предметы, лица, явления – обладающими одними и теми же свойствами.

Заслуживают внимания общие выводы книги, сформулированные в «Заключении», и критические высказывания автора, содержащиеся в «Приложениях», ее полемика с зарубежными учеными.

Вместе с тем ощущается некоторое увлечение И. Шталь типологической характеристикой эпического синкретизма в ущерб исторической, что не замедлило сказаться на полноте проведенного анализа. Рассуждение о том, что эпический синкретизм обусловлен исторически и культурно (стр. 3), несомненно выиграло бы, если бы автор подкрепила его хотя бы сжатым изложением основных черт отраженной в гомеровских поэмах эпохи, то есть показала объективную основу синкретизма как типа художественного мышления.

Несколько настораживает неоднократно повторяемый в книге тезис о нерасторжимой целостности, всеохвате явлений, неделимости единичного и всеобщего, абстрактного и конкретного, общего и частного. Дело не только в том, что не все звенья этого тезиса достаточно убедительно аргументированы, но прежде всего в том, что трудно себе представить, чтобы в таких сложнейших произведениях, какими являются гомеровские поэмы, даже самый гениальный поэт мог достичь столь совершенного подчинения себе разнообразного и разновременного материала. Реально ли думать, что все противоречия, которые то тут, то там выявляются в сюжете, композиции и языке, оказались полностью сглажены и устранены гомеровским художественным мышлением? Стоит в связи с этим напомнить позицию А. Лосева (о ней, кстати, говорится на стр. 12), различающего в гомеровском эпосе ряд хронологически неоднородных напластований и выделившего среди них как доминирующий пласт эпохи кризиса первобытнообщинного строя с ведущим мироосознанием этой эпохи.

Заметно упрощает и обедняет сложнейшую картину эпического мира стремление автора видеть явления и предметы, всех богов и людей, равно как и их идеалы, однородными по качеству и «состоящими из понятий, идентичных как номинально, так и по своему внутреннему смыслу» (стр. 156).

Признавая в принципе значение историчности состава языка, тропов и лексико-граммати-ческих понятий, И. Шталь развивает и отстаивает мысль о том, что «лексика гомеровских поэм во <u>всей ее полноте</u> (подчеркнуто мною – Н. Г.) подчинена единому типу художественного мышления, присущему гомеровскому эпосу и в нем запечатленному» (стр. 6). Более приемлемой представляется мне точка зрения А. Тахо-Годи, отметившей многоплановость гомеровских тропов, сочетающих во взаимо-

проникновении рудименты мифологического сознания, фетишизма и анимизма со «всходами образной поэтичности», или иначе – образность мифологическую, мифолого-поэтическую и чисто поэтическую[2].

Выдвинутый И. Шталь универсальный принцип идеального героя, о чем уже писал Р. Гордезиани в своей книге «Проблемы гомеровского эпоса» (Тбилиси, 1978, стр. 294–295), в определенной степени ограничивает восприятие индивидуальных особенностей гомеровских образов, которые невозможно измерить лишь количественными отклонениями от качественной модели.

Полемизируя с Ю. Андреевым, И. Шталь указывает на спорность его позиции в понимании гомеровского общества как общества аристократического, позиции, связанной с изучением гомеровской социологии на основании данных, полученных при анализе сравнительно позднего слоя гомеровских поэм, принятого за эпически единственный. Конечно, для воссоздания художественной специфики гомеровского эпоса необходим учет всей совокупности содержащегося в нем многоаспектного материала. Однако, думается, не следует забывать и об исторической неоднозначности отдельных этапов как по времени, так и по их весомости. Чтобы не ошибиться в своих гипотезах, необходимо постоянно взвешивать и в должной мере учитывать оба названных фактора.

Вспоминаются слова И. Тронского: «В многообразно расцвеченной ткани гомеровских поэм обнаружится огромное число составляющих – исторических, религиозных, сюжетных, языковых, идущих из различных эпох и от различных пространственных ареалов...»[3]. Есть и другие положения книги, с которыми можно не согласиться, но нельзя не признать права автора на их выдвижение и аргументированную защиту, тем более что монография И. Шталь – оригинальное исследование, в котором сделана попытка комплексного рассмотрения важной литературоведческой проблемы.

---

[2] А. Тахо-Годи. Мифологическое происхождение поэтического языка «Илиады» Гомера // Античность и современность. М.: «Наука», 1972.

[3] И. М. Тронский. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л.: «Наука», 1973. С. 105.

Р. В. Гордезиани. «Илиада» и вопросы истории и этногенеза древнейшего населения Эгеиды. Тбилиси, 1970. 309 стр. (на грузинском языке. Резюме на русском и немецком языках)

Результаты археологических раскопок Эгеиды, изучение древневосточных документов II тысячелетия до н.э. и дешифровка линейного письма B оказали и продолжают оказывать сильное влияние на развитые науки об античности. Эти открытия явились новым импульсом и для гомерологии, поскольку стало возможным привлечение ранее неизвестных материалов, имеющих прямое отношение к ее проблематике. В последние годы появился ряд исследований, авторы которых пытаются с новых позиций подойти к решению вопросов гомеровской тематики. Внимание советской научной общественности привлекла монография молодого, но уже хорошо себя зарекомендовавшего грузинского филолога-классика Р. В. Гордезиани «“Илиада” и вопросы истории и этногенеза древнейшего населения Эгеиды», опубликованная в 1970 году в издательстве Тбилисского университета.[1] Работа посвящена выяснению сложных проблем, связанных с изучением описываемых в гомеровской поэме событий, их локализацией и исторической достоверностью, исследованию демографической ситуации в Эгейском бассейне и его лингвистических связей с кавказскими языками. Во «Введении» (стр. 7–9) автор определяет задачи исследования, справедливо отмечая, что каждая эпоха осмысливает Гомера по-своему, исходя из новых научных данных и с учетом современных ей методов и критериев. В наше время необходимость пересмотра ряда установившихся среди исследователей истин диктуется новой ситуацией, связанной с последними научными открытиями. В качестве стержня своих разысканий по воссозданию отношений между отдельными частями гомеровской поэмы

---

[1] Ср. также: Р. В. Гордезиани. Проблема единства и формирования гомеровского эпоса. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Тбилиси, 1974, 56 стр.

и по установлению исторической ценности данных, содержащихся в “Илиаде”, Р. В. Гордезиани избирает известный перечень участвовавших в троянской войне народов и вождей – т. н. «каталог кораблей» («Илиада», II книга, ст. 484 – 877). В первой главе (стр. 10–86) дается подробный анализ научной литературы о каталоге, рассматриваются аргументы исследователей, признающих или отрицающих его ценность как исторического источника и его тесную связь с поэмой. С полным основанием автор становится на сторону тех ученых, которые видят в каталоге органическую часть «Илиады», естественно вписавшуюся в ее изложение и ничуть не нарушающую ее единства. Со своей стороны, Р. В. Гордезиани дополняет их аргументацию двумя весьма существенными соображениями.

Во-первых, поставив перед собой задачу выяснить, насколько соответствуют друг другу данные каталога и «Илиады», он после тщательного анализа приходит к заключению, что эти данные находятся в полном соответствии между собой, что в «Илиаде» в большинстве случаев упоминаются герои, названные в каталоге, и они характеризуются одинаковыми эпическими формулами, что в ряде случаев в поэме уточняются и дополняются сведения каталога. Во-вторых, рассмотрев способы представления Гомером участников троянской войны, он делает интересные наблюдения о том, что в поэме и в каталоге более полно и конкретно приводятся данные об ахейских, нежели о троянских героях («Илиада» была рассчитана, в первую очередь, на греческого читателя), что часть перечисленных в каталоге героев не характеризуется дополнительно при первом упоминании в дальнейшем тексте «Илиады» и что некоторые ее места были бы непонятны без данных каталога.

Убедительно опровергаются автором доводы противников теории единства каталога и «Илиады». Справедливо отмечается, например, что кажущееся некоторым ученым несоответствие между сценой построения войска в долине Скамандра на десятом году войны и перечислением кораблей, относящихся к отплытию ахейского флота из Авлиды, объясняется общим художественным принципом и своеобразным творческим замыслом поэта, задумавшего отразить в своей поэме не только отдельный эпизод, но и весь ход Троянской войны «со своим началом и концом, с радостями побед и горечью поражений, жаркими схватками и мирными днями» (стр. 287). Тем не менее,

Р. В. Гордезиани не отрицает возможности появления в каталоге позднейших вставок: он усматривает, в частности, явную переделку более раннего варианта текста поэмы в стихах 557 – 558 ее второй песни.

Вторая глава (стр. 87 – 157) – «“Илиада” и история» – занимает центральное место в монографии. Автор, прежде всего, возвращается к много раз дебатировавшемуся вопросу об исторической ценности данных гомеровского эпоса. Подчеркивая его сложность, он напоминает, что разрешить этот вопрос окончательно не смогли ни новейшие открытия в области археологии, ни успехи в изучении древнейших документов. До сих пор нет полной ясности в датировке троянской войны и определении, какой слой раскопок следует принять за гомеровскую Трою. В книге рассматриваются подробно сведения о троянской войне, содержащиеся в трудах древнегреческих историков и свидетельствующие об их глубоком убеждении, что эта война – историческое событие. Однако автор с полным основанием обращает внимание читателя на то обстоятельство, что было бы неправильным относиться к самой «Илиаде» как к подлинному историческому документу, ибо она в первую очередь – художественное произведение, в котором быль переплетается с фантазией и где нелегко отделить реальные события от позднейших напластований. Тем не менее, не может быть никакого сомнения в том, что поэма является неисчерпаемым кладом сведений о микенской эпохе. В частности, мы узнаем из нее о существовании ко времени троянской войны, с одной стороны, союза ахейских племен во главе с Микенами на территории Эллады и, с другой, – союза анатолийских племен в западной части Малой Азии. Археологические данные позволяют отнести изображаемые в «Илиаде» картины жизни и быта к позднеэлладскому III B периоду в Эгейском бассейне. Критомикенские тексты указывают на практику составления в ту эпоху различного рода списков учета, в том числе военного имущества. Тождественность упоминаемой в хеттских источниках Аххиявы и гомеровских ахейцев подтверждается Р. В. Гордезиани рядом дополнительных (кроме уже известных в науке) и довольно убедительных аргументов. С учетом всех этих и многих других соображений автор книги приходит к выводу, что троянская война могла иметь место в период между восхождением на трон хеттского царя Тудхалиаса IV (±1265 г.

до н. э.) и битвой при Пер-Ире в период войны с Ассувой (±1230). Автор полагает, что гомеровский каталог кораблей был создан поэтом на основе и с учетом письменного источника микенской эпохи, дающего информацию о составе ахейского войска перед отплытием в Трою.

В третьей главе (стр. 158–179) автор задался целью выяснить основу и характер двух противостоявших друг другу под Троей военных группировок, описанных в каталоге кораблей. Союз ахейцев представлял собой – и это не вызывает никаких сомнений – объединение греческих и подчиненных им племен под эгидой Микен. Сложнее обстоит дело с определением характера союза троянцев и их союзников. Отвергая высказанные в этой связи предположения исследователей (союз троянцев – объединение греческих и родственных индоевропейских племен; союз хетто-лувийских племен; союз неиндоевропейских племен Анатолии), как недостаточно обоснованные, автор, исходя из анализа ряда античных и древневосточных источников, приходит к выводу, что троянское объединение – результат концентрации начиная с XIV до н. э. эгейских (и хурритских) племен в побережных районах Анатолии, связанный с усилением греческих племен в Эгеиде и переселением части догреческого населения на территорию Малой Азии.

Глава четвертая (стр. 180–216) посвящена проблеме эгейского заселения. Рассматривается в критическом плане ряд гипотез относительно этнического и языкового состава народонаселения Эгеиды. Автор отклоняет теорию Георгиева об индоевропейском пеласгском субстрате на Балканах, теорию Пальмера о хетто-лувийском характере этого субстрата и теорию о догреческом неиндоевропейском субстрате во всем Средиземноморье. Весьма плодотворным является, на наш взгляд, подход к решению этого вопроса салим автором. Он учитывает, прежде всего, исторические передвижения народов Малой Азии начиная с IV тысячелетия до н. э., их неоднородный состав, выступает против универсализации выдвинутых гипотез, затемняющей действительную обстановку в отдельных регионах, считается с чрезвычайной пестротой языковой картины и ее постоянными изменениями во всем Эгейском бассейне. Р. В. Гордезиани полагает, что в свете вышесказанного трудно говорить о существовании на рубеже II–I тысячелетия до н. э. чисто индоевропейских или неиндоевропейских языков, поскольку в итоге

многовекового взаимовлияния многие языковые элементы проникли как в первые, так и во вторые. С конца II тысячелетия под натиском вторгшихся с севера народов одна часть смешанных эгейских племен переселяется из Малой Азии на запад (в Италию), другие подаются на северо-восток (Кавказ).

В пятой главе (стр. 217–252) анализируются эгейско-картвельские языковые параллели. Автор отмечает, что пока рано говорить о наличии: или отсутствии родственных отношений между эгейскими и кавказскими языками и следует избегать далеко идущих выводов в этом плане, поскольку вопрос еще недостаточно изучен. Самым оправданным на данном этапе он считает последовательное выявление языковых сходств между ними, ибо это позволит не только выяснить возможное родство отдельных языков, но и прольет дополнительный свет на древнейшие взаимоотношения кавказских, анатолийских и эгейских племен в культурно-историческом плане. Подвергаются анализу фонетические, словообразовательные и лексические явления, ряд топонимических корней, общих названным языкам, а также некоторые словообразовательные и лексические этрусско-картвелъские языковые параллели.

Книгу Р. В. Гордезиани заключают: перевод на грузинский язык «Каталога кораблей» (стр. 253 – 263); список литературы, включающий ок. 350 наименований (стр. 264–277); резюме на русском (стр. 279–303) и немецком языках (стр. 304–310).

Монография Р. В. Гордезиани является серьезным и. оригинальным научным исследованием. Ее отличительная черта – широта подхода к решению поставленной задачи. Непосредственным объектом исследования является «Каталог кораблей», однако он рассматривается на широком фоне основных проблем гомерологии. Автором тщательно и кропотливо изучены относящиеся к вопросу документы, он хорошо осведомлен в научной литературе, как отечественной, так и зарубежной. Комплексный характер работы включает всесторонний анализ каталога с филологической, исторической и этнолингвистической точек зрения. Привлечение новейшего археологического материала, использование древневосточных документов и крито-микенских текстов II тысячелетия до н. э. как сравнительного материала дало возможность автору сделать ряд новых и интересных заключений. Следует также отметить сугубо научный подход к оценке фактического материала и к высказанным иссле-

дователями гипотезам, умение трезво оценить их положительные стороны и в то же время заметить их недостатки. Осторожность автора в формулировке выводов пока не накоплен достаточный и достоверный подтверждающий их материал свидетельствует о его вдумчивом и серьезном отношении к изучаемой проблеме.

Хотелось бы вместе с тем высказать несколько замечаний. В плане структуры монографии представляется не совсем удачным выделение отдельной третьей главы, более целесообразно было бы присоединить ее в качестве еще одного раздела ко II главе. Думается, что можно было в еще большей степени использовать в работе материал крито-микенских текстов в сопоставительном плане. Недостаточно прозрачной и четкой представляется предлагаемая картина передвижений народов в Эгейском бассейне в III–I тысячелетиях до н. э. Слишком категорическим кажется утверждение, что в эгейско-анатолийских языках XIII–XII вв. до н. э. существовал такой же значительный индоевропейский слой, как и в индоевропейских диалектах этих районов – эгейско-анатолийский (стр. 298).

Труд Р. В. Гордезиани «Илиада и вопросы истории и этногенеза древнейшего населения Эгеиды» – ценный вклад в науку об античности. Весьма желательно переиздать его на русском языке с тем, чтобы с ним смог ознакомиться более широкий круг наших читателей.

VI. PERSONALIA

С. Я. ЛУРЬЕ (8.1.1891 – 30.30.1964)*
(Жизнь и деятельность)

С. Я. Лурье родился в 1891 году в г. Могилеве в Белоруссии в семье врача. С детства проявились у него способности к изучению математики историй и классических языков. Окончив в 1908 году с золотой медалью гимназию, он поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Среди его учителей – крупные представители русской науки – С. А. Жебелев, Ф. Ф. Зелинский и И. И. Толстой. В 1913 году студенческая работа С. Я. Лурье о беотийском союзе была

---

* Сведения и жизненном пути и научной деятельности С. Я. Лурье содержатся в следующих публикациях: К 70-летию профессора С. Я. Лурье, «ВДИ», 1960, № 4, с. 196–198 (редакц. статья); Список трудов, там же, с. 198–204 (всего 155 позиций); Я. М. Боровский, Соломон Яковлевич Лурье (к 70-летию со дня рождения), «Вопросы классической филологии», 2, Львов, 1961, с. 102–104 (на украинском языке); К 50-летию научной деятельности проф. С.Я. Лурье, «ВДИ», 1964, № 1, с. 225 (редакц. статья); С.Я. Лурье, Некролог от Редакции, «ВДИ», 1965, № 1, с. 227; И.Д. Амусин, М.Н. Ботвинник, Л.М. Глускина, Памяти учителя, там же, с. 228-230; Список трудов (состав. И.Д. Амусин), там же, с. 231-236 (содержит 211 позиций); B. Nadel, Professor Salomon Luria (8.1.1891 – 30.10.1964), “Meander”, 20, 1965, № 6, s. 209-225 (на польском языке); И. Амусин, М. Ботвинник, С.Я. Лурье, Краткая литературная энциклопедия, 4, Москва, 1967, с. 458–459; B. Koprziva-Lurie, The History of a Life. 2 vols. Paris, 1987; N. Grinbaum, Solomon Luria (1891-1964), Philologus, 31 (1987), S. 300–8; B. Vitz-Margulis, Solomon Luria and his Contribution to the Study of Antiquity, Scripta Classica Israelica, Vol. XXII, Jerusalim, 2003, P. 273–276. Список трудов, связанных с изучением Демокрита, в кн.: С.Я. Лурье, Демокрит, Ленинград, 1970, с. 616–617 (составитель И.Д. Амусин: 1918–1964 гг., 62 позиции).

удостоена золотой медали, а через год издана отдельной книгой.[1] По настоянию С.А. Жебелева С. Я. Лурье был оставлен при университете для подготовки к званию профессора. Свою педагогическую деятельность он начал в качестве профессора Самарского университета в 1918 году. С 1921 и по 1949 год его работа протекала в Ленинградском университете (на историческом и филологическом факультетах) и в Академии Наук (Институт культуры речи, Комиссия по делам науки и техники, филиал Института истории). В 1934 году С. Я. Лурье получает степень доктора исторических, в 1943 – доктора филологических наук. Он читает общий курс и ведет семинар по истории Греции, занимается преподаванием греческого языка, читает со студентами античных авторов. Как заведующий кафедрой древней истории ЛГУ он привлекает для занятий ряд крупных специалистов. Курс греческой литературы читает И. И. Толстой, римской литературы – И. М. Тронский, мифологии – М. С. Альтман, папирологии и диалектологии – П. В. Ернштед. Вместе со студентами С.Я. Лурье посещает в Эрмитаже занятия А. Н. Зографа по античной нумизматике и лекции М. И. Максимовой по античному искусству. В Академии Наук он руководит аспирантами, читает ежегодно новые спецкурсы, издает курсы лекций[2]. Среди ленинградских учеников С.Я.Лурье можно указать на ряд видных впоследствии специалистов-профессоров: И. Д. Амусина – в области кумрановедения, Л.М. Глускину – в области греческой истории и экономики, М. Н. Ботвинника – мифологии, Э. И. Соломоник – греческой и латинской эпиграфики, Б. Б. Маргулис-Виц – античной философии.

В 1950 году С.Я. Лурье переезжает в Одессу, где на протяжении трех лет преподает латинский язык и общее языкознание в Институте иностранных языков. В 1953 году он приглашается профессором классической филологии в Львовский государственный университет. Начинается новый этап его научной и педагогической деятельности, заполненный, как и ленинградский, плодотворным и творческим трудом воспитателя и ученого.

---

[1] Беотийский союз, Санкт-Петербург, 1914, 262 с.

[2] Сведениями о педагогической деятельности С.Я. Лурье в указанный период я обязан воспоминаниям его ученицы – проф. Э.И. Соломоник, которой приношу свою благодарность.

С. Я. Лурье становится одним из основателей издаваемого с 1959 года в Львовском университете сборника «Вопросы классической филологии» (он печатается на украинском, отчасти и на русском языке); кстати, его второй выпуск посвящен 70-летию проф. С. Я. Лурье, являя собой своего рода χαριστήρια[3]. Деятельность С. Я. Лурье способствует оживлению и подъему в работе кафедры. Печатается его учебник греческого языка для студентов классического отделения, открывается аспирантура, усиливается подготовка кадров в области классической филологии, впервые читаются спецкурсы и ведутся семинарские занятия по изучению крито-микенских надписей[4]. В университете появляются новые ученики и последователи С. Я. Лурье: А. А. Содомора (художественные переводы античных авторов), И. А. Лисовый (историография), С. Д. Мисько (язык Демокрита), И. Я. Козовик (мифология). В 1959 году во Львове проходит первая конференция филологов-классиков Украины, в 1961 г. проводится научно-методическая конференция преподавателей латинскою языка украинских медицинских училищ.

Лекции и семинары С. Я. Лурье были настолько богаты по содержанию, насыщены собственными творческими поисками и открытиями, читались с таким увлечением и убежденностью, что они неизменно покоряли слушателей, будили живую мысль и надолго оставались в памяти. Добрый по натуре, он был строг и требователен к ученикам, приучая их к самостоятельности в работе и оказывая им по мере необходимости помощь и поддержку в преодолении встречавшихся трудностей. Не взирая на возраст и пошатнувшееся здоровье, С. Я. Лурье ежегодно совершал в летние месяцы поездки со студентами в Крым, чтобы показать им раскопки античных городов и эпиграфических памятников, находки древних скульптур и монет.

---

[3] А.П. Смотрич. Питання классичноі філологіі, Львов, 1959, 1961, 1963 гг.; рец. в «ВДИ», 1964, № 3, с. 190.

[4] И. У. Кобов, Кафедра классической филологии Львовского государственного университета им. И. Франко, «ВДИ», 1961, № 4, с. 187-188; И.А. Лисовый, Исследование античной истории и культуры на Украине (1917-1978), «Питання історіографіі», Львов, 1980, с. 85 (на украинском языке).

Однако из-за тяжелой болезни С. Я. Лурье вынужден был ограничить крут своих педагогических обязанностей. Неумолимая смерть настигает его 30 октября 1964 года. Ушел от нас неутомимый труженик, для которого, как он сам неоднократно заявлял, занятие наукой всегда было высшей радостью жизни.

Более чем 45-летняя научно-исследовательская деятельность выдвинула С. Я. Лурье в ряд крупнейших представителей советского антиковедения и создала ему заслуженную известность за пределами нашей страны. Он не только продолжил традиции своих учителей, но и проложил свои собственные пути в ряде областей античной науки. Круг его интересов был весьма широк и разнообразен. Политическая история древнегреческих городов-государств и эпиграфика, античная лирика и драма, математика и атомистика, критика и интерпретация текстов, этнология и фольклористика, микенология и языкознание – таков далеко не полный перечень проблем, привлекавших внимание С. Я. Лурье.

Строгость научных построений, свежесть и оригинальность наблюдений, смелость и новизна постановки вопросов, сила и убедительность аргументации, преклонение перед неоспоримой логикой фактов и источников – являются неизменным достоинством всех его работ. Каждая из них – перу С. Я. Луръе принадлежат более 200 научных публикаций, в том числе свыше 20 монографий – продвигает вперед наши представления и углубляет понимание обсуждаемых проблем. Сочетание знаний в области классической филологии, политической и социальной истории древней Греции позволили С. Я. Лурье создать обобщающую картину развития античной общественной, философской и научной мысли.

Рассмотрим несколько подробнее основные направления его многогранной деятельности. С. Я. Луръе как историка интересуют прежде всего социальные движения и духовная жизнь Древней Греции VI–V веков до н.э. С этой проблематикой связаны три крупные исследования: «История античной общественной мысли» (М., 1929; 415 с.), в которой рассматриваются общественные группировки и умственные движения в эллинском мире; «История Греции, I» (Л., 1940; 211 с.), освещающее события с древнейших времен до образования Афинского морского союза; «История тирании в Афинах VI века до н.э.», сохранившаяся в рукописи, хотя отдельные его фрагменты были

напечатаны в виде статей[5]. С. Я. Лурье стремился оценивать ход древнегреческой историй с классовых позиций и в их политическом проявлении в борьбе демократии с аристократией. Исследуя историю греко-персидских и Пелопоннесской войн, он приходит к выводу, что идея общеэллинского единства в борьбе с варварами служила обычно прикрытием политических интересов греческой аристократии. С. Я. Лурье резко критикует идеи греческой «исключительности» и превосходства эллинов над «варварами». Он настойчиво отстаивает мысль о большом значении восточных цивилизаций для греков. Во вступительной статье к сборнику биографий Плутарха «Две истории V века» С. Я. Лурье противопоставляет легенде об извечном единстве греков в борьбе с варварами подлинную историю взаимоотношений греческих государств и общественных группировок[6]. Эта идея пронизывает и его монографию о Геродоте (М., 1947, 209 с.). Внимание С. Я. Лурье привлекает история Спарты с ее социальными и политическими вопросами, острой классовой борьбой, жестоким угнетением низших слоев аристократической верхушкой[7].

Вслед за своим учителем С. А. Жебелевым С. Я. Лурье внес значимый вклад в развитие греческой эпиграфики. Первая его печатная работа была посвящена беотийской надписи из Херонеи, IG VII 3376[8]. Восстановление и датировка саламинской надписи IG II.1[9], а также лемносской надписи IG II^2.30[10] получили научное признание. Изучение аттических praescripta к постановлениям народного собрания[11] впервые дало объективный критерий для их более точной датировки и позволило осве-

---

[5] См.: B. Nadel, op. cit., s. 212.

[6] Плутарх, Избранные биографии, М.-Л., 1940, 490 с.

[7] Zum politischen Kampf in Sparta, “Klio”, 21, 1927, N. 3-4, S. 404-20; о фашистской идеализации полицейского режима древней Спарты, «ВДИ», 1939, № 1, с. 98-106.

[8] «ЖМНП», 1913, № 10, с. 514-522.

[9] Noch einmal das Salaminische Psephisma, «ДРАН», 1924, июль-сентябрь, с. 134-37.

[10] Die lemnische ἀπογραφή, ibid., с. 130-133.

[11] Древнейшие аттические надписи, в кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, М.-Л., 1937, с. 67-94.

тить ряд «темных» вопросов истории Афин VI века. С. Я. Лурье вновь возвращается к беотийским надписям в статье об организации нотариата в Греции на основе IG VII 3172[12], комментирует надпись, опубликованную в «Hesperia» (59, 1939, № 21)[13], издает с комментарием инскрипцию из Силлиона в Памфилии[14].

С.Я.Лурье проявляет живой интерес к эпиграфическим памятникам северного побережья Черного моря. Он публикует в Supplementum epigraphicum Graecum свои чернморские addenda[15], принимает участие в редактировании III–VIII томов этого издания (1929–1938 гг.), готовит к переизданию второй том Inscriptiones Orae Septentrionalis Ponti Euxini В. Латышева, завершить которое ему однако не довелось. С. Я. Лурье рассматривает в ряде старей историю религиозных культов в Причерноморье[16], предлагает новую интерпретацию известного декрета из Херсонеса в честь Диофанта (IOSPE I, 2, 352 = Ditt. Syll. 3, 495)[17]. На протяжении многих лет С. Я. Лурье читает студентам и аспирантам курс греческой эпиграфики.

Наряду с занятиями историей и эпиграфикой С. Я. Лурье проявляет постоянное внимание к литературоведческим вопросам. Исследуя творчество Архилоха, он предлагает свою реконструкцию басни «Лисица и обезьяна»[18], интересуется Эзопом, ищет древнеиндийские параллели к мотиву об осле в львиной шкуре[19], рассматривает в сравнительном плане сюжет о доме мужчин в лесу[20]. Благодаря удачному дополнению С. Я. Лурье

---

[12] «ВДИ», 1938, № 2, с. 66–79.
[13] «ВДИ», 1940, № 2, с. 45–51.
[14] Burgfrieden in Syllyon, “Klio”, 37, 1959, S. 7–20.
[15] SEG, III, 1927, fsc. 1, ... 565–613.
[16] Культ Матери и Девы в Боспорском царстве, «ВДИ», 1948, № 3, с. 204–211.
[17] «Вопросы истории», 1948, № 12, с. 183.
[18] Observatiunculae Aristophaneae, «ЖМНП», 1917, № 11-12, с. 325-354; Der Affe Archilochos und die Brautwerbung des Hippokleides, “Philologus”, 85, 1929, № 1, S. 1–22.
[19] Осел в львиной шкуре, «ИАН», 9, 1934, № 4, с. 245–268; L’asino nella pelle del leone, “Rivista di Filologia”, 62, 1934, p. 447–473.
[20] Дом в лесу, в кн.: Язык и литература, М., 8, 1932, с. 159–193.

папирусного фрагмента Алкея были получены новые данные о борьбе за Сигей в VI в. до н.э.[21]. В 1946–1948 годах С. Я. Лурье ведет в Ленинградском университете семинар для аспирантов, посвященный творчеству Алкея и Сапфо (его участником был и автор настоящего очерка) и публикует ряд статей по этой тематике[22].

Особую важность представляют изыскания С. Я. Лурье в области античной драмы. Любимым писателем С.Я. Лурье, которым он занимался еще со студенческих лет, был Аристофан. В комедиях последнего он находил не только отражение исторических событий и умонастроений афинского общества V-IV вв., но весьма ценил поэта за решительную антивоенную позицию[23]. Монография С. Я. Лурье «Художественная форма и вопросы современности в аттической трагедии», написанная во время войны (1943 г.), представляет собой образец сочетания методики филологического и исторического анализа. Она посвящена откликам аттической трагедии на актуальные проблемы внутренней и внешней политики Афин V века до н.э., дает новую интерпретацию ряда произведений, раскрывает исторические факты, непосредственно не засвидетельствованные в других источниках[24].

Внимательно следил С.Я. Лурье за папирусными находками. Он регулярно знакомил советского читателя с новыми оксиринхскими публикациями[25], обращая внимание на их историческое[26] и литературное[27] значение. С.Я. Лурье охотно при-

---

[21] Новое папирусное свидетельство о борьбе за Сигей, «ВДИ», 1938, № 3, с. 88–91.

[22] Annotationes Alcaicae, “La Parola del Passato”, I, 1947, № 4, p. 79–89.

[23] Вопросы войны и мира 2300 лет тому назад, «Летопись», 1916, июнь, с. 184–202.

[24] Ряд извлечений из нее увидел свет в статьях: Эксплуатация афинских союзников, «ВДИ», 1947, № 2, с. 13–27; К вопросу о политической борьбе в Афинах в конце V в. («Андромаха» и «Лисистрата»), «ВДИ», 1954, № 3, с. 122–132; Политическая тенденция трагедии «Евмениды», «ВДИ», 1958, № 3, с. 42–54.

[25] Ср. рецензии: на XVIII том «The Oxyrhynchus Papyri», «ВДИ», 1947, № 1, с. 107–112; на XXII–XXIII тома, «ВДИ», 1959, № 3, с. 191–198.

[26] Новые папирусные свидетельства по истории Митилены в начале VI в. до н.э., «ВДИ», 1946, № 1, с. 187–189.

влекает наряду с фольклорными и данные сравнительной этнологии для уточнения мифических сюжетов[28] и общественных явлений[29]. Он изучает влияние восточных литератур и, в частности, египетской на греческую[30].

В послевоенный период С.Я.Лурье стали привлекать и вопросы языкознания. Он пишет ряд работ: об indeclinabilia в индоевропейских языках[31], о связях латинского языка с французским[32], исторической фонетике греческого языка[33]. Печатаются статьи: о союзе εἰ в греческом языке[34], о греческом ударении[35], слитных согласных[36], этимологии русского слова «мудрый»[37].

С.Я. Лурье внес весомый вклад в изучение микенологии. Он явился первым из советских исследователей, кто принял участие в разработке совершенно новой области знаний о древнем мире, возникшей благодаря прочтению крито-микенских надписей. Высказав еще в 1940 году предположение, что пилосские таблички «написаны, скорее всего, на греческом языке» (История

---

[27] Новая комедия Менандра, «ВДИ», 1960, № 2, с. 176–178.

[28] ΤΟΝ ΣΟΥ ΥΙΟΝ ΦΡΙΞΟΝ, “Raccolta di scritti in onore di Felice Ramorino”, Milano, 1927, p. 289–314.

[29] Ein milesischer Männerbund im Lichte ethnologischer Parallelen, “Philologus”, 83, 1927, N. 2, S. 113–136.

[30] Das was ist, und das was nicht ist, “Philologische Wochenschrift”, 46, 1926, S. 619-20; Разговор тела с духом, в кн.: Древний мир. В честь акад. В.В. Струве, М., 1962, с. 587–594.

[31] Неизменяемы слова в функции сказуемого в индоевропейских языках, Львов, 1955, 71 с.

[32] Латинский язык как древнейший этап французского языка, Львов, 1959, 72 с.

[33] Основы исторической фонетики греческого языка с учетом языка микенских надписей, Львов, 1961, 96 с.

[34] К вопросу о происхождении условного союза εἰ в греческом языке, «Вопросы классической филологии», I, Львов, 1959, с. 52–60.

[35] К вопросу о греческом ударении, «Вопросы языкознания», 1964, № I, с. 116–122.

[36] О некоторых слитных согласных в старославянском и древнегреческом языках, «Вопросы славянского языкознания», Львов, 1958, № 5, с. 75–87.

[37] Zur Etymologie des russischen Wortes “mudryj” (“weise”), “Studii şi cercetari linguistice”, XI, 1960, N. 3, p. 553–560.

Греции, I, Л., 1940, с. 64-65), С.Я. Лурье внимательно следил за ходом дешифровки[38] и в числе первых европейских ученых безоговорочно поддержал великое открытие М. Вентриса[39]. В 1957 году выходит в свет монография С.Я. Лурье о микенской Греции[40], вторая – после совместного труда М. Вентриса и Дж. Чэдвика «Памятники микенского греческого языка»[41] – попытка обобщения и систематизации микенологического материала, доступного на первом этапе исследования. Значительная часть работы С.Я. Лурье отведена языку – в ней содержится первая грамматика микенского (с. 26–186)[42], предвосхитившая на несколько лет книгу Э. Вилъборг[43] и состоявшая из трех разделов: письма, фонетики и морфологии. Последний раздел (с. 107-186) представляет наибольший интерес для истории греческого языка как с точки зрения фактического материала, так и из-за ряда оригинальных интерпретаций и комментариев автора. Вторая часть труда С.Я. Лурье отведена культурно-исторической проблематике. Хотя ряд вопросов, связанных с государственным и общественным состоянием Пилоса и Кносса оставался спорным и неясным, а некоторые предположения автора, гипотетичными, его общая оценка микенского строя нашла понимание и поддержку многих исследователей[44]. Она состояла в том, что С.Я. Лурье увидел в дворцовых хозяйствах микенской Греции, несмотря на наличие рабства, тип государственного устройства принципиально отличный от восточных монархий. На это указывают отсутствие деспотической власти и присутствие частных форм земельной собственности. Представлялась в

---

[38] Опыт чтения пилосских надписей, «ВДИ», 1955, № 3, с. 8–36; Критомикенские надписи и Гомер, «ВДИ», 1956, № 4, с. 3–12.

[39] Обзор новейшей литературы по греческим надписям микенской эпохи, «ВДИ», 1957, № 3, с. 196–213.

[40] Язык и культура микенской Греции, М.; Л., 1957. 402 с.

[41] Documents in Mycenian Greek, Cambridge, 1956, 452 p.

[42] В «Documents...» грамматике отведено всего 15 страниц (p. 76-91).

[43] E. Vilborg, A Tentative Grammar of Mycenaean Greek, Göteborg, 1960.

[44] «ВДИ», 1959, № 2, с. 174–179 (А.И. Тюменев); «Živa Antika», VII, 1957, N. 2, с. 271–277 (P. Iliexski); «Archaeologia», IX, 1957, с. 159–163 (S. Oświecimski); «Minos», VI, 1958, с. 180–183 (J. Alsina); «Przegląd Historyczny», L, 1961, N. 3, с. 588–595 (N. Grinbaum – B. Nadel).

принципе и более убедительной попытка изображения микенской действительности в свете реликтов архаического и гомеровского периодов, чем в плане ее сопоставления с феодальной (Вентрис)[45] или теократической (Чэдвик)[46] общественными формациями. Рецензенты монографии С.Я. Лурье отмечали и другие положительные ее черты, подчеркивая историческую, эпиграфическую и филологическую эрудицию автора. С.Я. Лурье подготовил новую версию своего труда и на немецком языке, ее часть увидела свет в журнале «Klio» в 1964 году[47]. Работа представляет собой критический разбор структуры микенского письма сравнительно с кипрским, уточнение чтения спорных знаков алфавита и сжатый очерк морфологической системы. В серии статей С.Я. Лурье продолжает рассматривать различные стороны языка крито-микенских текстов: фонетику[48], лексику[49], словообразование[50], именную флексию[51], методику дешифровки[52]. Не остаются вне внимания ученого и вопросы, касающиеся социального[53], аграрного[54] и идеологического[55] аспектов микенского общества, он неизменно откликается на появляющиеся в печати работы по микенологии[56].

---

[45] «Documents...», p. 119–121.
[46] J. Chadwick, The Decipherment of Linear B, Cambridge, 1958, p. 143.
[47] Die Sprache der mykenischen Inschriften, XLII, S. 5–60.
[48] Über einige eigentümliche Übergänge der Sonanten und der Vokale im Griechischen, «Eunomia», 1958, N. 2, S. 55–58.
[49] Zur Lexikologie und Wortbildung in der Sprache der mykenischen Tafeln, «Eunomia», 1957, N. 2, S. 45–49.
[50] Wortbildung in der Sprache der mykenischen Inschriften, «Eirene», I, 1960, S. 23–36.
[51] Über die Nominaldeklination in den mykenischen Inschriften, “La Parola del Passato”, XII, 1957, N. 4, p. 321–332.
[52] Methodische Bemerkungen zur Entzifferung und Deutung der griechischen Inschriften mykenischer Zeit, «Minoica», Berlin, 1958, S. 209.
[53] К вопросу о характере рабства в микенском рабовладельческом обществе, «ВДИ», 1957б № 2, с. 8–24.
[54] Zur kitimena/kekemena –Frage, “Minos”, VI, 1958, N. 2, S. 162–164.
[55] Vorgriechische Kulte in den griechischen Inschriften mykenischer Zeit, “Minos”, V, 1957, N. 1, S. 41–52.
[56] «ВДИ», 1960, № 1, с. 132–144; «Gnomon», 32, 1960, № 3, 200–207; «ВДИ», 1963, № 3, с. 159–163; 1964, № 2, с. 176–182.

Значительное место в научной деятельности С.Я. Лурье занимают вопросы истории философии и науки. Заинтересовавшись творчеством софиста Антифонта, отрывки из сочинений которого были опубликованы в 1915 и 1922 гг., С.Я. Лурье стал в многолетней работе разматывать весь клубок связей Антифонта с его современниками и позднейшими деятелями. С.Я. Лурье обратил внимание на анархические высказывания Антифонта и неприятие им рабства[57], установил его тяготение к материализму, определил его место в истории античного снотолкования[58] и в развитии греческой математики[59].

Вторым автором, чья деятельность занимала С.Я. Лурье, был Архимед, видный представитель естественно-научной и математической мысли в Греции III в. до н.э. Ему посвящена специальная монография[60]. Теоретические вопросы математики и ее развития освещены в работах С.Я. Лурье о теории бесконечно малых[61] и становлении античной науки[62], а также в ряде специальных исследований[63].

Большая заслуга С.Я.Лурье перед наукой – изучение наследия Демокрита. «Последовательный и бескомпромиссный материализм, оптимистическое восприятие мира, сквозной детерминизм, взгляд на познание истины как на высшее благо, заключающее в самом себе награду, – все эти черты абдерского мудреца были близки самому С.Я. Лурье»[64]. Демокрит привлекал С.Я. Лурье как широтой взглядов, так и своим исследовательским эмпиризмом экспериментатора, естествоиспытателя и

---

[57] Антифонт-софист, Петроград, 1920, 50 с.; Антифонт, творец древнейшей анархической системы, М., 1925, 160 с.; Предтечи анархизма в древнем мире, М., 1926, 245 с.

[58] Studien zur Geschichte der antiken Traumdeutung, «ИАН», 1927, с. 441–466, 1041–1072.

[59] К истории математики в древности, «ВДИ», 1938, № 3, с. 193–199.

[60] Архимед, М., 1945, 271 с.; Archimedes, Wien, 1948, 204 S.

[61] Теория бесконечно малых у древних атомистов, М., 1935, 196 с.

[62] Очерки по истории античной науки, М., 1947, 402 с.

[63] Приближенные вычисления в древней Греции, «АИНТ», 4, 1934, с. 21–46; К вопросу о возникновении алгебраического мышления, «Успехи математических наук», I, 1946, М., с. 248–257.

[64] И.Д. Амусин и др., Памяти учителя, цит. соч., с. 229.

математика. С.Я. Лурье видит в Демокрите учителя и старшего современника Антифонта[65], интересуется его математическими познаниями[66] и механикой[67], высказываниями по биологии[68] и индуктивной логике[69], отношением к орфикам[70] и Гераклиту[71], персам[72] и Лукрецию[73]. Он отводит Демокриту центральное место среди античных ученых[74]. В своих работах о Демокрите С.Я. Лурье стремится восстановить подлинную картину развития философской мысли в Древней Греции, сознательно искаженную, по его мнению, противниками материалистического миропонимания. «До сих пор,» – писал он, «в книгах по истории философии почти все внимание уделялось Сократу, Платону, Аристотелю и их идеалистическим предшественникам – пифагорейцам: audiatur et altera pars… Своей работой я продолжаю и развиваю тот подход к античной науке вообще и к Демокриту, в частности, который был характерен для ученых эпохи возрождения – Бруно, Бэкона, Галилея и других»[75]. Примечательны в этом плане и рассуждения С.Я. Лурье об отношении К.Маркса к учению Демокрита[76].

Венцом научной деятельности С.Я. Лурье является полное собрание отрывков Демокрита[77], над которым он работал свыше 40 лет и которому суждено было увидеть свет лишь через шесть

---

[65] К хронологии софиста Антифонта и Демокрита, «ИРАН», 1918, с. 2285–2306.
[66] Protagoras und Demokrit als Mathematiker, «ДАН», 1928, с. 74–79.
[67] Механика Демокрита, «АИНТ», 7, 1935, с. 129–180.
[68] Предшественники Дарвина в античности, «АИНТ», 9, 1936.
[69] Демокрит и индуктивная логика, «ВДИ», 1961, № 4, с. 58–67.
[70] Demokrit, Orphiker und Aegypten, «Eos», LI, 1961, N. 1, s. 21–38.
[71] Гераклит и Демокрит, «Вопросы классической филологии», 3, 1963, Львов, с. 22–27.
[72] Demokrit, Demokedes und die Perser, «ДАН», 1929, с. 137–144.
[73] Демокрит и Лукреций, в кн.: Лукреций, О природе вещей, II, М.; Л., 1948, с. 121–145.
[74] Демокрит. М., 1937, 147 с.
[75] Очерки по истории античной науки, с. 6.
[76] К. Маркс и Демокрит, там же, с. 391–396.
[77] С.Я. Лурье. Демокрит. Тексты, Перевод, Исследования. Л., 1970. 664 с. / Democritea. Collegit, emendavit, interpretatus est Salomo Luria, Leninopoli, MCMLXX.

лет после его смерти. В одном из вариантов введения к книге С.Я. Лурье указывал: «Наиболее полным до сих пор собранием отрывков Демокрита является книга Дильса «Die Fragmente der Vorsokratiker», вышедшая в свет в 1903 году... Дильс создал классический труд... Однако собрание Дильса при всей его ценности во многом устарело... К тому же для него (Дильса – Н.Г.) истинной философией является идеалистическая… Понятно поэтому, что если при составлении собрания отрывков Демокрита мы ставили себе целью осветить не рождение идеалистической философия Платона и Аристотеля а историю наук в древности, то и подбор отрывков и само их расположение оказываются иными, чем у Дильса»[78].

Труд С.Я.Лурье состоит из: биографических сведений о Демокрите, его учения, комментария и исследований. По количеству собранных фрагментов Демокрита он более, чем в два раза расширил собрание Дильса. Отрывки расположены в систематическом порядке и дают более полное представление о ходе мыслей Демокрита. Значительный новый материал о нем был найден С.Я. Лурье у Аристотеля и его комментаторов. В критическом аппарате содержится свыше сотни собственных эмендаций и конъектур издателя. Самая интересная часть книги – это обширный комментарий к текстам, занимающий почти ее половину (с. 385–615). С.Я. Лурье приводит в общей сложности более 2600 античных и средневековых текстов (свыше 1600 в издании и свыше 1000 в комментарии), а также 594 цитированных древних произведений[79]. Назвав труд С. Я. Лурье «эпохальным» и пронизанным «неповторимой научной индивидуальностью» автора, И.М. Тронский отмечает[80], что собранный С.Я. Лурье материал настолько продвигает вперед наши знания о Демокрите и ставит дальнейшее изучение его наследия на столь новую основу, что отныне «ни один историк античной философии и античного естествознания не сможет не исходить

[78] С.Я. Лурье. Демокрит... С. 5–6.

[79] С.Н. Муравьев, рецензия на книгу С.Я. Лурье «Демокрит», см.: «ВДИ», 1972, № I, с. 197–198.

[80] И.М. Тронский, рец. на кн. С.Я. Лурье «Демокрит». там же, с. 195.

из этой книги». Труд С.Я. Лурье был по достоинству оценен и в зарубежной критике[81].

Нельзя, в заключение, не упомянуть о еще одной стороне научной деятельности С.Я. Лурье – книгах для детей. Он был их искренним другом и, как ни один из советских античников, сделал много для популяризации среди подрастающего поколения сведений о греческой культуре. В доступной для детей форме изложения он рассказал им о найденном среди оксиринхских папирусов письме мальчика Теона[82], о дешифровке М. Вентрисом крито-микенских текстов[83], о приключениях и творчестве Архилоха[84] и о жизни Демокрита[85]. До выхода в свет этой последней книга для детей С.Я. Лурье уже не дожил.

С.Я. Лурье был, несомненно, талантливым ученым, видным представителем советской школы антиковедов. Был он и подлинным учителем науки, стремившимся привить своим ученикам умение проявлять трезвость в оценке явлений и критическое отношение к источникам. Он был для них примером честности и принципиальности в науке и в жизни. С.Я. Лурье искрение радовался любому научному достижению, но не переносил недобросовестности, невежества и тенденциозности в исследованиях[86]. Он нередко подвергал их резкой критике, но всегда строго мотивированной и неизменно корректной.

С.Я. Лурье был убежденным сторонником международного сотрудничества ученых. Он не только участвовал в многих научных конгрессах и конференциях, но и нередко печатал свои работы в зарубежных изданиях. У него установились прочные связи с журналами: «Philologus», «Klio», «Glotta», «Gnomon», «Das Altertum», «Deutsche Literaturzeitung», «Kadmos», «Eos», «Živa Antika» и другими. В послевоенное время ряд книг и статей С.Я. Лурье бил напечатан в странах социалистического

---

[81] DL..., XCII, 1971, 649–652 (Strohmaier); EOS, LXII, 1974, 340–342 (Wesoły); ACPh, LVII, 1975, 60–63 (Marcovich).

[82] Письмо греческого мальчика, М., 1932, 36 с. Оно многократно переиздавалось впоследствии и переводилось на ряд языков.

[83] Заговорившие таблички, М., 1960, 140 с.

[84] Неугомонный, М., 1962, 79 с.

[85] Путешествие Демокрита (совм. с М.Н. Ботвинником), М., 1964, 160с.

[86] И.Д. Амусин и др., Памяти учителя, цит. соч., с. 230.

содружества: Германской Демократической Республике[87], Польше[88], Венгрии[89], Румынии[90], Чехословакии[91], Болгарии[92].

Энциклопедическая многогранность научной деятельности С.Я. Лурье, глубина и разносторонность знаний, редкая проницательность и живость ума, кипучая энергия, работоспособность и преданность до конца любимому делу позволили ему внести большой вклад в развитие науки об античности. Истинную значимость созданных им трудов оценит История, мы же, его ученики, сохраним навсегда светлую память о своем дорогом Учителе.

Дополнительный список трудов С.Я. Лурье
(«ВДИ», 1965, № I, с. 236)

212. Die Sprache der mykenischen Inschriften, «Klio», XLII, 1964, S. 5-60.
213. Liebe oder Tod, «Helikon», IV, 1964, S. 321-330.
214. Parallelismus membrorum у Демокрита и вопрос о восточном влиянии, «Вопросы классической филологии», 4, 1965, Львов, с. 13-21.
215. Menander kein Peripatetiker und kein Feind der Demokratie, в кн.: F. Zucker, Menanders Dyskolos als Zeugnis seiner Epoche, Berlin, 1965, S. 23-31.
216. Zur Frühgeschichte des griechischen Alphabets, II, «Kadmos», VI, 1967, S. 135-150.
217. Демокрит. Тексты, Перевод, Исследования. Л., 1970, 664 с. / Democritea. Collegit, emendavit, interpretatus est Salomo Luria, Leninopoli, MCMLXX.

---

[87] Anfänge griechischen Denkens, Berlin, 1963, 158 S.; Zur Frage der materialistischen Begründung der Ethik bei Demokrit, Berlin, 1964, 28 S.
[88] Antiphont der Sophist, «Eos», LIII, 1963, N. 1, s. 63–67.
[89] Zur Problem der Griechisch-Karthagischen Beziehungen, «Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae», XII, 1964, N. 1–2, S. 53–75.
[90] Archimede, Bucureşti, 1958, 300 p.
[91] См.: сноска № 51.
[92] Οὐδὲ ξῦ, οὐδὲ κνῦ, в кн.: Изследования в чест на акад. Д. Дечев. София, 1958, с. 63–72.

VII. ПРИЛОЖЕНИЯ

ВОСПОМИНАНИЯ*

(Ленинград, 1945–1948 гг.)

Осенью 1945 года мне довелось впервые побывать в Ленинграде. С глубоким волнением я шагал по его улица и площадям, вглядывался в лица его жителей.

Меня сразу же пленила необыкновенная красота города-героя, израненного войной, но не утратившего своего гордого величия.

Разрушенные дома, забитые досками окна, надписи на Невском проспекте, предупреждающие об опасности артобстрела, выкрашенные в маскировочные цвета здания вдоль набережных напоминали на каждом шагу о недавно закончившемся жесточайшем испытании, о необыкновенной стойкости духа, о великом подвиге ленинградцев.

Среди прохожих безошибочно можно было узнать тех, кто пережил блокаду и вынес на своих плечах всю тяжесть военных лет. Их лица были еще бледны и измождены, походка не совсем тверда, но глаза излучали какой-то особый свет, смотрели спокойно и уверенно. И от этого взгляда каждому становилось на душе теплее, ибо это был взгляд людей, выполнивших до конца свой долг перед страной и народом.

А в выходные дни все население города выходило на воскресники: убирали завалы, расчищали площади, восстанавливали дома. И каждый из них испытывал глубокую радость, видя как постепенно залечиваются раны войны, как день ото дня хорошеет, возвращается к жизни их непокоренный город.

---

* Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения. Всероссийская конференция, посвященная 60-летию победы в Великой Отечественной войне. 3-6 мая 2005 г. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2005.

* * *

Первого октября 1945 года после сдачи вступительных экзаменов я был зачислен аспирантом филологического факультета Ленинградского университета по специальности «классическая филология».

Начался – после семилетнего перерыва, вызванного войной – второй этап моего «классического» образования. Первый прошел в Варшавском университете с 1934 по 1938 год, и он закончился полученным мною дипломом «магистра философии в области классической филологии».

Заведовала кафедрой классической филологии в Ленинграде в те годы профессор Ольга Михайловна Фрейденберг, видный ученый и, как я убедился впоследствии, высоконравственный, принципиальный, исключительно порядочный и доброжелательный человек, способный и готовый бесстрашно и в любую минуту оказать помощь, протянув свою руку любому рядом стоящему и нуждающемуся в ее поддержке.

Благодаря своему организаторскому таланту, она сумела собрать вокруг себя выдающихся деятелей науки и создать коллектив исследователей античности, равного которому не было ни до нее и, я убежден – *utinam vates falsus sim*, не будет и в будущем.

Я позволю себе назвать их имена: академик Иван Иванович Толстой, профессора Иосиф Моисеевич Тронский, Соломон Яковлевич Лурье, Борис Васильевич Казанский, Петр Викторович Ернштедт, доценты Яков Маркович Боровский, Софья Викторовна Полякова. Курс общего языкознания вела на кафедре профессор Агния Васильевна Десницкая.

С первых дней аспирантуры я и мой коллега (а впоследствии большой друг) Владимир Васильевич Каракулаков с головой включились в кафедральную жизнь. С большим интересом мы слушали и тщательно конспектировали увлекательные лекции Иосифа Мойсеевича Тронского по истории латинского языка, насыщенные богатым фактическим материалом и убедительными, научно обоснованными доводами в пользу отстаиваемых лектором его собственных предположений. Нас поражало, что Иосиф Моисеевич с самого появления в аудитории держал в руках мел, беспрерывно нанося на доску для подкрепления сказанного латинские словоформы, которые мы с трудом

успевали записывать, и бывал крайне недоволен, если к началу занятия доска оказывалась не вымытой.

Ольга Михайловна Фрейденберг читала нам курс «Проблема греческого литературного языка», в котором излагала свои собственные представления о происхождении и развитии этого первого литературного явления в истории Европы. Запомнились и ее критические, хотя и не всегда достаточно обоснованные (влияние Марра) высказывания в адрес ряда западных авторов.

Соломон Яковлевич Лурье вел у нас спецсеминар по творчеству Сафо с присущим ему увлечением и прекрасной осведомленностью как о самом материале, так и о критической литературе. Однажды мне удалось привлечь его внимание к одному несоответствию в комментировании отрывка Сафо, и он тут же предложил мне оформить свою догадку в виде статьи, а затем (заручившись рекомендацией И. И. Толстого) сам отправил ее в «Вестник древней истории». Так в 1948 году была напечатана моя первая научная работа.

Хорошо запомнились интереснейшие лекции по греческой трагедии, читаемые Борисом Васильевичем Казанским. Его отличала необычайная скромность, исключительная эрудиция и весьма доброжелательное отношение к молодежи. Он не расставался со своей черной папкой, которую прижимал к себе постоянно как величайшую ценность. В аудитории он появлялся всегда неожиданно для нас, и когда начинал свой вдохновенный рассказ о греческой трагедии, перед нами возникали и казались живыми ее герои и их поступки. Мы забывали обо всем на свете и вместе с лектором переносились в удивительный мир греческих сказаний.

На семинаре, который вела Агния Васильевна Десницкая, мы изучали различные аспекты индоевропейского языкознания, и каждый из нас, его участников, поочередно выступал с сообщением по теме, указанной руководителем. Это было время разгула марризма, и лишь человек, обладающий большой гражданской смелостью и принципиальностью, каким несомненно являлась Агния Васильевна, мог решиться на предложение аспирантам столь неодобряемой тематики.

С Яковом Марковичем Боровским мы читали комедию Плавта «Miles gloriosus». В его комментариях нас поражали глубокие познания в тонкостях латинского языка, его дотошность в поисках наиболее соответствующего оригиналу рус-

ского перевода, большая осведомленность в имеющихся по тому или иному вопросу точках зрения различных исследователей.

Решением кафедры моим научным руководителем по аспирантуре был назначен академик Иван Иванович Толстой. К тому времени он уже не приезжал в университет, но о его блестящих лекциях по античной литературе, на которые сбегались студенты со всех факультетов, заполняя до отказа вместительный актовый зал, ходили легенды. Рассказывали, что его вдохновенное повествование о прощании Гектора с Андромахой в VI песне «Илиады» неизменно сопровождалось приглушенным рыданием женской части аудитории.

С глубоким волнением Владимир Владимирович Каракулаков и я ждали встречи с нашим новым наставником. И она состоялась в ноябре 1945 года дома у Ивана Ивановича, проживавшего по ул. Проф. Попова (ранее – Песочной) в доме №26а, кв. 4. Встретил нас ее хозяин с обворожительной и доброжелательной улыбкой как давних знакомых и повел в свой рабочий кабинет, заставленный этажерками, полными книг. С тех пор мы в течение двух лет каждый четверг ровно в пять часов дня являлись к нему на занятия, и не было случая, чтобы он каждому из нас, несмотря на наши протесты, не успевал помочь снять, а потом и надеть наши ветром подшитые пальто.

Занятия проходили живо и интересно, в неформальной обстановке, Иван Иванович много шутил, интересовался нашими делами, давал полезные советы и неизменно угощал нас горячим крепким чаем с печеньем, которые он сам приносил откуда-то на небольшом подносе. Мы читали и комментировали Менандра и Тацита, обсуждали мои сообщения на темы «Алкей в свете своих собственных произведений» и «Филологический анализ одного фрагмента Сафо». В соответствии с утвержденным кафедрой аспирантским планом мне удалось сдать Ивану Ивановичу десять экзаменов, и в их числе экзамены по исторической грамматике греческого и латинского языков, по сравнительной грамматике индоевропейских языков, классическим древностям и ряду других предметов. Экзамен по общему языкознанию принимала у меня Агния Васильевна Десницкая. Все подписи экзаменаторов и оценки зафиксированы в сохранившейся у меня до сих пор аспирантской книжке.

Я не знаю, каковы сегодня аспирантские планы, предусмотренные на кафедре классической филологии, но думаю, что

пройденный мною многоступенчатый путь в науку был тогда всесторонне продуман сведущими и высококлассными специалистами.

Если судить по характеристикам, собственноручно написанным заведующей кафедрой Ольгой Михайловной Фрейденберг и научным руководителем Иваном Ивановичем Толстым, выполнение мною этого плана было ими признано вполне удовлетворительным.

Вскоре после поступления в аспирантуру нам было предложено включиться в учебный процесс. В. В. Каракулаков и я в течение 1945–1948 годов вели в качестве нештатных сотрудников занятия по латинскому языку сначала на отделениях иностранных языков и литературном, а затем латинский и греческий соответственно на классическом отделении. Кроме того, в 1946–1947 гг. мы работали в качестве ассистентов (латинский язык) в Институте им. Покровского.

Однажды, это было начало 1946 года, Ольга Михайловна Фрейденберг сообщила мне, что направляет в мою спецгруппу грецистов еще одного новичка. Вскоре предо мною предстал юноша высокого роста с бородкой, исхудалый, в сильно поношенном костюме. Сел скромно за последний стол и стал внимательно слушать. Это была группа первокурсников, и я изучал с ними элементарный курс греческого языка. В конце занятия он подошел ко мне и скромно сказал, что ему было бы интереснее заниматься в более продвинутой группе, поскольку он уже свободно с листа переводит Геродота. По моему ходатайству он был переведен зав. кафедрой сразу на III курс. Нашим новым студентом был Александр Иосифович Зайцев. Впоследствии в личных беседах со мной Александр Иосифович неоднократно называл меня своим первым учителем греческого, но в действительности мне, к сожалению, не довелось быть его наставником.

Вспоминается еще один эпизод тех лет – мое первое знакомство с Виктором Максимовичем Жирмунским. Так случилось, что на одном из факультетских собраний (это было, кажется, в 1947 году) я оказался за столом президиума с ним рядом: выдающийся ученый и никому неизвестный аспирант. Вел собрание тогдашний декан факультета Рубен Александрович Будагов. Виктор Максимович прочел свой великолепный научный доклад, который аудитория выслушала с большим вниманием, вышел из-за стола президиума, сел рядом с

Иосифом Моисеевичем Тронским и стал обсуждать интересующую их проблему. А я, при общем шуме в зале, скороговоркой зачитал свое сообщение о международном положении, которое подготовил по поручению партийного бюро как руководитель лекторской группы факультета.

Так прошли два года аспирантуры, все экзамены остались позади, нужно было использовать оставшееся время для работы над диссертацией. Ее тема «Язык Алкея» была подсказана научным руководителем и утверждена кафедрой.

В апреле 1948 года я выступил на заседании кафедры с научным докладом «О значении указательного местоимения κεῖνος у Сафо. Я пытался доказать, что оно обозначает не «**тот** вообще», «**тот**, в сопоставлении с **этот**», а «**тот**, который отсутствует», «**тот** потусторонний». Развернулась оживленная дискуссия, большинство членов кафедры оказались не на моей стороне, единственным, кто меня поддержал, был Соломон Яковлевич Лурье.

Приближалась развязка. Защита представленной мною диссертации «Язык Алкея» (тезисы тогда печатались на одной страничке, авторефератов еще не было) состоялась на филологическом факультете досрочно 10 июня 1948 года. Официальными оппонентами выступили Ольга Михайловна Фрейденберг и Соломон Яковлевич Лурье. Как оказалось, это была первая послевоенная защита кандидатской диссертации на филологическом факультета.

Распределительная комиссия направила меня на работу в Молдавию, в Кишиневский университет, где мне довелось трудится более тридцати лет.

Характерно, что узнав о решении комиссии, отклонившей ходатайство кафедры об оставлении меня на работе в университете, Ольга Михайловна и Иван Иванович пожелали поддержать меня и предложили материальную помощь для устройства на новом месте.

Я покинул Ленинград, университет и кафедру, а главным образом своих необыкновенно чутких, отзывчивых и добрых наставников с чувством глубокой благодарности и признательности за все сделанное ими для меня, за полученные знания и проложенный ими мой путь в науку.

И на всю жизнь остались в моем сердце воспоминания об этих трудных, напряженных, но столь необыкновенных и плодо-

творных годах второго – ленинградского – этапа моего «классического» образования.

* * *

Моя последняя встреча с Иваном Ивановичем Толстым состоялась в Ленинграде в феврале 1954 года. К тому времени он был уже тяжело болен и встретил меня, лежа в кровати. Узнав, что я приступил к работе над докторской диссертацией о языке Пиндара, он предложил мне познакомить его с намеченным планом исследования, а затем выразил пожелание высказать письменно свое мнение. Приподнявшись на кровати и положив для удобства рядом лежавшую книгу, он, с трудом удерживая равновесие, написал на небольшом листке линованной бумаги свой краткий отзыв. Добавив при этом: «Думаю, что Вам это может пригодиться», он, уставший, вновь опустился на подушки.

Этот листок стал для меня реликвией, которую храню по сей день как память о великом учителе и прекрасном человеке, оставившем неизгладимый след и чувство глубочайшего почтения в моей душе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПУБЛИКАЦИЙ ПРОФ. Н. С. ГРИНБАУМА

(1943–2003 гг.)

Заметки воспитателя // Учительская газета, 1943, № 8.

Наши производственные мастерские // Учительская газета, 1945, № 48.

Пути воспитания культурных привычек // Учительская газета, 1945, № 36.

К одному фрагменту Сафо // Вестник древней истории, 1948, 1, С. 219–220.

Язык Алкея. Кандидатская диссертация. Ленинградский университет. 1948. 352 с. (машинопись).

Из высказываний В. И. Ленина об античности // Ученые записки КГПИ. Т. I, Кишинев, 1949, С. 93–106.

Применение поговорок в преподавании латинского языка // Ученые записки КГПИ. Т. II, Кишинев, 1954. С. 125–130.

К вопросу об отношении Маркса и Энгельса к античной культуре // Ученые записки КГПИ. Т. IV, Кишинев, 1955. С. 147–158.

К оценке творчества Алкея // Ученые записки КГПИ. Т. IV, Кишинев, 1955. С. 227–232.

А. Н. Попов. Пособие по латинскому языку для студентов заочников. М., 1955 // Тезисы докладов научной конференции. Кишинев, 1957. С. 84 (рецензия).

Из опыта преподавания латинского языка в молдавском вузе // Ученые записки КГПИ. Т. VI, Кишинев, 1957, С. 117–125.

Мареле кынтерец антикитэций (Овидиу) // Култура Молдовей, 1958, № 18.

К преподаванию иностранных языков в молдавских школах // Ыпвэцэторул советик, 1958, 3. С. 46–50.

Язык Пиндара (из истории вопроса) // Ученые записки КГПИ. Т. VIII, Кишинев, 1958. С. 165–172.

Aus den Erfahrungen des Lateinunterrichtes an der Moldauischen Hochschule // Bibliotheca classica orientalis, 1959, 2, S. 122–123.

Сорок лет преподавания иностранных языков в советской школе // Тезисы докладов научной конференции. Кишинев, 1959, С. 82–86.

Крито-микенские надписи и древнегреческие диалекты // Вопросы языкознания, 1959, 6. С. 78–86.

Язык Пиндара и надписи Фессалии // Классическая филология. Л., 1959. С. 93–102.

Lenin und das klassische Altertum // Das Altertum, 1960, 6, S. 78–88.

С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции. М.; Л., 1957 // Уч. записки КГУ. Т. 46. Кишинев, 1961. С. 125–134 (рецензия).

Кафедра иностранных языков и школа // Ученые записки КГУ. Т. 46, Кишинев, 1961, С. 153–159.

Die Krito-mykenischen Texte und altgriechischen Dialekte // Bibliotheca classica orientalis, 1961, 5. S. 292–294.

Язык Пиндара // Тезисы докладов Второй всесоюзной конференции по классической филологии. Л., 1961. С. 14–15.

S. J. Lurie. Jazyk I kultura mikenskoj Grecji. M. — L., 1957 // Pregląd historyezny. T. 52, 3, 1961. S. 588–595 (рецензия).

Подготовка специалистов по иностранным языкам в Молдавской ССР // Международный семинар по вопросам преподавания иностранных языков. Тезисы докладов. М., 1961. С. 17–18.

Zum Frage des Verhältnisses von Marx und Engels zur antiken Kultur // Bibliotheca classica orientalis, 1962, 6, S. 279–281.

И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960 // Уч. записки КГУ. Т. 50. Кишинев, 1963. С. 167–175. (рецензия)

О последовательности изучения временных форм латиского глагола // Ученые записки КГУ. Т. 50. Кишинев, 1963, С. 140–156.

Die Sprache Pindars und die thessalischen Inschriften // Bibliotheca classica orientalis, 1964, 2. S. 90–92.

Микенология. Ее успехи и задачи // Тезисы научных докладов КГУ. Кишинев, 1965. С. 194–196

Учебник латинского языка для вузов Молдавии (принципы построения) // Тезисы докладов научно-методической конференции. Бельцы, 1965, С. 37–38.

К вопросу о диалектной базе древнегреческой хоровой лирики // Тезисы докладов конференции по изучению проблем античности. М., 1964, С. 33–34.

Язык Пиндара (сложные прилагательные) // Язык и стиль античных писателей. Л., 1966, С. 64–71.

Диалектная база языка Пиндара // Филологические науки. 1966, 1. С. 115–124.

Пиндаровы композиты (к постановке вопроса) // Сокращенные тексты докладов научной конференции КГУ. Кишинев, 1966, С. 158

Московская рукопись Пиндара // ВДИ. 1966, 2. С. 116–132.

Ленинградская рукопись Пиндара // Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966, С. 80–98.

Лимба латинэ (учебник). Кишинев,1966. 243 с. (совм. с К. Н. Никовой).

Язык Пиндара и надписи Аттики // Тезисы докладов III всесоюзной конференции по классической филологии. Киев, 1966, С. 5–6.

Печатные издания Пиндарова текста // Ученые записки КГУ. Т. 77, Кишинев, 1966. С. 3–21.

Пиндар. Эллинистическая и средневековая рукописные традиции // Питания класичной филологии, №5, Львов, 1966, С. 24–29.

Микенологический симпозиум // ВДИ. 1967, 2. С. 311–315.

Die Dialektbasis der Sprache Pindars // Bibliotheca classica orientalis, 1967, 3. S. 161–163.

Диалектная база языка Пиндара // Античное общество. М., 1967, С. 266–274.

Микенская койнэ и проблема образования языка древнегреческой хоровой лирики // Atti e memoria del 1° Congresso internacionale di Mycenologia. Roma, 1968, 2. P. 869–879.

Крито-микенские тексты и язык древнегреческой хоровой лирики (Пиндар) // Studia Mycenaea. Brno, 1968. P. 75–86.

Диалектная классификация микенского // Studia Mycenaea. Brno, 1968, P. 167–204.

Mycenaean bibliography (Soviet Union) // Studia Mycenaea. Brno, 1968, P. 243–248.

Язык Пиндара и надписи Египта // Тезисы докладов конференции по проблемам античности. М., 1968, С. 58–59.

Классики марксизма и античность // Тексты докладов научной конференции КГУ. Кишинев, 1968, С. 204–205.

Die Sprache Pindars (zusammengesetzte Adjektiva) // Bibliotheca classica orientalis, 1968, 3. S. 177–179.

Die Moskauer Pindar-Handschrift (Ω) // Bibliotheca classica orientalis, 1968, 3. S. 169–171.

Первый Международный конгресс микенологов. Рим сентябрь – октябрь 1967 // ВДИ, 1968, 4. С. 179–189.

Lateinische Sprache (Кишинев, 1966) // Bibliotheca classica orientalis, 1968, 4. S. 255–256.

Язык Пиндара (фонетико-грамматический анализ и проблема диалектно-территориальной базы) // Автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1969, С. 1–32.

Имена на –ταϛ у Пиндара // Материалы научной конференции КГУ за 1968 г. Кишинев, 1969. С. 187–189.

Язык Пиндара и древнегреческие надписи // Вопросы классической филологии. II, М., 1969. С. 190–206.

Язык Пиндара и надписи Аттики // Ученые записки КГУ. Т. 107, Кишинев, 1969. С. 13–22.

Язык Пиндара (именное словосложение) // Ученые записки КГУ. Т. 107, Кишинев, 1969. С. 23–34.

Die kreto-mykenischen Texte und die Sprache der griechischen Chorlyrik (Pindar) // Bibliotheca classica orientalis, 1969, 3, S. 160–161.

Язык Пиндара и надписи Крита // Studii Clasice. Vol. XI. Bucureşti, 1969. P. 31–38.

Пиндар и Дельфы (языковые связи) // Тезисы докладов IV конференции по классической филологии. Тбилиси, 1969. С. 20–21.

O. Jurewicz, L. Winniczuk. Starożytni Grecy i Rzymianie w życiu prywatnym i państwowym. Warszawa. 1968 // ВДИ, 1970, 2. С. 212–213 (рецензия).

Имена на -ις (-ιος) у Пиндара // Тексты докладов научной конференции КГУ. Кишинев, 1970. С. 274–275.

Статьи: Арион, Афиней, Андроник, Апулей, Архилох, Авсоний, Баврий, Вакхилид, Батрахомиомахия, Боэций, Валериус, Варро, (12) // Энчиклопедия Советикэ Молдовеняскэ. Вол. 1, Кишинев, 1970.

Новое издание Пиндара. Pindari Carmina cum fragmentis. Ed. Br. Snell, I–II, Lipsiae, 1959–64 // Материалы научной конференции КГУ. Кишинев, 1970. С. 244–246.

Статьи: Виргилиу, Еурипиде, Ескил; Грякэ лимба, скриеря; Гречия антикэ, литература // Энчиклопедия Советикэ Молдовеняскэ. Вол. 2, Кишинев, 1971.

Язык Пиндара и надписи Крита // Acta conventus XI „Eirene”. Warszawa, 1971. S. 575–584.

Новое издание Вакхилида. Bacchylidis Carmina cum fragmentis. Ed. H. Maehler, Lipsiae, 1970 // Тексты докладов научной конференции КГУ. Кишинев, 1971. С. 278 –280.

Первый международный конгресс микенологов (II) // Ученые записки КГУ. Т. 115, Кишинев, 1971. С. 158–167.

Язык Пиндара и надписи Египта // Проблемы классической филологии. Кишинев, 1972. С. 60–84.

Язык древнегреческой хоровой лирики как исторический источник // Проблемы классической филологии. Кишинев, 1972, С. 3–60; ВДИ. 1974, 4. С. 24–43.

Язык Пиндара и надписи Арголиды // Античность и современность. М., 1972, С. 57–66.

Лимба латинэ (учебник, II изд.). Кишинев, 1972, С. 1–251.

Язык Пиндара и надписи Аркадии // Питания класичной филологии. № 10. Львов, 1972, С. 22–27.

Язык древнегреческой хоровой лирики (Пиндар). Кишинев,1973. 282 с.

Вакхилид: hapax legomena // Тексты докладов научной конференции КГУ. Кишинев, 1972, С. 318–319.

Микенология в СССР // Н. С. Гринбаум, С. Д. Мисько Язык и стиль древнегреческих писателей (VI–V вв. до н. э.). Кишинев, 1973, С. 3–14.

Язык Пиндара и надписи Ионии // Там же, С. 15–30.

Будь в ответе за все // Молодежь Молдавии. Кишинев, 1972, № 131.

Первая олимпийская ода Пиндара (перевод) // ВДИ. 1973, 3. С. 255–257.

И. М. Тронский Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973 // Тексты научной конференции КГУ. Кишинев, 1973. С. 203–205 (рецензия).

Вакхилид: диалектная база // Там же С. 208–209.

Язык Пиндара и надписи Италии и Сицилии // Питания класичной филологии. № 11. Львов, 1973. С. 10–16.

Древнегреческая диалектология и проблема «микенского» // Вопросы языкознания, 1974, 3. С. 116–123.

Не теряя чувства меры // Вечерний Кишинев, 1974, № 79.

Статьи: Лимба латинэ, Лугиан дин Самосата, Менандру // Энчиклопедия Советикэ Молдовеняскэ. Вол. 4. Кишинев, 1974.

Язык Алкмана: диалектная база // Античная балканистика, 2, Предварительные материалы. М., 1975. С. 3–4.

Статьи: Овидиу, Одисея, Петрониус, Плаут, Проперциу, Пиндар, Рома антикэ (литература) // Энчиклопедия Советикэ Молдовеняскэ. Вол. 5, Кишинев, 1975.

Пиндар и Дельфы // Проблемы античной культуры. Тбилиси, 1975. С. 305–312.

Язык Вакхилида // Труды Тбилисского государственного университета. Т. 162, Тбилиси, 1975. С. 147–151.

Р. В. Гордезиани. «Илиада» и вопросы истории и этногенеза древнейшего населения Энеиды. Тбилиси, 1970 // ТТГУ Т. 162, Тбилиси, 1975. С. 147–151 (рецензия).

Язык Симонида: диалектная основа // Тезисы докладов XIV международной конференции античников. Ереван, 1976. С. 120–121.

Линейное письмо Б. Комментарий // Тайны древних письмен. М., 1976. С. 101–104, 252–254.

J. P. Olivier, L. Sodart, etc. Index généraux du Linéaire B. Poma, 1973 // ВДИ. 1976, 3. С. 165–168 (рецензия).

О диалектной основе языка древнегреческой хоровой лирики // Вопросы языкознания, 1977, 1, С. 56–61.

Микенологии 20 лет // Грамматические и лексикологические исследования. Кишинев, 1977. С. 5–12.

Проблема древнегреческого литературного языка // Вопросы языкознания, 1977, 6, С. 85–89.

Статьи: Хомер, Хорациу, Чичеро // Энчиклопедия Советикэ Молдовеняскэ. Вол. 7, Кишинев, 1977.

Эолийский и критомикенский (диалектные связи) // Античная балканистика, 3, М., 1978. С. 18–19.

Пиндар. Новые папирусные отрывки // Лексикологические и грамматические исследования. Кишинев, 1978. С. 32–36.

Из истории формирования древнегреческого литературного языка // Вопросы языкознания, 1978, 4. С. 68–75.

Новые папирусные отрывки произведений Стесихора // Труды ТГУ, Т. 183, Тбилиси, 1978. С. 51–63.

Язык Симонида // Проблемы античной истории и культуры, Ереван, 1979. С. 441–448.

Древнегреческий литературный язык. Ионийский период (VIII–VI вв. до н. э.) // Вопросы языкознания, 1979, 3. С. 100–105.

Хомер. Одисея (превод) // В. Белистов. Вступление Н. С. Гринбаума. Кишинев, 1979. С. 5–10.

Эолийский компонент в языке крито-микенских текстов // Структурно-функциональные лингвистические исследования. Кишинев, 1979. С. 3–8.

Внешние и внутренние факторы развития древнегреческого литературного языка // Тезисы докладов II Всесоюзной конференции. «Диалектика развития языка». М., 1980. С. 162–164.

Древнегреческий литературный язык. Не основные области и диалекты // Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. Харьков, 1980. С. 106–107.

Древнегреческий литературный язык. Аттический период (VI–V вв. до н. э.) // Вопросы языкознания, 1980, 1. С. 96 –101.

Древнегреческий литературный язык. Раннеэллинистический период (IV–I вв. до н. э.) // Вопросы языкознания, 1980, 3. С. 79–85.

Древнегреческий литературный язык. Позднеэллинистический период (I–V вв. н. э.) // Вопросы языкознания, 1980, 5. С. 58–63.

Пиндаровы имена на -νος и -νον (традиция и новаторство) // Тезисы докладов научной конференции «Историчность и актуальность античной культуры». Тбилиси, 1980. С. 11–13.

Древнегреческий литературный язык. К итогам исследования // Вопросы языкознания, 1980, 6. С. 89–96.

E. L. Bennett, J-P. Olivier. The Pylos Tablets transcribed. Part I–II. Roma, 1973–1976 // ВДИ. 1980, 3, С. 198–200 (рецензия).

Раннегреческое общество в отражении хоровой лирики // Тезисы докладов VIII Всесоюзной авторско-читательской конференции «Вестника древней истории АН СССР». М., 1981, С. 21–23.

Активизация мыслительной деятельности студентов в процессе преподавания латинского языка на гуманитарных факультетах // Обучение в высшей и специальной школе. Вып. 5, Поз. 4, 1981.

Pindars Lexik. Die -αω, -εω, -οω Verben // Aeschylos und Pindar. Berlin, 1981, S. 68–80.

Микенологические исследования (1973–1977) // Вестник древней истории. 1982, 1, С. 200–206.

Традиции и новаторство в языке Пиндара (имена на -τηρ, -τωρ, -τας) // Philologia classica. II. Л., 1982, С. 68–78.

Studi Micenei ed Egeo-Anatolia. Fasc. XX. 25º Anniversario della decihazione della Lineare B (1953–1978). Roma, 1979 // ВДИ. 1983, 1. С. 199–203.

Пиндар и искусство (анализ поэтической лексики) // Тезисы докладов IX Всесоюзной авторско-читательской конференции «Вестника древней истории АН СССР». М., 1984. С. 21–23.

Ранние формы литературного языка (древнегреческий). Л., 1984. С. 1–128.

И. В. Шталь. Художественный мир гомеровского эпоса. М., 1983 // Вопросы литературы, 1984, 7. С. 242–247 (рецензия).

О некоторых терминах философского словаря у Пиндара и Платона // Античная культура и современная наука. М., 1985, С. 153–157.

Классики марксизма-ленинизма и античная культура // Труды Тбилисского государственного университета. Т. 249, Тбилиси, 1984. С. 5–34.

Поэтическая лексика Пиндара. Неорганический мир и общество // Philologus. Bd. 129, 2, 1985. S. 163–175.

Язык древнегреческой хоровой лирики (Алкман, Стесихор, Симонид, Вакхилид). Тбилиси, 1986. С. 1–163.

Культ богов у Пиндара (лексико-семантический анализ) // Тезисы докладов X Всесоюзной авторско-читательской конференции «ВДИ». М., 1987. С. 50–51.

Поэтическая лексика Пиндара (растительный мир) // Philologia classica, III, Л., 1987. С. 31–39.

Salomon Jacovllevič Lur’e (1891–1964) // Philologus. V. 131, 2, 1987. S. 300–308.

Ранняя классика древней Греции в экономических терминах Пиндара // Античность как тип культуры. М., 1988. С. 167–180.

Язык древнегреческой хоровой лирики (к итогам исследования) // Вопросы языкознания, 1988, 2. С. 109–115.

Мир животных в поэзии Пиндара // Питания класичной филологии. № 23. Львов, 1988. С. 12–19.

Поэтическая лексика Пиндара: искусство // Philologus. Bd. 133, 1, 1989. S. 14–24.

Художественный мир античной поэзии. Творческий поиск Пиндара. К 2500-летию со дня рождения поэта. М., 1990. С. 1–168.

Общественная лексика раннегреческой лирики // 3-и научные чтения памяти профессора С. Я. Лурье. Львов, 1990. С. 11–13.

А. А. Молчанов, В. П. Нерознак, С. Я. Шарыпкин. Памятники древнегреческой письменности. Введение в микенологию. М., 1988 // ВДИ, 1990, 4. С. 159–165 (рецензия).

Микенологические изыскания (1978–1988). Библиография микенологических исследований в СССР (1966–1988) // ВДИ, 1992, 2. С. 182–190.

У истоков первого поэтического языка Европы // ВДИ, 1994, 4. С. 153–158.

Диалекты древнегреческие. Язык древнегреческий. Койнэ // Античная культура. М., 1995, С. 106, 145. 360–362.

Микенологические штудии (1989–1993) // ВДИ, 1996. С. 225–230.

Классическая филология и микенология // Классическая филология на современном этапе. М., 1996. С. 5–13.

И. М. Тронский и проблемы микенологии // ВДИ, 1997, 2. С. 242–244.

Лексика древнегреческой ранней лирики как исторический источник // Классические языки и индоевропейское языкознание. СПб., 1998. С. 167–174.

Древнегреческая ранняя лирика (лексический анализ) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений, посвященных памяти И. М. Тронского. СПб., 1998. С. 19–20.

Le lexique de la poésie lyrique grecque comme source historique // Qaderni Urbinati di cultura classica. Vol. 59, 2, Roma, 1998. P. 35–55.

Новые папирусные тексты древнегреческой лирики // Ранняя греческая лирика. СПб., 1999. С. 7–79.

Bruno Gentili. Poetry and Its Public in Ancient Greece. Baltimore and London. 1990 // Ранняя греческая лирика. СПб., 1999. С. 288–294 (рецензия).

Лексика древнегреческой ранней лирики (глагол) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – 3. Материалы чтений, посвященных памяти И. М. Тронского. СПб., 1999. С. 14–15.

Древнегреческая ранняя лирика (лексический анализ, глагол) // Collquia classica and Indo-Europeica (II). Классическая филология и индоевропейское языкознание. СПб., 2000, С. 87–104.

Пиндар. Собственные имена (боги и герои) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – 4. Материалы чтений, посвященных памяти И. М. Тронского. СПб., 2000. С. 23–24.

Микенологические этюды. СПб., 2001. 241 с.

Пиндар. Собственные имена (цари и победители) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – 5. Материалы чтений, посвященных памяти И. М. Тронского. СПб., 2001. С. 31.

Пиндар. Собственные имена (боги и богини) // Collquia classica and Jndo-Europeica – III. Классическая филология и индоевропейское языкознание. СПб., 2002. С. 167–178.

О принципах интерпретации А. Ф. Лосевым древнегреческих философских терминов и ее научной значимости // Вопросы классической филологии, XII, М., 2002. С. 155–168.

Проблема образования и развития латинского литературного языка в трудах И. М. Тронского // Индоевропейское языкознание и классическая филология – VIII (Чтения памяти И. М. Тронского). Материалы конференции, проходившей 21-23 июня 2004 г. / отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Наука. 2004. С. 48.

Воспоминания (Ленинград, 1945–1948 гг.) // Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения. Всероссийская конференция, посвященная 60-летию победы в Великой Отечественной войне. 3-6 мая 2005 г. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2005.

Древнегреческий язык как критерий периодизации античной культуры // Индоевропейское языкознание и классическая филология–X (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы конференции, проходившей 19–21 июня 2006 г. / отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Наука. 2006. С. 38–42.

Пиндар. Собственные имена // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XI (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы межд. конференции, проходившей 18–20 июня 2007 г. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Нестор-История, 2007. (общий обзор) С. 54–58.

Лексика древнегреческой ранней лирики (Опыт семантико-числового анализа). Ч. I. Именная лексика. 380 с. Ч. II. Глагольная лексика. 378 с. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.

Пиндар: проблема языка. СПб.: Нестор-История, 2007. 428 с.

Из истории классической филологии в России (Советский период, 1967–1977 гг.) // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XII (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы межд. конференции, проходившей 23–25 июня 2008 г. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 96–121.

Язык Пиндара (итоговое обозрение)// Colloquia classica et indo-germanica – IV / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2008. (Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. IV, ч. 1). С.118–151.

Обращение к молодым классикам // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XIII (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы международной конференции, проходившей 22–24 июня 2009 г. / Отв. ред. Н. А. Бондарко, Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2009. С. 128–130.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Язык, культура, история

Древнегреческий язык как критерий периодизации античной культуры..... 7
Лексика древнегреческой ранней лирики как исторический источник..... 13
Le lexique de la poésie lyrique grecque comme une source historique..... 23
Структура и подразделения древнегреческого литературного языка..... 45
Проблема образования и развития латинского литературного языка в трудах И. М. Тронского..... 80

II. Ранняя древнегреческая лирика

Новые папирусные тексты древнегреческой лирики (1962–1987)..... 81
Древнегреческая ранняя лирика (лексический анализ, глагол)..... 146
Язык Пиндара (итоговое обозрение)..... 170
Пиндар. Собственные имена (общий обзор)..... 218
К одному фрагменту Сафо..... 257
Первая Олимпийская песнь..... 260
К оценке творчества Алкея..... 266

III. Язык лирики и философии

О принципах интерпретации А. Ф. Лосевым древнегреческих философских терминов и ее научной значимости..... 275

IV. Методика обучения латинскому языку

Из опыта преподавания латинского языка в молдавском вузе..... 287
Активизация мыслительной деятельности студентов в процессе преподавания латинского языка..... 301

Учебник латинского языка для вузов Молдавии (принципы построения)..... 306
О последовательности изучения временных форм латинского глагола..... 308

V. **Рецензии**

И. М. Тронский. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1963..... 321
Bruno Gentili. Poetry and Its Public in Ancient Greece. From Homer to the Fifth Century. Baltimore and London, 1990..... 324
O. Jurewicz, L. Winniczuk, Starożytni Grecy i Rzymiane w życiu prywatnym i państwowym, Warszawa, 1968..... 330
Эпос гомеровских поэм..... 334
Р. В. Гордезиани. «Илиада» и вопросы истории и этногенеза древнейшего населения Эгеиды..... 339

VI. **Personalia**

С. Я. Лурье (1891–1964). Жизнь и деятельность..... 345

VII. **Приложения**

Воспоминания (Ленинград, 1945–1948 гг.)..... 361

VIII. **Библиографический указатель публикаций проф. Н. С. Гринбаума**

368

Научное издание

Натан Соломонович Гринбаум

Взгляд в античность
Varia

Подписано в печать 15.02.2010. Формат 60x90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 23,75
Тираж 800 экз. Заказ № 1471

Издательство «Нестор-История»
197110, СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел .: (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095, СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел.: (812)622-01-23

В этой книге представлены статьи разных лет доктора филологических наук, заслуженного деятеля науки Молдавии, профессора Натана Соломоновича Гринбаума, широко

известного в научном мире исследователя языка хоровой лирики, истории ее развития. Вся жизнь Н. С. Гринбаума связана с преподаванием классических языков, в первую очередь – латинского. Разнообразные труды автора в области классической филологии собраны в этой книге, где читатель найдет и исследовательские работы, и полезные методические размышления, основанные на долгом опыте педагогической деятельности.

Основные монографии Н. С. Гринбаума:

Проблемы классической филологии. Кишинев, 1972 (совместно с С. Д. Мисько)

Язык древнегреческой хоровой лирики (Пиндар). Кишинев, 1973

Ранние формы литературного языка (древнегреческий). Л., 1984

Язык древнегреческой хоровой лирики (Алкман, Стесихор, Симонид, Вакхилид). Тбилиси, 1986

Художественный мир античной поэзии: Творческий поиск Пиндара. К 2500-летию со дня рождения поэта. М., 1990

Микенологические этюды / отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2001

Лексика древнегреческой ранней лирики (Опыт семантико-числового анализа). Ч. I. Именная лексика. Ч. II. Глагольная лексика. СПб., 2007

Пиндар: Проблема языка. СПб., 2007